

Екатерина Михайлова

Звезда Нибелии

Огненные слёзы

На планете-пустыне Нибелии с небосклона никогда не сходят два солнца и не бывает ночи.

Это мир, где пески поглощают целые города. Где не всех спасает Стена, и под песками скрываются забытые тайны.

Где поиски яркой новости приводят Юту к сюжету, который сильнее неё. А расследование становится предвестником катастрофы.

Где только изгой Корт может спасти свой народ. Но действительно ли он желает именно этого?

Чем грозит переплетение их судеб и есть ли спасение от надвигающейся Тьмы?

Звезда Нибелии. Огненные слёзы

Часть 1. Предзнаменование Глава 1. Неожиданный свидетель

Юта тяжело привалилась к стене дома, лоя ртом воздух. После долгого бега пот катил градом, рубашка противно липла к спине. Страх ещё руководил рассудком, колени подгибались от усталости и испытанного шока. Девушка заставила себя обернуться, всматриваясь в безразличные лица прохожих. Кажется, её никто не преследовал.

Юта слегка перевела дыхание. Она осмотрелась, чтобы понять, куда её занесли ноги. Судя по указателям, она была на углу Парковой и Проспекта Первооткрывателей: люди спешили по тротуарам двумя непрерывными потоками, словно муравьи в гигантском муравейнике. Машины проносились в сторону центра и обратно — к восточным районам.

Мужчины в костюмах с кейсами в руках спешили на деловые встречи, молодая женщина переводила за руку через дорогу ребёнка с ранцем за спиной. Шумная компания студентов вывалила на улицу из кафе. Громко разговаривая и смеясь, они прошли мимо Юты.

Вокруг бурлила жизнь, заставляя время, замершее было на той стоянке, снова войти в привычный ритм. Город ни на секунду не прекращал своего суматошного бега, даже не заметив трагедии, только что произошедшей в его недрах.

Юта отлепилась от стены и на нетвердых ногах побрела по тротуару. Жарко. Таурис недавно вышел в зенит, и его свет заливал улицы, выбеливая мостовые, дома и прохожих. Мир представлял чересчур ярким и одновременно блёклым, словно пересвеченная фотография, на которой не осталось места другим цветам, кроме белого во всех его оттенках. И это притом, что город надёжно укрыт от ослепительного сияния полупрозрачными нибеновыми навесами. Они шатрами раскинулись над улицами, не пропуская вниз прямые солнечные лучи.

Юта смотрела себе под ноги, когда заметила, что рядом с ней, согнувшись, шагает её отражение. Мимо проплывала длинная витрина магазина одежды. Ярко одетые манекены с дорогими сумочками в руках провожали её безглазыми пластмассовыми лицами. Юта остановилась, чтобы привести себя в порядок.

Из стеклянной витрины на неё смотрела молодая девушка с огромными от пережитого ужаса серо-зелёными глазами. Форма лица «сердечком»: с высоким лбом и широкими скулами, переходящими в узкий подбородок. Бледно-розовые, аккуратные губы легким изгибом рисовали тонкую линию рта. Вьющиеся каштановые волосы ниже плеч, по привычке забранные в небрежный хвост на затылке, растрепались и спутались. Чёлка прилипла ко лбу, на белой щеке темнел развод от грязи.

Она выглядела жалко и растерянно. Юта не узнавала эту девушку, но когда взялась отряхивать помятый пиджак и голубые, в пыли и грязи, джинсы, та повторяла все её движения.

От страха и нервного напряжения хотелось плакать, — к горлу подступил ком. В голове никак не укладывалось, что случившееся произошло взаправду.

А ведь ещё час назад она понятия не имела, что испытывает человек, чья жизнь висит на волоске.

Час назад Юта сидела в помещении пресс-центра вместе с парой десятков других журналистов. Было жарко и душно. Несколько вентиляторов под потолком работали слабо, натужно, гоня липкий горячий воздух по комнате, но совершенно его не остужая. Юте хотелось сбросить с плеч чёрный шёлковый пиджак, но дресс-код не позволял. Вместо этого она закатала рукава и стала обмахиваться программкой мероприятий, какие лежали на каждом стуле.

Небольшой зал на третьем этаже «Глобуса» уже на две трети заполнился людьми. Чёрные глазки объективов фото и видеокамер ловили пока пустующее место за столом, на котором был установлен микрофон.

Среди знакомых и незнакомых лиц Юта заметила ведущую «Первого Новостного Канала», а также Лидию Ковальски — одного из самых крупных независимых репортёров города. Все сливки журналистского сообщества собрались здесь. Всё было готово к обращению мэра Гованса. И оно обещало стать одним из крупнейших новостных событий года.

Наблюдая за потоком непрерывно прибывающих людей, Юта рассеянно крутила в пальцах небольшой серебристый диктофон. Она верила, что он приносит ей удачу и никогда с ним не расставалась. Юта была убеждена, что именно на него запишет главное интервью своей жизни, после чего её карьера круто пойдёт вверх.

Диктофон был подарком её первого редактора — Кирли Коул. На самом деле Юта думала о Кирли, скорее, как о старшей сестре, чем как о своём руководителе. Именно Кирли была тем человеком, кто впервые принял её статью к печати. Женщина сумела разглядеть у семнадцатилетней девочки настоящую журналистскую хватку, бунтарский взгляд на мир и бойкий слог.

Теперь Кирли работала главным редактором в «Первой Полосе» — крупнейшей газете в городе. Эта должность давала ей большие привилегии. Только благодаря Кирли Юта получила эксклюзивное приглашение на экстренную пресс-конференцию, созванную мэром.

Сама Юта так и не пристала ни к какому регулярному изданию. Вместо этого она предпочла выпуск собственного небольшого интернет еженедельника. Но до сих пор свято следовала правилам, которым научила её Кирли.

Одно из таких правил гласило: «Всегда имей запасной вариант на случай, если основная статья сорвётся». На этой неделе такой подменой был коллекционер, владевший внушительным собранием монет Лиатраса чуть не тысячелетней давности. Он как раз должен был прислать эсэмэску насчет завтрашней встречи.

Вспомнив об этом, Юта начала рыться в недрах сумки в поисках мобильного. Она обшарила все карманы и дальние углы, где так любят прятаться ключи и мелочь, но так его и не нашла.

— Что-то потеряла? — спросил Анжей, наблюдая за соседкой.

Анжей был давним коллегой и старым другом Юты. Он подвёз её в «Глобус» на своей машине.

— Не могу найти телефон. А мне должно придти важное сообщение.

— Наверное, в машине оставила, — отозвался Анжей. — Ты болтала всю дорогу.

— Должно быть, ты прав, — вздохнула Юта.

Она глянула на часы.

— До начала ещё пять минут. Я сбегая к машине, а ты держи мое место.

Не дожидаясь ответа, она вскочила со стула.

Кабина лифта вздрогнула, останавливаясь на минус первом этаже. Двери бесшумно разъехались в стороны, и Юта вышла на подземную парковку.

Огромное помещение паркинга освещали неяркие белые лампы, расположенные на железобетонных перекрытиях высокого потолка. Направо и налево тянулись ряды блестящих хромом и металлом дорогих автомобилей. Словно верные кони, они ждали своих хозяев в расчерченных белой краской стойлах. На стоянке было прохладно, — воздух остужали большие прямоугольные кондиционеры, лепившиеся к стенам через каждые пять метров. Они еле слышно жужжали, будто старики, ворчащие себе под нос о нелёгкой жизни.

Намётанный взгляд Юты охватил всю картину разом, выделив примечательные детали — этому её научили годы журналистской практики. Ещё раз взглянув на часы, она поспешила к месту, где Анжей оставил машину.

Телефон нашёлся в отделении между сиденьями. Юта кинула его в сумку и взялась за ручку двери. Но вдруг её внимание привлёк чёрный «Апис-135» с тонированными стёклами, стремительно вывернувший в тот же проезд. Автомобиль доехал до середины и резко затормозил, перегородив дорогу блестящему «Монсанта», стоявшему с заведённым мотором и включенными фарами.

Юта на минуту задержалась в машине, из чистого любопытства — чтобы посмотреть, что происходит.

Двери «Апис» одновременно распахнулись. Из машины вышли трое мужчин. Двое — высокие и мускулистые, коротко стриженные — были одеты в серую униформу. Она походила на форму полиции, но была другого цвета и выглядела более агрессивно.

На третьем мужчине был дорогой чёрный костюм, безукоризненно облегавший широкие плечи. Он был чуть ниже двух других, но таким же плотным и мускулистым. В его движениях чувствовалась сила и властность.

Двое в форме просканировали стоянку цепкими взглядами, что заставило Юту инстинктивно пригнуть голову. Третий, в котором Юта безотчётно признала главного, сразу направился к припаркованному «Монсанта».

Когда двое «серых» последовали за ним, Юта разглядела на поясе у ближайшего кобуру с оружием. Ловким движением он выдернул оттуда небольшой пистолет.

Раньше журналистке никогда не приходилось видеть оружия. От осознания, что всё происходит наяву, у Юты закружилась голова. Она словно потеряла точку опоры, зависнув между собственным воображением, набившими оскомину сюжетами фильмов-боевиков и реальностью.

Рука сама собой скользнула в карман, крепко сжав небольшой серебристый диктофон. Пытаясь унять дрожь в ногах, Юта тихонько открыла дверь машины и бесшумно выбралась наружу. Она не была уверена в том, что поступает правильно. Что ей действительно стоит следить за происходящим вместо того, чтобы бежать за помощью или вызывать полицию.

Возможно, она была слишком шокирована, чтобы действовать разумно, а может, журналистские инстинкты взяли верх, но Юта спряталась за колесом «Сента-Р», из которого вылезла, и включила диктофон.

Чёрный бронированный автомобиль уверенно скользил по подземной стоянке, тихо шурша покрышками. В зеркало заднего вида Лэнс видел, как его бойцы готовят оружие.

Одинаковыми отточенными движениями они проверили обойму, вставили в ствол, передернули затвор, после чего убрали в кобуру на пояс.

Лэнс мысленно улыбнулся, довольный выучкой парней — ведь он лично готовил каждого в «Сером отряде». Он руководил этим подразделением уже три года. Все его бойцы носили одинаковую серую униформу — конечно, ведь у *них* всё по высшему разряду. Хотя Лэнс и подозревал, что негласное название «Серый» отряд элитных бойцов, фактически же частная армия, получил отнюдь не за цвет формы.

Автомобиль вывернул в нужный проезд и затормозил, взвизгнув покрышками. Лэнс выбрался из машины и быстро направился к дорожному блестящему «Монсанта», которому они загородили выезд. Ему не было нужды давать команду своим бойцам — каждый из них прекрасно знал, что должен делать.

Лэнс подошёл к задней двери автомобиля и рывком распахнул её. Один из его парней уже взял водителя на прицел, второй контролировал территорию.

— Гованс, есть разговор, — холодно и чётко сказал Лэнс мужчине, расположившемуся на заднем сиденье с ноутбуком на коленях.

На секунду на лице мэра проступил испуг, но он быстро взял себя в руки — не таким мэром Гованс был человеком, чтобы поддаваться эмоциям. Это была одна из причин, почему Организация выбрала его, поставив главой города пять лет назад. Но три месяца назад Гованс скомпрометировал себя, подорвав их доверие. Тогда-то шеф и поручил Лэнсу следить за всеми его действиями. И не зря — Гованс снова совершил ту же ошибку.

Мэр попытался придать лицу беспечный и расслабленный вид:

— Лэнс? Рад встрече. Что ты здесь делаешь?

— Разве не я должен задавать тебе этот вопрос? — без тени доброжелательности ответил глава «Серого отряда».

Мэр невесело усмехнулся и выбрался из машины:

— Я так полагаю, вам уже известно, зачем я здесь. Так к чему притворяться? Сразу скажи, что тебя прислали меня остановить.

Лэнс не шелохнулся. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Ты как всегда проницателен. Ответь мне на один вопрос: чего ты желал добиться этой глупой выходкой? Без нашего ведома созвать пресс-конференцию — для чего? Чтобы снова пугать людей этими глупостями про уровень песка за Стеной? Ты же знаешь, что мы никогда не позволим этой информации просочиться наружу. Во всяком случае, пока не придёт время.

Мэр, как мог, пытался держать себя в руках. Он заговорил медленно и уверенно — выдержки ему было не занимать.

— Я просто пытаюсь спасти свой город. В любой другой ситуации я никогда бы не пошёл против Организации. Но сейчас — всё зашло слишком далеко. Жители Лиатраса должны узнать правду об уровне песка и строительстве нового города. В конце концов, от этого зависят их жизни. Я больше не намерен ждать, когда наступит это ваше «правильное время». Да и есть ли оно на самом деле? Когда оно придёт? Когда город уже нельзя будет спасти?

Лэнс почувствовал, как в нём закипает злость. Да как смеет этот скот перечить Организации?! Своими действиями — если можно так назвать эти бесполезные барахтанья — он подвергает сомнению план шефа. А это Лэнс воспринимал как личное оскорбление.

Он был глубоко предан и благодарен Организации. За то, что позволили обычному

парню из рабочей семьи продвинуться так высоко. Самым ценным для него были не деньги и даже не власть. Самым ценным для него было доверие, выражавшееся в знаниях, которые он приобрёл. Именно это, по его мнению, отличало его от обывателей. Знание о том, как всё здесь на самом деле устроено. Знание, которое позволяло ему перейти из разряда «стадо», как он называл обычных горожан, в разряд «пастыри».

Сделав несколько глубоких вдохов, Лэнс подавил приступ гнева. Он заговорил медленно и спокойно:

— Ты забываешься, Гованс. Этот город никогда не был твоим. Он принадлежит Организации. Так было всегда. Ты даже представить не можешь, что Организация сделала и делает для него. Так было за поколения до того, как ты сел в кресло мэра и будет длиться поколения после тебя. Ты мог получить всё, что хотел. От тебя требовалась только преданность. Но ты выбрал другую участь — что ж, это твой конец.

За секунду до того, как Лэнс быстро и плавно вынул из кобуры пистолет, на лице мэра отразился ужас от понимания того, насколько далеко всё зашло, и чего ему будет стоить его досадная ошибка. Заметив это выражение, Лэнс почувствовал удовлетворение. Он хотел бы ещё насладиться моментом справедливого наказания, но руки сами делали своё дело.

По парковке разнеслось два негромких хлопка, и тело мэра начало сползать по крылу автомобиля, оставляя на нём красные разводы.

Юта услышала два щелчка, будто камень ударился о лист железа. Забыв об опасности, она высунулась из укрытия и впиалась взглядом в сцену, представшую перед ней.

Главный как раз убирал пистолет в кобуру. Он чуть сдвинулся в сторону, и Юта увидела мэра. Он начал оседать на пол, изо рта вытекала тонкая струйка крови, глаза закатились. В следующий момент распахнутая дверь «Монсанта» скрыла его от Юты. Она больше не видела тела, — а мэр без сомнения был мертв, — но продолжала неотрывно смотреть на то место, где он только что стоял, будто всё произошедшее было шуткой, и сейчас он поднимется живой и невредимый.

Из-под раскрытой двери расползлось тёмно-красное липкое пятно. Кровь текла не так, как вода, — гораздо медленней, словно густой сироп. На бетонном полу уже собралась небольшая лужа.

Из горла Юты вырвался произвольный звук — не то стон, не то вскрип. Его заглушила ладонь, крепко прижатая ко рту, но один из «серых» что-то расслышал.

— Что это? — обратился он к главному, вертя головой по сторонам.

— Иди проверь, — тут же скомандовал властный голос, который Юта уже начала ненавидеть.

Девушка прислонилась взмокшими лопатками к холодной двери автомобиля, который скрывал её от убийц. Её грудь быстро поднималась и опадала, сердце колотилось о грудную клетку с такой силой, что было почти больно. Стараясь расслышать что-нибудь сквозь шум крови в ушах, Юта прислушивалась к шагам, отражавшимся эхом от бетонных стен и пола.

Вскоре она поняла, что мужчины разделились: шаги одного раздавались сзади и справа от неё, а другого — удалялись. Они начали обходить ряд машин, за которым она пряталась, с двух сторон, загоня её в ловушку, как зверя во время травли.

От страха считавшая себя предприимчивой Юта перестала что-либо соображать. Она

знала, что должна что-то делать, чтобы спасти, но тело отказывалось слушаться, она не могла пошевелиться. Шаги приближались.

Два безжалостных, хорошо подготовленных наёмника уже находились в пяти шагах друг от друга. Молча, внимательно осматриваясь по сторонам, они обходили машину за машиной. Один бесшумно приблизился к неприметной серой «Сента-Р». Он выскочил из-за автомобиля, держа перед собой оружие. За машиной было пусто. Он проверил ещё две и встретился с напарником.

— Никого. Всё чисто, Лэнс, — отрапортовали бойцы, пряча оружие.

— Продолжайте искать, — глухо прорычал глава отряда. — Здесь кто-то был. Никто не должен уйти отсюда живым, — нам не нужны свидетели.

Двое бойцов «Серого отряда» снова вынули оружие и направились прочёсывать стоянку.

Щека Юты тёрлась о шершавый холодный пол. Бетон остужал разгорячённое тело, запуская скользкие щупальца холода через прилипшую к коже рубашку. Юта видела ноги одного из убийц, его чёрные, громоздкие ботинки на протекторной подошве. Он прошёл рядом с ней, после чего ноги исчезли из поля зрения. Юта позволила себе выдохнуть.

Правой рукой она крепко сжимала небольшой кулон, всегда висевший на шее, — подарок матери, который та сделала незадолго до гибели. Сколько Юта помнила мать, та тоже носила его, не снимая. Девушка схватилась за него непроизвольно, словно это было что-то, способное удержать её от падения в пропасть.

Бронзовый кулон представлял собой витиеватый узор с изображением капли посередине. Металл подвески потемнел от времени, но это не портило её, а придавало ощущение старины и надёжности.

Выпуклые края больно впились в ладонь, оставляя на ней белые следы, но Юта едва ли чувствовала это. Всё, что она ощущала — мамин кулон странным образом успокаивал её, придавая сил.

— Продолжайте искать, — донёсся уже знакомый голос одного из убийц.

Время тянулось как липкая патока. Через несколько минут тот же голос сказал:

— Не бойся, выходи, мы просто поговорим. Тебя никто не тронет, обещаю.

Юта с ужасом поняла, что он обращается к ней. Она молчала, зажав рот ладонью. Ещё через какое-то время главный заговорил снова. На этот раз он не пытался скрыть гнев.

— Мы найдём тебя, раньше или позже. И тогда ты пожалеешь, что не вышел сам, когда тебе давали шанс! Обыщите здесь всё, смотрите под машинами! Я знаю, он прячется где-то здесь. Я чувствую его страх...

Лэнс наблюдал, как его бойцы снова обшаривают каждый автомобиль в ряду. Они обходили каждую машину со всех сторон, заглядывали внутрь и под днище.

Дело в сущности было простым, и они выполнили его быстро и чисто. Но вот такие неожиданные отступления от плана выводили Лэнса из себя. Они давно должны были убраться со стоянки. Чем дольше остаёшься на месте преступления, тем больше шансов оставить следы. Не говоря о том, что кто-нибудь может выйти сюда, а это значит больше трупов и ещё больше следов.

Вдруг из-за одной машины раздался женский голос:

— Этот проект направлен на повышение уровня жизни всех горожан. А именно: лучшее качество воды по более доступным ценам.

— И как вы собираетесь этого достичь?

— Наше предложение заключается в том, чтобы усовершенствовать способы экстракции за счёт современных технологий.

— А такие уже есть?

— Наша компания как раз работает в этом направлении. У нас есть научный отдел, занятый разработкой самых прогрессивных технологий, которые...

Лэнс в мгновение ока оказался там, откуда доносились голоса — только затем, чтобы увидеть на полу между двумя автомобилями маленькое серебристое устройство — диктофон, прокручивающий запись. В ту же секунду на противоположной стороне парковки с громким щелчком захлопнулась дверь запасного выхода.

— Быстро за ним! — взревел Лэнс, и стоявшие над диктофоном бойцы сорвались с места. Не более чем за двадцать секунд они оказались у двери, как гончие псы, преследуя свою добычу.

Лэнс остался на парковке один. Сжимая от бешенства кулаки, он подошёл к работающему диктофону и уставился на него испепеляющим взглядом. Мужчина достал из кармана латексную перчатку, какими пользуются в больницах. Он не стал надевать её, просто поднял диктофон с пола.

Устройство было самым обычным — старое и обшарпанное, с облезшей по краям серебряной краской. Лэнс покрутил его в руке, затем достал из другого кармана чистый платок и аккуратно завернул в него предмет.

Убрав диктофон и перчатку, Лэнс набрал на телефоне номер:

— Дело сделано, присылайте команду.

Осмотрев свою работу в последний раз, мужчина направился к выходу.

Юта, как могла, привела себя в порядок, стоя перед витриной магазина. Руки дрожали. Понимание того, что она была на волосок от гибели, начало приходить только сейчас — зато настолько чётко и ясно, что Юта предпочла бы и дальше оставаться в шоке.

Перед глазами стояла картина: густая лужа крови, расплзающаяся из-под двери автомобиля, словно зловещий спрут, тянущий к ней свои щупальца. Почему-то именно эта сцена стала для Юты олицетворением всего ужаса случившегося — не перепуганное до смерти лицо мэра в тот момент, когда он понял, что его ждёт. Не струйка алой крови, текущая изо рта на подбородок; не обмякшее тело, сползающее по крылу автомобиля, — только тёмно-бордовая липкая лужа.

Начинающая журналистка всегда мечтала напечатать что-то ошеломляющее. Получить материал, достойный первой полосы лучших городских изданий, которому позавидовали бы даже Найгел Просп и Шале Вузгров. И вот стала свидетельницей убийства мэра Гованса — событие, равных которому не было на её памяти. Но теперь ей почему-то не хотелось мчаться домой, печатать сенсационный материал.

Юта подняла лицо к выгнутому дугой навесу, скрывающему небо, и уже через пару секунд увидела размытое оранжевое пятно, быстро проступившее и тут же растаявшее. Вскоре на матовом покрытии расцвело ещё несколько пятен, словно огромные цветы, чьи лепестки распускаются и опадают за секунды.

Сколько это продолжается? Неделю или больше? Бабли должен знать точное время, вплоть до минут. С тех пор, как это началось, он сам не свой: забросил учебу, днями и

ночами пропадает на чердаке со своим телескопом. Поначалу Юта носила ему обеды, затем пыталась вразумить и наконец плюнула. Прошло уже три дня, как она не видела друга, с которым делила небольшую квартирку на двадцать восьмом этаже небоскрёба «Сталтса».

Подумав о Бабли, Юта почувствовала, как глыба льда, угнездившаяся в животе, начала потихоньку оттаивать. Вот кто выслушает и утешит. Всё поймёт и ни за что не осудит. Как тогда, в восьмом классе, когда она попала на краже жвачки в супермаркете. Её засняли камеры, но Бабли сумел выпутать её из этой переделки, наплетя охране какую-то невообразимую историю, которую и сегодня Юта не сумела бы повторить.

Тогда он довёл её прямо до дома, по дороге не проронив ни слова. Ни тогда, ни после Бабли ни разу не попрекнул её случившимся. И это сработало лучше любых увещаний, ругани и запретов. С тех пор Юта не могла даже подумать о том, чтобы притронуться к чужому. Всякий раз она вспоминала кроткое, виноватое лицо Бабли, как он неловко переминался перед охранником в магазине. И его пухлую, ещё детскую руку, протягивающую мятый ринг, чтобы заплатить за украденную жвачку.

Мысль о Бабли странным образом придала сил. Юте стало стыдно за девушку в витрине. Подняв на неё взгляд, она с вызовом посмотрела своему отражению в глаза. Они были испуганными. Но под налётом страха, как под тонкой коркой льда, таилась тёмная бездна упрямства.

Юта знала, что должна делать.

Глава 2. Заговор

Длинный узкий коридор с низко нависающим потолком извивался подобно утробе гигантского змея. Углы на поворотах, даже крутых, были скруглены. Мягкий, рассеянный свет просачивался через осветительные окошки, проливаясь расплавленным золотом на плечи и голову человека, бесшумным шагом скользящего в тишине коридоров.

Корт прошёл три поворота и развилку с двумя ответвлениями, прежде чем достиг нужного места. Уверенным движением он откинул тяжёлый полог, волочившийся по полу, и вошёл в комнату.

Освещение в небольшом помещении было приглушено. Солнечные лучи рассеянно гладили искрящиеся под их прикосновениями светло-жёлтые стены и пол. В комнате почти не было мебели. Вдоль западной стены тянулась длинная столешница. Справа она заканчивалась низкой круглой печью с трубой, уходившей в потолок. Печь и столешница были того же, что и всё в комнате, светло-жёлтого цвета. Посередине громоздился массивный, чистый до блеска и абсолютно пустой стол.

Как только Корт оказался в комнате, на него обратилось четыре пары глаз, мужских и женских. Люди молчали, угрюмо и цепко рассматривая вошедшего.

Мужчина был высок и крепко сложен. На загорелом, цвета коры дуба, угловатом лице хищно выделялся крупный нос с горбиной. Тяжёлый подбородок резко переходил в широкие скулы. Тонкие растрескавшиеся губы сомкнулись в жёсткую линию. Спутанные черные волосы, местами выгоревшие до пепельного цвета, верёвками лежали на плечах. Синие глаза, ярко выделявшиеся на тёмном лице, блестели сталью.

Внешность мужчины разительно контрастировала с внешностью собравшихся в комнате людей. Они были похожи друг на друга, как братья и сёстры. У всех были золотисто-песочные волосы, в большинстве длинные — как у женщин, так и у мужчин. Такие же светлые, почти жёлтые глаза. Оттенок сухой, как бумага, кожи варьировался от светло- до тёмно-бронзового. Все высокие и жилистые, словно состоящие из твёрдых, как камень, костей, сухожилий и мышц без капли жира.

— Все в сборе? — спросил Корт, проходя к широкому каменному столу, вокруг которого сгрудились люди.

— Сегодня здесь только те, кому я доверяю безоговорочно, — ответил высокий мужчина со светло-соломенными волосами. По бокам головы они были выбриты, а сзади собраны в длинный хвост, опускавшийся по спине почти до талии.

Корт кивнул. В комнате было трое мужчин и одна женщина. Он по очереди обвёл каждого взглядом, задержав его на девушке, стоявшей напротив.

Она была почти такой же высокой, как мужчины, и удивительно стройной. Её тело было точёным, словно камень, обкатанный водой — с плавными, изящными линиями, в то же время крепким и мускулистым. В ней ощущалась гибкость и сила хищника.

Бронзовая кожа казалась гладкой, словно шёлк. Длинные золотистые волосы, будто впитавшие солнечный свет, струящийся из потолочного окошка, были заплетены во множество мелких косичек. Передние были скреплены на затылке в причудливый узел. Огромные глаза, всего на оттенок темнее волос, пристально следили за мужчиной.

— Хорошо, начнём. Уги, расскажи, зачем ты собрал нас?

Мужчина, который первым ответил Карту, снова заговорил:

— Думаю, ты знаешь причину. Мы все знаем. Я собрал нас здесь, потому что считаю, что пора начать действовать. Причём до того, как это сделает Гвирн. Пришедшие сюда люди согласны со мной. — Он смотрел на черноволосого мужчину.

Тот недовольно поморщился.

— Я слышу это от тебя уже который месяц, но по-прежнему не вижу причин для решительных действий. У нас есть Канг, который ведёт народ. Ему и решать.

— Многие не согласятся с тобой, — спокойно ответил Уги. — Турраг больше не годится на роль Канга. Он слишком стар и не может решить проблем, с которыми столкнулся Утегат. Турраг совершает ошибку за ошибкой, но самое страшное — он не желает видеть реального положения вещей. Он слеп. А куда народ может завести слепой?

— И что ты предлагаешь? — неохотно поинтересовался Корт.

Уги сверкнул глазами:

— Мы должны сместить Туррага.

Корт обвёл собравшихся внимательным взглядом.

— Вы тоже так думаете?

— Это лишь вопрос времени, — раздался хриплый голос.

Мужчине, которому он принадлежал, было около пятидесяти, но светлые, в отличие от остальных, коротко стриженные волосы, ещё не тронула седина. Его фигура была массивнее и приземистее, чем у большинства высоких стройных атлургов. Будто каждый год прожитой жизни незримым грузом ложился на его плечи, придавливая к земле. Он стоял чуть в стороне и до этого момента пристально рассматривал что-то на абсолютно чистом, выскобленном до блеска столе.

— Все знают, что Гвирн хочет сместить Канга. Его группировка набирает всё больше сторонников, — продолжал мужчина скрипучим голосом. Казалось, что слова даются ему с трудом, будто он переплывает бурную реку против течения. — Все, у кого есть глаза, могут видеть, что дела наши всё хуже и хуже. Турраг ведёт нас к краю пропасти, и если мы не хотим шагнуть с него, то должны что-то предпринять.

Ему давно пора уйти. Проблемы нарастают со скоростью движущегося песка, но старик не в состоянии их решить. А ещё и знамение, которое напугало и переполошило народ. Мы должны объединиться вокруг единого центра, сильного вождя, коим Турраг уже давно не является.

— Что-то происходит, что-то злое и тёмное надвигается, — заговорила девушка с волосами, заплетёнными в косички, и Корт быстро вскинул на неё глаза. Его черные брови хмурились.

Голос девушки звучал тихо, но отчётливо. Он сыпался, словно песок в песочных часах, медленно и неумолимо. И всем вдруг стало не по себе от того, что она говорила. Будто комнату накрыла невидимая тень.

— Мы все видели это — знамение. Атлургов ждут тяжёлые времена. И люди, и животные чувствуют это. Козы дают меньше молока. Последние полгода численность стад уменьшается. В ближайших горах выловлено почти всё поголовье. Скоро Утегату грозит голод и нехватка воды. И это лишь две из множества проблем, с которыми вскоре придётся столкнуться народу.

В такое время мы не можем позволить себе слабость. Если мы не сместим Канга, вскоре это сделает Гвирн.

Девушка замолчала, за неё закончил Уги:

— Ты должен повести за собой атлургов. Люди пойдут за тобой.

Корт мотнул головой.

— Нет, это не выход. Турраг является Кангом по закону, многие на его стороне. Люди по-прежнему верят ему. И не нам принимать такие решения. К тому же я уже говорил, что не хочу возглавлять народ.

— Но кому-то придётся. — Звонкий голос принадлежал юноше с заострёнными чертами лица. Его широкие, но худые плечи были гордо расправлены, а подбородок вздёрнут. — Когда Канга сместят, может начаться кровавая резня, если у власти не появится сильный человек. Гвирн, конечно, считает себя таковым. Но кроме родословной ему нечего предложить народу. Он не тот человек, который сможет вывести Утегат из кризиса. Все здесь согласны с этим.

Глаза юноши как-то по-хищному блеснули. Атлурги молчали, и Корт знал, что их молчание означает согласие.

— Ты рассуждаешь не по годам мудро, Дар, — тяжело заговорил он. — Меньше всего я хочу гибели людей. Но то, о чём вы говорите, тоже принесёт гибель. Ведь вы предлагаете убить человека. К тому же, Гвирн не сдастся без боя, начнётся распря среди народа. Вы этого хотите? — Он помолчал, на секунду задумавшись. Потом продолжил: — Вот и я — нет. Я понимаю ваши опасения. Но мы должны найти другой выход. Должен быть другой выход.

Дайте мне время, я что-нибудь придумаю. А пока мне нечего добавить, кроме того, что я прошу вас набраться терпения.

Люди в комнате не выглядели довольными, но никто не осмелился спорить. По одному, выдерживая небольшие промежутки, они покинули помещение.

Корт задержался дольше остальных. Он стоял за пустым столом, пока голоса в коридоре не вывели его из размышлений. Тогда он медленно двинулся к выходу, дождался, пока голоса стихнут вдалеке, и бесшумно выскользнул за полог.

Корт возвращался домой окольной дорогой, — ему надо было подумать. Он понимал, что его соратники правы, но всё же не мог принять то решение, какое от него ждали. Последнее время обстановка в Утегате накалялась, и Корт не знал, как оказался вовлечён в самый центр водоворота.

Ноги сами привели его к дому. Мужчина очнулся, уже стоя на пороге. Интересно, вернулась ли уже она? Он отодвинул полог и прошёл в комнату. В помещении было тихо, Корт сел за стол и опустил голову на руки.

Напряжённых плечей коснулись мягкие пальцы. Мужчина выпрямился и обернулся. Девушка с золотыми волосами, заплетёнными в косички, — та, что говорила на собрании, — стояла над ним. Её большие глаза обеспокоенно всматривались в него.

— Я опять не слышал, как ты подошла, — усмехнулся мужчина. — Никто не может подкрасться ко мне незаметно. Никто, кроме тебя.

— Может, это потому, что ты не ждёшь от меня удара в спину?

Леда обошла стол и села напротив.

— Я знаю, всё это тяготит тебя. Все мы.

Корт отрицательно мотнул головой:

— Дело не в этом. Возможно, я просто не способен принять верное решение. Возможно, я не тот, кто вам нужен.

Леда смотрела на него грустно. Она протянула через стол руку, и Корт с благодарностью взял её.

— Что-то назревает в Утегате, — проговорила она. — Грядёт буря, и мы все окажемся в неё вовлечены, но ты — больше других. Ты не можешь просто отвернуться от этого.

— Но почему я? — с каким-то надломом в голосе спросил мужчина.

— Потому что у тебя особенная судьба, — не колеблясь, ответила Леда.

— Это потому что я — ругат? — скептически произнёс Корт.

— Нет, это потому что ты — мой муж, — ответила она, улыбаясь.

С усилием раскрыв дверь на треть, Юта протиснулась в квартиру. Больше дверь не открывалась из-за коробок с обувью и ключек для игры в «Флорбол», составленных в углу. Они пылились тут ещё с тех времен, когда Бабли несколько месяцев учился этой игре в надежде сбросить вес. К своему удивлению Юта обнаружила, что в тесной прихожей горит свет.

Держась за стену, — от пережитого ноги ощутимо подрагивали, девушка вошла в небольшую гостиную, больше, правда, похожую на перевалочный пункт или временное пристанище для беженцев.

Два рабочих стола — её и Бабли — были расположены по обе стороны от окна, завешанного полупрозрачной шторой. Она затеняла комнату от ослепительного сияния Тауриса в те часы, когда он заглядывал внутрь.

Противоположную стену занимал стеллаж с папками, книгами, подшивками газет и чертежами. Посреди гостиной доживал свой век старый диван и такое же, низкое, продавленное на сиденье кресло, рядом с которым примостилась древняя тумбочка. Среди этого допотопного старья существами из далёкого будущего смотрелись два мощных компьютера, работающих практически круглосуточно.

Остальное пространство, не занятое мебелью, в живописном беспорядке было завалено следами жизнедеятельности двух не очень опрятных и крайне занятых молодых людей. Так что за вычетом мебели и высящихся вокруг груд хлама, свободного места оставалось — только протиснуться в кухню и ванную по узкому тоннелю.

Но, несмотря на тесноту и вечный бардак, Юта любила свою квартирку. Любила возвращаться сюда после работы и знать, что дома её ждёт Бабли с бутербродами, большой кружкой горячего кофе и вечерними телепередачами. Для неё выражение: «Мой дом — моя крепость» не было пустым звуком. И более всего его делало таковым неизменное присутствие лучшего друга.

Сейчас Бабли сидел за левым столом, спиной к ней, скрючившись на невысоком табурете. Он внимательно изучал таблицу, раскрытую на компьютере, и был так поглощён этим занятием, что не услышал, как Юта вошла в квартиру.

— Как хорошо, что ты дома.

Бабли вздрогнул и обернулся на голос. Юта устало опустилась в кресло, на секунду прикрыв глаза. А когда открыла, Бабли стоял над ней с хмурым видом. Небольшие глазки, прячущиеся за толстыми стёклами очков, привычно ощупали её лицо, после чего брови сползли к переносице. Бабли слишком давно и хорошо знал Юту, чтобы не понять, что случилось что-то плохое.

— Сейчас я заварю тебе мятный чай, и ты мне всё расскажешь, — без предисловий заявил Бабли и скрылся на кухне.

— Что бы я делала без тебя, Фински? — спросила Юта со вздохом облегчения. В её вопросе крылась лишь доля иронии.

— Проиграла все деньги в тexasский покер, влезла в долги и лишилась квартиры? — раздался голос из кухни. — Из-за преследований бандитов уволилась с работы и попала в плохую компанию? В конце концов сделалась подружкой главного гангстера, набила себе ужасные татуировки и начала пить шнапс из пластиковых стаканов?

Несмотря на всё пережитое, на лице Юты появилась улыбка. Бабли знал, что делать, чтобы отвлечь её.

— Как ты мог подумать обо мне такое?! — в притворном ужасе воскликнула Юта. — Я бы сама стала главным гангстером!

Дома, в привычной, безопасной обстановке сразу стало свободней дышаться. Пережитый страх потихоньку отступал. Журналистка слышала с кухни шарканье тапочек Бабли и звяканье ложечки о чашку, — привычные, домашние звуки успокаивали.

Она знала Фински столько, сколько помнила себя. Это был добродушный, пухлый парень с редкими, очень кудрявыми волосами, липшими ко лбу. Небольшая, курчавая бородка была призвана придать Бабли хоть немного более мужественный вид, но это слабо помогало. Маленькие карие глаза за стёклами круглых очков смотрели на мир так же наивно, как в детстве.

Словом, Бабли выглядел таким ребёнком-переростком. К тому же вечно витал в облаках, за что ещё в школе над ним смеялись все, кто не знал об остром уме, скрывающемся в этом неуклюжем теле. И о добрейшем, чутком к страданиям других сердце, прячущемся за складками просторной мятой рубашки.

Бабли внёс в комнату чашку с чаем, расплескав часть на блюдечко, и поставил на тумбочку рядом с креслом. Юта подобрала под себя ноги и принялась сбивчиво рассказывать о случившемся. К концу повествования лицо друга стало белым, как накрахмаленная простыня.

Бабли был добрым, умным и отзывчивым, но он не был смельчаком и авантюристом. Самое яркое и волнительное событие в его жизни произошло, когда он потерял ключи от квартиры, а Юта несколько дней пропадала в редакции. Тогда, после двухчасовых колебаний, Бабли пришлось звонить к соседям, а затем пробираться в квартиру через их смежный балкон по узкому карнизу, на высоте в двадцать восемь этажей.

Так что, услышав историю Юты, Бабли на время потерял дар речи. Было видно, что в нём идёт внутренняя борьба в попытке понять, правда ли то, что рассказала ему подруга, и как такое вообще может произойти с человеком.

Юта терпеливо ждала. Она знала, что надо дать Бабли время на осмысление — он плохо переносил не укладывавшиеся в рамки его представлений о мире истории, в которые зачастую попадала Юта. Но в конце концов друг всё же взял себя в руки и вышел из ступора. Его лицо оставалось бледным, а узкий лоб прочертили глубокие морщины, — Бабли напряжённо о чём-то размышлял.

— Ну, раз ты попала в такой переплёт, тебе не кажется, что надо идти в полицию? Всё это звучит очень серьёзно. Что если те жуткие типы тебя ищут?

«Я просто пытаюсь спасти свой город. Жители Лиатраса должны узнать правду об уровне песка и строительстве нового города. В конце концов, от этого зависят их жизни» —

крутилось в голове. О чём говорил мэр? Что всё это значит?

— Юта? Юта!

Она обнаружила, что Бабли зовёт её.

— Что, прости?

Голова раскалывалась от повторяющихся по кругу мыслей и вопросов. В том, как погиб мэр, было что-то загадочное, выходящее за рамки обычного убийства по политическим мотивам. Только Юта никак не могла взять в толк, за какую же ниточку надо потянуть, чтобы распутать это дело и получить интересующие её ответы.

— Я спрашиваю, ты собираешься идти в полицию? — повторил Бабли, видимо, уже не в первый раз.

— Позже, — Юта поднялась с кресла.

Мятный чай и разговоры помогли настолько, насколько вообще подобные меры могут помочь справиться с шоком. Юта почувствовала, что к ней вернулась некоторая уверенность. Ноги перестали дрожать, а значит, она снова может встать в строй.

— Что значит «позже»?! — Бабли негодовал. Юта крайне редко видела его в таком состоянии. Но сейчас он был по-настоящему напуган. — Ты должна сделать это сейчас! В конце концов, ты же свидетель убийства!

— И я непременно пойду в полицию и всё расскажу. Вот прямо завтра сутра и пойду, — сказала Юта мягко, надеясь успокоить друга. — Я уверена, что мэра уже нашли и следствие идёт полным ходом. Там и без меня справятся, а я должна по горячим следам провести собственное расследование. Я же журналист, это моя работа.

Бабли только угрюмо качал головой. Последний довод был не слишком удачным, учитывая, как друг относился к её роду деятельности. Бабли всегда считал, что работа журналиста слишком непостоянна и опасна.

— Мэр говорил что-то об уровне песка. Я не очень поняла, о чём речь. Это я и должна выяснить. Чутьё подсказывает мне, что тут пахнет крупной сенсацией, если не скандалом.

— Подожди, ты же не хочешь...

Но Юта уже начала перетряхивать сумку, складывая необходимое.

— Именно это я и хочу сделать. Я пойду на Стену.

Бабли горестно всплеснул руками. В его глазах отражалась помесь страха и упрёка.

— Д-да куда ты собралась? Тебя только что ч-чуть не убили какие-то жуткие т-типы! А ты бежишь на Стену! И как, к-кстати, ты собралась туда п-попасть? — Бабли всегда начинал заикаться, когда нервничал.

— Я знаю место, — ответила Юта, засовывая в сумку фотоаппарат-мыльницу и свой старый диктофон, нашедшийся на дне бельевой корзины. — В старших классах Марли Скоб водил меня туда. Это возле Южной Промзоны. После возведения Стены там почему-то не убрали кран. По нему можно забраться прямо наверх.

— Да ты посмотри на себя! На тебе же лица нет после того, что произошло! Тебе надо хотя бы придти в себя, отдохнуть.

— Да-да, — отмахнулась Юта. — Позже.

Она собрала сумочку и посмотрелась в зеркало, висевшее в прихожей. Зрелище, которое перед ней предстало, оказалось весьма впечатляющим, — было похоже, что её изжевала мусоросборочная машина. Возможно, в чём-то Бабли и прав. Перед тем, как куда-то отправляться, ей, по крайней мере, следует переодеться в чистую одежду.

— Твоя взяла, — со вздохом признала девушка. — Мне надо принять душ.

Она бросила собранную сумочку на кресло и скрылась в ванной. Бабли только и успел, что открыть и снова закрыть рот.

Юта выскользнула из ванной через десять минут, закутанная в жёлтое махровое полотенце. Босые ноги оставляли на полу мокрые следы.

— Ты не видел мою щётку для волос? — обратилась она к другу, роясь в ведре для бумаг, стоящем возле её рабочего стола. — В этом бардаке ничего невозможно найти.

— Это ещё что! — весело отозвался Бабли. — Ты не была дома у Гектора, с которым мы учились на первом курсе. Вот кто настоящий Мастер Хаоса! Как-то он две недели складывал в морозилку грязные носки. Представляешь выражение лица его подружки, когда она это обнаружила!

Он повернулся на табуретке лицом к Юте. Девушка шарила рукой за диваном, повернувшись к нему спиной. Бабли быстро скользнул взглядом по голым влажным плечам и стройным ногам.

— Да вот же она! — воскликнула Юта, вытаскивая щётку из сушилки для одежды, которая за отсутствием другого места стояла в прихожей. — И как она туда попала?

Она повернулась к Бабли, и тот быстро потупил взгляд, вновь уткнувшись в компьютер.

— А чем ты тут занимаешься? — поинтересовалась Юта, бросив полотенце для волос на вешалку для верхней одежды, и принявшись расчесываться найденной щёткой.

— Провожу кое-какие расчёты.

На мониторе компьютера была открыта таблица со множеством дробных чисел, букв латинского алфавита и ещё каких-то непонятных значков.

— Я ещё не закончил, но то, что показывают мои вычисления, просто феноменально! Судя по этим значениям, — Бабли указал на ряд цифр в таблице, — метеоритный дождь — это не конец, а только начало.

— Начало чего? — Юта скрылась в ванной с горкой одежды, но дверь оставила открытой, чтобы слышать, что говорит друг.

— По некоторым косвенным признакам я думаю, что метеоритный дождь предвещает приближение к Нибелии какого-то небесного тела.

Юта высунула из ванной голову.

— Какого небесного тела?

— Я не знаю. У меня нет оборудования, чтобы это просчитать, а мой телескоп слишком старый и недостаточно мощный. Но оно просто громадное. Возможно, это планета, и она пройдёт совсем близко к нам.

— И что тогда будет? — заинтересовалась журналистка.

Она уже вышла из ванной и теперь красилась перед зеркалом.

— Говорю же, не знаю, — скорее грустно, чем с раздражением повторил Бабли.

— А почему об этом никто не говорит? Ну, если это действительно такое большое событие?

— Вот и я задаюсь тем же вопросом. Это немного странно, правда? Возможно, дело в том, что тот сектор неба, где я его засёк, считается давно и хорошо изученным. Думаю, самые мощные телескопы ЛАС направлены на другие сектора. Мне же просто повезло. Я несколько лет наблюдал именно за этой частью неба и сумел обнаружить последовательное отклонение от своих орбит нескольких ближайших планет.

— Не могу поверить! — воскликнула Юта, оторвавшись от зеркала. — Ты столько лет пытался попасть в Лиатрасское Астрономическое Сообщество, а они только присылали

отказы. А теперь именно ты сделал это колоссальное открытие! Ты просто гений! Я же всегда это говорила.

— Вообще-то ты говорила, что я помешанный на звёздах псих, но спасибо на добром слове, — слегка смутившись, ответил Бабли. — Я как раз собираюсь ехать в ЛАС, только закончу и распечатаю расчёты. А ты что будешь делать?

— Выясню, что смогу, об убийстве мэра. И постараюсь узнать, что он имел в виду, упоминая уровень песка, — ответила Юта, засовывая помаду в сумочку. — Пожелай мне удачи, — бросила она через плечо, и выскользнула через дверную щель.

— Удачи, — тихо ответил Бабли, когда шаги в коридоре стихли.

Он посидел ещё немного, грустно глядя на дверь. Потом компьютер громко запищал, оповещая об окончании программы расчётов. Бабли отвернулся от двери и вновь уткнулся в монитор, близоруко щурясь на таблицу.

Глава 3. Огненные слёзы

Юта стояла на Стене и смотрела на город. В блеске хрома и металла он казался похожим на осколок слюды. Отсюда, с высоты двадцатиэтажного дома, она могла бы рассмотреть каждую улицу вплоть до Водной Долины, если бы обзору не мешали небоскрёбы, утыкавшие тело Лиатраса, как иголки в игольнице. Их блестящие шпили спиралями возносились к небу, настолько высокие, что грозили проткнуть его.

Между домами виднелись крытые переходы улиц. Солнечные навесы выгибали горбатые спины, отбрасывая голубоватые отблески на стены домов. Девушка не видела, что творится под ними, лишь размытые, быстро сменяющие друг друга пятна. Те, что покрупнее, — электрические автобусы и вагоны метро, чьи пути проложены сверху над автомобильными магистралями. Пятна поменьше — машины на электродвигателях.

Лиатрас снабжают электричеством четыре Солнечные Башни — огромные сооружения, расположенные по периметру города, по высоте намного превышающие любой небоскрёб. Всю их поверхность покрывают солнечные панели, а внутри спрятаны гигантские аккумуляторы. Башни питают электричеством весь город, за исключением небольшого числа зданий, которые имеют собственную систему энергоснабжения. Да ещё, говорят, Водная Долина — закрытый район, где выращивают растения, из которых выделяют воду — полностью обеспечивает себя энергией. Но наверняка Юта не знала, ведь для обычных горожан вход туда заказан.

Лицо девушки закрывали солнечные очки, лёгкий шарф был накинут на голову, но всё равно Юта уже чувствовала подкатывающую дурноту, — признак надвигающегося солнечного удара. А ведь она не провела на Стене и десяти минут.

Юта сделала глоток воды из бутылки, которую прихватила с собой, и повернулась в другую сторону.

По ту сторону Стены расстилается совершенно иной мир — безжизненная, выжженная солнцем пустыня. На километры вокруг, насколько хватает глаз, всё засыпано жёлтым песком. Лишь на горизонте к северо-западу виднеются красноватые пики пустынных гор.

Ровная ладонь пустыни покрыта небольшими морщинами, словно рябь на воде. Это следствие того, что на Нибелии постоянно дуют ветры, увлекая за собой верхние слои песка. Кажущаяся застывшей пустыня на самом деле постоянно движется, погребая под собой всё, что встречается на пути.

В этом причина того, что планета-пустыня практически необитаема. За исключением одного единственного города, это нескончаемый океан песка, медленно, но неумолимо ползущий в сторону человеческого жилья.

Рано или поздно даже самую высокую защитную стену заносит песком. Как только он достигает верха, это означает, что через несколько лет город будет погребён. За несколько сотен лет пустыня укрывает саваном песка всё, что бы ни построили люди.

Но жители Лиатраса нашли выход. Они постоянно строят один и тот же город, каждый раз на новом месте. И обносят его высокой стеной, чтобы на время сдержать наступление пустыни.

Пока песок добирается до верха Стены, строится новый Лиатрас — точная копия старого. За несколько месяцев люди переселяются. Они въезжают в точно такие же квартиры, в каких жили, ходят на работу в те же здания и покупают продукты в магазинах,

находящихся ровно в тех же местах, что и раньше. Вскоре после переселения строительство начинается вновь.

Таким образом, Лиатрас существует на планете не одно тысячелетие, лишь время от времени меняя местоположение. За это лиатрасцы прозвали его Вечным Городом.

Юта поёжилась от вида необъятной пустыни, щуря слезящиеся от солнца глаза. Она подошла к краю Стены и посмотрела вниз. То, что она там увидела, заставило девушку содрогнуться.

Песок добрался почти до верха Стены, полого спускаясь вниз, на равнину. Недостаёт какого-то метра. Юте казалось, что она могла бы шагнуть вниз и съехать по песчаному языку, как по горке. Это была нелепая мысль. Когда Юта подумала о том, что могла бы оказаться там, её охватил животный страх.

В мире за Стеной не выжить, всем это известно. В Лиатрасе даже существует особое наказание. Оно заменяет собой смертную казнь, от которой отказались несколько тысячелетий назад. Вместо этого человека, совершившего страшное преступление, изгоняют в пустыню. Его просто выталкивают за Стену и закрывают за ним единственные ворота.

Без воды и укрытия человек не может продержаться в пустыне и дня. За несколько часов он теряет сознание от солнечного удара, чтобы уже никогда не очнуться. Таких людей в Лиатрасе называют «обречёнными».

На памяти Юты изгнание случалось только дважды. Первый раз она была слишком маленькой, чтобы понимать, что происходит. Зато второй запомнит до конца жизни. Судебное разбирательство длилось много месяцев. Дело было открытым и носило публичный характер. Любой человек мог узнать детали, чтобы самому убедиться в виновности подсудимого и правомерности наказания. Но когда судьи вынесли приговор, — изгнание, Юте всё равно стало не по себе. Ведь на самом деле это наказание было куда страшнее обычной смертной казни от инъекции смертельным препаратом.

И самым ужасным было то, что все в городе это понимали.

По традиции, длившейся с незапамятных времён, в день приведения приговора в исполнение «обречённого» проводили по улицам города. Чтобы каждый желающий мог посмотреть на того, кого ожидает участь столь ужасная, что может привидеться лишь в кошмаре.

Юта считала эту традицию варварским пережитком древних времён, которую давно следовало отменить. Но мнения Юты никто не спрашивал. Изгнания случались редко, не чаще одного раза в десятилетие. И на каждое собиралась половина города. Людям нравится щекотать себе нервы, представляя себя на месте осуждённого. И в то же время знать, что уж с ними-то — добропорядочными гражданами — такого точно не случится.

Ну а правители города, очевидно, считают, что такие показательные меры заставят человека, замыслившего преступление, ещё раз подумать о последствиях. И ещё Юта сильно подозревала, что таким способом, под жёстким контролем, они как бы выпускают на время людские страсти. Потому что в самой человеческой природе заключено желание прикоснуться к чему-то тёмному и зловещему. И власти позволяют людям это сделать, да ещё и поглумиться над тем, кого эта тьма поглотила, в отличие от них.

Думая о тех, кто за историю существования наказания оказался за стенами Лиатраса, девушка поспешно отступила от края. Пот градом катился по лбу и шее, струйками стекал по спине, щекоча между лопатками. Юта начала ощущать головокружение и поняла, что пора выбираться.

Уже взявшись за опоры крана, она ещё раз взглянула на город. Солнечные Башни, симметрично расположенные по периметру, подпирали белёсое небо. Они разбрасывали вокруг себя тысячи солнечных зайчиков, словно маяки в ночи, указывающие путнику дорогу. Если бы только было кому их увидеть...

Но пустыня необитаема. Она убивает любое живое существо за считанные часы. Так что Юта выкинула из головы романтические метафоры. Всё, что есть на этой планете, всё, что имеет значение, находится в этом городе и больше нигде.

Бабли сидел на том же месте, где Юта его оставила, хотя её не было больше четырёх часов. Только на компьютере вместо таблицы была открыта программа расчётов. Астроном-любитель неподвижно уставился в монитор, подперев голову рукой.

— Эй, Фински! Ты вообще вставал с этой табуретки? — громко спросила Юта, проходя мимо него в свою комнату.

Жутко хотелось принять душ — от пота и грязи кожа зудела и чесалась. Но воду уже отключили, теперь дадут только завтра в семь утра. В любом случае тратить её на то, чтобы два раза подряд принимать душ, неразумно. Ни она, ни Фински уже три дня не заполняли резервуары, а значит, питьевая вода может кончиться в любую минуту.

От неожиданного оклика Бабли подскочил, чуть не свалившись с табуретки.

— Прости, я, кажется, задремал, — откликнулся он, поправляя съехавшие на край носа очки. — Что ты спросила?

Юта сбросила с себя лишнюю к телу одежду, а затем начала рыться в шкафу в поисках чистой.

— Я спросила, ты так и просидел всё время на одном месте? — крикнула она, чуть поворачивая голову в сторону гостиной.

— Нет! — крикнул в ответ Бабли. — Я съездил в ЛАС, оставил заявку на астрономическое открытие у них в приёмной. Попасть к ним не проще, чем в Водную Долину.

— Я не сомневаюсь, что все двери ЛАС откроются перед тобой, как только они увидят твои расчёты.

— Очень на это надеюсь. А как твоя поездка? Не видела в пустыне «духов»?

— Это сказки, Фински, ты же знаешь. Страшные истории, которые рассказывают маленьким детям, чтобы раз и навсегда отбить у них желание совать нос в пустыню. Как будто она и без того недостаточно жуткая...

— Как знать, — в шутку возразил Бабли. — Представляешь, сколько народу было изгнано почти за тысячу лет? Думаешь, ни один не сумел выжить? Согласно теории вероятности, это возможно.

Юта вздохнула, вспоминая подёрнутый маревом безжизненный пейзаж. И песок, добравшийся почти до верха Стены. Надо будет проверить нормативы по его уровню. Но, даже не зная точных цифр, ясно одно: переселение, которое занимает не один месяц, уже должно было начаться.

— Ты не видел того, что видела я, — медленно ответила Юта. — Там невозможно выжить.

Она прошла на кухню и засыпала кофе в кофеварку. Часы показывали без четверти

девять, скоро ей надо на вечернюю смену в кафе.

— Юта, скорее подойди! — голос Бабли звучал взволнованно.

Девушка поспешила в гостиную. Друг смотрел на экран включенного телевизора — старого, всего восемнадцать дюймов. На будущий год они планировали купить новый.

— Т-только что было с-сообщение в новостях, — Бабли снова начал заикаться.

Юта присмотрелась к нему: краски сошли с лица, маленькие глазки расширились.

— Что такое? — спросила журналистка, подходя к другу, и её голос дрогнул.

— Только что передали, что мэр умер.

— Да, и что?

Бабли посмотрел на девушку.

— Они сказали, что он умер у себя дома от сердечного приступа.

На Юту словно обрушился ледяной водопад. Сердце лихорадочно заколотилось, в ушах стоял шум воды. Нет, не воды, — собственной крови, бушующей в венах.

Опомнившись, Бабли затараторил, что это, должно быть, сделано специально, чтобы не пугать людей, но Юта уже не слушала.

— Мне надо идти, — прервала она тираду друга.

— Куда?! — воскликнул Бабли и поспешно вскочил.

— Надо успеть кое-куда перед работой.

— Я не знаю, куда ты собралась, но мне знаком этот взгляд. Ты опять станешь совать нос, куда не следует. — Фински был близок к тому, чтобы разозлиться, и это удивило Юту. — Я говорю тебе, что это плохая идея.

Но девушка только отмахнулась.

— Нельзя же всю жизнь работать официанткой. Я всегда знала, что однажды опубликую грандиозную сенсацию, и мою газету заметят. Но сперва каждому журналисту приходится копаться в грязи.

Вероятно, это было безрассудно и даже рискованно, но журналистский инстинкт пересилил предостережения разума. Юта должна была вернуться туда — на место преступления. Ей всё ещё было страшно и за каждым углом мерещились люди в серой форме. Но она убедила себя в том, что всё позади. Ей удалось сбежать. Убийцы её не видели.

Так или иначе, сейчас важнее другое — выяснить, за что убили мэра, и не связано ли это с тем фактом, что песок добрался почти до верха Стены.

Юта спустилась на минус первый этаж «Глобуса», сердце неровно бухало в груди. Она остановилась, чтобы взять себя в руки, и направилась туда, где всё случилось.

Первым, что насторожило — была абсолютная тишина. Не было слышно ни щелчков журналистских фотокамер, ни сирен скорой, ни переговоров полиции. Подойдя ближе, Юта обнаружила, что место преступления не было оцеплено. Более того, оно выглядело так же, как сегодня утром до происшествия.

Затаив дыхание, Юта приблизилась к месту убийства. На мгновение ей подумалось, что сейчас она увидит мэра, лежащего за машиной на окровавленном бетонном полу.

Но присмотревшись, она поняла, что машина, стоящая на месте 16А — вовсе не чёрный «Монсанта». И мэра, конечно же, здесь больше нет. Сторонний человек ни за что не догадался бы, что несколько часов назад здесь произошло кровавое убийство.

Разглядывая бетонный пол возле места, где стояла машина мэра, Юта не заметила ничего необычного. Не было ни крови, ни каких-либо других следов. Более того, пол в этом месте выглядел так же, как и везде — пыльным и грязным, со следами от ботинок и автомобильных шин. А ведь он тут должен быть идеально чистым, учитывая, что с него только что смывали кровь.

Люди, устроившие это, точно не были обычными убийцами или грабителями. То, с какой точностью и детальностью всё было проработано и выполнено, говорило об их профессионализме. И ещё о том, что здесь сработала целая команда, — три человека за пять часов ни за что не сумели бы спрятать труп, убрать все следы и одновременно подстроить сердечный приступ у мэра дома.

А ещё у Юты из головы не выходил тон убийцы, каким он говорил с мэром. Будто тот был обычным наёмным служащим, которого в случае неудачи или неповиновения можно легко заменить. Кем бы ни были эти люди, несомненно, они обладали огромной властью.

Журналистка сделала пометку в блокноте. Проверить, кому могла быть выгодна смерть мэра Гованса — его оппоненты, преемники, политические соперники. Девушка закрыла блокнот и осмотрелась. Под потолком, на железобетонном перекрытии она заметила видеокамеру. Раз здесь есть камеры, то можно попытаться получить разрешение на просмотр записи. Вдруг она запечатлела убийство?

Закончив внизу, Юта поднялась в офис охраны. Журналистское удостоверение часто открывало перед ней разные двери — особенно если люди не знали издание, в котором она работает.

Охранник согласился прокрутить запись с нескольких камер. Юта стояла за его правым плечом, в то время как мужчина вручную отматывал запись назад. Девушка почувствовала, как, несмотря на работающий кондиционер, у неё вспотели ладони, когда время записи приблизилось к девяти утра — времени убийства. Юта впиалась взглядом в экран. Внезапно запись мигнула. Только что машина мэра стояла на месте 16А, и вот её уже нет, а на том же месте стоит совершенно другой автомобиль.

— Что за чёрт? — мужчина выглядел искренне удивленным.

Он снова отмотал запись назад, пристально всматриваясь в экран. На том же месте изображение снова моргнуло.

— Что это? — спросила Юта, холодея, уже догадываясь об ответе.

— Не пойму, в чём дело. — Охранник растерянно повернулся к журналистке. — Полчаса записи пропали. Их просто нет.

Таурис висел над горизонтом на северо-востоке. Несмотря на то, что звезда приближалась к своей низшей точке, её лучи продолжали поливать землю белыми, как чистейший свет творения, обжигающими лучами. Корт ощущал их касание к своим рукам там, где они не были скрыты хилтом. Оно было настолько горячим, что почти обжигало, будто поднесённые к самой коже раскалённые угли. Так что мужчине приходилось сдерживать себя от того, чтобы не спрятать руки в широкие рукава накидки.

Но он не делал этого. Корт повернулся на запад, откуда, находясь на полпути между зенитом и горизонтом, на землю проливал горячее золото Аттрим. Он был меньше своего старшего брата и, может, именно поэтому касание его лучей было не столь обжигающим.

Аттрим всегда казался Карту прекрасным — он был смешением блёкло-розового и золотого. И если смотреть на слишком яркий Таурис, не обжигая глаз, было невозможно, то его младший и более скромный брат позволял людям любоваться собой. Особенно в те часы, когда подходил ближе всего к горизонту, что соответствовало примерно тридцати градусам от земли.

Народ называл это время «Часом жатвы». Оно было самым лучшим для того, чтобы выйти наружу из полумрака Утегата. В эти несколько часов Аттрим приобретал насыщенный розовый оттенок. Его свет становился менее интенсивным, в то же время вокруг звезды появлялся золотистый ореол, словно она одевалась в золотую корону.

Корт любил в это время подниматься на плато и любоваться «Младшим Братом». Хотя он мог делать это в любое время дня и ночи, даже когда обе звезды стояли в зените. С некоторых пор Корт ощущал обжигающие лучи солнц и иссушающий жар пустыни не так, как другие люди. Для них это было нечто опасное, убивающее медленной смертью, будто тебя живьём засунули в раскалённую печь. Но Корт чувствовал пылающий жар внутри себя, словно тот был его частью. Частью, которая приносила боль и могла убить, но в то же время давала ощущение жизни и странную силу.

Глаза Корта обратились на восток и застыли на чём-то, едва различимом вдали. Маревое поднималось над горизонтом, словно дымка, в том месте, где белёсое небо соприкасалось с выжженной землёй. И всё же сквозь клубящийся поток горячих воздушных масс он мог различить стены города и четыре башни, возвышающиеся над ним, словно невиданные колоссы.

Лиатрас. Вечный Город.

Мужчина поднял глаза вверх, к небу, чтобы посмотреть, как несутся сквозь пространство гигантские оранжевые птицы. Они горели, проходя через атмосферу Нибелии, оставляя за собой дымный след в десятки километров.

— Сегодня их меньше, чем на прошлой неделе, — негромко сказал Корт.

Он по-прежнему смотрел на восток, в сторону Вечного Города.

— Я думаю, метеоритный дождь идёт на убыль. Через несколько дней он закончится, и атлурги успокоятся. Знаешь, как они его называют?

Никто не отозвался, и мужчина так же тихо ответил:

— «Огненные слёзы». Правда, красиво? У народа для всего есть поэтичное название. Поначалу меня это забавляло. Ведь это как-то... по-детски, что ли. Но потом я понял. Атлурги живут не в мире предметов и явлений, не в мире мёртвых, неодушевлённых вещей. Их мир — это их история, их религия. За каждым названием скрывается предание, легенда, верование. Всё для них исполнено скрытым смыслом, и это делает осмысленной их жизнь.

Корт замолчал. Он стоял неподвижно, всматриваясь сощуренными глазами в плачущее огнём небо. Лицо мужчины ничего не выражало, только на крепко сжатых в кулаки руках проступали синие вены.

Круглое пологое плато, на котором Корт находился, было частью небольшой горной системы, поднимающейся из пустыни почти на километр. Горная порода здесь красноватого цвета, твёрдая, но пластичная. Атлурги делают из неё различную домашнюю утварь: миски и ложки, ступы и горшки. Когда удаётся выломать достаточно большой кусок, его пускают на изготовление столешниц и солнечных печей.

Атлурги каждый день поднимаются в горы для добычи камня. Но работают гораздо ниже, в вырубленных в скале штольнях. Плато Корта было почти на самой вершине. Корт

нашёл его случайно, когда полдня гонялся по скалам за горным козлом. Плато находилось с противоположной стороны от Утегата и было скрыто от города крутым скальным выступом. С другой стороны оно заканчивалось обрывом, открывая взору захватывающий вид на ровную, как стол, поверхность пустыни.

Корт часто приходил сюда, чтобы побыть в одиночестве. Его спину, как верный друг, надёжно прикрывала массивная скала. А впереди открывалась раскалённая бездна, ограниченная лишь небом, на самом горизонте опирающим белёсый купол на плавающий песок. Да ещё далеко на востоке взрезал пустыню осколками Солнечных Башен Вечный Город.

Корт был на плато один. И всё же он продолжал говорить с кем-то. С тем, кто мог ответить только в его воображении, потому что этот человек был мёртв уже шестнадцать лет.

Из-под глубоко надвинутого на лицо хилта остро поблёскивали синие глаза. Они неотрывно смотрели на одну точку, и этой точкой была едва различимая отсюда стена города.

— Прости меня, Энриг, — прошептал мужчина. — И покойся с миром, друг.

Корт часто говорил с ним. Рассказывал о жизни в Утегате, о народе. Это вошло у него в привычку. Он делал это постоянно, не задумываясь.

Каждый год, в день смерти Энрига, Корт приходил на плато, чтобы почтить память. Так он чувствовал себя ближе к другу, будто мог прикоснуться к воспоминаниям рукой. Иногда он говорил вслух, иногда про себя, но он до сих пор говорил с ним, потому что до сих пор его не отпустил.

Возможно, Карту было бы проще это сделать, если бы друг не погиб по его вине, из-за его глупости и безрассудства. Или если бы Корт не знал того, что знает.

Взгляд Корта был обращён к Стене, но смотрел он не на неё, — а на длинный песчаный язык, взбиравшийся к краю ограждения. Ещё немного, и пустыня протянет свои щупальца до верха Стены, а потом, не встречая препятствий, перемахнёт через неё. За недели песок покроеет город тонким слоем, забьёт все щели, проникнет во все системы и трубопроводы.

Сперва откажут находящиеся на поверхности системы кондиционирования и очистки, затем забьются канализационные и воздуховодные системы. Наконец песок занесёт солнечные батареи Водной Долины и покроеет поля, где выращивают водоносные растения. Город будет обречён на вымирание в течение нескольких месяцев.

Люди, находящиеся по ту стороны Стены, понятия не имеют обо всём этом. Не представляют, каково это, когда вокруг тебя лишь вездесущий песок, для которого нет преград, от которого нет спасения. Неумолимая пустыня за считанные недели захватит город, и когда люди поймут, что происходит, будет уже слишком поздно.

Корт хранил это знание шестнадцать лет, и каждый день оно выжигало из него по частичке. Жизнь города подходит к концу. Вскоре пески погребут под собой всё и всех, кто там есть. И Корт — единственный, кто знает правду.

Этот Вечный Город станет последним.

Глава 4. Сражения

Юта скучала у барной стойки, прислонившись к ней спиной. Небольшой тёмный зал пустовал. Основной контингент кафе-бара «Дворик» — студенты Лиатрасского Технологического, расположенного через две улицы отсюда. С пятницы по понедельник кафе гудит, как пчелиный улей, работая круглосуточно. Зато на неделе почти никого нет. В такие дни «Дворик» перебивается случайно заглянувшими парочками и офисными служащими, заходящими съесть ланч по спецпредложению.

Юта разнесла за столики два заказа, и теперь смотрела на улицу сквозь большие прямоугольные окна. Сейчас десять часов вечера, а значит, скоро Аттрим выйдет в зенит. Таурис слегка опустится и скроется за небоскрёбом банка «Содействие». Аттрим, наоборот, поднимется на максимальную высоту и сместится к северу. Именно в таком положении он около получаса будет светить точно в окна кафе.

Точнее, светил бы, если бы не солнечный навес над улицей. И всё же это было любимым временем Юты, потому что только в эти полчаса белоснежный свет Тауриса сменяется розоватым свечением Аттрима. Предметы вокруг теряют резкость, словно окутанные лёгкой дымкой. Очертания домов, машин, прохожих размываются, цвета теряют яркость. Бег города словно замедляется, и мир укутывается пастельной пеленой, словно лёгкой тюлью наброшенной на его поверхность.

— Вот это да! Что творится! Ты слышала? Теперь точно будет досрочное избрание. А я в прошлом году городскую стипендию получила. Как думаешь, не отменят? Эй, подруга! Ты меня слушаешь вообще?

Ленни пощёлкала пальцами у Юты над ухом.

— Что случилось? — неохотно отозвалась журналистка, наблюдая как белый вечер меркнет, готовясь уступить место пастельно-розовому.

— Что случилось! — передразнила Ленни. — Хватит в облаках витать! Ты вообще в курсе, что вокруг творится? Мэр Гованс умер сегодня утром от сердечного приступа. Что случилось, хах!

Юта обернулась, чтобы увидеть, как Лени, не глядя протирает барную стойку. Внимание девушки было приковано к небольшому чёрно-белому телевизору, висящему на кронштейне за полками со спиртным. Она взяла из-под стойки пульт и увеличила громкость.

— «...уже высказали протест по поводу сложившегося положения. Заместитель мэра обещал дать добро на вылет, как только ситуация стабилизируется. Таким образом, несколько пилотов и команда снабжения останутся в городе до разрешения ситуации».

Юта обогнула барную стойку и встала рядом с подругой, чтобы послушать.

— Представляешь, они задерживают вылет шаттла до тех пор, пока новый мэр не вступит в должность. — Ленни качала головой, глядя на экран телевизора. — Проклятые бюрократы. Мне жалко этих парней. У каждого, наверняка, семьи, жёны. Они и так месяцами вне дома пропадают: то на орбите болтаются, то подготовка, то вот ещё на планету-сковородку посылают. Мало у них проблем, так тут ещё и местная волокита.

Нибелия входит в состав Федерации Соединённых Миров, так что юридически её главой является президент Федерации. Но так как ни один президент не покидает своей резиденции на Протеусе, то фактическим управлением занимаются местные власти. Так что правителем Лиатраса, а значит, и всей Нибелии является мэр города.

На Нибелии нет ни стран, ни государств. Только один город, имеющий особый экономический статус. Единственные внешние связи Лиатраса — с Торговым Конгломератом. Он поставляет на планету ресурсы и материалы, которые она не способна добывать или производить сама. В обмен Нибелия продаёт единственный ценный ресурс, имеющийся на планете — драгоценный камень под названием тергед. В других мирах он ценится наравне с золотом, а кое-где и выше. Но добыча его крайне трудоёмка и дорогостояща — мельчайшие частицы тергеда, напоминающего полупрозрачное стекло, смешаны с частицами песка.

Несколько раз в год Лиатрас отправляет на орбиту грузовые шаттлы, забитые тергедом, для дальнейшей переправки на другие планеты. Тем же путём из других миров приходит всё необходимое для жизнедеятельности города.

— А ты что так переживаешь? Влюбилась в одного из пилотов, что ли? — подначила Юта.

В этом не было бы ничего удивительного. Они все красавцы, как на подбор. К тому же вроде национальных героев. Без их работы и поставок с орбиты городу не выжить.

Вместо того, чтобы огрызнуться, Ленни продолжала разглядывать экран. Её левое, исколотое пирсингом, ухо слегка покраснело.

— Что?! Серьёзно? В одного из пилотов!

— А что такого? — воскликнула Ленни.

Барменша повернулась к Юте, растягивая губы в хитрой улыбке.

— Вообще-то я была воот так близка, чтобы с ним познакомиться. Это было в прошлую пятницу. Пошли мы с девчонками... — начала рассказывать Ленни, когда открылась входная дверь.

Юта взглянула на мужчину, вошедшего в кафе, и в следующую секунду оказалась под барной стойкой. Она узнала его моментально. На нём не было дорогого чёрного костюма и кобуры с оружием, но это был он — убийца мэра.

Второй раз за день Юту спасла молниеносная реакция и тот факт, что войдя в зал, мужчина сперва повернул голову налево, осматривая тускло освещённое помещение. Так что когда дверь медленно захлопнулась за его спиной, и он направился к барной стойке, Ленни стояла за ней одна.

Её баллы в институте оставляли желать лучшего, и порой Ленни соображала туговато, но сейчас каким-то шестым чувством безошибочно поняла, что делать. Она не стала поднимать шум из-за поведения Юты. Вместо этого, пока мужчина, приятно улыбаясь, шёл к ней через зал, Ленни улучила момент и быстро скосила глаза вниз, на сжавшуюся под стойкой подругу.

Юта боялась лишний раз вздохнуть, молясь только о том, чтобы Ленни её не выдала. Когда подруга посмотрела вниз, Юта отрицательно мотнула головой и беззвучно прошептала: «Нет».

— Доброго вечера. стакан воды, пожалуйста.

Мужчина расслабленно оглядел зал.

— Не самый удачный вечер для заведения? — Голос у него был приятным, слегка тягучим. Он улыбался.

— Да, не самый, — осторожно ответила Ленни. Незаметно она ощупывала взглядом лицо и одежду посетителя.

Мама всегда говорила ей, что она плохо разбирается в людях. Особенно в мужчинах.

Особенно в тех, которые ей нравятся. Но, проработав в баре четыре года с шестнадцати лет, Ленни считала, что научилась кое-что понимать. Вошедший мужчина с первого взгляда ей не понравился. Он улыбался и был расслаблен. Хорошо одетый городской пижон, зашедший в бар по дороге с работы, чтобы выпить стакан воды.

Вот только улыбка этого человека не привлекала, а наоборот, отталкивала. И вскоре Ленни поняла, почему. Он улыбался губами, показывая ровные белые зубы, но глаза оставались холодными. И ещё его одежда. Её выбор был безупречен. Настолько, что казался нарочитым. Будто этот человек очень старался произвести определённое впечатление.

Всё это за несколько секунд пронеслось в голове Ленни. И хоть она ещё не понимала связи неприятного клиента с испугом Юты, но уже твёрдо знала: она прикроет подругу, во что бы та ни вляпалась.

Словно почувствовав что-то, мужчина заговорил чуть изменившимся тоном:

— Меня зовут Исуп Крэсков. Я представляю лицензионную компанию «Налис и Партнёры». — Мужчина протянул Ленни визитку, и девушка неохотно взяла её. — Я разыскиваю Юталиэн Дэл. Она работает здесь, верно? Видите ли, у онлайн издательства, редактором которого она числится, заканчивается лицензия. Мы хотим предложить госпоже Дэл заключить новый лицензионный контракт с нашей фирмой. Я привёз ей бумаги для ознакомления.

Ленни молчала, и мужчина продолжил, не переставая улыбаться:

— Насколько я знаю, у госпожи Дэл сегодня смена. Я бы хотел с ней поговорить.

Ленни изо всех сил всматривалась в лицо этого Исупа, пытаясь распознать, врёт ли он или говорит правду. Надо признать, излагал он весьма убедительно, и Ленни даже начала сомневаться в своём первоначальном суждении. Но, несмотря на деловую напористость и даже некое обаяние мужчины, Ленни была барменом со стажем, и её не так-то просто было застать врасплох.

Она широко улыбнулась мужчине в ответ:

— Да, это так, у неё смена. Но Юта приболела и осталась сегодня дома. Народу у нас немного, так что я её подменяю. Можете оставить ваше предложение мне, я ей передам.

И, продолжая улыбаться, Ленни со стуком поставила перед мужчиной стакан с водой.

Он чуть помедлил, и барменша со злорадством отметила, что её ответ, видимо, разочаровал его.

— Благодарю, но мне бы хотелось лично переговорить с госпожой Дэл. Я зайду в другой раз.

Мужчина ещё раз осмотрел небольшой зал и медленно, не оборачиваясь, направился на выход.

— Всё, он ушёл. — Юта слышала слова подруги, как сквозь завесу тумана, плохо понимая смысл.

— Эй, всё в порядке. Можешь вылезать.

Ленни присела на корточки и помогла Юте встать.

— Кто это: бывший дружок или, может, ты написала про этого парня то, что ему не слишком понравилось?

Ленни ещё не договорила, но уже знала, что ошибается. Кто бы ни был тот тип, он крепко напугал Юту. Глаза девушки блуждали по залу, она была бледной и никак не реагировала на слова Ленни.

— Давай-ка, тебе надо присесть.

Барменша под руку повела Юту к высокой барной табуретке, но не успели они дойти до неё, как девушка начала вырываться.

— Они нашли меня! Мне надо уходить.

— Кто нашёл? О чём ты вообще?

Взгляд журналистки наконец перестал бессмысленно метаться и остановился на Ленни. Юта неожиданно крепко схватила её за руку. А потом так посмотрела на подругу, что той показалось: из неё вынимают душу.

— Ты не понимаешь. *Они* нашли меня, — чётко повторила Юта, почти до боли сжимая руку Ленни. — Те, кто убил мэра.

Она выпустила барменшу, и её взгляд снова забегал по залу. Ленни нащупала за спиной ту самую табуретку и прислонилась к ней.

— Что? О чём ты говоришь?

Но взгляд Юты уже нашёл то, что искал.

— Мне надо уйти. Если кто-нибудь ещё придёт и будет спрашивать обо мне, говори, что я уволилась сегодня утром. Причин ты не знаешь, я ничего тебе не объяснила. Поняла?

— Не понимаю, ты — что? Ты увольняешься?

— Мне надо идти, нельзя здесь оставаться, — повторила Юта, и Ленни окончательно перестала понимать, что происходит. — Береги себя.

Юта быстро пошла прочь, ничего больше не добавив. Но она не направилась к главному выходу. Вместо этого девушка обошла бар и открыла дверь на кухню.

Юта молча шагала мимо длинных железных столов. Повара провожали её вопросительными взглядами. На встроенных электрических плитах готовились блюда к ужину. Аромат съестного, смешиваясь с лёгким запахом дыма, вился к потолку. Главный повар окликнул её. Кажется, он спрашивал, что ей понадобилось на кухне, и всё ли в порядке в зале.

Юта не отвечала. Она продолжала двигаться к двери служебного выхода, маячившей в конце прохода. Эта дверь выводила в узкий, тёмный переулок, заставленный мусорными баками. В нём всегда было безлюдно, потому что туда выходили только двери служебных помещений, «чёрных» и аварийных выходов из различных контор и кафе, обращённых фасадами на улицу.

Юта проскочила кухню, не глядя по сторонам, думая только о том, успели убийцы побывать у неё дома или ещё нет. И что будет, если они застанут там Бабли, работающего над своими расчётами. С этими мыслями она выскочила на улицу, намереваясь переулками и дворами добраться до ближайшего городского телефона.

Но переулок за кафе не был пуст. Его перегораживал чёрный автомобиль. А возле него, с сигаретой в руке, стоял мужчина в серой форме. На мгновение Юта в ужасе замерла, и этого хватило, чтобы мужчина её заметил.

Сигарета полетела на асфальт. Мужчина рванулся к ней. Юта замешкалась, решая, куда бежать. И вскоре он оказался так близко, что ей не оставалось ничего иного, кроме как броситься обратно на кухню.

Юта бежала между столами, когда за спиной грохнула тяжёлая железная дверь. Она хотела крикнуть поварам, что надо убегать. По залу прокатился оглушительный выстрел. Юта инстинктивно присела, закрывая голову руками.

— Всем оставаться на местах! — прогреготал сильный голос. — Или я буду стрелять на поражение!

Юта поняла, что предупреждение относится к ней, потому что остальные и не пытались бежать. Повара просто замерли там, где стояли, опешив от неожиданности.

Юта не сомневалась, что преследователь застрелит её прямо здесь, если она не подчинится, — она знала, на что способны эти люди. Девушке оставалось лишь повиноваться. Сперва она даже подняла руки, но ей стало тошно от себя, и она опустила их, поворачиваясь лицом к убийце. Одна надежда, что он не станет убивать её на глазах у свидетелей.

Действительно, мужчина опустил пистолет и полез свободной рукой в карман. Оттуда появилось удостоверение, которое он раскрыл. Одна часть сознания Юты в этот момент была вне себя от ужаса, но другая странным образом оставалась спокойна, глядя на всё происходящее со стороны. Этой половине было даже любопытно, кем представится убийца, настоящее ли его удостоверение?

— Особый отдел по охране порядка. Прошу всех, кроме госпожи Дэл покинуть помещение.

Юта никак не могла рассмотреть, что же написано на удостоверении. Скорее всего, оно поддельное, но что если нет? Вдруг этот человек правда из отдела по охране порядка? Может, он не собирается её убивать, а хочет поговорить? Может даже, он тоже разыскивает убийц мэра.

Словно в замедленной съёмке, Юта наблюдала, как повара один за другим выходят на улицу. Вот дверь бесконечно медленно захлопнулась за последним из них. Мужчина в серой форме тоже проводил взглядом вышедших людей и только потом посмотрел на Юту.

Она непроизвольно попятилась. Мужчина приближался, загоня её в угол. Юта съёжилась, ожидая, что он выстрелит, но вместо этого он заговорил.

— Не делай глупостей. Не пытайся бежать. Я просто хочу поговорить.

Он приблизился вплотную и угрожающе навис над девушкой. Спина Юта больно вжалась в стол, ощущая жар от конфорки, на которой что-то тушилось и скворчало. Убежать она бы не смогла при всём желании, так как оказалась зажата между столом и преследователем. Поэтому Юте не оставалось ничего иного, кроме как слушать, что он говорит.

— Ты не должна бояться меня. Я представляю органы правопорядка. Я отвезу тебя в участок, где ты расскажешь моему шефу, что видела сегодня утром на парковке, и кому говорила об этом. Вот и всё, после этого ты сможешь пойти домой.

Глаза девушки были круглыми, как два четвертьринга. Она внимательно слушала мужчину, а затем медленно кивнула. Её голос, когда она заговорила, дрожал и ломался.

— Хорошо, я всё расскажу.

— Правда? Ты пойдёшь со мной и расскажешь всё, что видела? — Кажется, мужчина поверил, во всяком случае пистолет чуть опустил.

Юта снова кивнула, а затем затараторила:

— Я оказалась там случайно, но я расскажу всё, что знаю. Я хочу помочь. Вы отвезёте меня в участок?

— Да, именно так. Сейчас мы пройдем к машине, а затем поедem в управление. Ты точно не боишься? Вот и хорошо, пойдём.

Юта выдавила из себя улыбку и снова кивнула. Когда мужчина начал поворачиваться к выходу, её правая рука скользнула за спину.

Ладонь пронзила боль. Девушка прикусила губу, чтобы подавить крик. Во рту тут же

появился солёный привкус. Ей казалось, что в ладонь вонзили десяток ножей. Каждая клеточка тела умоляла отдёргнуть руку, но Юта лишь сильнее сжала пальцы.

Когда мужчина обернулся, чтобы подтолкнуть её к выходу, она с отчаяньем плеснула ему в лицо содержимое того, что держала руке. Это было кипящее масло, варившееся в сотейнике.

Мужчина страшно закричал и схватился за лицо. Он скорчился и слепо заметался, ударяясь о столы. Сотейник выпал из обожжённой руки Юты и с оглушительным лязгом покатился по полу. Девушка ужаснулась от того, что сделала. От шока она даже перестала чувствовать боль, лишь тупо смотрела на бордовые пальцы и ладонь, на которой прямо на глазах начали вздуваться белые пузыри.

Мужчина продолжал кричать, и это привело Юту в чувства. Она проскользнула мимо тела, корчившегося на полу, и изо всех оставшихся сил бросилась к выходу.

Выбежав на улицу, девушка остановилась. Боль мешала думать, но адреналин подстёгивал тело и мозг, и она снова побежала.

Юта знала, что идёт ва-банк. Бабли точно покрутил бы пальцем у виска. Мысль о друге принесла внезапную боль, заглушившую даже боль в руке: «Жив ли он ещё?». Юта рванула ручку на себя.

Дверь чёрного автомобиля распахнулась. Внутри никого не было. Юта залезла в машину и закрыла за собой дверь. Обожжённую правую руку она осторожно держала у груди, стараясь не беспокоить.левой рукой Юта пошарила возле замка зажигания, — ключа нет. Тогда она поочерёдно открыла бардачок и отогнула зеркало. На колени выпала связка ключей. Неуклюже действуя левой рукой, Юта завела машину, и чёрный автомобиль, словно хищный ворон за добычей, рванул с места.

Корт отодвинул полог и вошёл в дом. Руки машинально расстегнули хилт и повесили на крючок возле входа. Леда готовила ужин, но мужчина лишь бегло глянул на неё. Он вытащил из заплечного мешка кирку и долото и убрал на полку для инструментов. Оттуда же извлёк средних размеров кусок камня, который вырубил сегодня из скалы. Корт прошёл к рабочему столу и, отряхнув камень от пыли, поставил рядом с другими, ожидавшими обработки.

Почти весь день он провёл в пустыне. Плато покинул только после «Часа жатвы», когда Аттрим, максимально приблизившись к горизонту, снова начал подниматься, уходя восточнее. Но домой Корт не пошёл. Вместо этого он спустился ниже, к штольням, и проработал там несколько часов, вырубая из скалы красный камень.

Этот день Корт всегда старался провести в пустыне, в борьбе с песком, солнцем и горами. Чтобы только не думать о случившемся шестнадцать лет назад.

Но гнетущее чувство не отпускало. Каждый раз, как он поднимался на плато, чтобы посмотреть на Вечный Город, становилось хуже. Пески движутся слишком быстро. Он не рассчитывал, что они доберутся до верха всего за шестнадцать лет. Но пустыня неумолима, и теперь Корт не мог не думать о том, что вскоре случится с городом и его жителями.

— Ты снова ходил на плато? — Леда смотрела в напряжённую спину Корта, застывшего посреди комнаты.

Он не ответил, но ей было достаточно одного взгляда на мужа. Леда всегда знала, когда Корт был там. И хотя Корт никогда не говорил с ней об этом, она также знала, что сегодня

снова настал тот самый день.

Корт всегда проводил его в горах. И в другие дни он бывал задумчив и угрюм после возвращения с гор. Но в этот день — единственный в году — на его плечи словно опускалась вся тяжесть неисчислимых и нескончаемых песков.

Леда подошла и положила руку мужу на плечо.

— Скучать — это нормально. Ты был частью того мира много лет. Там прошло твоё детство и юность. Там похоронены твои предки. Но теперь твоя жизнь здесь, с нами. Со мной.

Корт накрыл её руку своей и благодарно улыбнулся. Затем мягко освободился и направился к столу, где ожидала завершения каменная заготовка. Он сел на низкую табуретку, спиной к комнате, где Леда хлопотала по хозяйству.

Утагиру подошёл к столу и улёгся у ног, заглядывая Карту в глаза. Зверь тихо заскулил, и Корт рассеянно положил руку ему на загривок. Он смотрел на заготовку каменной чаши, но не видел её. В его синих глазах, перед которыми проплывали картины совсем не здешних пейзажей, не было печали или грусти. В них плескалась злость.

Юта бросила машину через несколько кварталов. Она понимала, что далеко уехать не удастся — вскоре исчезновение автомобиля заметят. Но всё же она получила некоторую фору и, вероятно, сумела сбить преследователей с толку.

Юта заехала на верхний этаж пятиэтажной парковки и вытащила ключ из зажигания. Обессиленно девушка откинулась на сиденье. Рука болела нестерпимо, но в больницу идти было нельзя. Она должна найти телефон и позвонить Бабли, но сперва надо зайти в аптеку — с такой рукой она будет привлекать внимание. Да и терпеть боль становилось всё труднее. Адреналин начал улетучиваться. Ему на смену пришли усталость и отчаяние.

Левой рукой Юта залезла в карман джинсов в поисках денег. С собой у неё была лишь пара рингов — деньги остались в сумочке в баре. Тогда девушка снова пошарила в бардачке, но там не было ничего полезного. Она заметила отделение между сиденьями. В нём не нашлось кошелька, зато валялись мятые купюры — всего пара десятков, но на аптеку и на звонок должно хватить.

Юта вытащила деньги и застыла. На дне отделения валялся мобильный телефон. Девушка достала его и раскрыла последние звонки. В основном тут были номера телефонов, не занесённые в контакты, но нашлось и несколько имён. Среди них было одно, которое Юта узнала — Лэнс. Если это был тот самый Лэнс, который убил мэра, то с помощью этого телефона она могла получить ответы на многие вопросы.

Юта сунула мобильник в карман и вылезла из машины.

В переулке за аптекой она нанесла на руку мазь от ожогов, которую только что купила. Затем неуклюже перебинтовала левой рукой, помогая себе зубами. Юта подождала пару минут, пока боль немного стихла, и двинулась дальше.

В аптеке ей указали на ближайший городской телефон. Он находился в отделении связи. Само отделение уже закрылось — было больше одиннадцати часов вечера, но был открыт небольшой закуток между внешней дверью и внутренним помещением. Там и стоял телефон, которым можно было пользоваться круглосуточно.

Юта зашла внутрь и закрыла за собой дверь. Здесь было темно и тесно. Она была одна.

Девушка прислонилась к стене, впервые за этот день почувствовав себя в безопасности. После яркого уличного света ей казалось, что темнота скрывает её. Хотя на улице почти не было прохожих, ей постоянно мерещилось, что она находится на виду. Свет Тауриса преследовал её, будто тюремный прожектор, осветивший её в момент совершения побега.

Юта отдышалась и дрожащей рукой набрала номер. Каждый длинный гудок, словно холодными железными клещами вырывал из её груди по кусочку. Четыре гудка — четыре кровоточащих раны, шесть гудков... Юта снова закусила губу, и рот моментально наполнился солёной вязкой кровью.

— Алло.

— Бабли! Бабли, это ты? Как хорошо!

К горлу подступил ком. От облегчения Юта была готова расплакаться. Она крепко зажмурилась и сглотнула.

— Юта, это ты? — раздался на том конце провода неуверенный голос. — Юта, у тебя всё хорошо, ты в порядке?

Даже сквозь помехи и шум разделявшей их линии, Юта могла расслышать тревогу в голосе друга. Она прислонилась горящим лбом к холодному телефонному автомату и улыбнулась.

— Да, Бабли, я в порядке.

— Юта, здесь кое-что случилось. Тебе нельзя приходить домой. Слышишь? Не возвращайся сегодня домой. — Последние слова Бабли произнёс громко и чётко, и у девушки вновь свело желудок от страха.

— Что произошло, Бабли? С тобой всё хорошо?

— Да, я... — друг замялся. — Кто-то был у нас дома. Я ходил в ЛАС, узнать, что с моей заявкой, а когда вернулся... Словом, здесь всё вверх дном. Я не знаю, что произошло, но боюсь, что...

— Бабли, меня нашли, — перебила Юта.

Другу понадобилась пара секунд, чтобы переварить услышанное.

— Тебя нашли?! Как? Когда это произошло? Ты...

— Я жива и здорова. По большей части, — добавила журналистка, рассматривая руку в бинтах. — Не могу рассказать всего, наш телефон могут прослушивать. Послушай, Бабли, тебе нельзя там оставаться. Иди к нашему другу, у которого мы в прошлом году отмечали твой день рождения. Убедись, что за тобой никто не идёт. Я встречу тебя там.

— Д-да, хорошо, я в-всё понял, — ответил Бабли, сильно заикаясь. Голос был подавленным.

Юта положила трубку. Ей больше не хотелось плакать, и пульсирующая боль в руке как будто утихла. Бабли в порядке, но он нуждается в ней. Из-за неё он может пострадать. Если люди, убившие мэра, найдут его, то могут убить. Они даже могут его пытаться, чтобы узнать, где скрывается Юта. Если друг в опасности, она должна его защитить.

От мысли о том, что кто-то может причинить Бабли боль, ей стало тошно, словно вот-вот могло случиться что-то ужасное и непоправимое. Не медля ни секунды, Юта осмотрела улицу и быстро выскользнула из-за двери.

Работа не шла, и Корт, промучившись с час, поднялся из-за стола.

— Мне надо пройтись.

Быстро, не оборачиваясь, он вышел из комнаты.

Леда посмотрела мужу в спину, но ничего не сказала. Она не хотела отпускать его, не хотела оставлять одного, особенно сегодня. Но она знала, что ничем не может помочь. Это мучило её сильнее, чем Корт догадывался. Ей хотелось поговорить с ним, расспросить, помочь и утешить. Но она не делала этого, потому что понимала — он не ответит. Это был один из тех редких дней, когда муж возводил между ней и собой стену, через которую она не могла пробиться.

Корт тихо опустил за собой полог. Он не смотрел на Леду, но знал, — она смотрит на него. Знал — то, что терзает его, мучает её тоже. Но он ничего не мог с этим поделать. И за это ненавидел себя.

Конечно, Леда была курсе, где он был. Он не смог бы скрыть этого от неё, даже если бы попытался. Иногда ему казалось, что Леда понимает его лучше, чем он сам. Что ж, может и так. Но за все годы он так ни с кем и не поделился своим бременем, даже с Ледой. Она думает, что это — всего лишь ностальгия, а он не находит в себе сил убедить её.

Корт вышел в коридор, но далеко от дома не отошёл. Он завернул за угол и остановился перед невысоким узким проходом, закрытым большой каменной глыбой. В коридоре было пусто. Мягкий рассеянный свет, льющийся словно из ниоткуда, золотил песчаные стены и свод коридора.

Мужчина упёрся в пол ногами и изо всех сил навалился на камень. Он толкал до тех пор, пока тот не подался, медленно отъезжая в сторону. На песчаном полу стали видны глубокие, словно порезы, следы в том месте, где глыбу неоднократно отодвигали и задвигали обратно.

Боком, обдирая плечи о неотёсанные выступы, Корт втиснулся в проём. Убедившись, что его никто не видел, он задвинул камень на место.

Перед Кортом открылась небольшая комната. Как и все остальные помещения в Утегате, она освещалась узкими окошками, выточенными в толще песка. В стенах до самого потолка были вырублены стеллажи. На них покоились разного размера камни, а также инструменты — долота, свёрла, зубила и резцы.

На нижних полках стояли ещё не обработанные обломки породы, разложенные по размеру и виду. А на средних и самых высоких были расставлены каменные фигуры. Некоторые — уже законченные скульптуры, другие — только заготовки или намётки, по которым мастер всего пару раз ударил зубилом, примериваясь. Все скульптуры, собранные здесь — были изображениями многочисленных богов, в которых верили атлурги.

Корт присел на табуретку возле рабочего стола, на котором были аккуратно разложены инструменты, и взял в руки скульптуру богини Агри. Агри — богиня-мать, покровительница всех женщин, в особенности рожениц и матерей. Корт провёл пальцами по печальному лику богини, склонившей голову на бок в жесте скорби и смирения. Камень под его пальцами был тёплым и шершавым — он ещё требовал шлифовки.

Некоторое время Корт продолжал водить пальцами по статуэтке, изучая каждый выступ и несовершенство камня, но уже знал, что сегодня не займётся шлифовкой Агри. Он поставил статуэтку на полку, и ему показалось, что богиня посмотрела на него с жалостью и укором.

Комната, в которой Корт работал — была бывшей детской, которую он собственноручно откопал к рождению сына, но после его смерти замуровал. Она не

соединялась с домом, хотя и находилась прямо за стеной. Детская должна была стать подарком жене к рождению сына. Поэтому Корт сделал вход не из дома, а из коридора, планируя прорубить проход в дом сразу после рождения ребёнка.

Но сын родился слабым и больным. В суровых условиях жизни Утегата ему было не выжить. Они с Ледой похоронили ребёнка, когда ему едва исполнилось три месяца. Корт так и не сказал жене о детской, чтобы ещё больше не тревожить её горе. Он завалил вход неподъёмной каменной глыбой и сделал всё, что было в его силах, чтобы забыть.

Но через какое-то время стал приходиться сюда бессонными ночами. Просто сидел в темноте, в пустой комнате. Однажды под руки попался обломок камня. Корт вытащил из-за пояса нож и начал вырезать что-то, не задумываясь о том, что делает. Так появилась первая фигурка одного из богов. Корт заметил, что резка отвлекает от печали и тёмных мыслей, и стал проводить за этим занятием больше времени.

Это стало его хобби. Он вырезал лики и изваяния богов отчасти — для себя, отчасти — на заказ, поскольку вскоре про увлечение Корта стало известно. К нему стали приходиться люди с просьбами вырезать для них кого-то из любимых богов.

Корт взял с полки продолговатый обтёсанный камень размером с кувшин для воды. В голове было пусто, как в тот день, когда он впервые взял в руки камень и нож. Мужчина поднёс к заготовке зубило и аккуратно ударил по нему молотком.

Сола они с Бабли знали ещё с колледжа. У него была небольшая квартирка в нижнем городе, недалеко от западной Стены. Сол был высоким угловатым парнем с шаркающей походкой и странной любовью к рубашкам в клетку. В студенческие годы и он, и Бабли выделялись среди сокурсников, — не только непопулярной у девушек внешностью, но и незаурядным умом и оригинальностью мышления. Это их и сблизило.

После колледжа Сол устроился работать в химическую лабораторию, а Бабли поступил в Лиатрасский Университет Высших Наук, но они продолжали общаться.

Юта пешком поднялась на шестой этаж старой многоэтажки — всего тридцать этажей — и позвонила в звонок. За дверью послышались шаги, она приоткрылась на ширину цепочки. Сол внимательно осмотрел Юту, как будто в её облике мог скрываться кто-то другой, и только после этого распахнул дверь.

Юта была у Сола много раз и хорошо знала его квартиру. Они миновали узкую прихожую и короткий коридор. После чего вошли в небольшую кухню-гостиную.

Квартира Сола была захламлена ещё хуже, чем у них с Бабли. Гора одежды, в основном клетчатых рубашек, была свалена прямо в углу гостиной, рядом с небольшим диваном. На столе, а также прямо на полу и в коробках стояли химические пробирки и банки с реагентами. Посреди гостиной, на табуретке, громоздился прибор для отделения фракций. Под ножку табуретки, чтобы не шаталась, был подложен 1156-ой выпуск «Научного Вестника».

Возле дивана стояла старая напольная лампа с зелёным абажуром. Она, окрашивала всё вокруг в холодные зеленоватые тона, придавая гостиной сходство с лабораторией Франкенштейна. Лица людей в таком освещении выглядели болезненными. Тени лежали по захламлённым углам, крались вдоль стен и под диваном. Справа была дверь, ведущая в единственную спальню, также заваленную одеждой и книгами по химии.

Бабли сидел на диване с чашкой чая в руках. Его и так бледное лицо в зелёном свете показалось Юте каким-то неживым. Глаза за толстыми стёклами очков смотрели испуганно. Сердце девушки сжалось. А ведь Бабли приходится проходить через всё это по её вине.

Если бы она не была такой амбициозной и сразу обратилась в полицию, отказавшись от расследования, сидели бы они сейчас у себя дома и обсуждали подачу Бабли заявки в ЛАС. Он рассказывал бы ей про планеты и показывал на компьютере свои расчёты, а она кивала, набирая очередную статью. Обычную, заурядную статью, из-за которой на них не стали бы охотиться теневые правительственные службы.

Увидев её, Бабли вскочил с дивана.

— Юта! Наконец-то ты добралась! Я себе места не находил! Что с тобой случилось? Ты в порядке?

Девушка улыбнулась и обессиленно рухнула на диван. У неё не было денег на автобус, и она несколько часов шла от метро пешком.

— Я в порядке.

— А это что? — Бабли схватил её наспех забинтованную руку, и его глаза полезли на лоб. — Нет, ты не в порядке!

— Главное, я жива, — ответила Юта.

— Плохи ваши дела, да? — вмешался Сол.

Юта посмотрела на Бабли. Он взялся разбинтовывать её руку, поэтому стоял на коленях возле дивана.

— Я всё ему рассказал, — буркнул он. — Сол тоже в опасности, раз приютил нас, так что он имеет право знать.

Сол облокотился спиной о столешницу на кухне. Юта подумала о том, сколько ещё человек должно оказаться под ударом, чтобы спасти её.

— Я всё улажу. Завтра я пойду в библиотеку, найду нормативы по уровню песка, про которые говорил мэр. Это наша лучшая зацепка.

— А потом что? Чем это поможет? Боже! — Бабли размотал бинт и увидел руку Юты.

Девушка скосила глаза вниз. Благодаря мази белые пузыри спали, но ладонь и пальцы были красными, со слезшей кожей. Странно, но боли она не чувствовала.

— Я узнаю, что хотел сообщить людям мэр. Найду доказательства того, что его убили, и разошлю материалы по всем крупнейшим газетам. Нет, я пойду прямо на телевидение, так они точно не смогут замять это дело.

— Слишком рискованно, — отозвался Сол.

Бабли был занят рукой Юты и, кажется, не слышал, что она сказала.

— Каковы шансы действительно узнать, что хотел сообщить мэр? Да и было ли что говорить? Кто знает, может, пресс-конференция и его убийство вообще не связаны. А даже если и так, какова вероятность победить этих людей? Я думаю, тебе надо идти в полицию. По крайней мере, они смогут защитить тебя.

— Не думаю, — устало вздохнула Юта. — Сегодня за мной приходили люди из полицейского управления. По крайней мере, такие у них были удостоверения. Никто не поможет мне, кроме меня самой. У меня нет выбора, кроме как сразиться с ними.

Когда Юта говорила о сражении, это не было пустыми словами. Она сражалась с самого детства: за свою независимость, за место в мире, за возможность говорить правду и доносить свою позицию до людей. Даже за право быть той, кем она хочет, и жить так, как считает нужным.

Это была древняя история, которую сама Юта предпочитала не вспоминать. Она не гордилась тем, что сделала, но по-прежнему считала, что поступила верно.

Родители Юты погибли в автокатастрофе, когда ей было одиннадцать. Она хорошо помнила, как в школу пришла женщина из комитета по опеке и забрала её прямо посреди урока, чтобы сообщить, что её родителей больше нет в живых. После этого Юта попала в интернат, а затем в приёмную семью.

Но отношения с новыми «родителями» не клеились. Девочка была слишком своевольна и считала, что ей никто не нужен: она сама может о себе позаботиться. Когда ей исполнилось двенадцать, Юта впервые сбежала из дома и провела у родителей Бабли с неделю. С тех пор она постоянно сбегала из приёмных семей, которые начали сменяться одна за другой.

Всё, чего она хотела — это чтобы ей не навязывали новых родителей, потому что они у неё уже были. Единственные, и других ей было не надо. К тому же Юта всегда была самостоятельным ребёнком и не понимала, почему ей не дают самой заботиться о себе.

А когда ей было четырнадцать, Юта сама смогла освободить себя из-под опеки одной из семей. Её очередной приёмный отец вёл нечестный бизнес: он и его партнёр крали деньги у клиентов собственной фирмы. Как-то вечером Юта услышала разговор отца по телефону и что-то заподозрила.

Она не поленилась самостоятельно изучить начальный курс экономики для поступающих в вузы. После этого Юта стала тайком от приёмных родителей изучать счета и финансы его фирмы и через некоторое время смогла разобраться в его махинациях и даже найти доказательства.

С этим Юта пошла в местную, не отличающуюся высокими этическими стандартами газету, где охотно приняли обличительную статью. Бизнесом приёмного отца заинтересовались налоговые органы, и в результате громкого скандала его фирма понесла крупные убытки и обанкротилась.

После этого приёмные родители отказались от девочки, и новых семей, желающих её взять, не нашлось. Именно тогда Юта и увлеклась журналистикой. После первого разоблачительного материала начинающей журналисткой даже заинтересовалось одно жёлтое издание, и Юта стала писать для них.

Последние три года до совершеннолетия Юта провела в приюте. Однако, почти не появлялась там, так как практически жила в издательствах, в которых работала. А сразу по достижении восемнадцати лет они с Бабли сняли свою первую квартиру.

Так что Юте было не привыкать сражаться, и ей было плевать, как высоко стоят люди, которым она бросила вызов.

— Я должна сама разобраться с этим, — повторила журналистка. — Я найду улики и изобличу тех, кто убил мэра. У меня нет выбора.

— Это не так, — подал голос Бабли, до этого молчавший. Он закончил бинтовать руку Юты, но по-прежнему придерживал её за запястье, словно она была стеклянной и могла разбиться от неосторожного движенья. — Есть другое решение.

Бабли говорил тихо, почти шёпотом. Даже в зеленоватом освещении Юта видела, как сошли с его лица краски. Он с трудом выдавливал из себя слова, словно каждое причиняло боль.

— Шаттл, к-который з-задержали в городе. Я з-знаю од-дного парня из с-снабжения. — Бабли замолчал, переводя дух. Юта не помнила, чтобы он когда-либо

заикался так сильно.

— Он р-рассказал мне, ч-что у них п-повар попал в ав-аврию. Он в р-реанимации, им н-нужен кто-то на з-замену.

Бабли поднял на Юту глаза. В них была такая тоска и такая любовь, что у девушки сжалось сердце. Она не хотела, чтобы он договаривал, но к горлу подступил ком, и она не сумела остановить его.

Бабли вздохнул, отпустил руку Юты и без запинки закончил:

— Я могу устроить тебя на шаттл.

Глава 5. Трудный выбор

В библиотеке пахло старой бумагой и пылью. Это было одно из последних зданий в городе, построенных по старым чертежам. Библиотека имела форму полусферы. Широкие лестницы соединяли этажи, которые полукругом лепились к стенам, оставляя проём посередине. Стоя в центре первого этажа можно было увидеть высоко над головой куполообразный свод крыши.

Юта нашла подшивку нормативных актов Лиатраса и устроилась за одним из дальних столов на третьем этаже. Неяркий свет настольной лампы создавал ощущение уюта, а высокие книжные стеллажи скрывали от посторонних глаз.

Вчерашняя ночь была как в тумане. Юта проснулась около семи утра от боли в обожжённой руке. Она уснула там же, где сидела вечером — на диване. Кто-то укрыл её пледом и положил под голову подушку. Юта поудобнее устроила руку и вновь закрыла глаза, но мысли обо всём случившемся крутились в голове, как сумасшедшая карусель, не давая уснуть. Юта откинула покрывало и отправилась в ванную, чтобы принять душ и окончательно проснуться.

Она стояла босыми ногами на холодном кафельном полу, раздеваясь, когда что-то выпало из заднего кармана джинс и с лязгом покатилося по полу. Юта нагнулась и подобрала с пола мобильный телефон. Спросонья девушка не могла сообразить, откуда у неё в кармане взялся чужой мобильник. Но она быстро вспомнила. Этот телефон она забрала вчера из машины своих преследователей. Он мог стать её главным оружием против этих людей. Главное понять, как и когда его лучше использовать.

Юта снова вышла из ванной. Сол и Бабли ещё спали. Она вернулась в комнату и открыла первый попавшийся шкаф. В него в беспорядке было напихано постельное бельё вперемежку с одеждой. Юта взяла телефон и засунула поглубже в кучу белья. Не похоже, что Сол часто заглядывает в этот шкаф, а значит, телефон будет здесь в безопасности.

После душа Юта наспех выпила чашку холодного вчерашнего кофе и убежала из дома, оставив для Бабли записку. Правда была в том, что Юта не хотела с ним встречаться, не хотела продолжения вчерашнего разговора.

И теперь, сидя в обволакивающей тишине библиотеки, она с головой ушла в изучение актов, нормативов и статей, лишь бы не думать об этом. Юта быстро нашла нужный нормативный акт, но вот разобраться в нём оказалось не так-то просто. Он пестрел отсылками к другим, зачастую труднодоступным документам, к тому же предлагал весьма хитроумную систему измерения уровня песка.

Юта откинулась на спинку стула и задумалась о том, зачем нужно столько сложностей для такого простого дела. Измерить, сколько сантиметров осталось от края песчаного языка до верха Стены, да и дело с концом. Но вместо этого система измерения оказалась такой запутанной, будто была специально создана для того, чтобы простой человек ничего в ней не понял.

Но Юта не была простым человеком и твёрдо решила разобраться в ссылках и формулах. Вскоре её стол оказался погребён под книгами, документами, подшивками статей и газетными вырезками. Она даже нашла записи обращений прежних мэров города к населению перед эвакуацией, а также старые чёрно-белые фотографии переселения.

Юта просидела в библиотеке до вечера. Особой нужды в этом не было, — она давно

выяснила всё, что было нужно, но возвращаться к Солу не хотелось. Её не удивило то, что она узнала, но на душе поселилась тяжесть. Ведь одно дело — неподтверждённая догадка, а другое — знание.

Знание опасное и хрупкое, словно хрустальный кинжал. Одно неосторожное движение в обращении с ним, и ты погубишь либо его, либо себя. Ты не знаешь наверняка, кому можешь открыться. Но не имеешь права довериться не тому человеку, потому что от этого зависит не только твоя жизнь.

Знание, столь же ужасное, сколь и очевидное. Оставляющее ощущение безнадёжности и в то же время неизбежности. Слово так было всегда, и ты всегда об этом знал.

Уровень песка давно превысил опасный лимит. Эвакуация должна была начаться месяцы назад. Более того, для неё осталось только двухнедельное «окно». Если переселение не начнётся за это время, то его не успеют закончить в срок. Песок достигнет верха Стены и начнёт заметать город. А что будет после, никто не может сказать, потому что никто никогда этого не видел.

Коридоры Утегата были тихи и пустынно. Никто и ничто не тревожило город в этот час. Осветительные окошки были приоткрыты лишь на треть. На хитросплетение коридоров-улиц проливалась лишь малая толика того света, который в эту самую секунду выжигал поверхность пустыни, грозя испепелить до тла. Подземный город спал.

Никто не смел нарушить молчание чуть золотящихся песчаных улиц, разве что бесшумно скользящая по коридорам тень. Капюшон белого, как свет Тауриса, хилта, скрывал лицо, а ноги ступали абсолютно бесшумно, словно человек не шёл по земле, а скользил в сантиметре над ней. Незамеченным он минул жилые коридоры, проскользнул по самому краю Зала Кутх и снова углубился в один из проходов.

Пройдя ещё с половину города, человек остановился перед непримечательным потрёпанным пологом. Его край приоткрылся, и мягкий свет, просочившийся изнутри, словно окутал его и поглотил без остатка.

Оказавшись в комнате, человек осмотрелся. Трое атлургов сидело за столом. Четвёртый, совсем молодой, стоял у стены, отгораживающей приёмную комнату от жилых покоев. Его гордый профиль с бронзовой кожей выделялся на фоне стены, словно выточенный из песка.

— Всё в порядке? Он не слышал, как ты ушла? — спросил юноша.

— Нет, он спал, — ответила Леда, откидывая капюшон хилта с лица.

— Я рад, что ты пришла. У меня были сомнения на твой счёт, — подал голос Уги.

Он сидел за столом лицом ко входу. Его длинные волосы, выбритые на висках, были заплетены в косу, идущую по всей голове.

— У тебя нет причин сомневаться в моих решениях, — спокойно ответила Леда. — Меня бы не было здесь, если бы я не считала, что всё, что мы делаем — во благо моего народа и моего мужа.

Уги кивнул.

— Что ж, тогда... причина, по которой мы собрались, осталась прежней. Вопросы, на которые не были даны ответы, по-прежнему требуют решения. Я доверяю Корту и знаю, что он его найдёт. Я готов последовать за ним хоть в пылающий зёв Руга, но правда такова, что время для принятия этого решения подходит к концу. Мы больше не можем тянуть.

Гнетущая тишина висела в комнате, почти ощутимо давя на плечи собравшихся. Они знали: то, что они делают — необходимо, но от этого не становилось легче делать это за спиной того, кого они выбрали своим предводителем.

— Кхм, так у него есть решение? Он готов действовать? — хриплый, будто жернова, перемалывающие песок, голос принадлежал старшему из собравшихся — Гадриму.

Леда глубоко вздохнула, прежде чем ответить:

— Если бы у него было решение, мне бы не пришлось быть здесь.

От неё ждали такого ответа. Но произнесённые вслух, эти слова отрезали для присутствующих путь назад. И этого они тоже ждали.

— Что ж, тогда нам придётся взять ситуацию в свои руки, — проговорил Уги. Он, как правая рука Корта, вёл собрание. — Какие у нас есть варианты?

— Мы можем поднять атлургов против Канга, — предложил Гадрим.

— Но тогда нам придется рассказать людям о проблемах Утегата. А в свете Знамени это может поднять панику. Именно этого Корт и хотел избежать, — ответила Леда. Она хмурилась, и на её чистом лбу появились морщинки.

— К тому же этой ситуацией не применёт воспользоваться Гвирн, — проговорил Уги задумчиво, словно размышлял сам с собой.

— Мы должны придумать, как повернуть ситуацию в пользу Корта. Так, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, кто должен стать Кангом вместо Туррага, — ответил Гадрим.

Старый атлург пережил уже не одного Канга и хорошо понимал, как происходит смещение.

— Боюсь, сделать это будет непросто. — Леда стояла возле стола, оперев на него руки. На ней всё ещё был надет хилт, и белая ворсистая ткань накидки спутывалась с её золотыми волосами. — Быстро проверить такой план не получится. На то, чтобы поднять атлургов, понадобится время. Рано или поздно Турраг обо всём узнает, и тоже начнёт собирать силы. Не говоря уже о Гвирне, который, вполне возможно, готовит восстание в этот самый момент. Всё это грозит войной между атлургами. И никто не сможет предсказать, чем всё закончится.

— Есть другое решение, — подал голос юноша, стоявший у стены. Взгляд его искристых жёлтых глаз был хищным. Он смотрел на собравшихся исподлобья, и Леде показалось, что его глаза на миг вспыхнули, будто за зрачками загорелся и погас огонь. — Мы можем убить Канга.

В комнате не было ни одного человека, кому эта мысль не приходила в голову. Они были атлургами, а значит, война была у них в крови. Множество Кангов в истории Утегата уходили с поста именно таким способом. И всё-таки до сих пор эти слова не были произнесены. По большей части из уважения к Карту, который считал подобную меру неприемлемой и не допускал даже разговоров об этом.

Долго, слишком долго эта мысль оставалась невысказанной. Но время пришло, и атлурги знали об этом.

— Если мы будем действовать быстро и слаженно, никто не успеет сообразить, что произошло, — продолжал Дар с нажимом. — Если мы опередим Гвирна, для него это тоже будет неожиданным ударом. Пока он успеет оправиться, Корт уже поведёт за собой людей. Он расскажет атлургам о проблемах, которые утаивал от них Турраг. В таком случае никто не посмеет усомниться в его власти.

— Это разумный план, — тяжёлым голосом проговорил Уги. Его кулаки, лежащие на

столе, сжимались и разжимались, — и всё же... Корт не хотел бы этого. Мы и так действуем за его спиной. Если мы убьём Канга, он сочтёт это предательством и никогда нас не простит.

Некоторое время все молчали. Они ставили себя в сложное положение уже тем, что собирались без ведома Корта. И всё же каждый в этой комнате был готов принять решение и понести за него ответственность. Недаром они были самыми близкими, доверенными его людьми.

Молчание неожиданно нарушила Леда:

— Может, и так. Может, Корт и не простит нас, но мы делаем это ради него. Я согласна с Даром. Наш шанс в том, чтобы ударить быстро и без предупреждения. И да, Уги прав в том, что Корт может расценить это как предательство, и тогда мы все понесём наказание. Но если и есть что-то, за что стоит расплатиться собственной жизнью, — то это выживание Утегата. Меня бы не было здесь, если бы я не верила, что на кону стоит именно это. И если бы не верила, что мой муж — единственный, кто может спасти нас всех.

Атлурги переглянулись. Они знали, что Леда права. И хоть правой рукой Корта был Уги, последнее слово оставалось за Ледой. Она была той, кто мог потерять всё не только в случае поражения, но и в случае победы. Эти слова, произнесённые ею, не оставляли сомнения в правильности решения.

— Кто это сделает? — спросил Уги, и ответ не заставил себя ждать.

— Я! — громко произнёс Дар, словно только этого вопроса и ждал. Его звонкий голос эхом прокатился над столом, прежде чем песчаные стены впитали его, как губка воду.

Уги задал следующий вопрос, несмотря на то, что знал на него ответ.

— Подумай хорошенько, готов ли ты. — Уги пристально смотрел на Дара. Он отмечал все изменения в юноше — чуть заметную дрожь и то, как его правая рука мёртвой хваткой легла на рукоять кинжала-аслура. Клинок из тергеда в форме полумесяца тускло мерцал, пропуская солнечный свет. — Это решение определит всю твою жизнь. В случае если нам придётся отвечать за содеянное, карающая длань Руга укажет в первую очередь на тебя, несмотря на то, что решение было общим.

Дар побледнел. Его бронзовый загар будто присыпало пеплом. Но тем ярче и отчаяннее загорелись его глаза. И был этот блеск чем-то средним между блеском глаз лихорадочного больного и ослепительным сиянием Тауриса, стоящего в зените.

— Это моё право, которое я получил ещё до рождения, — процедил юноша сквозь зубы, как будто бросал вызов всем, кто мог усомниться в его словах. — Всю свою жизнь я готовился к этому. Отец Туррага предал моего деда и обрёк его на гибель в песках. Священный долг крови требует от меня отомстить за мой род, и наконец-то мне представилась эта возможность.

Уги, как и все присутствующие, знал об этом. И всё же эти слова, как признание, как клятва, должны были быть произнесены вслух. С тяжёлым сердцем Уги кивнул.

— Ты готов. Значит, решено. Мы сделаем это перед праздником Куду и посвятим эту жертву Богу Воды. Ты должен привести свои земные дела в порядок перед этим священным делом и подготовить свой дух. А до тех пор мы будем хранить эту тайну ото всех, даже самых близких. И да благословит нас Руг.

Юта добралась до квартиры Сола, когда Аттрим уже начал карабкаться к зениту. Она снова шла от метро пешком, оттягивая тот момент, когда придётся делать выбор, говорить ли Бабли о том, что она узнала в библиотеке или нет. Юта никогда и ничего от него не скрывала, но эта правда была слишком опасной. Каждый, кто узнает её, может пострадать.

Сама Юта, будучи журналисткой, была готова к рискам и опасностям, которые часто несёт с собой правда. Но Бабли... От мысли о том, что она подвергнет его жизнь ещё большей угрозе, её начинало мутить, словно она смотрела в пропасть, дна которой не могла разглядеть.

Бабли и Сол были дома. Они сидели в гостиной, на диване, на котором Юта спала прошлой ночью. На журнальном столике перед ними стояли картонные коробки с пиццей. В воздухе витал ароматный запах теста и сыра. Бабли сидел прямо на полу. Тарелка с едой была у него в руках. Друзья смеялись над чем-то, и этот звук заставил сердце Юты сжаться.

Сколько раз она видела друзей вот так сидящими в гостиной за просмотром передач Патрисии Ву, с коробкой пиццы, лежащей между ними. Они беспрестанно комментировали каждое слово ведущей и хохотали до упаду, разбрасывая крошки от еды вокруг себя.

Бабли и Сол выглядели так, словно время здесь замерло, укутавшись зеленоватым светом ламп. И это было так странно, потому что на самом деле всё изменилось. Юта чувствовала, что изменилась она сама. Всё, что она пережила, знания, которые ей открылись словно выбросили её за борт собственной жизни. Ей оставалось только вспоминать и наблюдать со стороны, но вернуться назад — нет, это было невозможно.

Увидев девушку, как призрак возникшую в дверях, Бабли перестал улыбаться. Он всегда мог читать по её лицу, как в хорошо знакомой книге.

— Ты что-то узнала? — тут же задал он вопрос, которого она так надеялась избежать.

Юта прошла в гостиную, скидывая на ходу туфли, и плюхнулась на диван.

— Ничего определённого, — ответила журналистка, не глядя на друга. — Одни догадки.

Бабли шумно перевёл дыхание, как будто боялся услышать что-то другое.

— Значит, тупик? — с плохо скрываемым облегчением в голосе спросил друг.

Юта знала, как Бабли относится к её расследованиям и работе в целом. Он считал, что профессия журналиста связана со слишком большими рисками, и Юте стоит сменить её.

Девушка помедлила, прежде чем ответить. Она встала и прошла к холодильнику, чтобы скрыть от Бабли выражение лица.

— Не совсем, — сказала Юта, оглядывая содержимое холодильника, но ничего не видя. — У меня есть зацепки по убийству мэра. Я должна попробовать что-то узнать.

Бабли молчал. Стоя к нему спиной, Юта не видела его лицо, но хорошо представляла, как Бабли печально качает головой. Она не хотела его расстраивать, но это было не в её власти.

— Ты подвергаешь себя слишком большой опасности.

Неожиданно друг оказался прямо рядом с ней, так что Юта даже вздрогнула от неожиданности. Никогда он не двигался так тихо, или же она была настолько расстроена и погружена в свои мысли, что просто не слышала, как он подошёл?

— Они убьют тебя.

— Ерунда. Ничего такого не случится.

Юта не смотрела на Бабли. Она знала, насколько он может быть прав, но не могла признать этого. Пытаясь избежать его взгляда, Юта схватила из холодильника первое, что попало под руку, и направилась обратно к дивану. Как вдруг её запястье обвила горячая

мягкая ладонь.

— Ты должна улететь, — произнёс Бабли чересчур громко.

Юта подняла голову и увидела, что Сол во все глаза разглядывает их. Выражение его лица было слегка смущённым, как будто он стал свидетелем очень личной сцены. Юта не представляла, что он прочёл у неё на лице, но Сол поспешно поднялся.

— Я... у меня там дела в комнате, — с этими словами он выразительно показал на спальню. И скрылся за дверью, прихватив с собой тарелку с пиццей.

Бабли, кажется, тоже почувствовал себя неловко и выпустил руку Юты. Но сдаваться не собирался.

— В этот раз всё зашло слишком далеко, а я не могу позволить чему-то плохому случиться с тобой. Эти люди... они не остановятся, пока не найдут тебя. И тогда...

Бабли замотал головой. Он проследовал за Ютой к дивану и сел рядом. У неё больше не было возможности избежать друга, и она посмотрела ему в глаза.

— Понимаешь, я просто не смогу... если с тобой что-то произойдёт, — говорил Бабли, теребя край рубашки, а Юта смотрела на него так, будто видела впервые. Ведь это она привыкла всегда идти впереди, защищать и прикрывать его.

— Мне жаль, что я подвергла тебя опасности, — выпалила Юта то, что вовсе не собиралась.

— Не говори этого, — горячо возразил Бабли. — Я последую за тобой куда угодно. Ведь я тебя... то есть ведь ты мне... Ведь я твой лучший друг с детского сада, — закончил Бабли, не глядя на Юту. Его лицо стало пунцовым.

Минуту Юта колебалась, а потом со всей силой сжала кулаки, так что ногти больно впились в ладони.

— Только если ты полетишь со мной, — вымолвила девушка. У Бабли открылся рот. Он явно не ожидал такого ответа. А Юта закончила: — И я всё равно не отступлюсь. Когда мы окажемся в безопасности, я расскажу эту историю и добьюсь того, что люди узнают правду.

Некоторое время Бабли молчал, неотрывно глядя на Юту, а затем кивнул.

Глава 6. То, что нам дорого

Леда возвращалась домой восточными коридорами. Была ещё глухая ночь. На улицах не было ни души, только крошечные пылинки кружились в тусклых лучах пробивавшегося с потолка света. Леда шла настолько бесшумно, что почти не тревожила их, как бы проплывая сквозь сам воздух. Но даже она не услышала, когда за её спиной возникла ещё одна тень.

— Не поздновато ли для прогулок в одиночестве? Кто-то может решить, что ты крадёшься по коридорам с недобрým умыслом.

Леда резко обернулась, застигнутая врасплох. Этот голос она узнала бы среди тысяч других: и сквозь грохот сражения, и шепчущим не громче шороха песка.

— И с чего бы кому-то так думать, Нагир? — спросила она мужчину, стоящего напротив, и гордо подняла подбородок, чтобы посмотреть ему в глаза.

Леда была высокой, но чтобы сравняться с Нагиром, ей пришлось бы вытянуться и встать на цыпочки. Мужчина, сложа руки, прислонился к стене. Он был не только высоким, у него было мощное для атлурга телосложение и необычный цвет глаз. Они были очень тёмными, почти карими. Спутанные волосы были собраны на макушке.

Весь внешний вид Нагира был неряшливым. Мощный подбородок и широкие скулы заросли щетиной, как будто ему было недосуг побриться. Кофта была засалена и порвана на локтях. Штаны потёрты настолько, что невозможно было определить их первоначальный цвет. На правой штанине расцвело яркое пятно, похожее на засохшую кровь.

Нагир смотрел на Леду сверху вниз, с насмешливой ухмылкой, но не презрительно.

— Может, с того что человеку, который не прячется, незачем скрывать своё лицо под хилтом? Или ты боишься, что твою нежную кожу обожгут эти смертоносные лучи?

Нагир повёл рукой в сторону, раскрыв её ладонью вверх. На ней, словно на сцене, в свете солнечного луча заплясали пылинки, закручиваясь спиралью от его дыхания. Мужчина продолжал улыбаться, в то время как его тёмные, как стоячая вода, глаза сверлили Леду, проникая прямо под кожу.

Девушка шумно втянула в себя воздух, готовая ответить что-то резкое, но в последний момент сдержалась. Вместо этого она произнесла:

— Не могу сказать, что эта встреча, как и все остальные, оказалась приятной, но в любом случае мне пора идти. Так что прошу прощения, и да будет Руг благосклонен к тебе и твоим близким.

Леда сделала шаг по коридору прочь, подальше от этого мужчины, но он резко оторвался от стены и в мгновение ока перегородил ей дорогу. Руки Нагира по-прежнему оставались скрещенными на груди, но теперь он стоял всего в шаге от Леды. Она быстро отступила назад. Нагир заговорил изменившимся тоном. Он больше не улыбался.

— Думаешь, я не знаю, куда вы ходите по ночам? Ты и жалкая горстка последователей Корта?

Леда тряхнула головой:

— И откуда тебе знать, куда я хожу по ночам? Разве только ты следишь за мной?

Нагир скривился, будто ему под нос сунули цветок Рух.

— Мне нет в этом нужды. Все в Утегате знают, куда и зачем вы ходите. Пойми, твоему мужу не быть Кангом. Он не справится.

В словах мужчины не было злобы или попытки оскорбить Леду. Он произнёс это, как не

подлежащий сомнению факт — сухо и бесстрастно.

— Раньше ты так не считал, — мягко ответила Леда.

Она не разозлилась и вообще не проявила никаких эмоций, если на это рассчитывал Нагир.

Её слишком спокойный ответ явно не удовлетворил его. Нагир даже отвернулся, и Леда гадала, сделал ли он это, чтобы подавить гнев или чтобы скрыть от неё свои истинные эмоции. Его ответ прозвучал глухо.

— Многое изменилось с тех пор. Кроме одного: он по-прежнему тебе не подходит.

Нагир снова посмотрел девушке в глаза. И не было в этом взгляде ни злости, ни вызова. Наоборот, он был до неприличного интимным: слишком открытым, слишком незащитным.

Леда опустила глаза к его поношенным, нелатаным сапогам, и произнесла холодно:

— Об этом не тебе судить. А теперь мне пора идти.

Не поднимая взгляда, Леда обошла Нагира. Он замер на месте, словно изваяние Гадруна — бога скорби и одновременно отмищения. И когда Леда уже выдохнула с облегчением, решив, что неприятная встреча окончена, на её запястье сомкнулись твёрдые прохладные пальцы.

— Подожди, — быстро заговорил Нагир. — Есть и другое решение. Присоединяйтесь к Гвирну. Нам не обязательно враждовать. Нам с тобой. Приходи на встречу завтра, и ты поймешь, что лучшего Канга, чем Гвирн, у нас не будет. Твой муж никогда не подходил на эту роль. Он слабый и слишком мягкий. К тому же он не один из нас. Он не справится с народом.

Это было уже слишком. Леда с силой выдернула руку из крепкой хватки. На запястье остались красные следы, но девушка не обратила на это внимания. Очень спокойно и очень холодно она сказала:

— Не забывайся, Нагир. Мой муж — ругат. Он является атлургом, частью народа. Его многочисленные и славные знаки напомнят тебе об этом. И помимо прочего, он — всё ещё мой муж, и таковым и останется.

Не желая слушать, что ещё может сказать мужчина, Леда отвернулась и зашагала по коридору. Он ничего не ответил и не произнёс ей вслед ни слова.

Леда не оборачивалась, чтобы взглянуть на него, но перед глазами всё равно стояла непрошенная картина: Нагир, в одиночестве застывший в пустынном коридоре. Его крепкие плечи опущены, поношенная, дряхлая одежда, словно укор, напоминает о том, в какое жалкое состояние может придти человек, о котором некому заботиться, если самому ему нет до себя никакого дела. Он молча смотрит в коридор, в котором только что была Леда. Сильные руки безвольно висят вдоль тела, в глазах — боль.

Дойдя до дома, Леда остановилась и посмотрела на отметины на запястьях, уже начавшие наливаться тёмно-синим. Она подумала о том, что пару дней придётся носить кофты с длинными рукавами, чтобы скрыть от мужа синяки.

Когда тем вечером, около двух недель назад, Юта шла из библиотеки домой, она была решительно настроена на борьбу. Ничто не могло её остановить, и уж точно она не могла представить, что согласится на предложение Бабли. Но теперь она знала, почему сделала это.

Юта всегда считала, что журналистские расследования, поиск правды и раскрытие её людям было главным в её жизни. Но на самом деле это было не так. На самом деле близкие ей люди были гораздо важнее. Точнее, один близкий человек, потому что кроме Бабли у неё никого не было. И это вдруг оказалось очень просто — согласиться ради него.

Улететь с Лиатраса неизвестно куда не было побегом, это было возможностью обезопасить Бабли. Поэтому это было правильным решением. Так что Юта не сомневалась, собирая в дорогу свой небольшой скарб — то, чем успела обзавестись с тех пор, как они с Бабли покинули дом. Она была в квартире одна. Сол был в лаборатории, а Бабли заботился о последних приготовлениях к отлёту, оформлял на них бумаги.

Полупустая дорожная сумка была собрана, и Юта растерянно опустилась на кровать. Неужели это всё, и её жизнь в Лиатрасе на самом деле подходит к концу? Девушка рассеянно подняла руку к груди, и вдруг её прошиб холодный пот.

Вместо маминого кулона пальцы схватили пустоту. Мама подарила Юте эту подвеску незадолго до смерти, и Юта никогда её не снимала. Как же... когда она потеряла её? Как это случилось? Юта вскочила с кровати, беспомощно осматриваясь по сторонам, будто надеялась, что кулон вдруг окажется где-то рядом. Но его нигде не было.

Резкий звонок телефона заставил Юту подпрыгнуть. Она бросилась к аппарату. Это был Бабли.

— У меня всё готово. Ты собралась? — спрашивал голос друга, но Юта не слушала его.

Она прокручивала в голове прошедшие дни, пытаясь понять, когда потеряла кулон. Может, это случилось, когда она боролась с убийцей в кафе? Или когда ходила на Стену? Или... внезапная догадка озарила её лицо.

— Ты там? — спрашивал Бабли. — Юта?

— Да, да, — затараторила девушка. — Бабли, всё хорошо. Мне придётся немного задержаться.

— Что значит «задержаться»? Вылет ровно в пять, шаттл не будет тебя ждать, так что...

— Да, знаю, — оборвала Юта взволнованный голос Бабли. — Мне надо кое-куда успеть. Увидимся на взлётной площадке.

И бросила трубку. Юта чуть не выбежала из дома, так и оставив сумку на кровати, но в последний момент опомнилась. Она кинула сумку через плечо, после чего, даже не взглянув на квартиру Сола в последний раз, пулей вылетела из дома.

Юта остановилась напротив входа с другой стороны улицы. Навес над дверью кафе, под которым она стояла, укрывал её в тени, создавая иллюзию, что она невидима для прохожих, спешащих по улице. Белый свет Тауриса заливал тротуар и дома, отражался от окон тысячами солнечных зайчиков.

Белая полоска света подползла к ногам девушки, и она непроизвольно сделала шаг назад. Глаза Юты следили за дверью дома напротив, — дверью небоскрёба «Сталтса», где она прожила последние пять лет. Время от времени её взгляд отрывался от двери и начинал скользить по лицам прохожих и припаркованным у тротуара автомобилям. Но ничего подозрительного она не замечала.

Собравшись с духом, Юта вышла из своего укрытия и быстро зашагала через улицу, держа в поле зрения заветную дверь. Ей казалось, что выйдя под свет Тауриса, она оказалась под прожектором, и теперь каждый прохожий на улице, продавец в витрине и водитель проезжающей машины смотрит на неё. Юта выдохнула с облегчением, только когда дверь захлопнулась за спиной. Она прислонилась к ней взмокшими лопатками и позволила себе

перевести дыхание.

Раз её до сих пор не схватили, то, скорее всего, за домом не следят, и она может спокойно сделать то, зачем пришла.

Дверцы лифта раскрылись на двадцать седьмом этаже, на этаж ниже, чем Юта жила. Просторный коридор блестел хромом, отполированным до блеска. На этаже было тихо. С негромким щелчком двери лифта закрылись за спиной. Юта вздрогнула и обернулась. Лифт, жужжа, начал спускаться вниз, и она осталась в холле одна.

Юта поднялась по лестнице на один пролёт и остановилась. Она надеялась, что если кто-то ждёт её на этаже, она услышит или увидит его первой. Но сверху не раздавалось ни звука. Через долгие десять минут девушка наконец решилась подняться на свой этаж. Широкий коридор был пуст. Из квартиры напротив доносились звуки включенного телевизора.

Юта остановилась перед своей квартирой — от волнения руки слегка подрагивали — и выудила из сумочки ключ. Она толкнула дверь, как всегда открывшуюся лишь на треть, и протиснулась внутрь. Юта не стала включать свет. Медленно пройдя в гостиную, она застыла на пороге.

Это без сомнения была её квартира: маленькая, тесная, но уютная, с узнаваемыми запахами кофе, ароматических свечей и миндального мыла. За исключением того, что всё в ней было перевернуто вверх дном.

Коробки с обувью, стоявшие за дверью, были вывернуты и разбросаны по коридору. Книги и журналы с книжных полок свалены вниз. В центре комнаты, на полу, вперемешку валялась одежда, разбитая настольная лампа, диванные подушки.

Юта перевела взгляд на свой рабочий стол. Все бумаги и папки до единой валялись на полу, даже стаканчик с ручками и карандашами был сброшен. Ящики стола были выдвинуты, содержимое перемешано и частично также выкинуто на пол. Но самым ужасным было не это. Её компьютер, старый, но служивший ей верой и правдой, был разбит вдребезги. Системный блок был раскурёжен и выпотрошен. Монитор разбит, словно по нему со всей силы ударили битой.

Юта подошла к столу. К её удивлению над ним остался висеть стенд со статьями про мэра Гованса. Юта собрала их, когда готовилась к пресс-конференции. Она начала водить глазами по заголовкам, и ей казалось, что в каждом из них скрывался тайный смысл, который она силилась, но была не в состоянии постичь.

«Мэр Лиатраса наградил пожарных Пятого Участка за храбрость, проявленную при тушении пожара в детской больнице», «Городской Совет вынес седьмую поправку к законодательству на рассмотрение мэра», «В прошлый четверг мэр Гованс посетил предприятия Водной Долины». На одной из вырезок с ежегодного выступления улыбающееся лицо мэра вещало: «Сегодня Лиатрас входит в золотую эру своего развития. Мы уже добились так многого с вашей помощью, и я обещаю, что скоро мы вместе вступим в светлое будущее».

Юта отвернулась от стенда и подошла к столу Бабли, стоявшему рядом. Он был так же чист, как и её — ни чертежей, ни расчётов. Только карта звёздного неба по-прежнему висела на стене. Странно, но его бумаг не оказалось на полу, в отличие от документов Юты: скомканные и разбросанные по всей комнате, но они были здесь. Юта успела подумать, что это необычно, как вдруг заметила, что на мониторе компьютера Бабли, который не был разбит, горит зелёный огонёк. Она подошла и нажала кнопку включения.

Монитор загорелся, но всё, что Юта увидела — был чёрный экран с бегущими по нему системными символами. Интересно, это сделал Бабли, когда уходил? Но у Юты не было времени разбираться в том, что случилось с компьютером Бабли. Ей надо было спешить к отправке шаттла.

Сквозь неплотно закрытые бежевые шторы в комнату просачивался свет, расчерчивая её квадратами, словно шахматную доску. Осторожно ступая между разбросанными по полу вещами, стараясь ни к чему не прикасаться, Юта прошла к ванной. Ей казалось, что она сама стала шахматной фигурой, попавшей в чью-то, тщательно распланированную игру.

Открыв дверь, Юта сразу нашла глазами то, что искала. Кулон лежал на краю раковины. Юта положила его туда, когда мылась после возвращения с подземной парковки в день убийства мэра. Она с облегчением взяла кулон в руки. Он быстро нагрелся от ладони и будто стал излучать собственное тепло. Так, словно это он теперь грел руку девушки, а не наоборот.

Кроме него у Юты почти не было маминых вещей. Когда родители погибли, ей было одиннадцать, так что их квартирой и вещами распорядилось государство. У Юты осталось только то, что было на ней в тот день — в том числе и этот кулон, который мама подарила ей за месяц до смерти.

Юта была ещё ребёнком, когда родителей не стало. С каждым годом память о них стиралась, выветриваясь, как горная порода. Ей казалось, что мамин кулон, который с тех пор она носила не снимая, помогает сохранять остатки воспоминаний. Глядя на своё отражение в зеркале, Юта надевала кулон. Ощущение было такое, словно к ней вернулась частица её самой.

Юта вышла из ванной и остановилась на пороге гостиной. Ей хотелось запомнить свою маленькую квартирку во всех её милых и таких дорогих для сердца мелочах. Несмотря на бардак, оставленный теми, кто сюда приходил, Юта всё равно видела перед собой самое безопасное и уютное место в мире — дом.

Сердце сжалось от тоски, но Юта не могла даже как следует попрощаться. Время поджимало. С какой-то тихой грустью Юта вдруг подумала, что успеет заплакаться вдоволь, когда всё будет позади, и они с Бабли окажутся в безопасности.

Космопорт для приёма и отправки шаттлов находился на самом юге города, за Водной Долиной, вдали от жилых домов. Показав на входе удостоверение, Юта ворвалась на взлётную площадку за пятнадцать минут до вылета. Она больше не боялась — мамина подвеска, всегда придававшая ей сил, словно мама была рядом, висела на шее. И Бабли тоже был здесь. Стоял, переминаясь с ноги на ногу, и, щурясь, всматривался в фигуры людей, проходивших на посадку.

Взлётная площадка была огромной — величиной с четыре стадиона. Вся её поверхность была обработана специальным термостойким составом, от которого она блестела, словно намазанная клеем. В самом центре, на опорных кранах, высился шаттл Торговой Компании Сантори. Белый с красными полосами — фирменной расцветкой дома Сантори — он блестел на солнце, величественно поднимаясь на высоту восьмизэтажного дома.

— Ух, ты! Какой огромный! — только и нашла, что сказать Юта, подходя к Бабли.

Он стоял в тени одного из навесов, которые окружали площадку по периметру.

— Ну наконец-то! Я себе места не находил! Думал, ты уже не покажешься. Решил, с тобой что-то случилось! — воскликнул друг в ответ.

Он бросился к девушке и с несвойственной ему силой обнял её.

— Прости, что заставила нервничать. Всё в порядке. Просто надо было кое-что забрать.

Бабли улыбнулся, но улыбка вышла бледной. Юта заметила, что у друга в лице не было ни кровинки, а на лбу выступили капельки пота.

— Хорошо, хорошо, главное, ты здесь. Вот твой посадочный талон. Ты приписана к персоналу, но делать тебе ничего не придётся, — быстро говорил Бабли, суетливо шаря по карманам и вынимая из них разные бумажки. Некоторые он складывал обратно, другие, скомканные и промокшие от его ладоней, не глядя, совал Юте. — Мой приятель, его зовут Долман Далл, позаботится о тебе.

— Пстой, пстой, — перебила друга Юта. — Почему обо мне? Ты хотел сказать: о нас...

Она осеклась. Бабли намеренно избегал её взгляда. Юта сделала шаг назад, чтобы посмотреть на него.

— А где твоя сумка? — растерянно, с закрадывающимся в душу страхом спросила она.

— Я... — мялся Бабли. — Ну, я...

— Ты не летишь! — воскликнула Юта.

Внезапно её разобрала такая злость, что она готова была вцепиться другу в рубашку и трясти его до тех пор, пока он не объяснит, что натворил.

— Ты врал мне! — кричала она. — Всё это время ты мне врал! Ты и не собирался лететь, ты только хотел заманить меня сюда!

— Послушай, у меня не было выбора. Я бы полетел с тобой, честное слово, но место было только одно. Если бы я не соврал тебе, ты бы ни за что не согласилась.

Бабли протянул к девушке трясущиеся руки. Выражение его лица было умоляющим, нижняя губа дрожала. Юте стало его жалко, но злость ещё не выгорела, все её чувства кипели.

— Как ты мог! — бросила она, словно выплюнула эти слова ему в лицо. После чего отвернулась, не в силах смотреть в его умоляющие глаза.

— Юта! Прошу тебя! На всём свете ты самый дорогой мне человек, и какие-то очень большие силы хотят отнять тебя у меня. Я не могу этого допустить! Без тебя я просто... — он осёкся.

Юта повернулась к другу. Она никогда не могла долго на него злиться.

— Ты тоже самый близкий мне человек, — тихо произнесла она, подходя к Бабли и беря его за руку. — Кроме тебя у меня никого нет. С тех пор, как погибли родители, ты — вся моя семья.

Он поднял на неё глаза и крепче схватил за руку.

— Прошу тебя, умоляю, ты должна лететь! Сделай это ради меня! Если с тобой что-то случится, я не переживу этого.

Маленькие карие глазки Бабли искали её глаза. В них было такое отчаянье и такая любовь, что Юта снова сделала то, что не собиралась. Она кивнула.

— Хорошо, я полечу.

Бабли с облегчением перевёл дыхание. Теперь его улыбка была искренней, хоть в ней и проглядывала скрытая боль.

— «Просьба пассажирам и персоналу занять свои места. Провожающие должны

покинуть взлётную площадку. Шаттл отправляется через пять минут», — разнёсся по площадке женский голос.

— Вот и всё. Тебе пора, — сказал Бабли.

— Да, — эхом отозвалась Юта.

Их обтекали людские тела. Последние пассажиры прощались с родными и спешили на посадку. Поток провожающих хлынул в сторону зала ожидания.

— Думаю, первое время тебе лучше не связываться со мной, для твоей безопасности. Я узнаю о стыковке шаттла из новостей. Когда здесь всё уляжется, я сам тебе напишу.

— Да, — повторила Юта. Они с Бабли стояли в шаге друг от друга, держась за руки.

Площадка быстро пустела. Женский голос из динамика продолжал приглашать опаздывающих на посадку. Юта не могла двинуться с места.

— Мы увидимся снова, — проговорил Бабли и шагнул навстречу, чтобы крепко обнять её.

Юта вцепилась в его рубашку с неожиданной силой. Глаза щипало. Она не знала, как найти в себе силы, чтобы отпустить Бабли. Он сам разжал её руки, клещами сомкнувшиеся вокруг его шеи. Он крепился, как мог, ради неё. Он улыбался.

Быстрым движением Юта смахнула со щеки выкатившуюся слезу.

— Мы увидимся снова, — повторила она слова Бабли и улыбнулась.

А затем, не оборачиваясь, побежала к шаттлу, готовому закрыть приёмные двери.

Юта взбежала по трапу последней. Тяжёлая дверь захлопнулась за спиной. Молодой человек в синей униформе с бело-красным логотипом ТКС проводил её к месту, и Юта уселась в узкое кресло у иллюминатора. С высоты пассажирского модуля она хорошо видела огромные стеклянные окна зала ожидания. Провожающие, мужчины и женщины, льнули к самому стеклу, чтобы посмотреть, как взмлет в небо блестящая сигара шаттла, унося с собой их родных и близких.

Юта всматривалась в лица, восторженные и печальные, весёлые и грустные, но нигде не видела Бабли. Наконец он появился у самого края гигантского полукруглого окна. Юта не знала, видит ли он её. Бабли приложил руку к стеклу, прощаясь. Повинуясь внезапному порыву, она тоже приложила руку к стеклу иллюминатора.

В следующую секунду включились двигатели, и всё заполнил оглушительный низкий рёв. Вместе с другими пассажирами Юта надела специальные наушники, в которых тот же, что и на взлётной площадке, женский голос читал правила безопасности. Затем начался обратный отсчёт.

Юта, не отрываясь, смотрела на Бабли. Он убрал от стекла руку и теперь просто стоял, сунув руки в карманы. За его спиной возникли две фигуры. Юта не видела лиц, но это были два высоких мужчины. Бабли обернулся к ним, как если бы они что-то у него спросили, и вдруг начал падать. Его тело медленно оседало вниз, голова запрокинулась. Голос в наушниках вёл отсчёт от трёх к одному, когда на светлой рубашке Бабли расцвело два красных пятна.

А потом салон сотряс толчок, будто невидимая рука великана схватила шаттл и начала трясти. Топливо было подано к зажиганию, и всё пространство взлётной площадки заполнил огонь и быстро сменивший его чёрный дым, за которым ничего не было видно. Рёв двигателей стал слышен даже сквозь наушники. С ускорением, вжимая пассажиров в сиденья, ракета рванула ввысь, за секунды удаляясь от блестящего города, а затем и от жёлтого поля пустыни.

Юта сидела, уставившись в одну точку, ничего не видя и не слыша. Она не плакала. Ей казалось, будто она провалилась в вакуум, где нет абсолютно ничего, никаких мыслей и чувств, даже боли. Она падала и падала, и это падение было сладким избавлением. Голова начала кружиться, она почувствовала перепад давления. Что-то было не так.

Юта подняла глаза от спинки переднего сиденья и только тут поняла, что люди вокруг кричат. Одни вцепились в подлокотники сидений, другие, наоборот, отстёгивали ремни безопасности, пытаясь куда-то бежать. Юта сняла наушники и с удивлением поняла, что гул двигателей звучит как-то странно, как будто только с одной стороны, хоть он по-прежнему был оглушительным. Резко ракета накренилась. Люди, успевшие вскочить со своих мест, с воплями начали падать, теряя равновесие. Юта посмотрела в иллюминатор. Земля больше не была далеко внизу, она была справа и приближалась.

— Что происходит? — что есть мочи крикнула Юта мужчине, сидевшему рядом с ней. На нём была синяя форма ТКС.

— Один из двигателей отключился. Мы падаем.

Мужчина сидел, вжавшись в сиденье, крепко зажмурившись.

— Что делать? — крикнула Юта.

— Что? — не понял мужчина.

Он открыл глаза и теперь с ужасом смотрел на девушку.

— Что делать? — снова крикнула Юта и вцепилась ему в руку. — Что в таких случаях предписывает аварийный протокол?

Её слова как будто не доходили до него. Мужчина снова вцепился в подлокотник, и Юта начала что есть сил трясти его, крича:

— Как нам спастись? Что делать?

Глаза мужчины наконец обратились к ней. В них появился проблеск понимания, а затем он закричал в ответ:

— Надо добраться до аварийного модуля в конце шаттла! У него свои двигатели. Если мы отстыкуемся, то можем попробовать приземлиться в пустыне!

Не слушающимися пальцами Юта отстегнула ремень безопасности, мужчина сделал то же. Но шаттл снова совершил кульбит, развернувшись на сто восемьдесят градусов. Салон снова огласили крики, и Юта почувствовала, что летит.

Падала она недолго, — салон был небольшим. Вскоре Юта приземлилась, больно ударившись локтём обо что-то острое. Голова кружилась. Люди вокруг пронзительно вопили. Поднявшись на ноги, Юта поняла, что все пассажиры висят в креслах вниз головами. Верх и низ поменялись местами, она стоит на потолке. А то, обо что она ударилась рукой — была открытая решётка вентиляции.

— Туда! — рядом с ней поднялся мужчина в синей униформе.

Он указывал на хвост шаттла. После падения они оказались от него в нескольких шагах.

Юта побежала, в то время как корабль трясло и качало. Она не была уверена, что они успеют добежать до того, как он врежется в землю, и всё будет кончено. В общем-то её это не слишком волновало. То, что заставляло её двигаться — было всего лишь инстинктом выживания, а не её сознательным выбором.

Впереди показалась дверь. Какой-то парень уже пытался открыть её. Наконец она

поддалась, кто-то сильно толкнул Юту в спину, и она помимо воли влетела в небольшую кабинку аварийного модуля. Здесь тоже были сиденья, но из-за того, что шаттл постоянно вертело, сейчас они находились сбоку. Забраться на сиденье не было никакой возможности, поэтому Юта изо всех сил вцепилась в подлокотник, как в поручень.

Парень, открывший модуль, уже был у панели управления. Через дверь за Ютой вбежало несколько человек. Последний крикнул:

— Закрывай! Закрывай!

Уговаривать парня дважды не пришлось. Он хлопнул рукой по какой-то кнопке, и дверь встала на место.

— Держитесь! Сейчас включу двигатели и мы отстыкуемся!

Юта обхватила ручку с такой силой, что та больно впилась в бок. Модуль качнуло и рвануло в сторону, но вместо того, чтобы выровняться и набрать высоту, Юта почувствовала, что они снова падают.

— Слишком близко к земле! — крикнул парень. — Двигатели не успевают набрать тягу! Держитесь!

Он рванул на себя какой-то рычаг, а затем присоединился к остальным.

«Это конец», — успела подумать Юта, но не испытала по этому поводу никаких эмоций, кроме лёгкого удивления.

Падение было недолгим. Юта ощутила сильнейший толчок. Она не смогла удержаться, её оторвало от сиденья. Модуль закрутило, внезапно в глаза ударил яркий свет, а затем всё померкло.

Глава 7. Подземный город

Корт карабкался по камням, обдирая ладони. От жары и бега он взмок. Едкий пот заливал глаза, отчего они болели и слезились, но мужчина не останавливался. Он взбирался по крутому уступу вертикально вверх, когда камень, за который он схватился рукой, пошатнулся и выскользнул из-под пальцев, укатившись вниз по обрыву. Корт чуть не улетел следом за ним, но уцепился второй рукой, повиснув на ней, и удержался. Он перевёл дыхание, глядя вниз — до места, с которого он начал подъём, было уже метров сто. Мужчина утёр пот со лба и полез дальше.

Корт поднимался не по тропе, которая обычно выводила его на плато. Она пролежала через более безопасные и пологие части горы, где каждый камень и овраг были хорошо ему знакомы. Но она вела в обход, а сейчас Корт не хотел тратить время на обходные пути. Он лез наверх по отвесному склону, поднимавшемуся от самых каменоломен. Корт цеплялся за выступающие камни руками, а порой и только пальцами, подтягивался, находил пальцами ног малейшие трещинки в камне, почти срывался и балансировал, но лез всё выше.

Корт не раздумывал, когда увидел в небе блестящую вспышку, молнией ударившую в землю. Он как раз закончил работать в одной из шахт и вышел наружу с увесистой корзиной, набитой камнем, за плечами. Мужчина бросил корзину на землю и начал взбираться наверх, чтобы с высоты плато увидеть, что случилось.

Он знал, что это был шаттл, хоть и не успел толком ничего рассмотреть. Падение было стремительным. Хромированный корпус ослепил его, швырнув в глаза солнечный зайчик — отражение Тауриса, стоящего высоко в небе. Корт был уверен, что это не было падением очередного метеорита — метеоритный дождь прекратился с неделю назад, да и падение метеорита выглядело бы иначе.

Иногда Корту удавалось застать старт шаттла. Нечасто, всего четыре или пять раз. Запуски шаттла происходили нерегулярно, по мере надобности в пополнении редких материалов и оборудования. Но всегда это было волнительно и прекрасно. Шаттл блестящей иглой взмывал из-за стен Лиатраса, и, пропарывая небесную ткань, уносился ввысь. Так что теперь, увидев вдалеке быстрый отблеск, словно с неба сорвалась и падает звезда, мужчина сразу понял, что произошло.

Корт выбрался на ровную поверхность и остановился на минуту, чтобы перевести дыхание. Место, куда должен был упасть шаттл, по-прежнему закрывал от него «Коготь Саграла» — самая высокая точка Красных гор.

С высоты птичьего полёта Корт посмотрел вниз и вправо, где на плоском теле пустыни едва заметно чернели точки входов в Утегат. Сейчас снаружи работало несколько атлургов. Маленькие, словно фигурки, вырубленные из камня, человечки суетились у проходов. Вот один, с объемным горбом на спине, исчез внизу, будто пустыня проглотила его, но через минуту появился вновь. Он наклонялся и распрямлялся, собирая расчищенный от входов песок в специальную кожаную торбу, которую носили за плечами.

Корт отдышался. Сердце снова застучало в груди медленно и размеренно. Он перевёл взгляд туда, где за «Когтём» скрывалось от непрошенных глаз его плато. Ему осталось пройти всего пару сотен метров. Но путь вёл по нагромождению из каменных глыб, торчащих из скалы острыми краями, как будто гора ощерилась на непрошенных гостей острыми зубами, не желая, чтобы чужаки бродили по её священным вершинам.

Корт откинул с головы хилт, чтобы капюшон не мешал обзору, и начал прыгать с камня на камень, балансируя на острых, как ножи, краях булыжников.

Когда он выбрался на плато, Утагиру уже ждал его. Зверь не мог карабкаться вместе с человеком по отвесной скале. Поэтому, как только Корт ринулся вверх, саграл помчался на плато в обход. Конечно, Утагиру был быстрее и проворнее Корта, к тому же ему не требовался отдых, так что он оказался на плато первым. Зверь переминался с лапы на лапу, глядя то на человека, то вниз, на раскинувшуюся под горой пустыню.

Его длинная белая шерсть, предохранявшая животное от жары и солнечных лучей, была в точности такой же, из какой был сделан поношенный хилт Корта, капюшон которого мужчина даже не подумал вновь накинуть на голову. Он, не отрываясь, смотрел на пустыню, которая сейчас была не такой уж пустой.

Где-то посередине между горами и горизонтом, как всегда размытым из-за зноя, догорали обломки корабля. Видимо, когда он врезался в землю, произошёл взрыв, которого Корт не видел из-за гор. Топливо быстро выгорело, выжгя на шаттле всё, что могло гореть. Огонь утих, и теперь от обломков поднимался лишь чёрный ядовитый дым, который ветер сносил в сторону Вечного Города.

«Там ничего не осталось», — понял Корт. — «Ничего и никого». Эта мысль тяжело отозвалась в груди, словно огромный молот вогнал десятидюймовый гвоздь в крышку гроба. Утагиру протяжно заскулил, почувствовав состояние человека, и ткнулся головой Карту в ладонь. Мужчина запустил пальцы в густую шерсть, всегда остающуюся прохладной, когда заметил краем зрения какой-то отблеск.

«Ты видел это, брат?», — спросил Корт у зверя, и тот издал чуть слышный рык, похожий на бульканье закипающего чайника. Корт шарил сощуренными глазами по неподвижной пустыне, квадрат за квадратом осматривая пески в надежде, что беспощадный Таурис — Старший Брат, отнимающий жизни — на этот раз изменит своей привычке и поможет, бросив Карту ещё один отблеск.

И через минуту он снова увидел солнечный зайчик. Что бы его ни отражало: кусок обшивки шаттла или какая-то деталь, но находился этот предмет в стороне от корабля. Прикинув расстояние, Корт решился. «Он всего в паре десятков километров от нас», — сказал он Утагиру, пытаясь рассмотреть ещё что-нибудь. «До ночи успеем добраться». И отвернувшись от обрыва, побежал в другую сторону, к тропе, ведущей вниз, в пустыню.

Спустя четыре-пять часов Корт был на месте. Со всех сторон его окружала одинаковая пустыня — блёкло-жёлтая, раскалённая и мёртвая, и такое же блёклое небо над головой. Небольшие песчаные барханы сменяли друг друга через одинаковое расстояние. Из-за этого через некоторое время начинало казаться, что ты не идёшь, а стоишь на месте, бессмысленно перебирая ногами. Корт остановился и огляделся.

Красные Горы стали лишь ещё одним барханом на горизонте, лишь немного выше остальных. Лиатраса отсюда не было видно. Корт ещё раз посмотрел на небо: Таурис и Аттрим уже не раз сменили положение по отношению друг к другу. Но Корт был уверен, что не сбился с пути, и предмет, от которого отразился солнечный зайчик, должен находиться где-то рядом.

Мужчина поднялся на ближайший бархан, чтобы осмотреться. Он приложил ладонь ко лбу, чтобы Аттрим, опустившийся к горизонту, не слепил глаза. Горячий ветер равномерно дул в лицо; пустыня была раскалённой печью, а он — дичью, оказавшейся внутри. Он не

знал никого, кто в своём уме отошёл бы от Утегата на такое расстояние в погоне за призраком, химерой.

Корт поглубже натянул хилт на лицо и обратился к Утагиру, бегавшему неподалёку: «Я ничего не вижу, а ты? Похоже, мы опоздали, и пески уже прибрали к рукам то, что осталось от шаттла и тех бедолаг, что были внутри. Ещё одна жертва Ругу была принесена. Надеюсь, он останется доволен».

В два шага мужчина спустился с бархана. Глупо было бежать сюда в надежде найти осколок Вечного Города. Он так быстро принял решение, что даже не успел подумать, зачем ему это. Ну, нашёл бы он блестящий кусок обшивки или даже что-то, оставшееся от пассажиров: сломанные часы или пряжку ремня. Неужто ему на самом деле нужен этот хлам? Неужто он так отчаянно жаждал найти какое-то напоминание о прошлой жизни?

Корт обернулся к точке Красных Гор, маячившей на горизонте. Всё, хватит бегать по пустыне. Леда, наверное, уже волнуется. Пора домой.

— Пошли, друг, — обратился Корт к зверю. — Мы возвращаемся.

Утагиру не показывался. Наверное, носится по пескам, отводит душу — давно они не уходили так далеко. Вдруг из-за барханов раздался протяжный вой. Корт, не раздумывая, бросился на звук. Он нашёл Утагиру неподалёку. Зверь протяжно взывал, вскидывая морду к небу, а затем принимался рыть передними лапами песок. Это получалось у него не очень хорошо: песок тут же ссыпался обратно, в только что вырытую ямку.

— Ты что-то нашёл?

Корт опустился на колени рядом с животным и начал быстро, но осторожно выбирать песок руками. Он копнул ещё раз, и у него в ладони остался кусок ткани. На секунду мужчина опешил, а затем бросился копать со всей силой. Он загребал песок обеими руками, не заботясь о том, что тот уже забил одежду и хрустел на зубах.

Откопав рукав и часть кофты, Корт изо всех сил потянул тело на себя. Пески не хотели отдавать уже принятую жертву. Корт нехотя подумал о том, что атлурги не одобрили бы его действия: то, что забрала пустыня, принадлежит Ругу, не людям. Но Корт не собирался отдавать кровожадному богу *эту* жертву. Он потянул на себя изо всех сил, буквально выдирая тело из объятий Руга.

Нехотя пески расступились, и Корт с изумлением понял, что вытащил из песчаной ловушки молодую девушку. Её лицо было серым от копоти, с чёрными разводами, под которыми угадывалась белая кожа. Одежда была изорвана, и сквозь прорехи виднелись синяки и ссадины. Корт осторожно откинул с лица девушки спутанные каштановые волосы. Пожалуй, её можно было назвать красивой: аккуратные маленькие губы на лице в форме сердца, широкие острые скулы, небольшой нос, широко расставленные глаза.

Корт аккуратно положил её на горячий песок. Он станет этой девушке и постелью, и саваном. Ему не хотелось оставлять её здесь, но выбора не было. Он, как мог, разгладил её одежду и сложил ещё тёплые руки на животе. Между ключицами Корт заметил странный кулон. Он взял его в руку, очищая от песка.

Кулон был очень красивым и казался старинным: витиеватый узор скрывал в своём сердце каплю. Она была отполирована до такого состояния, что казалась настоящей каплей воды: прикоснись губами и почувствуешь чистую, прохладную влагу. Корт никогда не видел такого кулона, но почему-то он казался ему смутно знакомым. Так бывает, когда в самый разгар дня какая-то вещь или звук вдруг напоминает о чём-то, приснившемся ночью. Вот только ты никак не можешь вспомнить, что именно это было.

Корт повернул кулон чуть вбок, и его ослепил солнечный зайчик. Так вот что за отблеск он поймал за десятки километров отсюда! Мужчина аккуратно положил кулон в выемку между ключицами — было бы неправильно забрать его у девушки. Каким-то образом Корт чувствовал, что кулон должен принадлежать ей. Что снять его с её тела — то же самое, что отрезать покойнику пальцы ради драгоценных колец.

Корт аккуратно положил кулон. Его рука на миг легла девушке на грудную клетку. И уже третий раз за день его прошиб озноб, словно в лицо плеснули ледяной воды: Корт почувствовал, как её сердце чуть слышно трепыхалось в груди. Настолько слабо, что её грудь не поднималась и не опускалась, но всё же она была жива.

Юта не знала, что происходит, где она. Мир распадался на осколки, как в детском калейдоскопе. Ей было страшно. Разум мучительно пытался что-нибудь вспомнить или понять, но наткнулся на преграду из света, такого яркого, что Юта не могла даже думать.

Свет сменился тьмой, и она подумала, что, возможно, умерла и попала в какую-то другую реальность. Но потом пришла боль, и Юте начало казаться, что она в темнице, где-то глубоко под землёй. Сверху над ней тонны земли и камня, которые постепенно смыкаются над головой, стискивают грудь. Она пыталась вздохнуть, но у неё не получалось. Она не могла даже пошевелиться. Паника охватила её, а затем она провалилась во тьму — такую чёрную и густую, что в ней не было уже ничего, даже самой Юты.

А потом снова пришёл свет. Он дробился на части, как отражение в воде, и в одном из отражений она увидела лицо. Это был её отец. Он смотрел на неё с волнением и говорил успокаивающим голосом. Юта улыбнулась ему. Её снова ослепил свет, и она прикрыла глаза. «Интересно, почему у отца такие синие глаза?», — почти безразлично подумала она. «Разве у него были синие глаза?».

Но вскоре это стало неважно, потому что отец держал её в объятиях, и ей было уютно и надёжно в его руках. Он укачивал её, Юта чувствовала, будто плывет по воздуху. Она засыпала.

Отец ушёл. Она не хотела, чтобы он уходил, но не смогла вымолвить ни слова. Она даже не смогла открыть глаз: веки были тяжёлыми, словно весили тонну, и так упорно не хотели открываться, как если бы их зашили. Юта перестала бороться и уплыла в небытие.

Потом пришла мать. Она баюкала Юту. Девушка слышала, как она поёт детскую считалочку, которую часто пела Юте в детстве:

Кто считает: раз, два, три —
В закатном пламени гори,
Скажет кто: четыре, пять шесть —
Хвост ящерицы должен съесть,
Посчитай: семь, восемь, девять —
Качает ветер дитя в колыбели,
Десять всему исчисляет предел —
Ты тот, кто последним остаться сумел.

Юта открыла глаза. Она была у себя в комнате, а мама сидела за столом, спиной к ней,

и пела. Юта успокоилась и прикрыла глаза. Она слушала мамин голос, но постепенно начала осознавать, что что-то не так. Она не понимала слов песни. Пели на незнакомом языке.

Юта собралась с силами и сбросила оцепенение. Она снова открыла глаза. Комната плыла, отчего-то всё вокруг казалось одноцветным, золотисто-жёлтым. Юта попыталась привстать и охнула от боли.

Песня оборвалась, и девушка, сидевшая за столом спиной к ней, обернулась. Она отложила ткань и иголку и подошла к Юте. Та смотрела на неё во все глаза.

Девушка была очень красива. Юте сразу бросилась в глаза её гладкая золотисто-бронзовая кожа. За всю жизнь Юта не видела подобного оттенка. Конечно, некоторые девушки в Лиатрасе любили искусственный загар, но он был скорее коричневым, а не медно-золотым, как у незнакомки.

Длинные волосы, рассыпавшиеся по плечам, были заплетены в мелкие косички и тоже были необычного песочного цвета. Но больше всего Юту поразили её глаза. Они выделялись на точёном овальном лице чистым золотом, огромные, блестящие, как две монеты. В тусклом освещении комнаты казалось: они излучают собственный свет.

Лишь спустя несколько минут Юта поняла, что просто пялится на девушку, в то время как та со сдержанной улыбкой позволяет рассматривать себя. Юта открыла рот, чтобы что-то сказать. В горло словно насыпали песка. Она откашлялась и прохрипела:

— Что случилось? Где я?

— Ты находишься здесь уже два дня, — ответила девушка мягким, ясным голосом. — Мой муж нашёл тебя в пустыне и принёс в Утегат. Руг не хотел отпускать тебя, но тебе повезло: Корт — ругат, так что он сумел договориться. — Девушка улыбалась, глядя на Юту своими удивительными глазами.

— Да, должно быть, повезло, — слабым голосом ответила Юта.

Она не поняла ничего из сказанного, кроме того, что кто-то спас её и принёс сюда. Только вот куда — сюда?

Юта повернула голову, чтобы осмотреться. Это движение вызвало головную боль. Юта подумала, что, наверное, ударилась головой. Когда комната перестала кружиться, она увидела, что находится в небольшом помещении с низким потолком.

Она лежала на кровати в углу, накрытая лёгким покрывалом. Посередине комнаты стоял массивный стол. Он показался Юте каменным, и девушка присмотрелась внимательнее. Может, она ещё не совсем пришла в себя и ей что-то мерещится? Но табуретка, на которой сидела девушка с янтарными глазами, тоже была каменной.

В стенных нишах были вырублены полки, а вдоль стен стояло несколько плетёных сундуков разного размера. Юта обратила внимание на материал, из которого было сделано почти всё в комнатке: и полки, и стены с полом, и низко нависший потолок. Материал был песочного цвета, а текстура — какой-то абразивной, слегка блестящей на свету. Юта никогда не видела ничего подобного.

От напряжения голова разболелась сильнее, и Юта снова обратилась к девушке, терпеливо сидевшей возле неё.

— Скажите, где я? Мы в больнице?

— Больнице? — переспросила девушка. Она произнесла это слово как-то неуверенно, делая ударение на каждом слоге, так, будто обкатывала на языке звучание нового слова. — Нет, мы находимся в Утегате. Меня зовут Леда, ты в моём доме.

Доме? Юта непроизвольно обежала глазами странную комнату, и снова вернулась к

девушке, назвавшейся Ледой.

— Что такое Утегат? И почему я здесь?

— Ты упала с неба и чуть не погибла, но Руг пощадил тебя и вернул в мир живых, — терпеливо разъяснила Леда. Её мягкая улыбка успокаивала, а голос баюкал. — Утегат — это поселение, где мы живем. Подземный город.

— Поселение? — Юта была в недоумении. Она решила, что снова что-то не так поняла, но голос Леды звучал уверенно и в то же время обыденно. — Но как это возможно? Кроме Лиатраса на Нибелии нет других городов...

Леда не ответила, лишь улыбалась и смотрела на Юту своими невообразимыми глазами так, как смотрят на несмышлёного ребёнка, ещё ничего не знающего о мире.

— Главное, что ты должна сейчас знать — ты в безопасности. Хорошо? А теперь отдыхай. Тебе надо набраться сил.

Юта действительно чувствовала себя очень уставшей. Она откинулась на жёсткую подушку, пахнущую солнцем и сушёными травами, стараясь ни о чём не думать. Всё, что сказала девушка — Леда — было таким странным, что казалось нереальным. «Может, я сплю», — подумала Юта. — «И скоро проснусь, и всё снова станет нормальным».

Но проснуться она не успела.

Ткань, закрывающая дверной проём, отлетела в сторону, и в комнату вошёл мужчина. Он собирался что-то сказать, но увидел очнувшуюся Юту и остановился. Юта не знала, как реагировать на его появление, отчего-то растерявшись, и тоже молчала.

Мужчина, смотревший на неё от порога, был высоким и широкоплечим. Его кожа была очень загорелой, тёплого коричневого оттенка. Черты лица были крупными и немного грубыми, с широкими скулами и хищным носом. Кожа была сухой, а тонкие губы — растрескавшимися. Чёрные волосы, будто припорошённые пеплом, свободно касались плеч. Они показались Юте закрученными в тонкие жгуты. И ещё его глаза. Синие, как два осколка сапфира, — такие же чистые и острые. Эти глаза были направлены на Юту, и их взгляд резал, словно ножом.

Юта замерла под этим взглядом, как мышь перед удавом. Почему-то внешность мужчины поразила её, одновременно притягивая и заставляя инстинктивно опасаться. Юта почувствовала себя неуверенно, совсем не так, как с милой девушкой. Ей захотелось натянуть покрывало до самого подбородка, если бы это могло спрятать её от этого взгляда. А потом полог снова качнулся, и Юта оцепенела, забыв, как дышать.

Рядом с женщиной возник зверь. Он был просто огромным, в холке доходя мужчине до груди. Белоснежная шерсть верёвками свисала с боков и живота. Массивные лапы были толще, чем руки Юты, а голова — размером с валун. У зверя был низкий лоб и короткие, прижатые к голове уши. А клыки были такими длинными, что не помещались у него в пасти. Он походил на гротескную помесь громадной собаки и тигра и совмещал в себе черты и того, и другого.

Увидев девушку, зверь замер на пороге рядом с женщиной и издал едва различимое ухом рычание. Оно было настолько низким, что Юта скорее почувствовала его всем телом, чем слышала. По спине побежали мурашки. Зверь смотрел на Юту жёлтыми кошачьими глазами. Ей показалось, что этот взгляд был разумен, и это пугало гораздо сильнее когтей и клыков.

Юта осмотрелась в поисках того, что могло бы оборонить её от зверя. Но с отчаянием поняла, что ничто в этой комнатке не спасет её от смерти, замершей напротив с оскаленной

пастью. Внезапно мужчина положил руку зверю на загривок — для этого ему нужно было только протянуть её — и заговорил:

— Тише, Утагиру, не пугай нашу гостью. Иди на своё место.

Это казалось невероятным, но зверь опустил морду, словно устыдившись, и потрусил в угол, где улёгся, положив огромную голову на лапы. Его длинный, обрамлѐнный такой же белой шерстью, хвост слегка ходил из стороны в сторону, подметая пол. Юта боялась повернуться, но чувствовала, что животное наблюдает за ней.

Мужчина подошёл к постели, где лежала Юта, и Леда молча встала, уступая ему место.

Пока они с Ледой обменивались несколькими тихими словами, Юта позволила себе украдкой рассмотреть мужчину. Его одежда, как и у Леды, была ручной работы. Она состояла из лёгкой тканой рубашки светло-бежевого цвета и грубых тканевых штанов. Штаны были подпоясаны витым ремешком. На ногах у мужчины были мягкие кожаные полусапоги.

Рукава рубашки были закатаны до локтей, и Юта с удивлением увидела татуировки в виде непонятных знаков на внутренней стороне его предплечий. Они начинались от запястий и ползли по рукам вверх, теряясь под рубашкой. Татуировки были красного цвета, отчего казалось, что руки мужчины объята языками пламени.

После короткого разговора Леда вышла из комнаты. Мужчина посмотрел на Юту. Его взгляд был внимательным, словно аккуратно ощупывал её. Было в этом взгляде что-то завораживающее, словно смотришь на тихую гладь озера, спокойную на поверхности, но таящую опасные бездонные омуты в глубине.

— Здравствуй, — спокойно сказал мужчина. — Меня зовут Корт. Ты находишься в моём доме. Как твоё имя?

Он говорил не так, как Леда. Его голос и слова звучали властно, сразу давая понять, кто хозяин в этом доме. Юта постаралась перестать рассматривать мужчину и не думать о шерстяном комке из зубов и когтей, лежащем в двух шагах, и проговорила:

— Меня зовут Юта, — собственный голос прозвучал неуверенно, так, словно она не утверждала, а задавала вопрос.

Мужчина резко сощурился. Его взгляд снова стал прожигающим. Юте показалось, что она чувствует лёгкое покалывание на коже.

— Юта? — переспросил он. — У тебя очень необычное имя.

— Да. Это сокращение от Юталиэн. Мама говорила, что это имя явилось ей во сне, когда она была беременна мной, — выпалила девушка, плохо понимая, что и зачем говорит.

— Понятно... — Корт продолжал задумчиво рассматривать её. — Расскажи мне, Юта, как ты оказалась в пустыне? Шаттл, на котором ты летела, разбился?

Девушка молчала, и он продолжил:

— Я видел падение корабля, в стороне от того места, где нашёл тебя. Твой кулон, — мужчина кивнул куда-то на её грудь, — отразил солнечный зайчик, следуя за которым я тебя нашёл. Должно быть, он особенный. Он бережёт тебя.

Юта проследила за взглядом мужчины. Её пальцы сомкнулись на подвеске. Девушка подняла её к глазам, рассматривая, будто видела впервые.

Образы хлынули в голову с неудержимостью песчаной осыпи, погребавшей всё на своём пути. Хрупкие преграды, выстроенные сознанием, оказались снесены, и Юта разом вспомнила всё, что произошло. У неё из-под ног словно выбили почву, и она снова начала падать, как во время крушения шаттла.

— Ты в порядке? — раздался издали взволнованный женский голос. — Может, не стоит сразу засыпать её вопросами? Девочка только что вернулась из владений Руга. Надо дать ей пару дней, чтобы прийти в себя.

— Конечно, ты права, — ответил мужской голос. — Прости, я дам тебе отдохнуть.

Юта перестала кружиться и падать. Она снова была на кровати в незнакомой комнате. На неё были обращены две пары глаз, но это не имело значения. Юта посмотрела на свою ладонь, до боли сжавшую подвеску. Она обжигала девушке руку, и Юта с силой рванула кулон. По шее полоснула боль, цепочка порвалась и осталась у неё в руке.

Юта с ненавистью швырнула кулон на пол и закрыла лицо руками. Она не хотела плакать при этих людях, но слёзы душили её.

Если бы она не вернулась за проклятой подвеской, убийцы не выследили бы её. И Бабли был бы жив. Бабли...

Она не удержалась и отвернулась к стене, пряча лицо. Её тело сотрясали беззвучные рыдания, но от этого не становилось легче. Одна мысль, как яд проникла ей в кровь, отравляя разум, убивая сердце в медленной агонии, — Бабли мёртв, и это случилось по её вине.

Юта плакала до тех пор, пока не выплакала все слёзы. А потом уснула зыбким тревожным сном, когда даже во сне не можешь забыть, что случилось что-то ужасное, но не в состоянии вспомнить, что. Она проснулась в той же комнате, одна. Тело ломило, оно затекло от долгого лежания на жёсткой постели. Но голова больше не кружилась, и Юта решила встать.

Она откинула покрывало и свесила ноги на пол. Кто-то передел её в длинную бесформенную хламиду, которую можно было бы принять за ночную рубашку или наряд на Хэллоуин. Юта только надеялась, что этим кем-то была Леда.

В комнате было тепло и светло, хотя Юта нигде не видела светильников. Свет шёл не из какого-то конкретного источника, — он будто сочился со всего потолка. Юта опустила ноги на пол. Она поискала глазами свои ботинки, но их нигде не было. Всё равно пол был тёплым, так что она отложила поиск ботинок на потом и пошла босиком.

Юту мучила сильная жажда, так что она решила поискать воду. В комнатке, где она провела последние дни, ничего не было, так что она осторожно откинула полог и вышла в соседнее помещение. Юта определила это место как кухню.

По дальней стене тянулся высокий длинный приступок, заставленный каменными мисками и чашами, ступами и круглыми горшками. На стене над ним были развешаны пучки трав, запах которых показался Юте слишком резким. Приступок заканчивался приспособлением из красного камня, стоявшим прямо на полу. Это было что-то вроде широкой трубы. Сверху она уходила в потолок, а книзу расширялась. В широкой части виднелось отверстие, закрытое плотно подогнанным камнем. Юта подцепила камень ногтём и открыла зев. Внутри стоял один из горшков. Юта просунула руку и открыла крышку.

— Можешь поесть, если голодна, — раздался сзади голос.

Юта инстинктивно выдернула руку, ушибив пальцы. За её спиной, у массивного стола, расположенного посередине, стоял Корт. Юта хотела извиниться за то, что без спроса шарила на кухне, но мужчина даже не смотрел на неё. Он вытряхивал на стол содержимое

плетёной корзины, которую принёс. Оттуда высыпались длинные коричнево-зелёные стебли, покрытые красноватой шелухой. Мужчина взял со стола миску и принялся шелушить их.

Некоторое время Юта наблюдала за ним. Похоже, ему было всё равно, что она делает, так что Юта решила всё же заглянуть внутрь горшка. Там плавала бурая смесь консистенции супа-пюре, из которой всплывали тёмно-зелёные комки. Пахло всё это сладковато-горько. Запах отдалённо напоминал помесь творога и тмина. Юта поморщилась и закрыла крышку.

— А можно мне воды? — неуверенно обратилась она к Карту, продолжавшему заниматься своими делами.

— Прости, но на сегодня воды не осталось. Здесь с этим тяжело. Но можешь выпить молока.

Он снял с полки кожаный бурдюк и передал Юте. Молоко пахло отвратительно, но она всё равно сделала несколько глотков. После чего села на каменную табуретку с другой стороны стола, поджав под себя одну ногу.

— Мы в пустыне, да?

Корт кивнул:

— В подземном городе под названием Утегат.

Юта надолго задумалась.

— Так значит, это правда. Все эти рассказы про духов, которые матери рассказывают детям на ночь. В пустыне действительно живут люди, — задумчиво произнесла Юта.

Она говорила скорее сама с собой, чем с Кортом. Но неожиданно он ответил:

— Да, духи существуют. Более того: ты теперь одна из них.

— Но откуда здесь взялись люди?

— По преданию атлурги или народ — так называют себя люди, живущие здесь — потомки Первых Изгоев. Буквально тех, кто первыми когда-то были изгнаны из Города-за-Стеной. Они не погибли, потому что боги пустыни сжалились над ними. Они указали им место для постройки Первого Города — Города Богов. Боги научили их добывать воду, строить подземные города, охотиться и выживать в пустыне. Спустя столетия народ распространился из Первого Города и постепенно дорога к Городу Богов была утеряна и забыта, — голос Корта звучал размеренно, в то время как его руки механически лушили и складывали в миску стебли.

— Что?! Изгоев? Ты хочешь сказать, что все люди здесь — это те, кого изгнали из Вечного Города, Города-за-Стеной, как вы его называете?

— Конечно, нет, — улыбнулся Корт.

Его улыбка была очень приятной и удивительно шла его тёмному, немного грубому лицу. Юта подумала, что он, должно быть, нечасто улыбается.

— Это всего лишь предание, хотя мы и верим в него. Люди живут здесь веками. Сейчас уже трудно сказать, откуда пошли атлурги. Но численность города пополняется отнюдь не за счёт тех, кого выгоняют из Города-за-Стеной, если ты понимаешь, о чём я.

Неожиданно для себя Юта залилась румянцем, хотя и не была той, кого легко смутить. Она потупила взгляд в стол, коря себя за то, что задала такой глупый вопрос.

— Ну а изгой, как правило, погибают, — как ни в чём не бывало, продолжал Корт. К счастью, он ничего не заметил. — Но если кому-то удаётся пройти через пустыню и найти город, его принимают, как человека, которому оставил жизнь сам Руг — Бог Пустыни. Это самый свирепый и жестокий из наших богов, но и самый почитаемый.

Юта вспомнила, как Леда говорила что-то про Руга. «Мой муж нашёл тебя в пустыне и принёс сюда. Руг не хотел отпускать тебя, но тебе повезло: Корт — ругат, так что он сумел договориться», — кажется, так она сказала.

— А кто такой ругат? — спросила Юта.

— Ну всё. Моя очередь задавать вопросы.

«А он не очень-то вежлив», — подумала Юта, опешив.

— Не скажешь, почему ты выкинула его после того, как я рассказал, что он спас тебе жизнь?

Корт вытянул над столом руку. А когда раскрыл ладонь, с его пальцев свисала цепочка, на конце которой раскачивался её кулон.

«Какого чёрта он делает?!», — в гневе подумала Юта. Подвеска стала для неё напоминанием обо всём самом ужасном, что с ней случилось. Когда-то дорогая сердцу вещь превратилась в символ боли и потерь.

— Пусть так. Он мне не нужен, — зло ответила она.

— Я так не думаю, — парировал Корт. — Нравится он тебе или нет, хочешь ты того или нет, но он оберегает тебя. Думаю, эта вещь тебе ещё пригодится. Так что я починил цепочку на тот случай, если ты захочешь его надеть.

Юта вспыхнула. Похоже, этот человек никого не слушает и делает только то, что сам считает нужным. Качества, в которых постоянно винил её Бабли, и которые Юта считала необходимыми для журналиста, в другом человеке оказались неожиданно раздражающими.

При мысли о Бабли грудь полоснула боль. Юта стиснула зубы и постаралась успокоиться. Но рядом с Кортом это оказалось не так-то просто. Юта молча проследила за тем, как он положил кулон на полку, выбрав самое видное место, и отвернулась.

— Похоже, тебя не очень волнует мнение других людей, — отрезала она. — Ты делаешь то, что пожелаешь, ни с кем не считаешься. Это ведь ты принёс меня сюда, не так ли?

Корт вскинул брови в удивлении, но Юте показалось, что оно было притворным, как будто он ждал от неё подобных слов. От этого она почувствовала себя ещё более тошно: неужто все её слова и реакции для него так предсказуемы?

Корт снова проигнорировал её слова, ответив вопросом на вопрос:

— А ты бы предпочла, чтобы я тебя оставил?

Самым ужасным было то, что он действительно ждал ответа, склонив голову набок.

— Спасибо за урок истории атлургов, но думаю, с меня на сегодня хватит, — как могла холодно отчеканила Юта и встала из-за стола.

Боль и злость, смешиваясь с отчаянием и неспособностью что-то изменить, раздирали изнутри. Юта вернулась в свою комнатку и бросилась на кровать. Подушка, в которую она уткнулась лицом, глушила не то всхлипы, не то крик, рвавшийся из груди. Так что Корт в соседней комнате продолжал заниматься своими делами, ничего не слыша.

Или делая вид, что не слышит.

Глава 8. Город бессмертен

Юта сидела на кровати, глядя на плетённый сундук у ног. На самом деле это была не совсем кровать, а приступок у стены. Он был сделан из песка, как и всё остальное здесь, как и сам город. Вот что было тем странным материалом, на который Юта обратила внимание ещё в первый день. Песок скрепляли специальным составом из молока коз, змеиной желчи и сока каких-то трав, и он становился почти таким же твёрдым, как камень.

Удивительный факт — Утегат не был построен в буквальном смысле слова. Он был вырублен из песка, прямо из тела пустыни, как огромный невообразимый памятник человеческому духу и воле.

Юта откинула крышку сундука и вынула тканую кофту без рукавов кофейно-бежевого цвета, нарукавники к ней, кожаные штаны и кожаные полусапожки без каблука. Это была одежда Леды, которую та носила, когда была ещё подростком. Юта была ниже и меньше Леды, так что её старая одежда оказалась Юте как раз впору.

Девушка не слишком хотела переодеваться в одежду атлургов. Юту вполне устраивали и старые джинсы, порванные после крушения, но аккуратно заштопанные Ледой. Её рубашке и любимому пиджаку повезло меньше — их пришлось пустить на тряпки. Но Корт настоял на том, чтобы девушка оделась, как атлург, отправляясь на встречу с Кангом. Канг был у них кем-то вроде мэра города или вождя племени, — Юта ещё не до конца разобралась. Сегодня на городском собрании он решит её судьбу.

Юта провела в Утегате уже неделю. Она жила в небольшой комнате с отдельным выходом, в доме Корта и Леды. Они отвечали за неё до тех пор, пока Канг не определит, что с ней делать. Первые дни Юта только спала и плакала. Но потом начала вставать и выходить в город. Просто бесцельно бродила по коридорам, чтобы убить время. Один раз даже вышла наружу, в пустыню, но не провела там и пяти минут. Солнце обжигало кожу и было таким ослепительно ярким, что Юта почти не могла открыть глаз и всё равно ничего не увидела.

Она обнаружила, что Лиатрас отличается от Утегата, как чертёж, созданный инженером — от каракулей трёхлетнего ребёнка. Лиатрас был архитектурным чудом, где каждое здание имело своё, строго определённое место, выверенное веками. Улицы там следовали строго параллельно и перпендикулярно друг другу. Поняв логику построения Лиатраса, в нём невозможно было заблудиться.

Но здесь... Утегат строился хаотично. Каждая семья сама «откапывала» себе «лурд» — так назывались дома-ячейки атлургов. И расширяла его по мере необходимости. Все коридоры были совершенно одинаковыми и скорее походили на лабиринт Минотавра, чем на улицы. Неудивительно, что несколько раз Юта крепко заблудилась в их хитросплетениях. Один раз она сама каким-то чудом нашла дорогу назад, а в другой — ей помогла женщина. Это было неожиданно, поскольку в основном атлурги сторонились её, ожидая пока Канг вынесет решение о её участи.

Помимо бесцельного шатания по городу, у Юты не было других дел. Большую часть времени она проводила в безразличном оцепенении, кроме разве что моментов, когда к ней в комнатку приходил Корт. Конечно, он был своенравным, а порой и просто невыносимым, но выбирать, с кем общаться, ей не приходилось.

Корт много рассказывал о быте поселения и кое-что об атлургах. И всё это просто восхитило бы её, окажись она здесь при других обстоятельствах. Сейчас же Юта оставалась

безучастна почти ко всему, что её окружало, живя как во сне и всё ожидая, когда же проснётся.

Корт пришёл за ней после обеда. Юта ждала его, сидя на кровати. Она уже облачилась в новую одежду. Та сидела хорошо и была удобной, разношенная Ледой. Мужчина осмотрел её с головы до ног, словно антикварную вазу, которую собирался продавать скупщику раритета и, видимо, остался доволен. Уже выходя из комнаты, он бросил через плечо:

— Молодец, что надела кулон.

Юта в недоумении посмотрела себе на грудь. Как и ожидалось, кулона там не было, ведь она его не надевала и даже старалась не смотреть на него, проходя мимо.

— Я не... — начала Юта, но Корт её перебил.

— Это очень умно, учитывая, что никто не знает, какое решение примет Канг. В такой ситуации не повредит иметь при себе вещь, которая однажды уже спасла тебе жизнь. К тому же, если вынесут решение о том, чтобы оставить тебя в пустыне, у тебя может не быть возможности вернуться за ним.

Эти слова будто хлестнули её. Юта замерла на месте, потеряв дар речи, а мужчина, даже не обернувшись, вышел в коридор. С минуту Юта стояла на месте, а потом бросилась на кухню и схватила кулон с полки. Она крепко зажала его в кулаке, после чего, сделав вид, что ничего не произошло, вышла из дома.

Корт ждал её в коридоре. Он молча взглянул на девушку и, словно играя в ту же игру, как ни в чём не бывало зашагал по коридору.

Юта уже знала дорогу в Зал Кутх — огромную круглую пещеру, в которой проводился Утегатол — собрание жителей Утегата. Но Корт должен был сопроводить её, потому что Юта была чужаком и пока не могла одна являться на совет народа.

Они шли длинными извилистыми коридорами. На улицах и в помещениях города было светло, хоть здесь не было ни одного осветительного прибора. Утегат освещался за счёт солнечного света, который проникал вниз по сложной системе из туннелей, вырубленных под определёнными углами, и отражателей. Ещё одна вещь, которой Юта поразились бы, если бы у неё были силы удивляться. Тем же путем вниз поступал воздух.

Иногда Утегат представлялся Юте огромной пещерой, населённой пещерными людьми — необразованными и лишёнными технологий. Но иногда она думала, что подземный город — это какое-то чудо света, невозможное, которое просто не должно существовать. Но всё же оно существует, живёт и развивается по каким-то своим, непонятным ей законам.

— Пришли, — услышала она голос Корта. Кажется, он говорил с ней уже какое-то время.

Перед ними открылся широкий проход, ведущий в огромный зал.

В отличие от других помещений, потолок здесь не давил на голову. Наоборот, он высился где-то далеко наверху, вырубленный в форме купола. В одной части зала к стене примыкал песчаный пьедестал, возвышавшийся на три человеческих роста. Остальное пространство было пусто, готовое разом вместить в себя несколько тысяч человек.

Раньше Юта бывала в Зале Кутх, когда там никого не было. Она бродила по нему, как по пустырю, ощущая себя песчинкой, незначительной и одинокой. Но сейчас в зале было не протолкнуться от людей. Мужчины и женщины, старики и дети — все собрались на Утегатол, и впервые Юта почувствовала, каким единым и сплочённым был этот народ.

Все взгляды были скрещены на них с Кортом. Юта смотрела на другой конец зала, на пьедестал, который пока пустовал, и думала о том, как им преодолеть это море из людских

тел. Но как только они с Кортм ступили под своды зала, люди молча начали расступаться, чтобы пропустить их вперёд.

Пройдя половину пути, Юта невольно обернулась, чтобы увидеть, как людской поток смыкается за спинами. Всё время, пока они шли, ей было не по себе, и Юта поняла, отчего. Любое скопление людей в Лиатрасе производило очень много шума, количество которого увеличивалось прямо пропорционально числу людей. Но атлурги стояли абсолютно бесшумно. Вся эта масса людей, даже дети, не произволили ни звука. Впервые Юте пришла в голову мысль, что, возможно, атлурги — не совсем люди, во всяком случае, не такие, как жители Лиатраса.

Приближаясь к пьедесталу, на ступенях которого должна стоять, Юта увидела надпись прямо над ним. Странно, но раньше Юта её не замечала. Сейчас же надпись словно горела, высеченная в песке. Она была сделана на языке, которого Юта не знала, но который показался ей смутно знакомым.

— Что это значит? — шепнула она Карту.

— «Утегат те атрасс», — прочитал Корт. — «Город — бессмертен».

Больше он ничего не сказал, и Юта не стала спрашивать, боясь нарушить царившую кругом тишину.

Корт подвёл её к ступеням пьедестала. Напоследок он шепнул, что Юта должна подняться почти до верха и стоять, пока Канг будет говорить. На плохо гнущихся ногах Юта ступенька за ступенькой забралась наверх и замерла, повернувшись лицом к залу.

Лица атлургов, по большей части безразличные или же любопытные, были обращены к ней, а потом все, как один, повернулись вправо. Юта тоже обернулась и увидела, как из тёмного прохода за пьедесталом вышел Канг.

Его звали Турраг. Это был пожилой мужчина, высокий и худощавый, с тонкими, словно иссушенными солнцем и временем руками. Но двигался он почти по-юношески легко и стоял на пьедестале совершенно прямо. У него были длинные седые волосы, зачёсанные назад, и высокий лоб, придававший ему вид умного человека. Несмотря на то, что лицо Туррага было усеяно морщинами, светло-песочные глаза оставались ясными. Сейчас они были направлены в зал.

— Атлурги, мы собрались на сегодняшнем Утегатале с дозволения богов, чтобы решить судьбу этого изгоя.

Турраг впервые посмотрел на Юту. Его взгляд был спокойным, слегка любопытным, и в целом мог бы принадлежать любому человеку из этого зала. Сама не зная, чего ожидала, Юта выдохнула с облегчением. Но вместо того, чтобы обратиться к ней или что-то сказать о её появлении, Канг начал говорить о совершенно посторонних, на взгляд Юты, вещах.

Громким, размеренным голосом, будто лектор в Университете, он говорил о воле богов и урожаях. О единстве народа и трудностях, с которыми им каждый день приходится сталкиваться. О неумолимости пустыни и силе духа. Юта скоро перестала слушать, рассматривая зал с высоты нескольких метров.

Она заметила, что освещение Зала Кутх было весьма необычно. Его куполообразный потолок терялся в потёмках, так что было невозможно точно определить, где он кончается. Сам Зал был слабо освещён. Зато на пьедестал, с которого выступал Канг, буквально падал столб света. Из-за этого казалось, что стоящий на нём человек сияет. Этот эффект даже у Юты вызвал трепет. Можно было только догадываться, какое впечатление он производит на глубоко верующих атлургов.

Затем Юта подумала о надписи, высеченной над пьедесталом: «Город — бессмертен». Забавно, ведь это Лиатрас называют «Вечным Городом». Но, в конце концов, такой ли уж он вечный? Уже множество Лиатрасов на Нибелии погребено под песками. Города умирают, но люди предпочитают не думать об этом. Они строят новый город похожим на старый, дают ему такое же название, и вот готов «Вечный Город».

Утегат, напротив, стоит здесь уже много веков — тот же город на том же месте. Слой песка над ним увеличивается, но внизу, как ни в чём не бывало, продолжается жизнь.

Однажды Корт рассказывал Юте, как строятся подземные города. Строительство начинается с крыши. Сперва песок проливают клейким раствором. Когда песок скрепляется и перестаёт сыпаться, атлурги начинают откапывать город. Проливая слой за слоем, они как бы «возводят» город сверху вниз. За годы песок расчищают и получается подземное убежище. Но и после этого работа не прекращается ни на день: народ постоянно углубляет и скрепляет проходы, откапывает новые помещения. И вот готов настоящий вечный город, который с годами и столетиями становится только крепче и глубже.

— Сегодня у нас есть важный вопрос, который мы должны обсудить. Решение, которое должны принять, — донёсся до Юты голос Канга.

Атлурги больше не стояли в полном молчании. Они гикали и что-то выкрикивали, гудели и наперебой комментировали слова Канга, в то время как он обратился к Юте:

— Как твоё имя?

— Юталиэн, — негромко ответила она.

Юта поняла, что нервничает сильнее, чем предполагала, и помимо воли посмотрела на Корта. Он стоял абсолютно прямо и неподвижно. Его глаза были обращены на Канга, брови хмурились. Поймав взгляд Юты, мужчина еле заметно кивнул, и Юта вдруг совершенно ясно поняла, что он переживает за неё.

— Как случилось, что ты оказалась одна в пустыне, во многих тарах* от дома?

— Я летела на шаттле... — начала Юта и резко оборвала себя. Поймут ли атлурги, о чём она говорит? Она посмотрела на Туррага, и Канг кивнул.

— Мы знаем, что такое шаттлы. Продолжай.

— У него заглох один двигатель, и шаттл начал падать. Я и ещё несколько человек забрались в спасательный челнок. Он отстыковался от основного корабля, но не успел набрать высоту. Нас начало крутить и швырять, а потом я потеряла сознание.

Юта посмотрела на Канга. Она не была уверена, что он понял хотя бы половину из того, что она сказала. Но выражение лица Туррага оставалось внимательным и спокойным, как будто он в точности знал, что такое двигатели, шаттлы и набор высоты.

— Ты говоришь, что была на челноке не одна. Почему же рядом с тобой не было других людей? И где обломки того, второго корабля?

Юту на миг прошиб холодный пот, как будто её поймали на лжи.

— Я не ... — начала она, но вдруг гомон толпы прорезал знакомый голос.

— Не думаю, что девушка знает, ведь она была без сознания. Но я могу попробовать ответить на этот вопрос.

Юта благодарно посмотрела на Корта, но вдруг испугалась. Она понятия не имела, как отреагирует Канг. Имеет ли Корт право вот так прерывать допрос?

Турраг сощурился, высматривая в толпе того, кто взялся говорить за изгоя.

— Это ты, Корт? — наконец признал он говорившего, и Юта отметила про себя, что Канг знает Корта по имени. — Выйди вперёд.

Корт сделал два быстрых шага, оказавшись прямо перед помостом. Юта думала, что он должен как-то выказать свое почтение вождю: встать на колени или поклониться. Во всяком случае, так она себе это представляла. Но Корт не сделал ни намёка на то, чтобы склониться. Он стоял во весь рост, вскинув голову, чтобы видеть Канга.

— Говори, — разрешил Турраг.

— Я не видел всего, — начал Корт, — но могу предположить, что от перепадов нагрузки челнок, в котором она находилась вместе с другими людьми, разорвало на части. Скорее всего, её выкинуло наружу ещё до удара о землю, потому она и осталась жива. Остальные, должно быть, потерпели крушение дальше в пустыне. Челнок небольшого размера, его могло быстро занести песком, потому я его и не нашёл.

Корт замолчал, и некоторое время Турраг молча сверлил его взглядом. Пытался ли он понять, говорит ли Корт правду? Или вообще понять, что он сказал? Этого Юта не узнала, потому что Канг снова кивнул.

— Я принимаю твой ответ. Скажи, девушка, упавшая с неба, как ты оказалась на том корабле? Зачем тебе понадобилось покидать Город-за-Стеной?

Юта сжала руки в кулаки, ощутив при этом, как мамин кулон впился в ладонь. Голова вдруг закружилась, и ей показалось, что сейчас она упадет с лестницы.

— Мне предложили работу на орбите, — медленно проговорила она, подбирая каждое слово. — В небе есть ещё корабль, большой, во много раз больше того, на котором я летела. Им нужен был повар, они платили хорошие деньги, и мой друг помог мне туда устроиться.

Это было лишь наполовину ложью, и Юта надеялась, что Канг не распознает этого.

Турраг выдержал небольшую паузу и сказал:

— Хорошо. Имеет ли кто-то из атлургов что-нибудь против девушки, пришедшей с небес?

Народ умеренно загудел. Видимо, это означало «нет». Канг медленно заговорил. Его голос зазвучал громче, разносясь над шумом толпы.

— Утегат испокон веку живёт по законам, установленным старейшинами Первого Города. Города Богов, основанного Первыми Изгоями. Наши предки положили нам наш уклад жизни, создали законы и главное — заповедали чтить богов.

Эти боги когда-то провели их через пустыню живыми и невредимыми, чтобы они могли основать здесь первый город. И эти же боги привели к нашим дверям этого изгоя. — Турраг протянул тонкую костлявую руку, указывая на Юту, и она почувствовала на себе взгляд многоликой толпы, волнующейся внизу.

— Последний изгой пришёл в Утегат шестнадцать лет назад. Теперь к нам снова пришёл изгой, — это благословение от Руга. Бог доволен своими детьми, — вынес Канг свой приговор. — Мы вознесём молитвы богам и поблагодарим их за расположение через две недели, на празднике Куду — Бога Воды, дарующего жизнь.

Атлурги зашумели сильнее. Гул их голосов наполнял зал жужжанием пчелиного роя. Они громко кричали и выражали одобрение словам Канга, в то время как он продолжал:

— Готова ли ты жить в Утегате до конца своих дней, служить ему верно и самозабвенно? Готова ли стать одной из нас и назваться атлургом?

Юта хотела ответить, но у неё перехватило дыхание, и она только кивнула. Конечно, она не была готова остаться здесь, под землёй, до конца своей жизни и совершенно точно не собиралась служить никаким атлургам или городу, или чего там ещё от неё хотели. Но она совершенно ясно понимала, что выбора у неё нет.

Она оказалась поймана в ловушку из песка и солнца, в десятках, а может, и сотнях километров от родного города. Чужая там, потерявшая всех, кто был ей дорог, и чужая здесь, в этом странном месте, она вдруг со всей болью осознала, что стала именно тем, кем её здесь называют, — изгоем.

Леда нашла Корта в первых рядах, когда Канг уже выступал перед народом. Корт стоял, не шевелясь, и не издавал ни звука, в отличие от бушующей вокруг толпы.

— Последний изгой пришёл к нам в поселение шестнадцать лет назад. И теперь к нам снова пришёл изгой, — это благословение от Руга. Бог доволен своими детьми, — говорил Турраг, и атлурги одобрительно гудели.

— Как она держится? — спросила Леда, беря Корта под локоть.

— Держится, — эхом отозвался мужчина.

Он посмотрел на Юту. Она стояла совершенно неподвижно, кулаки крепко сжаты, а взгляд направлен куда-то за головы толпы. Выражение её лица было нечитаемо. Но Корт прекрасно знал, что она сейчас чувствует.

Неуверенность, боль и страх. От того, что потеряла всё, что знала. От постепенного, мучительного осознания, что никогда не вернётся домой. Прежняя жизнь осталась где-то позади, затерянная в жарком мареве песков. А впереди — лишь мрак, неопределённость и одиночество.

Но, несмотря ни на что, она держалась. Даже лучше, чем Корт мог ожидать. Возможно, даже лучше, чем держался бы он, если бы в своё время оказался на её месте.

— Что ж, всё закончилось хорошо, — тихо заговорила Леда ему на ухо. — Не бойся за неё, она справится. Так же, как справился ты.

— Сейчас я переживаю не о ней, — отозвался Корт.

— Правда? — насмешливо переспросила Леда, глядя на мужа.

— Ну, не только о ней, — нехотя поправился Корт. — Только послушай Туррага. По его словам, у нас всё просто прекрасно. А главная проблема поселения заключается в том, что делать с бедной девушкой, чуть не погибшей в пустыне: оставить здесь и тратить на неё драгоценную воду или же выкинуть в пустыню. — Корт замотал головой, будто не желая верить в то, что только что сам сказал. — Просто невыносимо.

— Мы знали, что так будет, — отрешённо проговорила Леда, глядя на Туррага, который продолжал самозабвенно говорить. — Он слушает только себя, и ему так нравится то, что он слышит.

Корт усмехнулся. Он снова перевёл взгляд с Канга на Юту.

— Знаешь, я ей не верю.

Леда даже немного отстранилась, чтобы вопросительно посмотреть на мужа.

— Тогда зачем же ты говорил за неё и помогал всё это время?

Корт пожал плечами.

— Я не думаю, что она лжёт. Но и всей правды не говорит. Её реакция, когда она узнала, что её шаттл разбился...

— Мне её реакция кажется совершенно нормальной. Она чуть не погибла, узнала о том, что в пустыне живут люди, и потеряла возможность вернуться домой. И всё в один день.

Корт покачал головой, продолжая смотреть на Юту. Она казалась такой уязвимой,

словно раненая птица, которой не выжить без посторонней помощи. И даже если она выживет, то уже никогда не сможет летать.

Но было в ней что-то ещё, почти неуловимое: отчаянное упрямство, жажда выжить. Но не потому, что она хочет жить, а для того, чтобы сделать что-то, достичь некой цели. Корт видел это каждый день в её глазах. Такая, как она, может пережить всё это только для того, чтобы осуществить задуманное — нечто, что не даёт ей покоя. Эта жажда порочна. Она не может привести ни к чему, кроме боли и саморазрушения. Корт хорошо понимал это состояние, потому что когда-то чувствовал то же.

— Нет, — наконец сказал он, когда Леда уже не надеялась услышать ответ и снова отвлеклась на речь Туррага. — Она сильная и не стала бы так убиваться из-за того, что чуть не погибла или же лишилась дома. Она бы не позволила себе плакать при нас, если бы могла сдержаться. Слишком уж сильно она была разбита. Ведь, в конце концов, она осталась жива. Разве не надо порадоваться этому?

— А ты радовался? — легко парировала Леда.

Корт едва заметно улыбнулся. Не тому, что она сказала, а тому — как. Леда всегда с такой лёгкостью спорила с ним. Пожалуй, она была единственным человеком, который всегда мог найти, что ему ответить. Последнее слово всегда оставалось за ней. Но не из-за упрямства или желания самоутвердиться, а потому что она была мудра.

— Со мной было иначе, — ответил Корт.

— Но ведь и она — не ты. Уверена, нам не о чем волноваться.

— Может, ты и права, — устало проговорил он. Утегатол подошёл к концу, и люди начали расходиться, — но меня не покидает чувство, что её появление тут — это знак. Что-то надвигается. И это не сулит нам ничего хорошего. Взор Канга замутнён. Он больше не слышит голоса богов, не в состоянии увидеть приближение чего-то тёмного и зловещего. А значит, не в состоянии защитить народ.

— Главное, чтобы оставался кто-то, способный видеть истину. Мы со всем разберёмся, но сейчас дай ей время придти в себя. Жизнь среди атлургов может оказаться настоящим испытанием, кому как не тебе знать об этом.

Корт тряхнул головой, стараясь избавиться от наваждения. Он взял Леду за руку и легко коснулся губами её губ.

— Ты как всегда права. Пойдём домой, хватит с нас на сегодня забот. А завтра сутра начнём с того, что поможем ей перебраться в новый лурд.

Гвирн подошёл ко входу в Зал Свитков. Через всегда открытый проход, не завешанный пологом — атлурги в любое время дня и ночи могут придти сюда, чтобы приобщиться мудрости богов — он видел бесчисленные стеллажи, заваленные манускриптами. Гурнаса нигде не было видно, и Гвирн проскользнул внутрь.

Утегатол закончился полчаса назад. Улицы Утегата были заполнены людьми. Атлурги толпились и горячо обсуждали появление в городе нового изгоя. Гвирн собирался навестить одного из своих ближайших сподвижников и верного друга — Арсуга и прошёл уже полпути до его дома. Как вдруг его осенило неожиданное прозрение. Гвирн был уверен, что это боги послали ему знак, и без промедления бросился в Зал Свитков.

Здесь хранилась вся мудрость народа, накопленная веками: все законы и установления,

все легенды и предания, но главное — здесь, заключённые в бумажные свитки, хранились голоса богов, некогда обратившихся к избранным из народа. Гвирн знал, что здесь он будет один. Никто не помешает ему войти и выйти из Зала Свитков незамеченным.

По большей части атлурги редко обращались к этой сокровищнице знаний и мудрости. Они были захвачены водоворотом повседневной жизни, в которой нет места для истинного познания и поисков мудрости. Они приходили сюда лишь для того, чтобы гурнас — «говорящий с богами» — посоветовал, какое имя дать ребёнку, чтобы он вырос здоровым и удачливым, или же прочёл по небесным знакам, уродится ли в этом сезоне урожай ропса.

Но семья Гвирна была иной. Отец растил его в атмосфере глубокого почитания богов, далеко выходящего за рамки праздничных жертвоприношений. Зал Свитков с детства был ему вторым домом. Гвирн проводил тут долгие часы, в то время как другие дети играли в «Охоту» и без спроса бегали в пустыню.

Отец учил Гвирна не только почитанию богов, но и тому, как узнавать их волю и угодить их желаниям. Вот почему Гвирн в точности знал, куда направляется, когда поворот за поворотом преодолевал длинные пустынные проходы Зала Свитков.

Гвирн направлялся в одну из самых удалённых и редко посещаемых частей, в которой хранились пророчества. В древности их было бессчётное множество. Теперь же эти свитки просто пылились, никому не нужные. Никто десятилетиями, а может и столетиями не заглядывал в них.

Гвирн миновал стеллаж с пророчествами богов-близнецов Урса и Асри. Это должно быть где-то здесь. Он знал, где искать, лишь потому, что когда-то давно уже читал это пророчество. И теперь оно всплыло в памяти, разворошённой словами Туррага.

Пальцы Гвирна перебирали свитки, и мелкая, серебристая пыль взвивалась над стеллажами, покрывая его волосы и плечи. Прошло немало времени, пока он не нашёл то, что искал. Гвирн быстро пробежал глазами по пергаменту и воскликнул, забыв про осторожность:

— Ну, конечно! Раньше я не мог постичь смысла этих строк, но теперь я понимаю. Здесь же говорится о ней, о девушке, которую Корт отнял у песков!

Гвирн бесшумно рассмеялся, ещё раз перечитывая свиток. Вот то, что он искал все эти годы. То, что позволит ему и его семье возвыситься, вновь занять то положение, которое они когда-то занимали. Но никто не должен узнать об этом свитке. Никто и никогда не должен его найти.

Поразмыслив о том, где лучше спрятать манускрипт, Гвирн пришёл к выводу, что нет более безопасного места, чем самая редко посещаемая часть Зала Свитков, которого сторонится большая часть атлургов.

Он засунул пророчество поглубже в груды таких же, покрытых пылью и никому не нужных свитков. Гвирн был уверен, что здесь никто его не найдёт, и его тайна останется сокрыта ото всех, кроме разве что богов. Но разве не они и привели его сюда? Гвирн знал, что это так. Боги дают ему шанс, и он собирался им воспользоваться.

* Тар — мера длины у атлургов, равная дневному переходу по пустыне.

Глава 9. Забытая богиня

Ночь выдалась на удивление жаркая. Юта лежала без сна в новом «доме», который ей выделил Утегат, и смотрела в потолок. Сегодня весь день, как и вчера и позавчера она работала в поле, где выращивают ропс — основную растительную пищу атлургов. Леда учила её рыхлить и увлажнять землю, обрабатывать стебли, находить и удалять больные и собирать зрелые.

С непривычки у Юты болела спина, а на ладонях появились болезненные мозоли от каменной тяпки. Но всё равно это было лучше, чем слоняться по Утегату без дела. Полностью сосредоточившись на новой незнакомой деятельности, Юта умудрялась почти ни о чём не думать. Она погрузила свой разум и чувства под стеклянный колпак, отгородившись от мучительных воспоминаний и мыслей.

После Утегатоло прошло десять дней. Канг выделил ей отдельную «пещеру», как Юта называла про себя лурды — дома-ячейки атлургов. Раньше он принадлежал одинокому старику, который недавно умер, и дом отдали Юте. Он находился в той же части города, что и лурд Корта и Леды, в нескольких поворотах коридора от них.

В доме было всего две комнаты. Маленькая кухонька со столом и «солнечной печью», — каменной трубой, какую она видела в доме Леды. И такая же крошечная спальня, в которой из мебели был песчаный приступок в углу, да пара дырявых плетёных корзин, оставшихся от старика.

Первые несколько дней после переезда Леда помогала Юте обустраиваться: обзаводиться кухонной утварью, пользоваться солнечной печью, а также, не плутая полдня, находить дорогу до полей, пастбищ, где разводят коз, и других необходимых в жизни атлурга мест.

Юта была благодарна девушке за помощь и заботу. Леда была добра и внимательна к ней, но Юта всё равно продолжала чувствовать отчуждение. Возможно, причиной было то, что Леда была атлургом, и у них с Ютой было слишком мало общего. Она чувствовала себя гораздо ближе к Карту, несмотря на его своенравие и некоторую холодность.

После переезда он почти не появлялся. Леда не говорила о том, где он, а Юта не спрашивала. В конце концов, то, что он её спас, ещё не значит, что теперь он должен заботиться о ней. Канг разрешил Юте остаться и жить среди атлургов, а значит, ей самой надо налаживать здесь жизнь.

Юта повернулась на бок, и у неё перед взором без спроса появились синие глаза. Они смотрели на неё так, как в первый раз — с отчуждённым любопытством, холодно и пронзительно, острым лезвием проникая прямо под кожу.

Юта вздрогнула. Несмотря на ужасную жару, по телу пробежала волна холода. Она села в постели, прислушиваясь. В коридоре что-то происходило — она слышала голоса и топот ног. Не раздумывая, она натянула суконные штаны и кофту с короткими рукавами — всё это были старые вещи Леды, и босиком выбежала на улицу.

Юта пошла на шум. По дороге ей встретилось несколько человек. Они переговаривались в полголоса. Никто не знал, что происходит. Минув несколько поворотов, они вышли в очередной коридор.

Здесь скопилось порядочно народу. Многие были одеты так же легко, как и Юта — они так же, как она, только что вылезли из своих постелей. Осветительные окошки были всё ещё

прикрыты, и в коридоре царил полумрак. Юта протиснулась между спинами высоких атлургов и увидела то, на что все смотрели.

Это был Канг. Турраг лежал на песчаном полу. Его глаза были открыты и смотрели куда-то в потолок, мимо голов людей. Рот был приоткрыт, одна рука неестественно вывернута. На лице Канга застыло недоумённое и какое-то обиженное выражение. Как у ребенка, когда ему говорят, что пора уходить с детской площадки. Так, словно Канг продолжал безмолвно вопрошать: «Что происходит? Как? За что?».

Кто-то приоткрыл одно из окошек, и тело Туррага осветил луч света. В полутьме оно засияло так же, как когда он выступал перед атлургами с помоста. В солнечном луче куском слюды блеснула рукоять кинжала, торчащего из груди Канга. Юта увидела кровь, бурым пятном расплзающуюся из-под тела Туррага. Кровь тут же впитывалась в песок, оставляя вокруг Канга тёмный ореол.

В мозгу тут же вспыхнул образ мэра Гованса, сползающего по чёрному крылу автомобиля. И тёмно-бордовое пятно, вытекающее из-под двери. Этот образ моментально потянул за собой другие — те, которые Юта так старательно пыталась упрятать в самые дальние уголки памяти.

Она как пьяная отшатнулась от тела, прижав ко рту руку, и тяжело привалилась к стене. Потребовалось время, прежде чем Юта поняла, где находится. Её грудь тяжело поднималась и опадала, по вискам стекали капли пота.

Кое-как ей удалось взять себя в руки. Юта не чувствовала в себе сил возвращаться домой, так что она просто стояла, облокотившись о стену и наблюдала за атлургами. Тела она больше не видела за спинами людей.

Атлурги были на удивление спокойны. Никто не кричал и не плакал. Они по одному подходили к телу Канга, чтобы своими глазами удостовериться в том, что произошло. А затем отходили в сторону, уступая место вновь подошедшим. Это было похоже на какой-то ритуал, и на мгновение Юте показалось, что она увидит здесь весь город, молча сменяющий друг друга на этом странном посту.

Атлурги переговаривались в полголоса, медленно перемещаясь с места на место. Будто весь коридор вальсировал в такт какой-то, слышимой только им, музыке. Выхваченные солнечным лучом, зловеще красным светились татуировки на внутренней стороне предплечий. Такие же, какие Юта видела на руках Корта в первый день.

На лицах большинства атлургов не было ни удивления, ни скорби. Они оставались спокойны и бесстрастны. Юта подумала о том, что за века солнца и жар пустыни высушили их эмоции досуха, оставив на их месте только лёгкие контуры.

Через некоторое время, сочившееся будто кровь сквозь песок, к телу Канга скользнул силуэт женщины. Она опустилась на колени рядом с ним, и Юта услышала тихий плач. Женщина не кричала, не причитала и не рыдала в голос. Она вела себя достойно и непоколебимо даже в час величайшей скорби.

Юта со стороны наблюдала за атлургами, переводя взгляд с одного лица на другое, от одних глаз цвета раскалённого песка — к другим. Она запоминала, анализировала и делала выводы. Так, словно собиралась набрать статью о смерти Канга по возвращении домой. Она больше не была журналистом и уже никогда им не станет, но, надо полагать, старые привычки умирают неохотно.

А потом она увидела среди атлургов Корта. Он стоял возле тела Канга, глядя на него сверху вниз. Рядом с Кортом, держа его под руку, была Леда. Всегда спокойная и

невозмутимая, сейчас она выглядела взволнованной. Юта заметила, как по её лицу промелькнула тень сильного удивления, но это выражение тут же исчезло, когда она взяла себя в руки. Леда переговаривалась с мужчиной, стоящим рядом с ней. Корт молчал.

По всей видимости, эта новость тоже застала его в постели: на мужчине были грубые серые штаны, завязанные тесёмками. На плечи была накинута кофта-безрукавка. Она была расстёгнута, открывая грудь и часть живота. Солнечный луч, освещавший тело Туррага, частично падал и на Корта. Юта невольно скользнула глазами по его широкой груди и плоскому животу. На тёмной коже серебрились полумесяцы шрамов. Юта отвела взгляд, но мужчина уже заметил её.

Он обернулся к Леде и быстро шепнул что-то на ухо. А затем зашагал по направлению к Юте. Подойдя к девушке, Корт встал рядом. Он не смотрел на неё, взгляды обоих были прикованы к телу на полу.

— Что теперь будет? Вы выберете нового Канга? — тихонько спросила Юта.

— Канга не выбирают, — ответил Корт. Его брови были нахмурены, а руки скрещены на груди. Голос был спокоен, но в нём чувствовалось напряжение. — Им становится сильнейший. Тот, за кем идут люди, кому доверяют и кого уважают. Кто сможет доказать свою состоятельность, как вождя, а также устранить всех соперников.

Он замолчал, думая о чём-то своём, а Юта уставилась на убитого Канга. Она совсем недавно жила среди атлургов и ещё мало что могла сказать о них. Кроме того, что эти люди снова и снова поражали её. И часто Юта не могла решить, в хорошем ли смысле, или в плохом.

Атлурги были решительны и бесстрастны. А их холодная рассудительность порой граничила с жестокостью. Выше всего эти люди ценили железную волю и силу духа, безоговорочно ставя выживание Утегата выше своих жизней. Как, видимо, и жизней других. Они были не похожи на расслабленных и избалованных жителей Лиатраса. Ежедневная борьба за жизнь выхолила из них всё лишнее, всё, что не имело прямого отношения к выживанию. Это включало в себя любые проявления слабости, страха и неуверенности. Но, как полагала Юта, и часть человечности, по крайней мере, в том смысле, в каком она привыкла её понимать.

Погрузившись в размышления, Юта не замечала ничего вокруг. Но когда она подняла глаза, то обнаружила не себе взгляд одного из атлургов. Он стоял над телом Канга. Вокруг него волновались и сменялись люди, но мужчина пристально смотрел только не неё. Юта не отвела взгляда. Она принялась рассматривать мужчину так же, как он рассматривал её.

Он был молод, даже юн, у него были длинные волосы, заплетённые в три косы, спускающиеся по спине. Лицо юноши было чистым и открытым, а глаза — настолько светлыми, что радужка почти сливалась с белком глаз. Юта обратила внимание, что он одет не так, как прочие атлурги. На мужчине было надето что-то наподобие длинного халата, полностью закрывающего руки и ноги. Халат был светло-песочного цвета, очень подходящего к глазам юноши. Только ворот, отвороты рукавов и подол были тёмно-бордовыми, цвета крови, пропитавшей пол.

Мужчина всматривался в её лицо, словно пытался что-то понять. В его взгляде не было ни враждебности, ни угрозы, скорее сдержанное любопытство. А потом перед ним возник другой атлург, закрыв мужчину от Юты, так что она перестала его видеть.

Отвлёкшись, Юта потеряла Корта из виду. А когда вновь нашла, он стоял в стороне, спиной к ней, и переговаривался с каким-то мужчиной.

— Странно, что Гвирн до сих пор не объявился, — донёсся до неё голос Корта.

Юта не хотела подслушивать, но журналистский инстинкт быстро взял верх. Она не могла сопротивляться врождённому любопытству, в конце концов, это была та черта характера, которая сделала её той, кто она есть.

— Причины этого может быть только две, — отвечал Карту мужчина, которого Юта видела впервые. — Или ему до сих пор не сообщили...

— Или он и так знает, что происходит.

— Ты должен обратиться к народу, Корт. Завтра же. Сделай заявление, это покажет твои притязания на власть.

Тихий разговор неожиданно поглотили встревоженные восклицания. Это были первые громкие звуки за то время, что Юта находилась здесь. Люди вокруг неё заволновались. Они быстро освобождали проход кому-то, кого она не видела.

Юта протиснулась вперёд и тут же пожалела об этом. По проходу, быстро очищающемуся от атлургов, низко опустив голову к земле, шёл огромных размеров зверь. Сомнений быть не могло: это же чудовище Юта видела в доме у Корта.

В полутьме казалось, что белоснежная шерсть животного светится. Она была настолько длинной, что почти подметала пол. Короткие уши стояли торчком, ловя звуки разговоров. Ни на кого не глядя, зверь целенаправленно трусил вперед, без труда расчищая себе дорогу.

— Что за напасть! Где Корт? — закричал один мужчина, расталкивая атлургов и выбираясь вперёд. — Чтоб ему всю жизнь чистить песок с проходов, — закончил он в полголоса, словно бросил страшное проклятье.

Не обращавший внимание на людей зверь неожиданно поднял голову. Он наострил уши и остановился. Мужчина, звавший Корта, замер, потому что животное смотрело прямо на него. Стоя на четырех лапах зверь доходил ему до груди, а встань он на задние лапы — и был бы ростом с полтора человека.

Наконец кто-то позвал Корта, и он вышел из-за спин атлургов.

— Зачем ты привёл своего саграла? — злобно спросил мужчина. Он указывал на животное рукой.

Утагиру не двигался, но из его пасти, не закрывавшейся из-за огромных клыков, вырвался едва слышный звук. Юта уже слышала его раньше. Он был настолько низким, что человеческое ухо почти не различало его. Он воспринимался всем телом, проникая прямо в кости. В своей жизни Юта не слышала более жуткого звука.

Атлург дёрнулся, вжимаясь в стену. Руку он убрал подальше от зверя. Да и самому ему видно не терпелось убраться подальше. На лице Корта заиграла чуть заметная усмешка. Он вышел вперёд, поднимая руку с раскрытой ладонью, чтобы успокоить животное.

— Я не приводил его. Он пришёл на запах крови, — ответил Корт, и по рядам атлургов пронёсся вздох.

Корт подошёл к Утагиру и привычным жестом, который Юта видела раньше, положил руку зверю на загривок. Утагиру опустил голову и довольно высунул из пасти язык.

— Что ты здесь делаешь, приятель? Это собрание не для тебя, — тихонько проговорил Корт, обращаясь к зверю.

— Я уведу его домой, — это была Леда, появившаяся откуда-то сбоку.

Мужчина кивнул и убрал руку.

— Пойдём домой, давай, надо уходить.

Утагиру с явной неохотой развернулся и, бросив на Корта печальный взгляд, потрусил

рядом с Ледой.

Минуя Юту, он вдруг остановился и поднял на неё свою огромную голову. Девушка забыла, как дышать. Разумный взгляд жёлтых кошачьих глаз вызывал у неё дрожь. Несколько секунд, растянувшихся для Юты на часы, зверь просто смотрел на неё, а потом его длинный белый хвост дёрнулся из стороны в сторону. Напоследок одарив Юту улыбкой-оскалом своей жуткой пасти, Утагиру последовал за Ледой.

Юта была ошеломлена и просто приросла к месту, пока её не привёл в чувства взгляд синих глаз. Если бы Юта могла допустить такое, она бы сказала, что он был озадаченным.

Юта стояла в коридоре, в котором убили Туррага до тех пор, пока несколько человек не принесли носилки. Тело Канга аккуратно погрузили на них и унесли. Атлурги потихоньку расходились. Настало утро.

Всё это время Корт находился рядом с ней, хоть они почти не разговаривали. Юта гадала, почему он не уходит, хотя наверняка у него есть дела и поважнее, чем караулить изгоя. Боялся ли он, как она отреагирует на смерть Канга? Как отреагируют атлурги на её присутствие? Или он находился здесь совсем по другой причине, вовсе не связанной с ней?

Леда ушла ещё с час назад. Они с Кортом тоже не говорили, и Юта гадала об их отношениях. Были ли Корт и Леда настолько близки, знали друг друга так хорошо, что не нуждались в словах? Или же наоборот, их отношения были настолько свободными, что они жили каждый своей жизнью, не считая нужным ставить в известность о своих действиях другого? На эти вопросы у Юты не было ответов, как и на многие другие.

Когда толпа, запрудившая коридор, немного поредела, Юта снова увидела юношу, который рассматривал её раньше. Он помогал уложить тело Туррага на носилки, но не последовал за ним, когда атлурги его унесли. Вместо этого он повернулся, и, найдя глазами Юту, направился прямо к ней.

Юта стояла на месте, с лёгким волнением ожидая, когда атлург подойдёт. Она поискала глазами Корта. Он разговаривал с кем-то, обхватив себя руками. В скудном освещении его кожа казалась ещё темнее — цвета горького шоколада, а глаза блестели, словно два осколка стекла.

Юноша подошёл достаточно близко, чтобы заговорить:

— Здравствуй, Юталиэн, девушка, пришедшая с неба. Меня зовут Арагон, я здешний гурнас. «Говорящий с богами», — тут же пояснил он, спохватившись, что Юта не знает местных обычаев и названий.

Она понимающе кивнула, несмотря на то что смутно представляла, кто находится перед ней. Её спас Корт, словно из ниоткуда возникший рядом. «Жрец», — быстро шепнул он ей на ухо.

Юта снова кивнула, уже более уверенно, хотя по-прежнему не могла взять в толк, зачем бы жрецу атлургов понадобилось говорить с ней.

— Для Утегата настают скорбные времена. Смерть Туррага, объединявшего народ, может принести новое немирье. Мне жаль, что ты оказалась среди нас в такое тяжёлое и смутное время.

Юта молчала, не зная, что на это сказать. Она не понимала, к чему он ведёт, и понятия не имела, как следует разговаривать со жрецом.

— Смутное время настало отнюдь не сегодня, — ответил за Юту Корт. Он стоял за её правым плечом. — Смерть Канга тому подтверждение. Его убийство — лишь симптом, но не причина болезни.

Арагон внимательно слушал Корта, слегка наклонив голову набок. Юта подумала о том, с какой лёгкостью, обычно присущей лишь людям, облачённым властью, Корт говорит со всеми — от жреца богов до самого Канга.

— Ты как всегда зришь то, что сокрыто от других, Корт, носящий метку Бога Смерти. Боги всегда общались с тобой без посредников, открывая свою волю.

Кажется, это замечание позабавило Корта. Он усмехнулся:

— Если бы это было так, я, а не ты был бы гурнасом. Тебе не кажется, вестник[1]?

Арагон не улыбнулся в ответ. Он пристально посмотрел на Корта тем же взглядом, каким раньше рассматривал Юту.

— Думаю, ты не стал им, потому что тебе предназначена иная судьба, Ругат. Но я здесь не для того, чтобы обсуждать волю богов. — Жрец снова обратился к Юте: — Я хотел поприветствовать тебя в поселении, Юталиэн, и сказать, что в любую минуту сомнений и душевных терзаний ты можешь найти меня в Зале Свитков. Думаю, что смогу разрешить некоторые из твоих вопросов, которых, я уверен, у тебя скопилось немало.

— Спасибо, — ответила Юта, не зная, что ещё сказать.

То, что кто-то предложил ей помощь, удивило её. Не то чтобы никто в Утегате не помогал ей — это было не так. Юта долго жила у Корта с Ледой. Они выхаживали её и терпеливо ждали, пока она встанет на ноги. Потом Леда помогала обустроиваться в новом доме и учила премудростям жизни в подземном городе.

Но это было другое. До сих пор никто не предлагал ей поговорить по душам, ответить на её вопросы, которых, чем дольше она жила в Утегате, тем становилось больше.

Гурнас слегка наклонил голову, прощаясь, и последовал по коридору за процессией, уносившей тело Канга. Полы его халата развевались за спиной, как крылья птицы, пока полностью не слились со стенами коридора. Только бордовые полосы на рукавах и подоле продолжали выделяться на фоне стен, будто измазавшая их кровь.

Корт задумчиво смотрел в спину гурнаса, одной рукой потирая подбородок.

— Ты удостоилась редкой чести, — наконец произнёс он.

— Правда? — удивилась Юта. — Я подумала, что гурнас предлагает помощь всем, кто в ней нуждается. Разве нет?

Корт мотнул головой, чёрные волосы рассыпались по плечам.

— Это не совсем так. Он действительно помогает тем, кто к нему обращается. Но он почти не выходит из Зала Свитков. Гурнас проводит всё своё время за общением с богами. Он редко снисходит до нас, обычных смертных. И уж тем более никогда не подходит к незнакомому человеку только для того, чтобы предложить то, о чём его не просили. Хотел бы я знать, в чём причина.

Внезапно Корт повернулся к Юте. Впервые за долгое время он посмотрел ей прямо в лицо.

— Не слишком ли много вокруг тебя тайн, Юталиэн, девушка, пришедшая с неба?

Его глаза блеснули сталью, всегда прячущейся в бездонной синеве.

— Я... — начала Юта, но Корт уже отвернулся.

— Пошли, нам обоим надо отдохнуть после бессонной ночи. Я отведу тебя домой.

И он зашагал по коридору в сторону, противоположную той, куда унесли Канга. Юте ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

«А как насчёт твоих тайн?», — хотела спросить она, но промолчала. В конце концов, человек, сам хранящий секреты, должен уметь уважать секреты других.

Леда шла по улицам окружными путями: она не хотела встретить кого-то из людей Гwirна. Казалось, этой ночью весь город не спал. Весть о кончине Канга облетела Утегат из конца в конец. Люди поднимались с постелей, выходили из домов, чтобы узнать, что случилось. Леда оставила Корта уже под утро, незаметно ускользнув тёмными коридорами.

Впереди замаячила группа людей. Леда не могла разглядеть, кто это, но на всякий случай решила не рисковать. Она быстро завернула в боковой проход и влетела прямо в человека, спешившего навстречу.

— Простите, — выпалила она, пряча лицо за капюшоном хилта.

— Леда?

— Уги?! Слава Ругу! Я искала тебя.

Уги осмотрелся и быстро отвёл её в тёмный закуток.

— Что происходит? Кругом какое-то сумасшествие. Гадрим сказал, что Турраг мёртв. Он видел тело.

— Это правда, — ответила Леда. — Я только что оттуда.

— Но... я ничего не понимаю. Разве мы не решили, что сделаем это на празднике Куду? До него ещё четыре дня. Пойдём, я должен увидеть всё сам.

Уги дёрнулся в сторону собиравшейся группы людей, но Леда быстро схватила его за локоть.

— Тебе туда нельзя. Там Корт. Нам лучше не показываться ему на глаза, пока не выясним, что случилось.

Уги остановился. Он задумался.

— Ты права. Надо найти Дара. Не понимаю, почему он вдруг решил действовать не по плану.

Они двинулись по улице в сторону лурда Дара. Какое-то время шли молча. Потом заговорила Леда:

— Возможно, мы совершили ошибку, доверив это ему. У него могли просто сдать нервы. Представь: неделями хранить такой секрет, готовиться втайне ото всех, день за днём ожидая того, что должен сделать. Это было бы непросто для любого из нас.

— А Дар молод и к тому же вспыльчив, — закончил за неё Уги. — Наверное, ты права — мы взвалили на него слишком тяжёлую ношу.

Подойдя ко входу в дом Дара, Уги с Ледой переглянулись, а затем вошли внутрь.

Они оказались на просторной кухне, устроенной так же, как все кухни в домах атлургов. Вот только здесь царил жуткий беспорядок. Горшки для готовки валялись на полу. Один из них разбился, осколки разлетелись по всему полу, смешавшись с пролитой ёккой*. Корзина с ропсом была перевёрнута вверх дном, как будто её в гневе пнули ногой.

Из-за массивного каменного стола раздался приглушённый звук. Уги отстранил Леду и осторожно двинулся вперёд. Леда последовала за ним, обойдя стол с другой стороны. Первым, что бросилось им в глаза — был кинжал-аслур, валявшийся на земле. Потом они увидели Дара.

Он сидел на корточках на полу, вжавшись спиной в стену. Лицо юноша уткнул в сложенные на коленях руки. Его одежда была неопрятна, растрёпанные волосы упали на лицо, закрыв его золотой бахромой. Он бормотал что-то так тихо, что невозможно было

разобрать.

Уги подошёл ближе. Кажется, Дар не заметил их прихода или же просто не обращал внимания. Леда присела на корточки рядом с ним и едва заметно коснулась руки. Юноша вздрогнул и поднял голову. В его больших глазах отразились недоумение и боль, смешанные с отчаянием. Он смотрел на Леду, но в то же время как будто сквозь неё. Девушка не была уверена, видит ли он её.

А потом Дар отчётливо произнёс, обращаясь, скорее, к пространству перед собой, чем к людям:

— Это должен был быть я. На его месте должен был быть я.

Леда с отчаянием посмотрела на Уги, но он был растерян так же, как и она. Похоже, они действительно совершили ошибку, взвалив это бремя на Дара. Он был ещё слишком молод, не говоря о том, что ему не приходилось убивать. Видимо, случившееся сломило его.

Леда осторожно, словно дикого зверя, погладила юношу по руке. И сказала голосом таким мягким и в то же время убедительным, на какой была способна лишь она.

— Нет, не должен. Туррагу суждено было умереть. Это произошло бы так или иначе, раньше или позже.

Дар неожиданно вскинулся, глядя прямо на Леду. Сейча он прекрасно понимал, что происходит, и кто перед ним.

— Я говорю не о Канге, а об убийце, — гневно произнёс он. — На его месте должен был быть я.

— Что?! Ты хочешь сказать...

— Не я убил Канга. Это не мой кинжал пронзил его сердце, не его лезвие обагрилось кровью Туррага. — На последних словах его голос изломался, и Дар вновь обессиленно уткнул лицо в руки.

Леда и Уги одновременно посмотрели на кинжал-аслур, валявшийся рядом. Он был чистым, ни следа крови.

Они посидели с Даром ещё немного, хотя прекрасно понимали, что ничем не помогут. Леда пыталась его успокоить, думая о том, что, наверное, всё сложилось к лучшему. В конце концов, боги никогда не ошибаются. Они мудры и знают обо всём, что творится в человеческих душах. В своей мудрости они не пожелали, чтобы Дар становился убийцей, и отвели его руку.

Плохо лишь, что теперь никто не мог сказать, что будет. Возможность смуты и распрей оказалась близка, как никогда. Кровавое пролитие может начаться в любой момент, и тогда милость богов окажется напрасной — Дару всё равно придётся взяться за кинжал.

Спустя полчаса Леда и Уги вышли в удивительно тихий коридор, оставив Дара на том же месте, где нашли.

— Вот это да... — подавленно заговорил Уги, привалившись к стене. — Мы думали, он мучается из-за того, что убил Канга...

— А он мучается от того, что не убил, — договорила Леда.

Она сжала кулаки и тряхнула головой.

— Раз Дар к этому не причастен, то причастен кто-то другой. И мы прекрасно знаем, кто. Гвирн опередил нас. Он первым сделал ход. И теперь мы должны понять, как обернуть всё в нашу пользу. А не то...

— Да, — ответил Уги.

Он выглядел уставшим и подавленным. Плечи были опущены, как будто у него не было

сил держать их прямо, а под глазами залегли тёмные круги. Оторвавшись от стены, он побрёл по коридору. И только его тень, такая же сгорбленная и измученная, следовала за ним.

Юта в одиночестве гуляла по городу. После убийства Туррага привычный уклад жизни атлургов оказался нарушен. Весь город стоял на ушах, взбаламученный убийством Канга. Люди собирались вместе, обсуждали произошедшее и что теперь будет. Зал Кутх гудел, как пчелиный улей. Казалось, в эти дни никто не спал и не сидел дома. Весь город вывалил на улицы. Атлурги обсуждали политику вперемежку с волей богов, что для них, похоже, было одним и тем же.

Уже несколько дней Юта не видела ни Леду, ни Корта. Про неё как будто забыли, предоставив самой себе и непрошеным мыслям, ночными ворами прокрадывавшимся в голову в обход всех преград и заслонов, которыми она пыталась оградиться.

Везде было одно и то же. Куда бы она ни шла, везде её преследовала смерть, снова и снова. Но в отличие от Лиатраса, где она была замешана в самую гущу событий, здесь она оставалась в стороне, на самой дальней и пыльной обочине происходящего. По крайней мере, здесь ей было не в чём себя винить. Так что это было к лучшему — что она не имела ко всему этому никакого отношения. Так она начинала думать, что причина вовсе и не в ней. Люди умирают. Так происходит везде и всегда. Кто-то борется за власть, кто-то преступает черту, и кто-то страдает. Простой порядок вещей, на который никто не в силах повлиять.

Юта не вдавалась в подробности происходящего. На этот раз она предпочла оставаться в неведении, но, кажется, Корт был в этом замешан. Она слышала, как люди на улицах и за завесами пологов произносили его имя. Кажется, Корт был вовлечён в политическую игру. Кажется, некоторые атлурги хотели, чтобы он возглавил народ.

Юта минула ещё один поворот коридора. Теперь она точно заблудилась и не имела ни малейшего представления, где находится. Скорее всего, ноги занесли её в одну из дальних частей Утегата. Здесь было безлюдно и очень тихо. Юта была рада оказаться подальше от волнующейся толпы. Она с интересом разглядывала новую для себя часть города, пока перед ней не вырос широкий дверной проём.

Юта остановилась в нерешительности. Проход был гораздо больше, чем в обычных домах атлургов, к тому же он не был завешен пологом. Юта подошла ближе и заглянула внутрь. От увиденного у неё перехватило дыхание. Полностью замороженная, Юта шагнула внутрь.

Её взору открылся зал. Он был невообразимо огромен, намного больше Зала Кутх. И в отличие от тёмного Зала для собраний, — был залит светом. Переливающийся и блестящий под лучами солнца потолок терялся где-то вверху. Всё пространство занимали стеллажи, вырубленные из массива песка. Словно деревья или диковинные лианы они вырастали прямо из пола и подпирали собой высокий свод. Стеллажи тянулись вдаль, насколько хватало глаз, создавая между собой прямые узкие коридоры. Внутри стеллажей были вырублены полки, а на них, — разложены пергаменты всевозможных размеров.

«Я оказалась в Зале Свитков», — поняла Юта.

Она пошла по проходу между стеллажами, ведя пальцами вдоль одной из полок. Всё, что Юта видела вокруг себя — был нескончаемый лес из стеллажей. Всё было серебристо-

жёлтым с примесью слоновой кости — цвета старой, выцветшей бумаги. Когда Юта смотрела вверх, то колонны стеллажей почти смыкались у неё над головой, словно небоскрёбы Лиатраса, упирающиеся в солнечные навесы.

Юта чуть заметно улыбнулась. В этом месте она впервые за всё время в Утегате почувствовала, что может дышать свободно. Было ли дело в том, что низкий потолок не давил на голову тяжёлой крышкой гроба, или же в том, как в неподвижном воздухе, танцуя, кружили пылинки. Или в каком-то тихом чувстве благоговения, готовом подхватить и унести тебя, будто ты оказался в древней сокровищнице или величественном храме. Хотя Юта никогда не бывала в храмах — в Лиатрасе не было религии.

Она остановилась и взяла с полки один из свитков. Аккуратно, боясь разрушить хрупкий пергамент, Юта развернула его, и у неё перед глазами ожили символы незнакомого языка. Они закручивались водоворотами, как небо перед бурей, сталкивались и переплетались, танцуя на пергаментной странице. Они крались, как пантеры и ползли, как змеи, а потом вдруг восставали и взрывались каскадом черных искр.

Юта не понимала ни слова, но этот язык был прекрасен. Его символы показались ей очень знакомыми, вот только она никак не могла вспомнить, откуда. Впервые Юта увидела их, огненными жгутами оплетающими предплечья Корта. На этом языке была высечена надпись «Утегат те атрасс» — «Город — бессмертен», горящая над Залом Кутх. Но почему эти символы...

— Я рад, что ты нашла дорогу сюда, Юталиэн.

Юта не слышала, как человек подошёл к ней, но она узнала этот голос.

— Пожалуйста, зовите меня «Юта»... вестник, — попросила она гурнаса, в то время как он смотрел на неё с мягкой улыбкой.

— Тогда и ты зови меня по имени, Арагоном, — отозвался жрец. — Я бы не хотел, чтобы между нами стояли формальности.

Юта кивнула.

— Итак, что привело тебя сюда? Ты хочешь о чём-то поговорить?

Юта могла бы ответить, что набрела на Зал Свитков случайно, что она вообще не собиралась сюда приходить, но вместо этого она спросила:

— Что это за язык?

— Это древний язык — «наури». На нём говорили Первые Изгои. Большая часть этих свитков написана не нём.

Юта посмотрела на пергамент, который держала в руке.

— Вы можете рассказать мне про ваших богов, таких, как Руг?

— Руг — самый сильный и почитаемый из наших богов, — охотно ответил Арагон. — Он — бог пустыни и бог смерти. Руг может оставить жизнь, но так же легко может забрать её. Он свиреп и жесток, но справедлив. Без его покровительства мы не смогли бы выжить в пустыне. Хотя иногда он требует жертв, как произошло недавно. Ещё есть Куду — полная его противоположность. Это бог воды, дарующий жизнь. Он милостив и щедр. Он даёт, ничего не прося взамен.

Руг и Куду живут в постоянной борьбе, которая отражается в душах и судьбах народа. Но они также тесно связаны, — без одного не существовало бы и второго. Эти боги как братья, одновременно любящие и ненавидящие друг друга. Они находятся в постоянной вражде, но никто из них не способен полностью уничтожить другого.

Жизнь каждого атлурга ежедневно и ежечасно зависит от них. Если ты поймёшь это и

впустишь их в свою душу, то сделаешь первый шаг к тому, чтобы понять народ и когда-нибудь стать одной из нас.

Юта задумалась. Слова Арагона были такими странными, но и такими волнующими. Они отозвались в её душе непривычными струнами. Юта всё ещё держала в руке свиток. Она опустила на него глаза и перед её взором снова вспыхнули огненные письма на тёмной коже, теряющиеся под рукавами рубашки.

— А кто такой ругат?

Эти слова сорвались с её губ прежде, чем она успела сообразить.

Арагон прищурился. Он неопределённо взмахнул руками, отчего широкие рукава его халата разлетелись в стороны. Красные полосы мелькнули перед лицом Юты, как брызнувшая кровь.

— Так вот зачем ты пришла, — улыбаясь уголками губ, сказал жрец.

— Я... нет... — бормотала Юта.

Но резко замолчала, разозлившись на себя. Да что, в конце концов, с ней такое? С каких пор она стала такой мямлей? Арагон сжалился над ней.

— Ругатом называют человека, который побывал в объятиях Руга, почувствовал на своей коже его обжигающее дыхание и сумел вернуться назад, в мир живых. Такой человек получает метку Бога Смерти и вместе с ней часть его силы.

— А как... как Корт стал ругатом?

Арагон смотрел на неё так, будто видел насквозь. Но его взгляд не был прожигающим, как у Корта. Он был мягким и баюкающим. Его прикосновение успокаивало, гасило смятение и помогало унять боль в ранах, которые, как думала Юта, никогда не перестанут болеть.

— Об этом тебе лучше спросить у него, — улыбаясь, ответил гурнас.

«Я спрашивала, но он уходит от ответа», — подумала Юта.

— Я рад, что ты заинтересовалась нашими богами, — как ни в чём не бывало продолжил Арагон. — Есть кое-что, что я хотел бы тебе показать. Следуй за мной.

Гурнас развернулся и повёл Юту по нескончаемым проходам. При каждом шаге его длинные волосы, заплетённые в три косы, раскачивались из стороны в сторону. Через некоторое время он остановился среди таких же, как и везде, стеллажей. Они отошли довольно далеко от входа.

— Мы пришли.

— Что это за место? — поинтересовалась Юта.

Больше всего в жизни она ненавидела тайны и была физически неспособна терпеть секреты. Её пытливый разум требовал тут же разрешить загадку, возникающую перед ней, вскрыть двойное дно реальности и вывести всё на чистую воду.

— Эта секция принадлежит забытой ныне богине Амальрис — богине ночи и тьмы.

Юта ничего не понимала в верованиях атлургов, но это заявление озадачило её.

— Но на этой планете нет ночи. Наши солнца никогда не заходят, так что здесь не бывает темноты.

Арагон потирал одну руку тонкими пальцами другой. Он выглядел задумчивым, отчего его молодое чистое лицо казалось ещё более юным, но одновременно исполненным мудрости, как будто он был глубоким старцем.

— Ты должна понимать это, как иносказание, — наконец сказал он. — Как Руг является богом смерти, а Куду — богом жизни, так Амальрис — богиня жизни после смерти.

Когда для атлурга наступает ночь жизни, Амальрис забирает его душу и уводит к мифическому Источнику Жизни. Ни один смертный не может увидеть его. Но если бы кому-то удалось испить из него, он обрёл бы власть над жизнью и смертью.

Существует одна древняя легенда. Согласно ей, настанет день, когда на землю придёт Тьма, и тогда Амальрис явит себя народу и укажет путь избранным из нас.

Всё это было увлекательно, но Юта не понимала, зачем Арагон рассказывает ей про какую-то забытую богиню.

— Так зачем мы здесь? — снова спросила она. Терпение не было её сильной стороной.

— Подожди тут, — попросил гурнас и скрылся за одним из стеллажей. А когда вернулся, в руках у него был свиток. — За этим, — ответил он, протягивая Юте пергамент.

Юта развернула его и увидела рисунок. Но это было немыслимо! Этого просто не могло быть!

Юта опустилась на пол между стеллажами. Она положила пергамент на пол и осторожно разгладила одной рукой. Другой рукой она сняла с шеи цепочку с маминым кулоном, а затем положила его на пергамент рядом с рисунком.

Это было невозможно, но рисунок на древнем свитке как две капли воды копировал её подвеску. Юта потрясённо подняла лицо к Арагону, молча наблюдавшему за ней.

— Что это значит?! — потребовала она.

— Я не знаю, — тихо ответил служитель богов. — Как только я увидел на тебе подвеску с этим символом в ночь убийства Канга, я сразу же узнал его. Я пытался понять, что это значит, и как он мог оказаться у тебя, одной из детей Колоссов*, но так и не нашёл ответ. Этот символ присутствует в нескольких манускриптах, посвящённых Амальрис, но нигде нет упоминаний о том, что он означает.

Арагон выглядел растерянным и слегка виноватым. Это выражение на его лице было очень простым. Сейчас он был просто молодым парнем, ровесником Юты, задававшимся теми же вопросами, что и она, и так же, как она, не находившим ответы.

Он вдруг с бесконечной усталостью облокотился на стеллаж, возле которого стоял, и на мгновение прикрыл глаза рукой.

— В чём дело? — спросила Юта.

— Есть кое-что, — начал Арагон, но потом оборвал себя, как если бы не был уверен в том, может ли говорить с ней откровенно. — Ничего, всё в порядке. Это не должно тебя беспокоить.

— Расскажи, — с нажимом попросила Юта. — Я знаю, что не являюсь одной из вас, но ты можешь мне доверять.

Арагон отнял руку от лица и посмотрел на Юту, как будто хотел убедиться в искренности её слов. Он вздохнул, а потом заговорил:

— Понимаешь, я обнаружил кое-что необычное, когда пытался найти упоминания об этом символе. Я более чем уверен, что часть свитков Амальрис отсутствует. Есть ссылки на эти свитки в других манускриптах, но самих свитков нет.

— Я не понимаю. Свитки пропали? Но кто мог их забрать?

— Это и есть самое странное. Народ столетиями не поклоняется Амальрис. Как ты верно подметила, у нас нет ни ночи, ни тьмы, а атлурги — весьма практичны. Они не воспринимают того, что нельзя увидеть и к чему нельзя прикоснуться. Поэтому было неизбежно, что культ Амальрис со временем стёрся и забылся.

Никто не интересовался ей на протяжении веков. И уж точно никто не интересовался ей

в период моего служения. Я не имею ни малейшего представления, кто и зачем мог забрать свитки. И где они могут быть сейчас.

Юта всё ещё сидела на полу. Под рукой она чувствовала шершавую поверхность бумаги. В воздухе висел запах старого пергамента и пыли. Юта не понимала, почему, но сказанное Арагоном казалось ей очень важным. В этом была какая-то загадка, и почему-то ей представлялось, что она может её разгадать.

Пропавшие свитки... Трагическая случайность, из-за которой она попала в подземный город... Кулон, который подарила ей мама, изображающий символ, как-то связанный с забытой богиней... Её настоящая жизнь и её прошлое, которые неожиданным образом оказались переплетены.

И вдруг она вспомнила! Вспомнила то, о чём не вспоминала с самого детства. О чём никогда не думала и была уверена, что давно и накрепко забыла об этом. Она вспомнила, где прежде видела символы языка наури.

У её матери была шкатулка, которую она держала на тумбочке возле кровати. Юта часто её видела, но не обращала особого внимания. Она не замечала, чтобы мама открывала её и не знала, что находится внутри, но... на крышке шкатулки были вырезаны символы наури. Древнего языка, на котором говорили предки атлургов.

[1] Вестник — обычное обращение к гурнасу. «Вестник воли богов».

* Ёкка — традиционное блюдо атлургов. Готовится из козьего молока с добавлением ропса и пряных трав. Запекается в солнечной печи.

* Дети Колоссов — так атлурги называют жителей Лиатраса из-за Солнечных Башен, высящихся над стенами города.

Глава 10. Прах к праху

Юта вошла в Зал Кутх вместе с потоком атлургов, в который влилась сразу, как вышла из дома. По всему городу медленные процессии людей двигались по коридорам, чтобы закончить шествие в Зале Кутх. Никогда, даже во время Утегатола Юта не видела здесь такое количество народа. Сегодня здесь действительно собрался весь город. В зале было не протолкнуться, а люди всё продолжали прибывать. Атлурги были торжественно молчаливы. Над пустующим помостом ярче прежнего горела надпись: «Утегат те атрасс».

Сегодня был день погребения Канга.

Это было непривычно и удивительно, но, несмотря на то, что в зале собрался весь город, никто не толкался. Любое скопление людей в Лиатрассе вызывало не только огромное количество шума, но и жуткую толкотню. Тебя пихали плечами и локтями, наступали на ноги и кричали прямо в уши.

Но здесь царила почти полная тишина, за исключением лёгкого, как дуновение ветра, шёпота, когда люди в полголоса переговаривались со своими близкими. И ещё сегодня Юта снова с удивлением отметила, как начинали двигаться атлурги, собравшись вместе.

Они были словно танцоры, следующие движениям давно заученного танца, где у каждого есть своё место и каждый до мелочей знает свои движения. Возможно, это было следствием того, что эти люди столетиями жили бок о бок в тесноте. А может, это было заложено у них в генах — но атлурги двигались, как единый организм.

Как только Юта оказалась в зале, её тут же подхватил новый поток людей. Очень скоро она поняла, что он двигается по спирали, постоянно уплотняясь к центру. Благодаря этому у входа не возникало давки, и зал без особых проблем вмещал всех пришедших.

В итоге людской поток вынес Юту прямо в середину, и она увидела Канга. Центр Зала Кутх был расчищен от людей. Тело Туррага, облачённое в белые одежды, лежало на приподнятых над землёй носилках. Они были покрыты золотисто-песочным покрывалом и украшены редкими цветами, которые, как узнала Юта, выращиваются специально для подобных случаев.

Длинное худое тело Канга было выпрямлено во весь рост. Его руки лежали вдоль тела ладонями вверх. Благодаря этому были видны символы на предплечьях. Теперь Юта видела, что это — символы на языке наури. Они алели на побелевшей, потерявшей краски коже Туррага, будто были только что вырезаны.

Юта пришла рано. Церемония ещё не началась, и она нигде не видела Арагона. Со времени, прошедшего с её первого посещения Зала Свитков, они виделись почти каждый день. Оказавшись предоставлена сама себе, Юта, как никогда прежде, ощущала одиночество. Ей нужен был друг, человек, способный выслушать и отвлечь от переживаний. Потому она так нуждалась в этих ежедневных встречах, выучив дорогу до Зала Свитков лучше, чем до полей или рынка.

Приходя в Зал Свитков, она неизменно находила Арагона за работой: он читал и переводил манускрипты, изучал предзнаменования и делал предсказания по песку и тому, как сворачивалось козье молоко. Они много говорили о богах и легендах атлургов. Арагон переводил для Юты свитки Амальрис и некоторые другие. Ни с кем другим она не чувствовала себя так легко и свободно.

Ряды атлургов с другой стороны от Туррага задвигались. Раздвигая широкими плечами

столпившихся людей, вышел Корт. Из-за его спины появилась Леда, как всегда следующая за мужем. Они тихонько переговаривались. Сердце Юты глухо стукнуло. Корт выглядел уставшим и измученным. Щёки ввалились, побледневшая кожа обтянула скулы. Он выглядел как человек, который не ел и не спал несколько дней.

Ощувив на себе взгляд, Корт внезапно посмотрел на неё. Его глаза были сощурены, пристально всматриваясь в её лицо. Выражение его лица было невозможно прочесть. Юта подумала, что, возможно, он подойдёт к ней, как в ночь убийства Канга, но Корт не покинул Леду. Он только небрежно кивнул Юте, как случайному человеку, с которым здороваешься на улице. Леда улыбнулась бледной уставшей улыбкой. Было видно, что она чем-то озабочена.

Юта почувствовала, как атлурги задвигались у неё за спиной. Она подумала, что это Арагон, но вместо жреца рядом с ней появился высокий атлург, которого она прежде не видела. Люди поспешно давали ему дорогу. Мужчина шёл так, словно имел право занять место в первом ряду. Кругом раздались шепотки. Вокруг мужчины образовалось свободное пространство, люди почтительно отступали от него.

Юта украдкой скосила на него глаза, чтобы рассмотреть получше. К её удивлению мужчина оказался очень молод. Лёгкая рубашка обтягивала его прямые, угловатые плечи и длинные руки. Под тонкой тканью угадывались тугие мышцы, перевивавшие тело жилистыми ремнями.

Внешность народа сильно отличалась от внешности жителей Лиатраса. Особенно это различие бросалось в глаза, когда рядом с атлургами оказывался Корт. Юта не могла удержаться от того, чтобы невольно не сравнивать их.

Кожа атлургов была сухой, как бумага, и смуглой, но странных оттенков: от бронзово-золотого до медного. Глаза были почти что жёлтыми — цвета песка. Все атлурги были высокими и худыми. Словно состояли из костей, твёрдых, как камень, мышц и жил. Атлурги походили на тонкие, высушенные ветром и солнцем деревья, без капли влаги, каким-то чудом выросшие в пустыне, хватающиеся за песок голыми, острыми, как иглы, корнями.

Корт рядом с ними был словно крепкий, раскидистый дуб, вольно выросший в тенистой роще. В отличие от атлургов, его телосложение было мощным и мускулистым. А кожа имела другой оттенок — коры дуба, и отличалась на руках, лице, и теле. У атлургов это было генетикой, а у Корта — загаром.

Также Юта заметила, что атлурги были очень выносливы. Могли сутками ходить по пустыне, почти совсем обходясь без воды. Корт не был таким выносливым, зато, за счёт мышечной массы, был сильнее большинства из них.

В целом, так как внешность атлургов была для Юты непривычна, она не находила их привлекательными. Но мужчину, который сейчас стоял рядом, она могла бы назвать красивым. Черты его лица были яркими, по-аристократичному тонкими и запоминались с первого взгляда.

У него был прямой нос, треугольные скулы переходили в острый подбородок. Кожа была очень светлой, густые, песочного цвета волосы волнами лежали на плечах, спереди и с боков забранные тонкими косичками. Большие глаза имели необычный для атлургов миндалевидный разрез, и были очень чистого золотого оттенка, как корона Аттрима, когда он подходил к самому горизонту.

Взгляд мужчины бал прикован к телу Канга, спина заметно напряжена.

Вдруг он повернул голову и посмотрел на Юту. Она подумала, что слишком пристально

рассматривала его, увлечённая яркой внешностью. Юта потупила взгляд, но мужчина продолжал смотреть на неё, а потом заговорил:

— Ты — Юталиэн? Девушка, пришедшая с неба, которую, как говорят, Корт отнял у самого Руга?

— Видно, Руг остался не слишком доволен, — ответила Юта, — и потребовал вместо меня другую жертву.

Мужчина посмотрел на тело Туррага, а затем легко усмехнулся.

— Говоришь, как атлург. Ты быстро учишься.

Его глаза, направленные на Юту, улыбались. Их обрамляли густые чёрные ресницы, придавая им сияние и глубину. В них чувствовалась внутренняя сила и, возможно, что-то ещё, чего Юта не могла понять. В лице проглядывали ястребиные черты, но взгляд был мягким.

— Ты — Гвирн? — спросила Юта.

— Ты знаешь моё имя? — с восхищением проговорил мужчина. — Как я и сказал, ты быстро учишься.

Юта поймала себя на том, что непроизвольно улыбается ему в ответ.

— Я слышала, как люди говорят о тебе, — ответила она.

— И что же они говорят, хорошее или плохое? — с подкупающей улыбкой спросил Гвирн.

— Хватает и того и другого.

— Что ж, не верь тому, о чём болтают атлурги, — небрежно взмахнув рукой в сторону толпы, проговорил мужчина.

— Чему именно я не должна верить: хорошему или плохому?

Глаза Гвирна наигранно сощурились. Он пристально посмотрел на Юту, чуть склонив голову набок, а затем произнёс:

— Не верь ни тому, ни другому. Я хочу, чтобы у тебя была возможность составить собственное мнение.

Совершенно не стесняясь, — почему-то условности с Гвирном казались излишними, — Юта рассматривала его открытое лицо. Она только познакомилась с ним, но журналист должен уметь составить непредвзятое мнение о человеке, основываясь лишь на одной кратковременной встрече.

И то, что Юта могла бы сказать о Гвирне — этот человек умел расположить к себе с первого взгляда. Он заставил её улыбаться чуть ли не впервые с тех пор, как она попала в Утегат. Ей было легко говорить с ним. Он казался приятным и проницательным собеседником. А взор его тёплых, вдумчивых глаз очаровывал и помимо воли приковывал к себе.

Из раздумий Юту вывело ощущение тяжёлого взгляда, горячей ладонью опустившегося на плечи. Она вздрогнула и поняла, что Корт смотрит на неё. Его ярко-синие глаза сейчас были темны, и всего на мгновение ей почудилось, что в них промелькнул гнев. Но это, должно быть, показалось.

В круге, очищенном от людей, появился Арагон, и церемония погребения началась.

Сначала Арагон произнёс небольшую речь. Он говорил о периоде правления Туррага, как о спокойном и тихом времени, принёсшем Утегату мир и процветание. Говорил о долге каждого атлурга и необходимости сплочения народа. А затем немного о воле богов, решивших забрать Канга к себе раньше срока. В целом, речь была сдержанной и

немногословной, как и сами атлурги.

Затем гурнас начал произносить что-то на наури — Юта узнала его звучание. Она не понимала ни слова, но речь Арагона полностью захватила её. Его голос был словно плот, подхваченный безудержной рекой древнего языка. То плавно скользящий по его гладкой поверхности, то внезапно подхваченный бурлящим течением. А потом река неожиданно вздыбливалась жестокими порогами, и плот грозил разбиться каждую секунду.

Пока гурнас нараспев произносил свою речь, в круге появился ещё один атлург. На нём был такой же халат, как и на Арагоне, только без бордовых полос на рукавах и подоле. В руках он нёс неглубокую чашу. Атлург опустился на колени рядом с телом Канга. Он взял длинную белую полосу ткани и обмакнул в жидкость, налитую в чашу. Затем наложил намокшую ткань на предплечья Туррага, полностью закрывая татуировки. Он повторил процедуру с другой рукой и незаметно растворился среди толпы.

Слушая переливы голоса Арагона, неожиданно обретшего силу и глубину, Юта будто погрузилась в транс. Она словно плыла по волнам, следуя за голосом гурнаса, за каждым его поворотом и изгибом. И когда ей показалось, что она почти достигла невидимой цели, что за следующим поворотом ей откроется нечто небывалое и грандиозное, голос Арагона оборвался.

Юта почувствовала, как очнулась, рывком вернувшись к реальности. В зале Кутх царил абсолютная тишина. Люди не издавали ни звука, даже вездесущий шорох песка на минуту прервался. Мир затаил дыхание. В этой абсолютной тишине гурнас подошёл к Кангу и поочередно снял с его рук полоски белой ткани.

Минуту ничего не происходило, даже время, казалось, замерло в ожидании. А потом татуировки на руках Туррага начали искриться. Свечение исходило из-под кожи, становясь всё сильнее и сильнее. По рукам словно плыл жидкий огонь. Символы переливались всеми оттенками от оранжево-красного до огненно-золотого.

Свечение всё усиливалось, пока символы не начали буквально гореть, словно охваченные пламенем. Оно перемещалось по рукам Туррага, вырываясь из-под кожи брызгами искр. А потом, так же внезапно, всё прекратилось.

За секунду пламя, пожиравшее предплечья Туррага, сошло на нет, и Юта с изумлением обнаружила, что татуировки, украшавшие руки Канга, исчезли. На их месте остался лишь еле заметный белёсый след. В остальном руки Канга не пострадали.

По рядам атлургов прошёл вздох, будто вздохнул сам Зал Кутх. Время тоже ожило и снова потекло привычным руслом. Люди, затаившие дыхание, задвигались и снова начали тихонько переговариваться. Только Юта всё ещё не могла придти в себя, замороженная увиденным. Тихий голос произнёс ей на ухо:

— Тебе известен смысл этой церемонии?

Это был Гвирн, всё ещё стоящий рядом. Юта наконец оторвала взгляд от Канга и отрицательно мотнула головой.

Мужчина наклонился ближе, чтобы больше никто его не слышал.

— Первые знаки наносятся атлургам ещё в детстве. Они обозначают имя ребёнка и принадлежность к какому-то клану. В нашем случае, к Утегату. У каждого в этом городе есть такой символ, — Гвирн вытянул руку и указал на один из знаков, напомнивший Юте дерево с раскидистыми ветвями. — По мере взросления, на протяжении всей жизни добавляются новые знаки — они отличают человека от других, определяют его.

Когда атлург умирает, его знаки стираются. Для этого на татуировки наносится

специальный раствор, который выжигает символы изнутри. Это делается для того, чтобы после смерти человека Бог Смерти — Руг — узнал, кто к нему пожаловал.

Когда знаки исчезают здесь, то проявляются в загробном мире, и Руг может их прочесть. Бог Смерти видит каждого и отмеряет его долю в соответствии с тем, что сказано на знаках.

Здесь же, на земле, человеку прощаются все грехи, даже если он был убийцей. После смерти все равны. Человек теряет личность, обращается прахом. Становится одним из многочисленных предков народа, безымянной песчинкой в пустыне.

Юта стояла молча, не в силах ничего ответить. Впервые она подумала, что верования атлургов были прекрасны. Было в этом что-то волнующее, тронувшее её до глубины души, пробудившее такие её уголки, о существовании которых Юта и не подозревала.

Гурнас снова сказал что-то на наури. Потом появился второй атлург, прислуживавший во время церемонии. Он нёс в руках чашу с песком. Негромко произнося что-то, Арагон взял горсть и насыпал в глаза и рот Туррага.

— Это чтобы после смерти человек мог увидеть Руга и поговорить с ним, — снова наклонился к Юте Гвирн.

На этом церемония подошла к концу. Несколько атлургов взяли носилки и понесли тело Канга к выходу. Как Юта уже знала, атлурги не хоронили своих покойников. Во всяком случае, не так, как в Лиатрасе, — они не закапывали и не сжигали их. Они просто выносили умершего на поверхность и оставляли в пустыне, а солнца и песок заканчивали дело. Очень быстро тело заметало, и оно возвращалось туда, откуда пришло.

Все желающие могли последовать за процессией, уносившей Канга в пустыню, но Юта не чувствовала на это сил. Неожиданные переживания выжали её досуха. Она не могла не думать о том, кого не смогла похоронить. Конечно, о нём позаботились родители и друзья. Но она так и не сказала «до свиданья», не попросила прощения, не посмотрела в последний раз в любимое лицо.

И вдруг это оказалось неожиданно тяжело. Пустота, которую она заставила на время отступить, вновь сжала грудь тоской, и Юта не чувствовала в себе сил бороться с ней. Не сегодня. Она поискала глазами Корта с Ледой, но они куда-то ушли, как всегда занятые делами Утегата.

Дождавшись, когда основная толпа схлынет, Юта двинулась к выходу из Зала Кутх.

— Церемония утомила тебя? — раздался сзади голос.

Обернувшись, Юта увидела Гвирна. Она потеряла его в толпе после окончания церемонии, но, к её удивлению, он нашёл её.

— Можно так сказать, — устало ответила Юта. — Я плохо спала последние дни. Я лучше вернусь к себе и отдохну.

— Конечно. Я просто не хотел отпускать тебя, не попрощавшись. Я был рад познакомиться с тобой, о ком все говорят.

Против воли, Юта снова слабо улыбнулась.

— Я тоже была рада познакомиться с тобой, о ком все говорят.

— Итак, что ты ответишь на моё предложение?

— Какое предложение? — не поняла Юта. Она не помнила, чтобы Гвирн что-то предлагал.

— Самой составить мнение о том, о ком все говорят. Я мог бы устроить тебе экскурсию по Утегату. Я понимаю, что ты здесь уже довольно давно, и, наверное, сама неплохо изучила

город. Но у меня есть некоторые привилегии. Я смогу провести тебя в такие места, куда обычным атлургам вход закрыт.

На мгновение Юта растерялась. Раньше никому не приходило в голову устроить ей экскурсию, несмотря на то, что она находилась в Утегате уже несколько недель. Это было необычно и немного странно для атлурга, насколько Юта успела их изучить. Но ясный взгляд Гвирна не таил никакого подвоха. «Возможно, это обычная вежливость», — подумала Юта. — «Могут же и здесь у кого-то быть хорошие манеры».

— Я с удовольствием послушаю об Утегате от одного из его выдающихся представителей. Особенно если эта прогулка сулит небольшое нарушение правил.

— Если ты любишь нарушать правила, уверен, я смогу придумать что-то особенное для тебя, — задорно ответил Гвирн и подмигнул.

— Что ж, тогда до встречи, — сказала Юта и направилась к выходу.

Она не была уверена, но почему-то ей казалось, что Гвирн смотрит ей вслед. Её подмывало обернуться, чтобы проверить, но Юта не сделала этого. Она чувствовала себя ребенком, задумавшим шалость. Неожиданно будущее снова таило в себе предвкушение чего-то, и Юта узнала это чувство. Это было опасное и сладостное ощущение, что она вступала в новую, неизведанную игру.

Гвирн отдернул полог и без стука вошёл в дом. Этот дом был хорошо ему знаком, ведь он вырос в нём. В нос ударили знакомые запахи трав, скисшего молока, дыма и ветхости. Стараясь не шуметь, но и не прячась, Гвирн миновал кухню, проходную комнату для приёма гостей и вошёл в спальню.

Спиной к нему, на кресле возле стола, сидел старик. Осветительные окошки были полностью открыты, и солнечные лучи укутывали его мягким светом, словно покрывалом. В Утегате всегда было тепло, а часто и жарко, но в старческих костях уже поселился холод потустороннего мира: ни тёплые одеяла, ни многочисленные слои одежды не могли защитить от этого холода. Лишь благословенное прикосновение Милосердных Братьев служило последней преградой от холода смерти.

Гвирн обошёл кресло, которое сделал своими руками много лет назад, и встал перед мужчиной, погружённым в полудрёму. Седые волосы старца были завязаны в тугий узел на затылке, руки сложены на коленях. Его тёмное лицо покрывали глубокие, как трещины в коре дерева, морщины, но крепкое телосложение ещё хранило следы былой мощи.

— Отец, — осторожно, чтобы не напугать громким голосом, обратился Гвирн к старику.

Тот моментально открыл глаза. Они были по-старчески водянистыми, какими-то бесцветными, но по-прежнему пронизательными.

— Гвирн. В чём дело? — старик не улыбнулся приходу сына. Наоборот, казалось, он был раздражён тем, что его побеспокоили.

Гвирн откашлялся. Он стоял настолько прямо, будто проглотил кол. Руки были сложены за спиной.

— Только что закончилась церемония погребения Канга. Помнишь, я говорил тебе, что она будет сегодня? Я подумал, ты захочешь узнать, как всё прошло.

— А как всё могло пройти? — сверкнул глазами старик. Его голос был хриплым, но ещё

не растерял силы. — Смерть есть смерть. В церемонии погребения нет ничего нового. Люди постоянно умирают, и поверь мне, мальчик, Турраг не первый Канг, которого я переживаю. Совсем другое дело, что эти глупцы отменили из-за этого праздник Куду. Они думают, какой-то дряхлый атлург важнее Бога! Наивно полагают, что милостивый Куду не разгневется на них. Надеюсь, хотя бы ты ещё не растерял остатки мозгов и совершил все надлежащие ритуалы?

— Да, отец. Сегодня рано утром я совершил омовение и принёс жертвы от нашей семьи. Гвирн смотрел в пол, не смея поднять глаз.

— Хорошо, — медленно ответил Холден, — но, надеюсь, ты здесь не только за тем, чтобы похвалиться. У тебя есть новости?

— Небольшие. Всё идет, как задумано. Нас поддерживает много атлургов. Я делаю всё, чтобы привлечь на нашу сторону больше людей. И хотя позиции Корта ещё сильны...

— Не произноси при мне этого имени! — рявкнул старик, и Гвирн вздрогнул. — Этот безродный оборванец не заслуживает того, чтобы произносить его имя и тем более называться атлургом! Не понимаю, как этот старый кретин, Турраг, мог совершить такую глупость и принять его, даже не создав Утегатол! Неслыханная дерзость! И теперь он наконец поплатился за неё. А это отродье... ты должен стереть его в порошок.

Гвирн всё ещё смотрел в пол. Собравшись с духом, он проговорил:

— Это не так просто, отец. Как я уже говорил, за ним идёт много людей. Мы не можем просто убить его, как Туррага. Это вызовет недовольство, возможно, даже бунты. Это настроит атлургов против нас.

Старик отвернулся, как будто ему стало противно смотреть на сына. Его морщинистая рука сжалась в кулак, он выплюнул:

— Надеюсь, у тебя не появилось задних мыслей по поводу совершённого? Надеюсь, ты не так слаб, как этот никчёмный изгой? Он всегда старается обойтись малой кровью, держится срединной линии, и это то, что его погубит. Утегату нужен сильный правитель, не боящийся замарать рук, а не трусливый сопляк. Твои предки, Гвирн, были великими Кангами. Ты не можешь подвести их память.

— Да, отец. Не беспокойся, в моём сердце нет сомнений. Я лишь исполнил свой долг. Я знаю, что иначе было нельзя — безволие и бездействие Канга привели бы всё поселение к гибели. Утегату предстоят тяжёлые времена, времена для тяжёлых решений. И тот, кто не готов их принимать, не достоин стать Кангом.

Холден сдержанно кивнул. Его суровое лицо чуть дрогнуло, морщины еле заметно разгладились, а во взгляде появился намёк на мягкость.

— Вот теперь я слышу речь истинного правителя. Ты должен знать, что я горжусь тем, что ты сделал, решением, которое принял. Наш род — древний и могущественный. Это — род правителей. Когда-то Утегат принадлежал нам. Пора вернуть это время. Мы должны вести народ, а не следовать за кем бы то ни было. Если ты проиграешь этому... изгою, это станет позором для семьи и лично для меня.

Если ты проиграешь ему, ты не мой сын. Не тот, кого я с детства растил вождём и победителем.

— Не беспокойся, отец, этого не случится. У меня припрятан козырь в рукаве. На этот раз боги на нашей стороне, я точно это знаю. Я — тот, кто следующим взойдёт на помост Кангов. И тогда ты и наши предки по праву сможете гордиться мной.

Старик кивнул. Он заметно обмяк в кресле. Видно было, что разговор отнял у него

много сил. Он слабо махнул рукой в сторону Гвирна.

— А теперь иди. У тебя много дел. Утегат не ждёт. И помни: боги любят решительных.

Гвирн подчинился и вышел. Когда он уходил, старик уже закрыл глаза, снова погружаясь в дрему.

Гвирн ещё помнил отца другим. Он бережно хранил воспоминания о самом сильном и мудром в мире человеке, который сажал его к себе на колени и рассказывал о богах. Это случалось не часто, но, может, именно потому Гвирн запомнил эти моменты так хорошо, сохранив в памяти на всю жизнь.

Он был четвёртым ребёнком отца от последнего брака, но всех его братьев уже забрал к себе Руг. Несмотря на то же воспитание, какое получил Гвирн, никто из них не смог добиться в жизни ничего выдающегося.

В детстве Гвирн нечасто видел отца. Тот был постоянно занят, и сыном занималась ныне покойная мать. Она была совершенно обычной женщиной, серой и тихой на фоне яркого, блистательного Холдена. Гвирн часто задумывался о том, что отец вообще в ней нашёл.

Воспитание, которое давал ему отец, было суровым. Холден был требователен и редко выказывал признаки любви к сыну. Но Гвирн знал, что тот делал так лишь потому, что считал такое воспитание самым верным для мужчины. Он хотел вырастить сына не только послушным, но также самостоятельным и волевым. Гвирн до сих пор считал отца самым достойным и сильным человеком в Утегате. Он не может, просто не имеет права подвести его.

А потому он исполнит волю отца. Он станет Кангом, чего бы ему это ни стоило. И старый Холден вместе со всеми его предками наконец сможет гордиться своим младшим сыном.

Юта только что закончила готовить ёкку. Похлёбка вышла у неё даже более отвратительной, чем у атлургов. Она помешивала содержимое горшка каменной лопаткой, чтобы остудить, и думала о своей кухне на двадцать восьмом этаже небоскрёба Сталтса.

Некоторое время назад Юта начала замечать, что скучает по привычному укладу жизни. Она постоянно сравнивала быт, дома и даже куханную утварь атлургов с тем, к чему привыкла в Лиатрасе. И хоть Юта понимала, что это совершенно бесполезное дело, но ничего не могла с собой поделать.

Она скучала по простым вещам: запаху кофе по утрам, гудкам автомобилей и шуму толпы на улице Старателей, по болтовне Ленни, перемежающейся с новостями из включенного телевизора. Обо всём том, чего люди совершенно не замечают в повседневной жизни, но что и составляет самую её суть.

Юте не хватало именно этих маленьких напоминаний о том, что жизнь идёт своим чередом, и она находится в ней на своём месте.

Задумавшись, Юта нечаянно прикоснулась к раскалённому горшку, только что вынутому из печи. Она отёрнула руку и выронила на пол ложку, расплескав часть ёкки. Ругаясь в полголоса, Юта запрыгала по кухне, ища, что бы приложить к обожжённой руке.

Ничего не придумав — у атлургов вообще было плохо с лекарствами — она сунула покрасневшие пальцы в рот и опустила на пол, чтобы вытереть начавшую впитываться

похлёбку.

Юта резко вздрогнула, когда кто-то опустился на колени напротив неё. Когда она подняла голову, то увидела Корта, протягивающего ей ложку.

— Небольшая авария? — ухмыляясь уголком рта, спросил он.

— Просто недоразумение. Никак не могу приспособиться к готовке в солнечной печи.

Юта замолчала. Она подумала, что они выглядят нелепо: стоящие на коленях над пролитой ёжкой. Корт по-прежнему протягивал ей ложку, и Юта наконец взяла её. Легко подхватив девушку под локоть, Корт помог ей подняться.

Он выглядел не так, как на церемонии погребения Канга — тогда Юта видела Корта в последний раз. Тёмные круги под глазами исчезли. Корт больше не выглядел уставшим и вымотанным. От этого казалось, что его синие глаза блестят ярче, чем прежде. Светлая рубашка, открывавшая предплечья и часть груди, оттеняла глубокий тёмный загар. Знаки на руках горели кровавыми печатями. Юта нашла среди них похожий на раскидистое дерево — знак принадлежности к Утегату.

— Обожглась? Дай посмотрю.

Не успела Юта опомниться, как Корт схватил её руку и начал крутить так и эдак, рассматривая. А потом так же резко выпустил и, потеряв к ней интерес, начал ходить вдоль кухонного стола, по-хозяйски снимая со стены засушенные пучки трав.

Юта так давно не видела и не говорила с Кортом, что совершенно растерялась от его внезапного прихода. Она знала, как сильно он занят, знала, что в Утегате сложилась напряжённая ситуация после смерти Канга, и теперь две противоположные стороны боролись за власть. Юта не ожидала, что в водовороте этих событий Корт найдёт время на то, чтобы навестить её. Хотя, может, ему что-то понадобилось?

Корт тем временем, повернувшись к ней спиной, накрошил в миску разных трав, залил молоком и теперь растирал каменным пестиком. Оба молчали, только разносился по кухне звук пестика, ударяющегося о края миски.

— Ты знаешь, что в Утегате сейчас беспокойно, — заговорил мужчина через некоторое время. — Ситуация весьма опасная. В любую минуту может начаться вооружённое противостояние. — Корт снова помолчал. Юта наблюдала за его плечами, двигающимися под рубашкой, когда он перетирал травы. — Меня могут убить. Тебе небезопасно находиться здесь. Думаю, для тебя будет лучше перебраться в соседний город, Кумг ат. Я помогу всё устроить.

Юта опешила, лишившись дара речи. Она уставилась мужчине в спину.

— Что?

Корт взял тряпку, которую Юта использовала в качестве кухонного полотенца, и оторвал от неё длинный лоскут. Звук разнёсся по комнате, как раскат грома. Как ни в чём не бывало Корт взял ложку и нанёс смесь, замешанную в миске, на полоску ткани. Он повернулся к Юте, потянувшись к её руке.

— Дай. Надо обернуть это вокруг обожжённого места. Боль скоро утихнет.

Юта отдёрнула руку, и мужчина наконец посмотрел ей в глаза.

— В чём дело?

— В чём дело?! — закричала она. — Как ты можешь такое говорить? Ты хочешь отправить меня куда-то, даже не посоветовавшись! Я мешаю вам здесь, в Утегате? Ты хочешь избавиться от меня?

Её реакция сильно удивила Корта. Он перестал протягивать к ней руку. Какое-то время

просто молча смотрел на неё.

— Ты не понимаешь. Здесь опасно, в любой момент может начаться смута. А я... играю не последнюю роль в том, что происходит. Если меня убьют, некому будет тебя защитить. И я... пришёл посоветоваться с тобой, — невпопад закончил мужчина.

Юта уставилась на него, как на слабоумного, а потом вырвала у него из рук полоску ткани. Обожжённые пальцы горели, и она, шипя сквозь зубы, неуклюже замотала руку. Мазь подействовала почти сразу, боль начала стихать.

— Я не могу уйти. Ты не можешь просто отправить меня туда, — немного успокоившись, тихо выговорила Юта. Она не смотрела на Корта.

— Почему? — так же тихо спросил он.

— Потому что ты единственный, кто может мне помочь, — выпалила девушка. — Ты ведь «обречённый», не так ли?

Корт не отвечал, и Юта решила взглянуть на него. Мужчина выглядел поражённым. Он тяжело привалился к кухонному приступку, как будто боялся, что ноги его подведут. Он смотрел на Юту так, будто она плюнула ему в лицо.

Она залилась краской, сообразив, что болтнула лишнего. Но слов обратно не возьмёшь. И Юта просто стояла напротив него, опустив голову. Она была готова к тому, что Корт накричит на неё или даже убежит в гневе и никогда больше с ней не заговорит.

Но Корт взял себя в руки. Его глаза сощурились, а взгляд потемнел. Он снова смотрел на Юту, как при первой встрече, — холодным, пытливым взглядом, проникающим прямо под кожу. Юта невольно поёжилась.

— Здесь такие люди, как я, называются изгоями, — медленно проговорил Корт. — Полагаю, мы не можем продолжать избегать эту тему. Но пойми, я не говорю о прошлом. Теперь моя жизнь здесь. Я атлург, и это всё, что тебе или кому-либо другому нужно знать. И тебе тоже пора смириться с тем, что отныне твоя жизнь будет проходить среди народа. Чем быстрее ты поймёшь это, тем легче тебе будет принять произошедшее и начать жить дальше.

— Нет, ты не понимаешь! — воскликнула Юта. Она крепко сцепила пальцы, снова задев обожжённое место. Боль полоснула ножом, но она не обратила на это внимания. — Я не могу этого сделать! Не могу забыть!

Корт смотрел на неё очень внимательно. Казалось, он о чём-то думает, хочет что-то сказать, но с его губ не сорвалось ни звука. Только в глазах отразилась затаённая боль с примесью сожаления и тревоги. Без сил Юта рухнула на табуретку, закрыв лицо руками. А когда отняла их, Корт сидел напротив, молчаливо ожидая, пока она успокоится.

— Ты не понимаешь... — с мольбой в глазах прошептала Юта. — Ты не знаешь, что на самом деле произошло в Лиатрасе. Почему я попала сюда.

— Ну так расскажи, — спокойно ответил Корт.

И она рассказала. Обо всём: начиная с убийства мэра и покушения на неё до того момента, как села в шаттл и увидела смерть Бабли. Юта не хотела говорить всего. Не так и не здесь. Но когда она начала рассказывать, то уже не могла остановиться.

Воспоминания выплёскивались наружу помимо воли, обрушиваясь на Корта лавиной болезненных сожалений. Дыра в её груди снова открылась, наполняясь горечью вины и потерь. Юта не плакала, — она задыхалась, не в силах пошевелиться, не в силах сделать вдох, не в силах преодолеть это в одиночку.

Корт слушал молча. А когда Юта договорила, осторожно накрыл её руку своей. От его ладони исходил жар, как будто Юта приложила руку к раскалённой печи. Но этот жар не

обжигал. Он обволакивал и успокаивал, наполняя теплом каждую её клеточку.

— Теперь ты знаешь всё, — осторожно подняв на него глаза, сказала Юта. — Я не знаю твоей истории, но уверена: ты можешь меня понять. Я не могу оставить всё это. Не могу просто забыть. Эти люди должны заплатить за то, что совершили. А жители Лиатраса — узнать правду. Они заслуживают этого.

Теперь ты понимаешь, почему я прошу тебя помочь? Я знаю, что ты каким-то образом пересёк пустыню, чтобы добраться сюда. Ты — единственный, кто сможет провести меня обратно.

До этих пор Корт внимательно её слушал. Его лицо было серьёзно, на него будто опустилась маска непроницаемости. Юта не могла прочесть его истинных эмоций. Но когда она повторила свою просьбу, Корт рывком отдернул от неё руку. Он даже непроизвольно отодвинулся, как будто она была опасным ядом или заразной болезнью. Корт замотал головой:

— Нет, этого не будет. Я не могу тебе помочь.

— Но почему?! — громче, чем следовало, воскликнула Юта. — Ведь если ты один раз прошёл по пустыне сюда, значит, сможешь провести меня обратно!

Корт внезапно разозлился. Он вскочил с табуретки, чуть не опрокинув её. Его глаза потемнели: синий лёд обернулся чёрным ночным озером. Впервые Юта видела Корта таким. Он всегда был спокоен и немного холоден, так что она даже не подозревала, что мужчина способен на такие эмоции.

— Больше никогда не проси меня об этом, — говорил Корт, пятась.

— Но поче...?!

— Я сказал, нет! — рявкнул он так, что, наверное, слышали все соседи. — Забудь об этом!

И развернувшись, выскочил из дома с такой скоростью, что Юта даже не успела раскрыть рта.

Неожиданно она осталась одна. Тишина после ухода Корта гремела в ушах барабанной дробью. Юта не могла до конца понять, что произошло, но ощущала, что случилось нечто ужасно неправильное.

Страх перед чем-то, чего она не понимала, а может просто боялась назвать по имени, навалился лавиной, сдавил грудь. Впервые с тех пор, как умер Бабли, а она оказалась вдали от дома, Юта почувствовала себя такой беспомощной и одинокой.

Боль в руке вдруг стала нестерпимой. Юта обхватила запястье обожжённой руки и без сил опустила голову на стол.

Глава 11. Сын саграла

Четыре дня Юта не находила себе места. Она ни о чём не могла думать. Работа не шла: сосредоточиться даже на простейших вещах не получалось. Юта не могла есть: отвратительная, как никогда, ёкка не лезла в горло. И не могла спать: в подземном городе было слишком жарко, и она ворочалась с боку на бок на грубых простынях, пока, измучившись, не поднималась с постели только с тем, чтобы бесцельно бродить по дому.

На пятый день она бросила тяпку прямо там, где обрабатывала землю, и отправилась к дому Корта. На оклик никто не ответил, и Юта, неуверенно отодвинув полог, вошла в дом. Похоже, здесь давно никто не появлялся — солнечная печь была открыта, на кухонном приступке стояли горшки с какой-то едой, но пахло от них так, словно они простояли здесь неделю. На столе пылилась корзина с неотшелушенным ропсом.

За несколько часов Юта обошла все поля, пастбища и рынок. Она уже собралась к Арагону за советом, но решила ещё раз проверить дом.

Со времени её первого прихода ничего не изменилось. Юта вышла в коридор и привалилась к стене напротив. Что же ей делать? Внезапно по коридору застучали лёгкие шаги.

Юта повернула голову и увидела стройную тень, движущуюся в её сторону. Лицо было скрыто серым хилтом, из-за левого плеча выглядывал витиеватый рог лука. Приблизившись к Юте, девушка остановилась. Изящная, бронзового загара рука опустила капюшон хилта, и тонкие золотые косички упали на лицо. Небрежным движением Леда откинула волосы назад.

— Юта? Что ты здесь делаешь? Ты ищешь Корта? — Голос девушки был как всегда ровным и спокойным, но янтарные глаза смотрели испытующе.

— Вообще-то... тебя, — ответила Юта. — Я хотела поговорить. Я заходила несколько раз сегодня, но никого не было дома.

Леда громко вздохнула, закатывая глаза.

— Последние дни были просто ужасны, и я вышла немного проветриться. Вот, даже настроляла пару песчаных ящериц, — она похлопала себя по бедру, и Юта увидела несколько буро-зелёных тушек, болтающихся на верёвке, притороченной к поясу. — Из них получается неплохое жаркое, хотя косточек многовато. Хочешь одну? Я научу тебя их готовить.

Леда взяла Юту под локоть и повела в сторону дома. Юта ещё раз глянула на голые блестящие тушки с безвольно болтающимися лапами и длинными безволосыми хвостами.

— Н-нет, спасибо, — ответила она. — Мне, правда, нужно с тобой поговорить. Это касается Корта.

— Вот как? — Леда подняла тонкую бровь.

Они вошли в дом. Леда сняла через голову хилт, затем повесила на крючок у входа лук и тул со стрелами. Юта заметила, как у неё на поясе блеснуло несколько ножей.

— Это насчёт нашего с ним последнего разговора. По-моему, я сказала что-то лишнее и сильно его рассердила. Я не хотела, чтобы так получилось. Я просто хочу извиниться, но не знаю, как подойти к нему после всего.

Леда тепло улыбнулась, и её улыбка была словно прикосновение матери. Она села за стол напротив Юты и протянула к ней руки.

— Корт, он... сложный человек. Иногда он может быть немного груб или холоден, но поверь мне, в душе он добрый. Не принимай близко к сердцу того, что произошло.

Сама не понимая отчего, Юта вдруг почувствовала на щеках румянец.

— Нет, это не то, — мотнула она головой. — Это не его вина. Я просто... я сказала кое-что, из-за чего он разозлился.

Леда внимательно смотрела на неё, но ничего не говорила. Собравшись с духом, Юта закончила:

— Я попросила его провести меня в Город-За-Стеной.

Леда откинулась назад. Её худые плечи чуть заметно напряглись, а взгляд ясных глаз затуманился.

— Так вот оно что...

Леда замолчала. Было похоже, что девушка погрузилась в воспоминания, размышляя о чём-то. Юта затаила дыхание в надежде получить хоть какие-то ответы. Она подозревала, что эта тема была очень личной для Корта. Оттого-то Юта и пришла со своими вопросами именно к Леде.

— Ты знаешь, кто такой ругат? — спросила Леда после паузы.

— В общих чертах. Арагон рассказывал мне, что ругатом называют человека, побывавшего в объятиях Руга и сумевшего выбраться из них. Считается, что ругат получает часть силы бога.

Леда кивнула.

— А знаешь ли ты, как Корт стал ругатом?

Сердце Юты бухнуло невпопад.

— Нет. Никто не говорит мне, в том числе и Корт, хоть я и спрашивала его.

— Он не говорит о том времени, что провёл в пустыне. Вообще о том, что было до того, как он попал в Утегат. Но я расскажу тебе. Ты ведь тоже изгой, как и он. И чтобы понять, почему он так реагирует, ты должна узнать его историю.

Сердце Юты отчего-то застучало часто-часто. Леда между тем начала рассказ. Она смотрела на свои руки, покоящиеся на столе, но её взгляд блуждал где-то далеко.

— Шестнадцать лет назад Корта изгнали из Города-За-Стеной за преступление, которого он не совершал. В пустыне он должен был погибнуть ещё в первые сутки, но Корт не обычный человек. Он выжил.

Без воды, теряя сознание от солнечного удара, тем не менее, Корт не сдавался. Он не желал просто лечь и умереть и заставлял себя двигаться вперёд. Соорудив из рубашки некое подобие накидки на голову, страдая от жажды и испепеляющего солнечного жара, Корт брёл всё дальше от стен Вечного Города.

Он не помнит, сколько часов, а может, и дней бродил по пескам. Корт то терял сознание, то каким-то чудом снова приходил в себя, чтобы продолжать идти. А когда не оставалось сил идти, то ползти вперёд. Через какое-то время он набрёл на животное, чья лапа застряла в расселине. Ещё совсем детёныш, умирающий, и возле него скулящая мать. Этим животным был саграл — «ужас песков», как называют их атлурги. Эти полумифические звери считались истреблёнными столетия назад.

Мать детёныша очень страдала от невозможности помочь. Она не ела и не пила, отчего сильно ослабла. Возможно, поэтому она не бросилась на Корта. Корт неподвижно просидел возле них сутки, а затем начал сантиметр за сантиметром придвигаться. В конце концов привыкнув к нему, мать разрешила ему подойти, и он освободил детёныша. За это она

позволила ему пить её молоко, которым вскармливала маленького саграла.

Эти звери очень умны, а ещё преданны. Утагиру принял Корта как брата. Только благодаря этому изгой и выжил. Они долго ходили по пустыне. Корт наблюдал за сагралами и учился выживать. Питался ящерицами и песчаными змеями, пил их кровь.

Детёныш саграла рос медленно. Однажды его мать укусила ядовитая змея, и она умерла. Так они остались вдвоём. Корт говорит, что они бродили по пескам несколько месяцев, но так как он не отмерял время, возможно, он пробыл в пустыне гораздо дольше.

В конце концов Корт набрёл на город — Утегат. Увидев силуэт в песках, атлурги решили, что это дух пустыни. К тому же с ним был саграл, которых никто не видел со времён Первых Изгоев. Сагралы считаются воплощением свирепости богов пустыни. С тех пор Корта прозвали не только ругатом, — «отмеченным Богом Смерти», — но и «Сыном саграла». Утагиру принимает только его и нескольких его близких. Он живёт с нами, но охотится на поверхности.

Леда замолчала. Юта не задавала вопросов. Отчасти потому что не желала вмешиваться в переживания девушки, которые ясно отражались на её открытом лице. Отчасти потому что была поражена услышанным, не в состоянии до конца поверить, что всё это может быть правдой.

Неподвижный силуэт Леды будто светился тихой печалью. Юта вдруг со всей ясностью поняла, как сильно Леда любит Корта. Любовь сквозила в каждом её жесте: в том, как она подбирала слова для рассказа, в том, с какой глубокой нежностью звучал её голос, в бездонной грусти её глаз.

Рассказывая, что случилось тогда с Кортом, Леда словно переживала это сама. Может быть, даже более глубоко, чем Корт. Ведь человеку, который по-настоящему любит, легче самому вынести страдания, чем видеть, как страдает любимый.

Некоторое время Леда сидела неподвижно, вспоминая и заново переживая прошлое. А затем вздрогнула, возвращаясь к настоящему. Она слабо улыбнулась Юте, вымученной усталой улыбкой, как будто рассказ забрал у неё все силы.

— С тех времён у него остались не только шрамы, — медленно продолжила Леда. Было видно, что рассказ причиняет ей боль. — Руг иссушает не только тело, но и душу. Он заставляет видеть разные вещи: то чего нет и не может быть. Насыляет иллюзии и видения, морочит человека. Иногда бывает так, что он оставляет человеку жизнь, но забирает разум.

Юта непроизвольно подалась вперёд. Почему, зачем Леда говорит это?

— Но с Кортом ведь не случилось ничего такого! — выпалила она. — В смысле, он ведь в полном порядке?

Реакция Леды удивила её.

— Да, — ответила та задумчиво.

Она опустила руки на колени. Взгляд был обращён в пол. Волосы скрывали выражение лица.

— Да, — повторила девушка, — но ты должна понимать: то, что с ним произошло, не могло не изменить его. Я не знаю, каким Корт был раньше, могу только догадываться. Но за время, что он провёл в пустыне, Корт одичал. Стал почти что зверем, настолько похожим на своего саграла, будто их и правда вскормила одна мать.

Многие недели после того, как Корт попал в Утегат, он ни с кем не говорил. Только шептал что-то всегда находившемуся рядом Утагиру. Многие тогда решили, что он лишился разума в пустыне.

Однажды, когда Корт был ещё слаб после перехода через пески, я принесла ему поесть. Он схватил меня за руку и произнёс хриплым голосом, как будто месяцы не пользовался им, позабыв, как это — говорить: «Я хочу выйти наружу. Ты покажешь мне дорогу?».

Это были его первые слова за Руг знает, какое время. Но прежде чем Корт полностью пришёл в себя, прошло ещё много дней. Я помню, как он каждую ночь спал на песчаном полу, свернувшись рядом с Утагиру. Ещё долго Корт не мог избавиться от этой привычки, не в состоянии заснуть до тех пор, пока саграл не приходил к нему и не ложился рядом, укрывая своей длинной шерстью, как одеялом.

Леда была печальна, а в её голосе звучала бесконечная любовь.

— Я думаю, никто не в состоянии до конца понять, через что он прошёл, и как это изменило его. Он не любит говорить о том, что было. То, что я рассказала тебе, я вытягивала из него по слову на протяжении всех этих лет. И я до сих пор не знаю всего. Так что не переживай слишком сильно из-за его реакции. Он не злится на тебя. Просто для него это иначе, чем для нас.

В конце концов, никто из нас не знает, каково это — быть ругатом.

«Так вот оно что», — думала Юта, возвращаясь от Леды домой. «Было так глупо с моей стороны просить Корта о таком. Я ведь даже не догадывалась о том, через что ему пришлось пройти». Грудь стиснула боль. «Всё это так ужасно. Но, по крайней мере, теперь понятно, почему Корт так отреагировал на мою просьбу, — у него психологическая травма из-за того, что ему пришлось пережить в пустыне.

Я должна найти его и извиниться».

Корт сидел за рабочим столом, затачивая ножи. Леда звякала посудой, прибираясь на кухне. Её длинные волосы были собраны в причудливый узел на затылке. Вместо привычной воинской одежды — кожаных обтягивающих штанов с ремнём-портупеей и кофты-безрукавки из плотной ткани — на ней были просторные серые штаны и лёгкая рубашка с длинным рукавом. Это был первый вечер за долгое время, который они смогли провести дома, занимаясь хозяйством.

— Кстати, чуть не забыла. Сегодня заходила Юта, — кинула Леда через плечо.

Она чистила горшки, натирая песком. Воздух наполнял запах готовящегося жаркого из ящериц.

— Правда?

— Да. Ты удивлён? Она спрашивала про тебя, хотела извиниться. Сказала, ты разозлился на неё.

Корт ощутил внезапное раздражение. Он отвернулся к своему столу и с новой силой принялся водить лезвием одного ножа о другой.

— У меня были на то причины.

— Ты должен быть с ней помягче. Ты забываешь, что она совсем недавно в Утегате. Ей, как никому, нужна поддержка, особенно от тебя. Ведь ты единственный, кто может её понять.

Корт знал, что Леда права. Но именно поэтому он и должен был так поступить. Юта была упряма и независима. Он знал таких людей, как она. И знал, что если уж они вбили

себе что-то в голову, то ни за что не отступятся.

Сперва он не понимал, что помогало ей держаться всё это время. Юта была спокойна и благоразумна. Не плакала и не впадала в апатию. Пройдя через то же, через что прошла она, Корт знал, что владеть собой так хорошо просто невозможно. Никто не может быть настолько безразличным, когда его жизнь только что рухнула. Что-то должно было выдать её истинное душевное состояние, но она продолжала оставаться невозмутимой и уравновешенной.

Корт догадывался, что у неё есть что-то, за что она держится. То, что помогает ей не рассыпаться на части. Но он и вообразить не мог, что она задумала вернуться в Лиатрас. За все годы, проведённые в Утегате, ему никогда не приходила в голову эта мысль. Ни разу. Конечно, он скучал и часто думал о доме, особенно поначалу. Но вернуться... это было просто невыносимо. Безумие в чистом виде. Ведь даже если преодолеть пустыню, в город всё равно не войти. Всё закончится тем, что ты умрёшь под его стенами.

Неужели эта безумная, опасная фантазия и была тем, что помогало Юте выстоять эти недели? Корт не хотел думать о том, что с ней будет, если отнять у неё эту надежду, её последнюю соломинку. Но ещё меньше он желал участвовать в её самоубийстве. Он должен раз и навсегда выбить эту дурную идею из её головы. Он просто не может допустить того, чтобы Юта погибла, пытаясь её воплотить.

— О чём задумался? — прервала его размышления Леда.

— Так, ни о чём. Тебе не о чем тревожиться. Просто Юта порой так напоминает мне самого себя, как будто я смотрюсь в зеркало и вижу в нём себя прошлого. А такие вещи не всегда бывает приятно вспоминать...

Полог над входом отлетел в сторону, и в дом без стука вошёл человек.

— Что за... Гвирн? Какого Руга ты здесь делаешь?

— Спокойно, — быстро проговорил Гвирн, выставив перед собой руки. — Вот уж тёплый приём... Я зашёл к тебе, как гость. Как один житель Утегата к другому. Никакого скрытого умысла.

— Ну уж в это я вряд ли поверю. Но... что ж, раз пришёл, заходи.

Корт не стал вставать, только повернулся лицом к неожиданному гостю. Гвирн прошёл на середину кухни и с интересом осмотрелся так, как будто это могло дать ему представление о планах Корта.

— Леда, рад тебя видеть. Прекрасно выглядишь, — обратился он к девушке, замершей у кухонного стола.

— Гвирн, — сухо произнесла Леда вместо приветствия. — Чем обязаны?

— Как я уже сказал, это всего лишь дружеский визит. Я пришёл поговорить.

— В таком случае я лучше оставлю вас, — тут же отозвалась Леда. И, сверкнув глазами, скрылась в соседней комнате.

— Я не очень ей нравлюсь, да?

На лице Гвирна играла неприятная ухмылка. Даже если он и зашёл просто поговорить, то был не прочь попутно вывести Корта из себя.

— Брось, Гвирн. Зачем ты пришёл в мой дом? — спокойно ответил мужчина.

Гвирн подошёл к столу и без приглашения сел. Ухмылка слетела с его лица так же быстро, как появилась. Теперь он смотрел на Корта серьёзно.

— Думаю, нам стоит обсудить сложившуюся ситуацию.

— Под ситуацией ты подразумеваешь убийство Канга, совершённое по твоей указке?

Корт не собирался притворяться и играть в игры. К тому же, он тоже был не против вывести противника из себя. Но Гвирн никак не отреагировал на шпильку. Самообладания ему было не занимать.

— Если бы это не сделал кто-то из моих людей, сделал бы кто-то ещё. Тебе не хуже меня известно, что это было необходимо. Поэтому, может, перестанешь меня обвинять, и поговорим? Я пришёл не для того, чтобы ворошить прошлые обиды, а для того, чтобы вместе подумать о будущем.

Корту не хотелось этого признавать, но Гвирн умел вести переговоры. Возможно, тот факт, что многие из его предков были Кангами в Утегате, всё же сыграл свою роль. При определённых обстоятельствах из него действительно получился бы отличный Канг. Но на его беду, нынче обстоятельства сложились иначе.

— Согласен. О чём ты хочешь поговорить?

— Ты давно был в хранилище воды?

Без предисловий, Гвирн сразу перешёл к делу. И это Корту тоже понравилось.

— Я был там неделю назад.

— Тогда тебе известно, в каком положении находится Утегат. Если мы не решим эту проблему, то вскоре распри станут бессмысленны, поскольку мы все умрём от жажды.

— Ты говоришь «мы»?

— Именно. Я считаю, сейчас не время заикливаться на борьбе за власть. Есть более важные дела. Я предлагаю объединиться для решения текущих проблем. А к вопросу, кто станет Кангом, можно вернуться позже, когда над Утегатом не будет висеть угроза вымирания. Что скажешь?

Корт всматривался в тонкое, аристократичное лицо Гвирна, но если подвох и был, Корт не мог понять, в чём он. Когда хотел, Гвирн умел быть убедительным. К тому же с этими его по-девичьи большими чистыми глазами, выглядел твоим лучшим другом. Да, политические игры и общение с людьми давались ему куда лучше, чем Корту. «А ведь он младше меня на добрый десяток лет», — подумал мужчина.

Гвирн ждал ответа, и Корт произнёс:

— Скажу, что это разумно.

— Отлично. — Гвирн хлопнул ладонью по столу. Он выглядел по-настоящему довольным. — Тогда оставим на время наши разногласия и подумаем о судьбе Утегата. Я понимаю, что тебе надо всё обсудить со своими людьми. Буду ждать от тебя новостей в ближайшие дни.

С тем он поднялся и, коротко распрощавшись, покинул дом Корта, оставив мужчину в задумчивости.

Не прошло и минуты, как из соседней комнаты появилась Леда.

— Ты всё слышала? — спросил Корт.

— Всё до последнего слова, — кивнула девушка. — Ты же понимаешь, что он ударит в спину при первой же возможности.

— Понимаю, — протянул Корт. — И не собираюсь сидеть и ждать этого.

Гвирн — бесспорно опасный противник. Самый опасный из всех в Утегате, кто рвётся к власти. Он принадлежит к древнему роду, из которого вышло много Кангов. Он умный и волевой руководитель, поэтому за ним идёт много народа. Возможно, Корт и сам мог бы последовать за ним. В конце концов, он никогда не желал власти. Никогда не стремился идти впереди, вести людей. Они сами за ним шли. Почему-то многие доверяли ему.

Наверное, причина была в том, что он — ругат. Народ верит в то, что ругаты обладают особой силой, связью с богами. Они являются избранниками Руга, а воле Руга никто не станет перечить.

Корт никогда не выдвигал свою кандидатуру на место Канга. Люди сами пришли к нему и попросили об этом. Поначалу это был лишь небольшой круг приближённых во главе с Уги — близкие друзья, которые всегда были ему верны и готовы следовать за ним, куда бы он ни шёл. Но постепенно их стало больше. Уги занялся пропагандой, а убеждать он умел. Так что вскоре Корт обнаружил, что за ним стоит значительная часть Утегата — сила, с которой придётся считаться его врагам, и за которую придётся нести ответственность ему самому.

Хотел ли он того или нет, его не спрашивали. Атлурги выбрали его, а, в конце концов, именно так и становятся Кангами. Говорят, что Канг не правит народом, а ведёт его. Что означает: он лишь идёт впереди, а люди сами следуют за ним, по собственной воле.

Но Гвирн был не таким, как Корт. Глядя на него, Корт видел не благородное происхождение и твёрдую волю, а бесконечную жажду власти. Конечно, Гвирн отлично умел это скрывать. Он мог легко очаровать и заманить собеседника сладкими речами. Он умел красиво и складно говорить, а ещё повернуть любую ситуацию к своей выгоде. Недаром так много народа было зачаровано им.

Но Корт никогда не поддавался на эту удочку. Он словно бы мог видеть сквозь все эти чары. И то, что он видел, совсем ему не нравилось. Гвирн был тщеславен и высокомерен. Хоть, возможно, он и сам верил в то, что старается на благо Утегата. Но всё, что волновало его на самом деле — это собственное возвышение. Он так сильно жаждал вернуть своей семье бывшее имя и величие, что ради этого готов был пойти на всё. Качество, которое, по мнению Корта, легко могло погубить не только его самого, но и весь Утегат.

Отчасти в этом была причина того, что Корт всё же нехотя согласился принять участие в борьбе за власть. Он не считал, что станет хорошим правителем. Но, как хороший атлург, он должен был попытаться оградить город от ещё большей беды.

— Нам ничего не остаётся, кроме как сыграть в эту игру. Если мы пойдём против Гвирна сейчас, когда он предложил перемирие, это будет выглядеть, как удар в спину. Репутация сейчас имеет решающее значение. Даже малейшее пятнышко может разрушить всё, что мы построили.

— Я знаю, что ты прав, — Леда выглядела раздражённой, а это означало, что как бы ей это не нравилось, она соглашалась с Кортом, — но просто не могу думать о том, что этот человек замыслил что-то против тебя. Он втягивает тебя во что-то, чего мы толком не понимаем.

— Это так. Убив Канга, он сделал первый ход, а теперь делает второй. Так что мы снова позади. Он продолжает вести эту партию, но это ещё не значит, что вся игра проиграна. Посмотри на это с такой точки зрения: сейчас мы не можем предпринять ничего против Гвирна, но и он тоже не может ничего мне сделать. А это значит: мы получили небольшую передышку, чтобы собраться с силами и решить, как действовать дальше.

— Может, и так. Но мне это всё равно ужасно не нравится.

Леда была такой соблазнительной, когда волновалась за него. Корт поймал её за руку и притянул к себе.

— Перестань беспокоиться обо мне.

— А кто сказал, что я беспокоюсь о тебе? — вскинула Леда бровь, обвив шею Корта руками.

— Я же тебя знаю. Я ведь твой муж. А сейчас я попрошу тебя найти Уги и рассказать о том, что у нас есть новости. Мы соберёмся сегодня вечером. Пусть он оповестит всех, кого сможет за это время. Мы решим, что делать дальше, все вместе.

Леда нежно провела рукой по щеке Корта.

— Ты, как всегда, мудр и благороден.

— Нет, просто рядом с тобой я всегда пытаюсь выглядеть лучше, чем я есть.

Глава 12. Призраки прошлого

Юта ещё раз повернула налево и увидела тренировочный зал, о котором говорила Леда. Здесь атлурги учились воинскому ремеслу, которым в Утегате владели все — мужчины и женщины, старики и дети. По всему периметру длинного, просторного помещения были свалены груды разного оружия. Короткие кинжалы-аслуры, более длинные клинки с плавным изгибом лезвия, односторонне заточенные, луки и тулы со стрелами, мотки тетивы и пращи для метания.

На одной из стен в ряд были развешаны мишени для стрельбы из лука, потрёпанные и побитые настолько, что Юта могла только вообразить, сколько раз в них попадали. Пол тоже был обшарпан, а местами и вовсе протёрт от бесчисленного количества ног, прошедших по нему.

Сегодня зал пустовал. Лишь одна фигура кружилась и танцевала в лучах солнца, пробивавшихся сверху. Юта прошла внутрь и остановилась в отдалении, наблюдая за Кортм. В руке у мужчины был длинный прямой кинжал. Он взлетал и опускался, будто сверкающая молния. Корт был босиком, без рубашки. Его тело блестело от пота. Чёрные волосы промокли и прилипли ко лбу. Знаки на руках вились огненно-красными лентами, когда он стремительно перемещался по залу.

Корт не замечал замершую у дальней стены девушку, и не сразу она поняла, что его глаза закрыты. Юта молчала, стараясь ничем не выдать своего присутствия, не желая мешать этому прекрасному и наверняка смертельно опасному танцу. Движения его были то стремительны и молниеносны, полны силы и ярости, то становились плавными и обманчиво медлительными, словно поступь крадущегося тигра.

А потом тело Корта распрямилось пружиной, и с конца его пальцев сорвался сполох. Прочертив комнату блестящей, словно солнечный луч, отразившийся в каплях воды, дугой, нож вошёл в стену в полуметре от Юты.

Корт открыл глаза и остолбенел. Его зрачки расширились, когда он увидел Юту, неподвижно стоящую рядом с трёхвершковым* лезвием, наполовину вошедшим в стену. Девушка увидела в глазах Корта картину, что представилось ему на краткий миг. Но Корт уже взял себя в руки. Он шёл через зал в её сторону, тяжело дыша, а на его лице явно читалось раздражение. «Он ещё не простил меня», — подумала Юта.

— Не стоит подкрадываться к человеку, тренирующемуся с ножом. Особенно если он делает это с закрытыми глазами, — проговорил Корт.

Юта подошла к месту, куда воткнулся кинжал, и увидела, что он вошёл в углубление, выкрошив из стены горку песка. Кончики её пальцев коснулись выемки в стене.

— Ты бы не попал в меня.

— Почему ты так думаешь? — спросил Корт. Он встал с ней рядом.

— Потому что ты всегда целишься в одно и то же место, не так ли?

Корт взялся за рукоятку ножа и с силой выдрал его из стены. Стоя рядом с ним, Юта чувствовала волну жара, исходящего от его разгорячённого тела, словно из только что открытой солнечной печи. Её кожу начало покалывать в том месте, где она почти касалась плеча Корта.

— Это не кинжал-аслур, — заметила Юта.

Лезвие этого кинжала было совершенно прямым, в отличие от изогнутых лезвий

аслугов.

— Ты наблюдательная. Как я и думал, — довольно проговорил Корт. — Кинжалы, которыми пользуются атлурги, традиционно изогнуты в форме полумесяца. Это удобно для ближнего боя и охоты, но такая форма совершенно непригодна для метания. Для этой цели атлурги используют метательные ножи, но они втрое меньше по размеру.

Я мастерю свои кинжалы сам. Сперва я потратил изрядно времени, пытаюсь подобрать оптимальную форму, вес и баланс для того, чтобы ножом можно было сражаться не только в ближнем бою, но и в дальнем.

Корт говорил со страстью. На его лице застыло мечтательное выражение. Он был как ребёнок, рассказывающий о любимых игрушках.

Корт протянул Юте нож, и она взвесила его в руке. Кинжал был тяжёлым, с холодным гладким лезвием, но его рукоять была тёплой, нагретая от ладони Корта.

— Сражаться? — переспросила она. — Но зачем? В смысле с кем атлургам сражаться?

— Ты плохо знаешь народ, — ответил мужчина, забирая кинжал. Не глядя, он сунул его в чехол, притороченный сзади к поясу. — Атлурги довольно воинственны и точно совсем не безобидны.

— Ты не ответил на вопрос, — перебила Юта.

Корт тяжело вздохнул, словно ему стоило труда не сорваться и не ответить грубостью.

— Узнаешь. В своё время, — ответил мужчина и направился к выходу.

— Знаешь, я пришла извиниться, — вымолвила Юта ему в спину.

Видимо, Корт не ожидал этого. Он даже обернулся, вопросительно глядя на неё.

— Да? И за что же?

Юта потупила взгляд, чувствуя себя полной дурой.

— За то, что попросила провести через пустыню.

— Тут не за что извиняться, — бесстрастно ответил Корт. — Ты попросила, я отказался.

Вот и весь разговор.

Повисло неловкое молчание.

— Я говорила с Ледой, — аккуратно произнесла Юта.

— Я знаю. Она сказала мне, что ты заходила.

— ...А ты знаешь, что она мне рассказала? О том, как ты был в пустыне и как выживал?

Второй раз за день Юта сумела поймать на лице Корта ничем не прикрытую эмоцию. Обычно он относился спокойно ко всему, что бы ни происходило, ко всему, что бы она ни говорила. Но сейчас бесстрастная маска просто слетела с его лица, словно отброшенная порывом ветра, и Юта увидела, что он вовсе не такой каменный, каким хочет казаться.

Есть вещи, которые его волнуют и беспокоят. Есть вещи, способные причинить ему боль.

— Прости, — быстро заговорила она, подходя к мужчине. Инстинктивно желая задержать его, не дать снова сбежать. А ещё сделать что-то, чтобы это выражение ушло с его лица и больше никогда не возвращалось.

— Я знаю, что ты не любишь вспоминать об этом. Я не хотела ворошить прошлое или как-то тебя обидеть. Просто... у меня в груди зияет огромная дыра, и я ничем не могу её заполнить. Я знаю, что это не твоя забота, у тебя самого проблем по горло, но мне нужна эта надежда. Я знаю, что уже не смогу исправить того, что случилось по моей вине. Но, по крайней мере, я должна попытаться сделать что-то, чтобы не пострадало ещё больше людей.

Юта замолчала. Она боялась посмотреть на Корта. А когда всё же подняла на него

взгляд, то обнаружила, что он пристально её рассматривает. Но его глаза больше не были двумя ледяными лезвиями. Они стали бездонными колодцами настолько чистого синего цвета, что Юте подумалось: такого цвета просто не может быть.

— Пойдём. Я кое-что тебе покажу, — произнёс Корт глухим голосом.

И не добавив ни слова, вышел из зала.

В молчании они дошли до его дома.

— Подожди меня здесь, — попросил он и скрылся за пологом.

А когда вернулся, на нём красовался хилт — серый — не тот, что обычно. Белый он протягивал Юте.

Корт вёл Юту самым безопасным путём, но он отнюдь не был простым. Тропа без конца петляла, камни скатывались у неё из-под ног, приходилось перебираться через завалы и проскальзывать узкими лощинами.

Корт знал, как Юте сейчас тяжело, ведь она вышла в пустыню впервые с тех пор, как попала в Утегат. Сейчас ей кажется, что солнца обрушивают на неё весь небесный гнев. Она задыхается от тяжёлого подъёма и испытывает жажду. А не пропущенный через фильтр навесов солнечный свет кажется таким ярким, что она почти ничего не видит по сторонам.

Но, несмотря на это, Корт не услышал от Юты ни одной жалобы. Вообще-то она даже не спросила, куда они идут. И это было самым удивительным, учитывая её крайне любопытную натуру.

Подъём занял у них несколько часов и два бурдюка воды — весь запас, какой был у Корта дома. Он привык обходиться почти без воды, так же, как атлурги, хотя в отличие от них, постоянно испытывал жажду. Но для неподготовленной девушки это стало настоящим испытанием. Корт знал, что она не была готова к этому, но у него не было выбора. То, что он собирался ей показать, она должна увидеть собственными глазами.

Наконец выбравшись на плато, Юта тяжело привалилась к большому валуну. Корт вскрыл третий — и последний — бурдюк воды и протянул ей. Она жадно припала к горлышку и выпила за раз, наверное, половину. Корт ничего не сказал, — она научится экономить и без его увещаний. Жизнь научит.

Немного отдышавшись, Юта осмотрелась. Когда она вышла из-за валуна, скрывавшего плато со стороны тропы, перед ней открылась панорама пустыни во всём её величии. Корт не был уверен, что Юта подумает об этом именно так. Просто он хорошо помнил, что испытал, когда нашёл это место впервые. Трепет, восхищение, восторг и даже некоторый испуг.

Ахнув, Юта подбежала к самому краю. Видимо, она не боялась высоты, потому что, на взгляд Корта, подошла даже слишком близко к обрыву. Он хотел подойти ближе, на всякий случай, но передумал, не желая мешать её первому впечатлению.

— Это просто потрясающе! — воскликнула девушка, оборачиваясь к Корту. — В жизни не видела ничего настолько прекрасного! Это просто...

Она не договорила. Повернувшись к обрыву, Юта раскинула в стороны руки, как будто собиралась взмахнуть ими и полететь. Ветер легко трепал полы белого хилта, развевающегося у неё за спиной, словно крылья. Юта запрокинула голову к небу и тихо рассмеялась.

Корт наблюдал за ней со стороны. Он не был уверен в том, какой реакции ожидал. Но её искренний восторг и непосредственная радость всколыхнули в нём что-то.

Для него это плато было местом скорби. Он приходил сюда в тяжёлые и сложные минуты, чтобы подумать. Он смотрел на стены Лиатраса, заметаемые песком и думал о том, что оставил в прошлой жизни. Здесь он чтит память Энрига, рассказывая ему о своей жизни в Утегате. В конечном счёте, это место было оплотом его одиночества и тяжёлых воспоминаний.

Пока Юта не ворвалась в него вихрем искренности, радостных эмоций и восторга. И как бы Корт ни закрывался, эти эмоции проникли через все слои отчуждённого безразличия, которые он воздвиг внутри себя, словно неприступную крепость. Чтобы коснуться той части его души, которая годами была похоронена под слоем пепла и пыли.

Всё, что Корт видел на протяжении многих лет, глядя вниз с этого плато, — было разрушение, пустота и неизбежность гибели. Но Юта увидела совсем другое — красоту этого бескрайнего мира. И впервые Корт подумал, что она сумеет смириться с жизнью в пустыне. Она сможет стать одной из народа и принять жизнь и веру атлургов. Возможно, она станет даже лучшим атлургом, чем он сам.

Юта сделала ещё маленький шагок к краю обрыва, и Корт подумал, не собралась ли она и впрямь полететь. На всякий случай он подошёл ближе, готовый в любую минуту прыгнуть и поймать её.

Юта заметила его манёвр.

— Я заставляю тебя нервничать? — посмеиваясь, спросила она. Но всё же отошла от края. — Это правда удивительно. Спасибо, что показал мне это место.

Белоснежной стрелой на плато ворвался Утагиру. Чувствуя приподнятое настроение Корта, он начал носиться кругами, а потом подбежал к мужчине и радостно ткнулся головой ему в руку. Корт рассеянно погрузил пальцы в густую белую шерсть. Утагиру посмотрел на Юту и вильнул длинным и пушистым, как метёлка, хвостом.

Девушка тоже смотрела на зверя. В её серо-зелёных глазах уже не было испуга. Корт почему-то подумал, что это хорошо. Юта посмотрела на саграла, потом перевела взгляд на свой хилт, затем снова на зверя. Корт видел, как в её глазах рождается вопрос.

— Этот материал... — Юта вытащила руку из широких рукавов накидки и коснулась её ворсистой белой поверхности, — и мех Утагиру...

Было видно, что она сомневалась в своих выводах и не знала, как спросить. Корт усмехнулся.

— Ты не ошиблась. Это мой первый хилт, который я сплёл из шерсти Утагиру, когда мы были в пустыне. Видишь, какая она длинная. — Корт пропустил шерсть зверя сквозь пальцы. — Она предохраняет от солнечных лучей и зноя лучше любого другого материала. Если бы не этот хилт, не знаю, как бы я не рехнулся от жары.

Услышав, что заговорили о нём, Утагиру довольно забегал вокруг Корта, а потом вдруг подскочил к Юте и привычным для него жестом ткнулся головой ей в руку. Юта чуть не вскрикнула и инстинктивно отдернула руку. Корт было подумал, что с испугу она точно сиганёт с обрыва. Но только он хотел позвать Утагиру, как её тонкая бледная рука неуверенно протянулась к холке зверя.

Её запястье было таким тоненьким, что Утагиру мог бы перекусить его, как тростинку, а голова саграла доходила девушке до плеча. Ей даже не надо было опускать руку, чтобы коснуться его — только протянуть. И Юта сделала это. Сперва неуверенно, а потом всё с

большим интересом она гладила и осторожно теребила белую шерсть Утагиру.

Следя за этим дружеским знакомством, Корт думал о том, что никто кроме неё в Утегате не обратил внимания на материал его хилта.

Наблюдательная. Любопытная. Умная. Настойчивая. Должно быть, она была хорошей журналисткой. Раз сумела вляпаться в эту историю с мэром и в одиночку раскопать тщательно скрываемую информацию об уровне песка за Стеной и о том, что эвакуация уже должна была начаться.

Некоторое время Юта чесала и гладила разомлевшего Утагиру, а потом вдруг сказала:

— Я понимаю, зачем ты привёл меня сюда. Я видела это, только с другой стороны, — песок подобрался к самому краю Стены.

— Не только поэтому, — ответил Корт, собравшись с духом. Он подошёл к обрыву и повернулся лицом к Вечному Городу. Лиатрас, как обычно, был окутан полупрозрачным маревом, как будто город был всего лишь иллюзией, миражом, и стоит подуть сильному ветру, как он подёрнется дымкой и растворится. Не останется ничего, кроме бескрайнего жёлтого моря, и боги пустыни рассмеются столь удачной шутке... — Ты думаешь, я разозлился на тебя, потому что не хочу возвращаться в пустыню. Но на самом деле причина не в этом.

Дело вовсе не в том, как я блуждал по пустыне, выживая. Дело в том, из-за чего я там оказался.

Корт обернулся к Юте, ловя вопросительный взгляд её глаз цвета припылённой травы.

— Я никому не говорил об этом, даже Леде. Не хочу, чтобы она знала... такого меня. Она считает меня сильным и смелым. Её муж — ругат, которого почитают и уважают. Но... на самом деле...

Корт глубоко вздохнул, а потом сказал:

— Ты знаешь, что я был изгнан из Лиатраса, но знаешь ли ты, за что?

Юта отрицательно мотнула головой.

— Я знал об этом. Знал о том, что ты мне рассказала про уровень песка, годы назад.

Я был инженером. Занимался проектированием нового Лиатраса, но, как и остальные, ни разу не выезжал на место. Сроки сдачи приближались, но в Проектировочном Центре не было заметно никакого движения. Ни бригад строителей, ни техники, ни завоза материалов — ничего.

Это показалось мне странным, и я начал задавать вопросы. Мне показывали сметы и убеждали, что всё в порядке. В то время я был импульсивен и никому не верил на слово. Я захотел убедиться во всём сам, прямо как ты.

Я нашёл адрес складских помещений, где должны были храниться материалы и готовые части новых сооружений. Но когда я приехал туда, там было совершенно пусто. Тогда-то я и понял, что новый Вечный Город существует лишь на бумаге.

Это была громадная фальсификация, ведь столько людей, целых институтов работало над строительством нового города. На самом же деле не было ничего. Только бескрайняя пустыня, протягивающая свои жадные лапы к последнему оплоту человеческой цивилизации.

Вернувшись домой, я рассказал об этом своему лучшему другу. Его звали Энриг. Он работал инженером вместе со мной. Боже, как я был глуп и наивен! Я думал, что смогу вывести руководство на чистую воду. Думал, что смогу справиться с ними лишь потому, что правда на моей стороне.

На следующий день Энрига нашли убитым в собственном доме. Они состряпали доказательства и обвинили в этом меня, после чего выкинули из города. Остальное ты знаешь.

Юта не издавала ни звука, хоть Корт и знал, что она стоит рядом. Это не имело значения. Он снова был один. Как всегда, один. «Прости меня, Энриг», — произнёс мужчина про себя. «Сможешь ли ты когда-либо простить меня? Смогу ли я искупить вину за твою смерть?».

Корт посмотрел на Юту.

— Теперь ты понимаешь, почему я не хочу помогать тебе? Даже если бы ты и сумела преодолеть пустыню и попасть в наглухо запечатанный город, тебе ни за что не справиться с ними. Пойми, эти люди скрывали правду годами, десятилетиями! Они проникли в высшие эшелоны власти, у них всё и все куплены, всё схвачено. Ты просто погубишь себя, бьась головой о стену. Это чистой воды самоубийство.

Я просто не могу позволить, чтобы с тобой случилось то же, что с ним.

— Но я не твой друг, — осторожно произнесла Юта, становясь рядом с Кортом. Теперь они оба смотрели на стены Вечного Города. — И даже не Бабли. Со мной не произойдёт того же.

Я не рассказала тебе ещё одну вещь. Кое-что странное случилось со мной уже после того, как я попала в Утегат. Я не хотела тебе говорить, чтобы не беспокоить, но теперь мне кажется, ты должен знать.

Корт повернул голову и посмотрел на Юту. Она рассматривала башни Лиатраса, как будто на их блестящих шпилях могла прочесть ответы.

— Помнишь, в ту ночь, когда убили Туррага, ко мне подошёл гурнас и предложил помощь? Ты ещё спросил, не слишком ли много вокруг меня загадок. Я тогда понятия не имела, о чём ты говорил. Примерно неделю спустя я гуляла по Утегату и случайно набрела на Зал Свитков.

Мы с Арагоном говорили о богах, о вере атлургов, а потом он рассказал мне, почему обратил на меня внимание в ту ночь. Всё из-за этого.

Юта повозилась под хилтом и вытащила из-под него руку. Корт внимательно наблюдал за ней. У неё в ладонке блеснул знакомый кулон. Поймав луч Тауриса, он снова бросил Корту в глаза солнечный зайчик, словно давая понять, что узнал его. Капля в середине подвески переливалась таким живым перламутровым светом, что на миг Корту показалось: Юта держит в ладони настоящую каплю воды.

— Кажется, я рассказывала тебе, что этот кулон носила моя мама. Она подарила мне его незадолго до того, как они с отцом погибли. Я никогда не думала, что он что-то значит. Пока Арагон не показал мне один из свитков Богини Тьмы — Амальрис. В нём была изображена точная копия моего кулона.

Корт протянул руку, чтобы взять подвеску из пальцев Юты. Было в ней что-то необычное. Корт заметил это ещё в первый раз, когда увидел её, хотя никогда раньше не видел такого символа. Тот факт, что он был связан с Амальрис — богиней, которой народ перестал поклоняться столетия назад — был необъясним с точки зрения логики, но всё же таил в себе какой-то скрытый смысл.

Корт опустил руку, и подвеска упала Юте на грудь, затерявшись в складках хилта. Девушка пристально смотрела на него, словно ждала чего-то.

— Да, это более чем странно. Но что ты хочешь...

— Скажи, ты можешь понять, как кулон, связанный с богиней народа, оказался в Лиатрасе? Как он оказался у моей матери? — перебила Юта в своей привычной манере. Корт подавил волну раздражения. — Есть ещё кое-что. Арагон сказал, что пересматривал свитки Амальрис и часть из них пропала.

Корт нахмурился. А Юта продолжала:

— Он не знает, где они могут быть. Арагон говорил, что при его служении никто не интересовался манускриптами Амальрис.

— Хм... это странно, — признал Корт.

— Да. Это и то, что ты рассказал мне про Лиатрас. Про то, что нового Вечного Города не существует. Думаешь, я смогу забыть обо всём этом?

Корт промолчал. Он знал, что это не в её натуре, но хотел верить, что если он оставит всё, как есть, то со временем Юта отступится. Так же, как сделал он. Смирится с неизбежностью того, что должно произойти, похоронит глубоко внутри мысли и переживания, связанные с Лиатрасом. Сможет жить дальше. Найдёт в себе силы отвернуться от прошлого, которое, конечно, никуда не исчезнет. Оно всегда будет маячить за спиной незримой зловещей тенью. Но если она научится не вспоминать об этом и никогда не оглядываться, то, возможно, однажды поймёт, что, несмотря ни на что, всё же может быть счастливой.

— Я должна вернуться в Лиатрас, чтобы разобраться во всём. И я не смогу сделать это без твоей помощи, — не унималась Юта. — Мы должны предупредить людей. Сделать что-то, чтобы избежать катастрофы.

— Мы ничего не можем сделать, — тяжело произнёс Корт, отворачиваясь от сверкающего осколка Вечного Города, сталагмитом выросшего посреди пустыни. — Чем скорее ты смиришься с этим, тем быстрее...

— Нет, я не хочу! — почти крикнула Юта.

Но тут же успокоилась, смутившись. Прозрачная белизна её кожи сменилась ярко-красным румянцем, но девушка не сдалась. Корт и не надеялся.

— Я знаю, ты многое пережил и утратил веру в то, что можешь что-то изменить. Но я — нет. Эта вера — всё, что у меня есть. Всё, что я когда-либо имела. Именно она помогла одиннадцатилетней девочке, потерявшей родителей, выжить. Я не откажусь от неё.

Я должна сделать это. И если ты не захочешь мне помочь, я найду другой способ.

Домой возвращались в молчании, каждый думая о своём. Только шуршал песок под ногами, да потрескивали камушки, рассыпающиеся под сапогами. Корт довёл Юту до дома и отправился к себе.

Они так ни о чём и не договорились. Корт знал, что Юта осталась при своём мнении, и это беспокоило его. Он надеялся, что отговорить её будет проще. Но она оказалась упрямее, чем он думал. Возможно, дело было в том, что это упрямство — всё, что у неё осталось. Всё, что связывало её прошлую и её настоящую. Теперь она будет цепляться за него, как человек, подхваченный ураганом, хватается за попавшуюся под руку ветку дерева. Она лишь больно оцарапает ладонь и всё равно не спасёт от неизбежного, но он не может отпустить её, потому что человек остаётся человеком, лишь пока борется.

Эта мысль неожиданно разозлила Корта. Он не хотел появляться перед Ледой в таком

состоянии и перед самым домом резко свернул в сторону, снова отправившись в пустыню.

Корт не пошёл в горы, а бесцельно бродил вокруг поселения, наматывая круги по безразличному жёлтому песку. Он должен рассказать Леде об их с Ютой разговоре. Должен рассказать, что водил её в горы, но почему-то от этой мысли становилось тошно.

И почему Юта постоянно выводила его из себя? Почему не могла просто жить, как все? С ней постоянно хотелось спорить. С Ледой они тоже часто спорили, но это было по-другому. Леда умела убеждать, с ней хотелось согласиться. С этой же девчонкой... иногда Карту просто хотелось задать ей хорошую трёпку.

Леда пробуждала в нём самое хорошее. Она была лучиком света во мраке его жизни, разгонявшим тьму, заставлявшим её забиваться в самые дальние щели души. С Ютой было по-другому: она будила в нём всё самое тёмное. В этом не было её вины. Просто она олицетворяла его прошлое — то, которое он так старательно пытался забыть.

При взгляде на неё Корт видел себя прошлого — и эти воспоминания не были просто мучительными. Они возвращали к жизни всё то, что, как он думал, он давно похоронил. Жажду мести, боль, терзания совести. Он наивно полагал, что давно избавился от этих чувств, но на самом деле просто спрятал где-то в глубине души, неспособный справиться с этим до конца. И теперь, с её приходом, всё это вернулось в один миг, так, будто никуда не уходило.

Корт вернулся домой только под вечер. Леда хлопотала по хозяйству, которое они изрядно забросили за последние недели. Она щебетала о том, как прошёл её день. Уги удалось привлечь на их сторону одного из уважаемых жителей Утегата. Дар пришёл в себя после неудачи с Туррагом. Хорошие новости.

Корт слушал Леду, а в его голове вспыхивали картинки из прошлого: Энриг, лежащий на полу гостиной, весь в крови. Полоска света от Тауриса подползла к его лицу, мягко касаясь волос, золотя их и поглаживая последним успокаивающим прикосновением. Его лицо было таким безмятежным, как у крепко уснувшего ребёнка...

Массивная, как скала, створка ворот, высоких и узких, раскрывающихся в ослепительный мир за Стеной. Мир, безжизненный и мёртвый, как сама пустота. Мир, где, как он думал, его ждала смерть.

Серо-зелёные глаза, непокорно сверкающие из-под белого хилта. Не желающие смиряться, не желающие принимать правила игры. Глаза, которые могли бы принадлежать и ему, если бы он не оказался так слаб и труслив. Взгляд этих глаз пугал его больше, чем что-либо другое, потому что он звал куда-то. Туда, куда Корт всегда хотел, но никогда не мог пойти.

Вечер они с Ледой провели дома. Он так ничего и не сказал.

* Порядка 13 см.

Часть 2. Предсказание Глава 1. Одно сердце

Корт сидел на тёплом песчаном полу между высокими стеллажами. Солнечный свет, более яркий в этом зале, чем где-либо ещё, поливал его голову и плечи шипящим золотом.

Вокруг Корта лежали свитки. Всё, что Арагон смог найти об Амальрис. Пока что Корт не видел связи, но, кажется, кое-каких манускриптов действительно не хватало. Корт был один. Арагон оставил его, поклонившись, и тихо прошелестел по коридорам прочь. Обычно гурнас не оставлял посетителей одних, но Корт был ругатом, и он мог читать на наури.

— Сегодня ты не первая, кто интересуется Амальрис, — донёсся звонкий голос Арагона.

Корт поднял голову, когда полы песочного халата снова мелькнули в проходе. Арагон улыбался. Он отстранился, из-за его спины вышла Юта. Она замерла, наткнувшись взглядом на Корта. Очевидно, она не ожидала его здесь увидеть. Они не говорили с тех пор, как Корт водил Юту на плато.

— Корт... что ты здесь...

— Присоединяйся.

Мужчина улыбнулся и похлопал рукой по земле рядом с собой. Для разнообразия ему было приятно перебить и ошарашить Юту — то, что обычно любила делать она.

Сегодня Юта была одета в облегающие тканевые штаны и просторную кофту с V-образным вырезом, под которым пряталась витиеватая цепочка. На ногах были лёгкие тапочки, какие атлурги носят дома. Густые каштановые волосы были скручены на затылке, а отросшая чёлка падала на глаза. Из-под мягких каштановых прядей упрямо сверкали большие серо-зелёные глаза. Карту показалось, или они стали более чистого зелёного цвета? Как будто над лесным озером проглянуло солнце, и в его прозрачных водах отразилась зелень листвы.

Юта смотрела с подозрением, но всё же подошла и уселась на пол напротив Корта.

— Ара... — начала она, оборачиваясь к гурнасу, но его уже и след простыл.

Юта закрыла рот и уставилась на свитки, разбросанные вокруг Корта. Их последняя встреча прошла странно. Они о многом говорили, раскрыли друг другу такие тайны и секреты, о которых не рассказывали больше никому. Они действительно оказались похожи: оба потеряли близких в борьбе с силами, по непонятным причинам желающими разрушить Лиатрас. Оба оказались вдали от дома, посреди безбрежного океана песка, где-то между жизнью и смертью, забвением и надеждой.

И всё же пропасть между ними не стала меньше.

Юта протянула руку и провела по серым шуршащим пергаментам. Её пальцы задержались на рисунке её кулона, который отыскал Корт. Мужчина наблюдал за сменой эмоций, ярко, как рябь на воде, отражавшихся на её лице. Корт знал, о чём Юта думала: она думала о прошлом.

Он взял один из свитков, во множестве разбросанных вокруг него.

— Я нашёл пророчество Амальрис.

— Пророчество?

— Да. Практически у каждого бога есть своё пророчество. Иногда это бывает интересно. Вот, послушай:

«Настанет день, и небо будет ронять на землю огненные слёзы. Время повернёт вспять,

отсчитывая дни до смерти всего живого. Придут неурожай, звери и птицы перестанут плодиться, а народ поднимется враждой друг на друга, брат на брата и муж на жену. Могучий Руг восстанет с края песков и поглотит Небесных Братьев. Придёт Великая Буря, которая продлится сорок дней и сорок ночей, и не останется на земле ничего живого».

— Не очень-то воодушевляюще. Это всё?

— На этом свиток обрывается.

Корт отложил манускрипт в сторону.

— Не знала, что ты можешь читать на наури, — проговорила Юта.

Корт задумался.

— Когда я впервые услышал звучание наури из уст гурнаса, то был пленён этим языком.

Он полностью заморозил меня — временами плавный и текучий, даже баюкающий, временами — жёсткий и резкий. Это волевой язык для сильного духом народа, прекрасный в своей простоте.

Нет ничего сложного в том, чтобы научиться читать на наури. Просто это мёртвый язык. Никто не говорит на нём, кроме гурнаса во время проведения обрядов. Поэтому атлургам не приходится в голову выучить его.

— Не понимаю, почему именно Амальрис, — рассеянно произнесла Юта. — Почему из всех богов символ на моём кулоне принадлежит именно ей? Я не могу найти никакой связи, не вижу в этом смысла, и это просто сводит меня с ума.

Юта задумчиво крутила в пальцах кулон. Корт сомневался, что она замечает это движение. Всегда, когда она думала о чём-то, вспоминала прошлое или просто нервничала, то нащупывала на груди подвеску и начинала теревить её.

— Знаешь, чего я не понимаю? — продолжала девушка. — Атлурги ведь очень практичны. Арагон рассказывал мне, что вера в Амальрис постепенно исчезла, потому что на Нибелии нет темноты. А народ верит только в то, что может увидеть и к чему может прикоснуться. Но если так, откуда вообще взялось это верованье?

Корт вопросительно взглянул на неё. Юта как будто не ждала ответа, а говорила сама с собой. Она рассматривала свитки, перебирая один за другим. Но её слова заставили Корта задуматься. Ведь Юта была права. Действительно, почему у атлургов появилась такая странная богиня? С чего им вообще думать о ночи и тьме, которых не бывает на этой планете?

Корт посмотрел на Юту. Она рассеянно разглядывала свитки, водя по ним пальцами. Длинная шелковистая чёлка скрывала её глаза. Внимательная. Дотошная. Проницательная. И, судя по тому, что он видел, никогда не отступающая. Да, не хотел бы он оказаться темой одного из её репортажей.

— Ты можешь перевести то, что здесь написано? — подняв на Корта взгляд, спросила журналистка.

Она неуверенно протягивала ему один из свитков, как будто сомневалась, что он согласится.

— Конечно, — улыбнулся Корт и взял свиток у неё из рук.

Они просидели почти до вечера. У Корта начало ломить в висках от символов наури. Он стал путаться в словах и даже, заговорившись, назвал Юту — Амальрис. Она прыснула от смеха и сказала, что на сегодня, пожалуй, хватит.

Корт поднялся с пола, разминая затёкшие ноги. Юта потягивалась, как кошка, выгнув

спину и высоко подняв над головой сцепленные руки.

Они подходили к выходу, когда их догнал Арагон.

— Могу я поговорить с тобой минуту, ругат? — Он осторожно тронул Корта за руку.

— Конечно, вестник. Чем я могу быть тебе полезен?

Арагон как-то странно глянул на Юту и отвёл Корта в сторону.

— Я хотел поговорить о ней.

Корт вопросительно смотрел на гурнаса. Арагон вздохнул. Казалось, что-то беспокоит его.

— Я знаю, что это не в моей власти. Что я прошу очень много, но я хочу, чтобы ты помог этой девушке.

— Помог? Как? В чём? — не понял Корт.

— Помог разобраться в том, как этот кулон оказался у неё.

— Но у меня нет об этом ни малейшего представления, — растерянно ответил Корт. — И почему я? Разве это не работа для кого-то более просвещённого и приближенного к богам?

Арагон хитро улыбнулся, и эта улыбка не сулила Карту ничего хорошего.

— Не думаю, что в Утегате есть кто-то, более приближенный к богам, чем ты, Корт.

Корт отвернулся. На его лице появилось такое выражение, будто он только что целиком проглотил красного песчаного жука — очень питательного, но совершенно отвратительного на вкус.

— Не знаю, почему ты продолжаешь повторять это, вестник. Ведь общение с богами — твоя прерогатива. А я... если честно, даже не помню, когда в последний раз приносил жертвы. Как ты, наверное, знаешь, я всё больше занят политикой и недостойной такого, как ты, мирской суетой.

— А я не понимаю, почему ты продолжаешь отрицать очевидное, — с прежней улыбкой сказал жрец. — Ведь тебе, в отличие от всех нас, не нужны жертвы и обряды для того, чтобы обратиться к богам. Твой алтарь находится внутри тебя, и я думаю, тебе прекрасно об этом известно.

Корт тяжело вздохнул, опуская голову. Он не хотел продолжать этот бесконечный спор о духовности и богах. И не понимал, зачем Арагон затевал его всякий раз, как видел Корта. Будто нарочно старался его разозлить.

— Я всё равно не понимаю, чего ты хочешь от меня, — проговорил он. — Что я могу сделать?

— Я не знаю, что конкретно ты должен сделать, — совершенно невозмутимо ответил гурнас, и Корт заподозрил, что тот издевается, — но то, что должно быть сделано, можешь сделать только ты.

— Каждый раз при встрече ты задаёшь мне всё больше загадок, вестник. Вот только не думаю, что я могу их разгадать, — с возрастающим раздражением проговорил Корт. Он в самом деле не понимал, зачем гурнас говорил все эти вещи. И почему из всех атлургов выбрал именно его для загадывания своих загадок.

Будто прочитав его мысли, Арагон сказал:

— Боги неспроста свели вас вместе. — Он кивнул на скупающую в сторонке Юту. «Мы вовсе не вместе», — хотел ответить Корт, но счёл за лучшее промолчать, чтобы не услышать ещё одну лекцию. — Так же, как неспроста Юта носит на себе символ Богини Тьмы. Смысл происходящего пока сокрыт от меня, но я думаю, ты сможешь найти ответы на эти вопросы.

«Больно мне это надо», — думал Корт, а Арагон всё говорил:

— Мне кажется, неслучайно вы двое оказались здесь сегодня вместе...

Корт перестал слушать, когда его ухо различило едва уловимое потрескивание. Точнее, это даже не было звуком — он словно уловил вибрацию в толще стен.

Вдоль позвоночника пробежала волна холода. Умом Корт ещё не понял, что происходит, но каждой клеткой тела ощутил угрозу. Словно в недрах стен и потолка возникло напряжение, которое разрасталось, давя на песчаный свод. Внешне всё выглядело, как обычно, но чувства Корта кричали о приближающейся опасности. Нервы сжались в тугой комок, словно стальная пружина. А потом свод охнул, как будто вздохнул. Корт услышал это так отчётливо, как если бы кто-то крикнул ему в ухо.

Не задумываясь, Корт прыгнул. В два гигантских скачка он оказался рядом с Ютой, которая ещё даже не успела понять, что что-то происходит, и повалил на пол, накрывая своим телом.

В тот же момент мир вокруг затрещал, как будто боги рванули в разные стороны гигантскую простыню. Пол содрогнулся, словно огромный великан топнул по нему ногой. Корту показалось, что от удара земля расколется на две части, и сейчас они провалятся в чудовищную трещину. Раздался такой грохот, будто небо рушилось на землю. Корту на спину посыпались камни, больно ударяя по бокам и позвоночнику. Он напрягся, но не двинулся с места. Ему нельзя шевелиться, какая бы глыба ни свалилась на него, потому что под ним, спрятанная под щитом его тела, съёжилась на полу Юта.

Прямо перед тем, как свет померк, и всё вокруг заволокли удушливые клубы пыли, Корт успел взглянуть на девушку. Она смотрела на него так, словно на свете не существовало никого, кроме Корта. В её глазах смешались испуг, отчаяние, мольба и боль. Её взгляд был таким открытым, интимным. Сейчас, когда они оказались на краю гибели, всё наносное слетело, словно засохшие листья на ветру, обнажив ничем не прикрытую душу. Такую ранимую, но в то же время сильную. Чуткую и пугливую, но страстную и решительную.

Корт никогда не видел Юту такой и не думал, что она может такой быть. Сейчас будто сама её душа потянулась к Корту и, минуя все преграды и заслоны, коснулась его души. Корта словно обожгло этим прикосновением. Но он не почувствовал боли, — только успокаивающее тепло.

Мир вокруг рушился, и Корт с Ютой оба понимали: это могут быть последние секунды их жизни. И в этот миг то, что они видели — были лица друг друга.

А потом глаза Юты расширились от ужаса. Она закричала. Корт подобрался, готовясь до последнего закрывать её своим телом. Ему показалось, что в спину ударило тараном, как будто тот великан, что крушил всё вокруг, разбрасывая глыбы, решил во что бы то ни стало добраться до девушки, от страха сжавшейся под ним в комок.

Корт крепче сцепил зубы и упёрся в землю руками и ногами, готовый удержать любую тяжесть. Он знал, что упадёт, только когда под невероятным весом переломится его хребет.

Корта снова тряхнуло, словно кто-то невидимый пытался скинуть его с девушки. Грохот стоял такой оглушительный, что Корт перестал слышать, как кричит Юта. Ему в спину воткнулось что-то острое, а потом его вдавило в землю с такой силой, как будто на него обрушились все Красные Горы.

Корт ощутил, как его руки и ноги буквально погружаются в песок. Жилы трещали, а мышцы готовы были полопаться. Но если он позволит этому произойти, то глыба, которую он держит на своей спине, опустится на Юту и раздавит её маленькое хрупкое тело. А

потому он должен терпеть.

И Корт терпел.

Грохот стих. Юте показалось, что небо и земля успели несколько раз поменяться местами, хоть в то же время она понимала, что лежит на том же месте. Оглушённая и ослеплённая, она ничего не видела и не слышала. Единственным ощущением, которое осталось во всём мире — было тело Корта, крепко прижатое к ней. Юта знала, что они всё ещё живы только потому, что чувствовала его сердцебиение, отдававшееся барабанным эхом у неё в груди.

Его сердце стучало так бешено, сквозь кофту ударяя её по ребрам, что она даже не ощущала собственного сердцебиения, как будто у них осталось одно сердце на двоих.

В ушах болезненно звенело, Юта хотела прикрыть их руками, но едва смогла пошевелиться. Через бесконечно долгие минуты, когда она слышала только оглушительно высокий звук, резавший слух, и видела перед глазами только расплывающиеся красные пятна, к ней начали возвращаться слух и зрение.

Вокруг было темно. Настолько темно, что такого мрака она не видела никогда в жизни. Так темно, как будто она оказалась в самых недрах Нибелии, погребённая под тоннами земли. А может, наоборот, — в открытом космосе, окружённая только чернотой и пустотой межзвёздного пространства.

Из звуков Юта слышала лишь тяжёлое прерывистое дыхание Корта прямо у себя в ухе.

— Корт, — жалобно позвала она. — Корт, ты в порядке?

— Да, — прохрипел мужчина в ответ.

— Что случилось?

Некоторое время он молчал, отчего внутренности Юты начали болезненно завязываться в узел.

— Нас завалило, — ответил он бесконечно медленно, делая паузы после каждого слога.

Дыхание мужчины вырывалось из груди с хрипами, и Юта вдруг испугалась. Извиваясь как змея, она начала шарить руками вокруг, пока не сумела извернуться так, что вытащила руку из-под Корта.

То, что она поняла — они оказались погребены под завалами Зала Свитков, в котором, по всей видимости, обрушился потолок. Почти везде, куда она могла дотянуться, её рука тут же упиралась в шершавые острые каменные глыбы. Она скользнула рукой по боку Корта и наткнулась на массивный камень, упирающийся ему в спину. Мужчина хрипел, его тело содрогалось. И Юта наконец поняла, что они не просто лежат под гигантской каменной плитой — Корт держит весь её чудовищный вес на своей спине, не давая глыбе раздавить их.

— Корт, — прошептала Юта.

В её глазах вскипели горячие слёзы и пролились ручейками по щекам. Наверное, Корт, прижатый к ней, ощутил на её щеках влагу, потому что он прохрипел, делая между словами настолько длинные паузы, что Юта начинала пугаться, не уверенная, услышит ли продолжение:

— Не... плачь. Я... не... дам... тебе... умереть.

— Тшщ, молчи. Не говори ничего, — взмолилась Юта.

Рукой, которую удалось высвободить, она ощупывала Корта. Его левый бок был липким и мокрым. Без сомнения, это была кровь.

— Только держись. Мы выберемся, — прошептала Юта.

Свободной рукой она снова и снова обшаривала камни, извиваясь под такими углами, как будто у неё вовсе не было костей. Пока наконец не нашла некое подобие щели между плотно прижатыми друг к другу булыжниками.

Юта начала с силой царапать ногтями эту щель. Она помнила ту выемку в стене в тренировочном зале, которую оставил нож Корта. Несмотря на то, что скреплённый песок становился очень твёрдым и прочным, это всё-таки был песок.

Медленно, бесконечно медленно, но ей удалось выкрошить горстку, а значит, это было бесполезно.

Тело Корта била крупная дрожь. Юта ощущала горькие капли пота, стекавшие по её лицу. Она чувствовала, как очень медленно, наверняка, незаметно в любых других обстоятельствах, его тело опускалось. Может, всего по миллиметру, но у неё перехватывало дыхание от ощущения той тяжести, которая готова была прихлопнуть их, похоронив заживо.

— Держись, только держись, — умоляла его Юта, и с новой силой скребла неподатливый камень содранными ногтями.

Она не могла сказать, сколько это продлилось — час или день. Вскоре ощущение времени покинуло её, словно она и правда оказалась выброшена в открытый космос. И только частое и отрывистое сердцебиение Корта отсчитывало для неё минуты их жизни.

Иногда Корт стихал. Он переставал хрипеть, а его тело начинало расслабляться. Тогда Юта изо всех сил начинала теребить его и кричать ему в ухо, чтобы он не сдавался, чтобы потерпел ещё, потому что помощь обязательно придёт.

Пальцы её правой руки онемели. По ним текло мокрое, но Юта упорно продолжала царапать землю. Пока, после очередного судорожного движения, её пальцы не провалились в пустоту. Это ощущение было таким неожиданным, что она даже сумела очнуться от безразличного оцепенения, в котором пребывала. Слёзы сами потекли у Юты по щекам, когда она сумела вытащить наружу руку. Она не знала, что там — «снаружи». Возможно, ещё одна ловушка из камня и песка, но она должна была надеяться, ради них обоих.

Юта методично стучала ладонью по камню и, словно скороговорку, словно молитву, продолжала шептать: «Потерпи ещё чуть-чуть. Нас вытащат. Обязательно вытащат».

Минула ещё одна вечность, настолько долгая, что вся жизнь Юты могла бы уместиться в крошечном её уголке. А потом она услышала голоса. Сперва Юта подумала, что бредит, и ей это кажется, но голоса стали отчётливее, и чья-то тёплая ладонь сжала её руку. Ту самую руку, которая, помимо воли девушки, продолжала отстукивать по камню незамысловатый ритм. Почти неосознанно, в такт биения сердца Корта.

После этого время снова обрело привычный ход, и всё вокруг завертелось. Через отверстие, проделанное Ютой, с ней начал переговариваться Гвирн. Он руководил расчисткой завалов. Юта рассказала, что они зажаты под плитой, в любой момент готовой обрушиться.

Внимательно выслушав её, Гвирн организовал людей, и за какие-то двадцать минут атлурги растащили булыжники, заточившие их с Кортом в каменный мешок. Последней снимали плиту со спины Корта. С разных сторон за неё ухватилось четверо атлургов. С большим трудом, кряхтя и ругаясь, поминая всех богов, они сумели наконец поднять её со спины мужчины.

Вокруг них собрались люди. Юта видела Леду. Девушка опустилась на колени возле Корта, но не решалась дотронуться до него. Целую минуту Корт не шевелился, тяжело дыша. А потом Юта услышала, как он выдохнул и чуть приподнялся. Лишь настолько, что его лицо

больше не зарывалось ей в волосы, а оказалось прямо напротив её лица.

Это послужило негласной командой. К Кортуту тут же подбежали люди, и, окружив, медленно и осторожно уложили на носилки. Как только Корта подняли, к Юте сразу же подскочил Гвирн. Его лицо выражало крайнее беспокойство. Он осматривал и осторожно ощупывал Юту тонкими пальцами. Вокруг было столько лиц, что они слились у Юты в одну размытую цветную полосу. У неё что-то спрашивали, и она даже, кажется, отвечала.

Она провожала глазами носилки, которые пятеро крупных мужчин выносили из зала, осторожно перебираясь через завалы. Рядом с ними шла Леда, держа окровавленную, в разводах грязи, руку Корта.

Вокруг Юты суетились люди. Кто-то пытался оказать медицинскую помощь, но она не видела перед собой ничего и никого. Только синие глаза, такого чистейшего цвета, словно бескрайние глубины океана. И тёмное, в поту, лицо с размытыми чертами, потому что оно находилось настолько близко от её лица, что Юта могла отчетливо видеть только глаза.

Перед тем, как Корта подняли, оторвав от неё с болезненным ощущением, будто у неё отнимают часть её собственного тела; в тот самый миг, когда он приподнялся над ней, Корт заглянул ей в глаза. И этот взгляд проник прямо в её сердце. В нём боль смешалась с облегчением, страх за неё с благодарностью и надеждой. В нём отразилось всё то, что он хотел и, возможно, силился сказать, лёжа под каменной плитой. Неизвестно какими силами держа на себе глыбу, которую едва смогли поднять четверо атлургов.

Всё то, что он думал и чувствовал, без прикрас отразилось на тот краткий миг в его взгляде. И Юта знала, что никогда, что бы с ней ни происходило, где бы и с кем она ни была, она не забудет этот до краёв наполненный страданием и нежностью взгляд.

Пыль всё ещё вилась в воздухе. Она медленно оседала на пол Зала Свитков и плечи людей, занимавшихся разбором завалов. Как будто серая пелена скрывала от посторонних глаз всё, что произошло внутри. Время от времени серые клубы медленно выплывали в коридор, кружась и рассеиваясь в солнечных лучах.

Словно из завесы клубящегося тумана, из Зала Свитков вынырнули пятеро атлургов. У них в руках были носилки, на которых можно было разглядеть мощный силуэт мужчины с посеревшими от пыли волосами. Рядом с носилками, не отходя ни на шаг, шла Леда. Её спина была неестественно пряма, а узкая ладонь сжимала окровавленную руку спасённого. Она была прекрасна даже в миг страдания. Солнечный свет омывал её гибкий силуэт, пока процессия удалялась по коридору.

Высокий широкоплечий мужчина, скрытый от Зала Свитков поворотом коридора, поглубже надвинул на голову капюшон серого, словно самая густая тень, хилта. Он постоял ещё немного, до боли стискивая и без того крепко сжатые зубы. Он слушал крики переговаривающихся в Зале людей, вдыхал запахи пыли, страха, крови и отчаянья. А потом резко развернулся и, никем не замеченный, заскользил по коридорам прочь.

Глава 2. Последняя милость

Юта стояла в коридоре, ведущем на поверхность. Она была прижата к стене атлургами, запрудившими всё пространство. Вдоль всего извилистого пути, насколько хватало глаз, она видела людей. Они стояли в полном молчании, гордые и непоколебимые. Их холодные песчаные глаза, напоминавшие Юте о зыбучих песках, были обращены в сторону коридора, противоположную от выхода в пустыню.

Народ ждал, когда на другом конце улицы появится процессия, несущая носилки для ритуала «милосердия».

— Как ты? — раздался за спиной Юты тихий вкрадчивый голос. — Я знаю, вы с гурнасом были близки. Мне жаль, что так случилось.

Юта обернулась, чтобы посмотреть в лицо Гвирну, стоявшему за ней. Она знала, что у него было много обязанностей. Ему следовало бы идти рядом с носилками, провожая гурнаса в последний путь. Но он твёрдо решил быть в этот момент рядом с Ютой, несмотря на все её возражения, и Юта была глубоко благодарна ему за это.

Со дня обрушения свода в Зале Свитков Гвирн был к ней очень внимателен. Часто заходил проведать, лично бинтовал её разодранную до крови руку. Это он рассказал Юте о ритуале «милосердия».

В тот день, когда на них с Коротом рухнул потолок, они чудом выжили. Они провели под каменными завалами много часов. Юта находилась в глубоком шоке, когда их вытащили. Корт вообще был едва жив, ведь всё это время держал на своей спине неподъёмную каменную плиту.

За всем произошедшим Юта совсем забыла о том, что они с Коротом были в зале не одни. Рядом с ними находился Арагон. Корт разговаривал с ним за момент до того, как обрушился свод.

Только когда Гвирн довёл Юту до дома, она пришла в себя настолько, чтобы вспомнить о жреце. Гвирн потупил взгляд. Его лицо было печально.

— Прости, но Арагону повезло меньше, чем вам, — сказал он тогда.

Нет, гурнас не умер, но получил тяжёлые травмы. Каменной глыбой ему сломало позвоночник. Вдобавок у него были повреждены внутренние органы. Атлурги ничем не могли помочь.

Только одно они могли сделать для умирающего в медленной агонии гурнаса — оказать ему «последнюю милость».

Так называемый «ритуал милосердия» заключается в том, чтобы вынести тяжело больного, умирающего человека на поверхность. Тем самым отдать его жизнь в руки «Милосердных Братьев». Так атлурги называют Таурис и Аттрим — беспощадные и смертоносные солнца Нибелии.

Юте название ритуала казалось жестоко ироничным, но атлурги не видели в нём ничего особенного. Гвирн объяснил девушке, почему народ называет солнца «Милосердные Братья». С одной стороны, — для того, чтобы смилостивить их, задобрить. С другой, — потому что они даруют «последнюю милость». То есть приносят быструю смерть тяжело больным и старикам — тем, кто больше не хочет жить или для кого жизнь становится невыносимым мучением.

Сегодня, чтобы избавиться от мук, на поверхность вынесут Арагона.

— Мне тоже жаль, — ответила Юта Гвирну. — Он был добр ко мне. Он стал мне другом.

Гвирн кивнул. Его лицо было печально, а большие золотые глаза смотрели на Юту с сочувствием и грустью.

Девушка ещё раз, почти непроизвольно, обшарила коридор взглядом. Но того, кого она искала, здесь не было. С того дня она не видела Корта ни разу. Она знала, что он в порядке и быстро пошёл на поправку, но так и не зашла к нему.

На самом деле Юта была даже рада, что Корта здесь нет, потому что не знала, как теперь смотреть ему в глаза. Разумом она понимала, что ничего вроде бы и не произошло: они оказались под завалами, и Корт спас ей жизнь. Но сердце твердило ей, что это не всё, — между ними произошло нечто большее. Что-то, что она не могла объяснить, но и забыть не могла.

Там, под завалами, думая, что это последние минуты их жизней, они оба позволили вырваться наружу чему-то, таившемуся в глубине. Ничем не прикрытые, эти чувства обожгли их обоих. Юта ощущала рубец от этого ослепительного, как вспышка, ожога всякий раз, когда думала о Кorte.

И знала, что он тоже его чувствует.

В конце коридора раздались тяжёлые шаги нескольких пар ног — Арагона несли в последний путь. Народ встречал процессию молча. Атлурги клали на носилки белые цветы — те самые, что Юта видела во время прощания с Кангом — и провожали их взглядами.

У Юты в руке тоже был зажат букетик цветов, мелких, собранных в белоснежные соцветия, будто россыпь звезд. Но когда процессия с носилками поравнялась с ней, она вдруг поняла, что не может пошевелиться.

Она смотрела на длинное худое тело Арагона, укрытое до подбородка. Его глаза были закрыты, а лицо скорее походило на маску покойника, чем на лицо живого человека. За несколько дней он словно постарел не несколько десятков лет. Борьба за жизнь отняла последние силы, высушила тело, словно мумию, в которой не осталось ни капли жидкости.

Юта, не отрываясь, смотрела на Арагона и не сразу поняла, что Гвирн мягко подталкивает её вперёд. На негнувшихся ногах она сделала несколько шагов, поравнявшись с носилками. Юта разжала вспотевшую ладонь и осторожно положила букетик рядом с Арагоном. Он с головы до ног был усыпан цветами, словно живым саваном.

Юта слегка коснулась руки гурнаса, и вдруг, словно прикосновение пробудило его, веки Арагона дрогнули и поднялись. Его глаза, затуманенные болью, с покрасневшими белками, обратились к Юте, постепенно проясняясь. Это был взгляд человека, уже находящегося по ту сторону, уже вверившего душу Ругу. Бог Смерти уже прикоснулся к гурнасу, уже взял его за руку, чтобы отвести в свои владения. Но Арагон ещё продолжал цепляться за этот мир.

Его худая, слабая, как у младенца, рука приподнялась и сжала пальцы Юты. Гвирн, наблюдавший за этой сценой, сделал жест атлургам остановить носилки, чтобы позволить Юте и Арагону попрощаться.

— Кулон Амальрис... — неожиданно отчётливо прошептал Арагон, и от этого усилия на его губах выступила кровавая пена. — Найди... Ты должна найти...

Арагон не договорил. Его веки дрогнули и сомкнулись. Он снова потерял сознание, чтобы больше не очнуться. Его тонкая юношеская рука с гладкой кожей разжалась, выпустив руку Юты, и упала на носилки.

Юта зажала рот рукой. Носилки качнулись, и атлурги понесли их дальше сквозь

коридор из людей, замерших, словно лес живых статуй. Слезы тихо струились по щекам Юты. Её ладонь ещё ощущала тепло от прикосновения Арагона.

Ну почему, почему все, кого она любит, все, к кому привязывается, должны умирать? Почему за ней, даже здесь, продолжает тянуться шлейф из смертей? Неужто она отмечена какой-то зловещей меткой? Невидимой и неотвратимой. Куда бы она ни пошла, как бы далеко ни оказалась, в какой бы глуши ни спряталась, смерть всегда найдёт её, чтобы снова и снова отнимать тех, кто стал ей дорог.

Мягкая, но сильная ладонь осторожно коснулась руки Юты. Девушка повернулась к Гвирну и, не глядя, уткнулась ему в плечо. Слезы бесшумно текли по её щекам, пока он осторожно гладил её волосы. Не желая больше ни о чём думать, она позволила себе раствориться в этих тёплых прикосновениях.

Церемония закончилась ближе к ночи. Ритуал «милосердия» проводится в часы, когда Таурис стоит в зените, для того чтобы человек, которому оказывают «последнюю милость» как можно быстрее потерял сознание. Юта не хотела об этом думать, но, как назло, именно эта мысль не выходила из головы. Она представляла себе Арагона, всеми покинутого, страдающего и обречённого, оставленного где-то посреди безжизненного океана песков. А вдруг он очнётся, и никого не будет рядом? Как это, должно быть, страшно — так провести последние часы своей жизни.

Атлургов это, похоже, не заботило. Как Юта узнала, ритуал «милосердия» был весьма распространён у народа. В основном среди стариков, которые не хотели обременять семью и город, расходуя на себя драгоценную воду. Юта понимала, что жизнь в пустыне заставила этих людей выработать что-то вроде эмоциональной невосприимчивости. Ведь смертность из-за тяжёлых условий жизни, несчастных случаев и болезней была здесь очень высока.

Наверное, раз уж она жила среди атлургов, ей тоже стоило бы спокойнее относиться к таким вещам — принять смерть как данность её нынешней жизни. Но что-то внутри Юты глубоко противилось этому. Что-то в ней кричало о том, что каждая жизнь бесценна, и за каждую жизнь надо бороться до последнего.

Она рано легла в надежде забыться хотя бы во сне, но, словно в насмешку, сон не шёл. Юта проворочалась на жёсткой постели около часа и, откинув скомканное покрывало, опустила ноги на пол. Хотелось развеяться. Хотелось подумать о чём-то ещё, кроме собственной жизни. Хотелось увидеть что-то, кроме осточертевшего потолка над головой.

Юта наспех оделась, сняла с крючка хилт, и полог над входом нетерпеливо хлопнул за спиной.

Каменный напильник осторожно порхал в руке, подтачивая мелкие детали. Едкая красная пыль висела в воздухе тончайшей вуалью, покрывая всё вокруг красноватой пеленой. Статуэтка божества, над которой работал Корт, была почти готова.

Мужчина сидел на каменном табурете в своей «тайной» комнате. На нём был фартук из грубой материи, кое-как предохранявший одежду от вездесущей каменной пыли. Волосы мужчина собрал на затылке, чтобы в самый неподходящий момент они не упали на глаза. Он работал над мелкими деталями — кропотливая и аккуратная работа, требующая внимательности и сосредоточения. Корт подточил красиво вырезанный нос богини и опустил напильник.

Уже две недели он вырезал статуэтку Амальрис. Эта идея пришла однажды вечером, после разговора с Ютой. Корт не говорил ей, но когда они встретились в Зале Свитков в тот злополучный день, это был не первый раз, когда он заходил почтить про Богиню Ночи.

Эта богиня занимала его. Сама история почитания и забвения Амальрис была необычной. И сперва Корт думал, что источник его интереса — в этом. Но теперь начинал догадываться о возможном существовании и другой причины. Эта мысль доставляла беспокойство, как и многое другое в эти дни, и Корт старался задвинуть её подальше, сосредоточившись на работе.

Мужчина осмотрел статуэтку, подмечая недоработки и шероховатости. Он хотел сделать свою Амальрис женственной и загадочной, таинственной и, возможно, немного опасной. Недоступной и оттого притягательной, с тьмой, таящейся в уголках её глаз. Никогда до конца не открывающей своих тайн, во всяком случае — живым.

Корт ещё два раза прошёлся по податливому камню и снова опустил руку. Он не хотел признаваться себе, но сегодня работа не шла. Он просидел над изваянием уже несколько часов, но за это время лишь подправил несколько крошечных недочётов. Ему никак не удавалось успокоиться и сосредоточиться, не удавалось полностью погрузиться в работу, забыв о мире вокруг.

Возможно, причина была в том, что в это самое время в одном из коридоров Утегата, ведущем в пустыню, проходила церемония «милосердия». А тот, кому оказывали последнюю милость — был Арагон. Тот, кто при каждом удобном и не очень случае раздражающе напоминал Карту о том, что он — ругат. Кто всегда ждал от него большего, чем он мог предложить, и по неизвестным Карту причинам возлагал на него большие надежды. Чья по-мальчишески хитрая и одновременно по-старчески мудрая улыбка так озадачивала Корта. Тот, чьим последним, предсмертным желанием оказалась просьба к Карту помочь Юте выяснить происхождение её кулона.

Наконец, тот, кого Корт, вероятно, мог бы спасти. Но он выбрал другого человека, потому что тот оказался для него гораздо важнее.

Всё это были многочисленные и сложные причины того, почему Корт трусливо отсиживался в своей камерке вместо того, чтобы вместе со своим народом отдавать последнюю дань уважения необыкновенному человеку, который верой и правдой служил народу на протяжении многих лет.

Но была и ещё одна причина, — маленькая и простая. На церемонии проводов гурнаса обязательно будет Юта.

Корт знал, что девушка ни за что не пропустит возможность попроситься с Арагоном. Потому что она преданная и смелая. Гораздо смелее него. Мысль о Юте сверлила череп навязчивым жуком-древоточцем, не оставляя в покое даже во время работы.

Корт старался, но не мог забыть взгляд, которым Юта смотрела на него в тот день. Не только как на свою единственную защиту и спасение. Она смотрела так, будто на всём свете не было никого важнее Корта. Будто он был для неё всем.

Этот взгляд умолял Корта спасти её не только от рушащихся сверху тонн камня и песка, не только от кровожадной пустыни, расстилающейся над Утегатом. От чего-то ещё, проступившего отчаянием в её взгляде. Корт был готов сделать всё, чтобы только избавить её от этого отчаяния.

В тот момент Юта смотрела на него и видела его настоящего. Того, кого он скрывал все эти годы ото всех, даже от себя самого. Она видела его, но, в отличие от Корта, она не

презирала этого человека.

Корт знал, что не имеет права хотеть снова увидеть этот взгляд. Не смеет надеяться на него, не заслуживает его. Но он всё равно хотел.

Корт обнаружил, что расхаживает по своей каморке взад-вперёд, меряя её широкими шагами. Он бросил тоскливый взгляд на изваяние Амальрис, застывшее на столе, и вдруг замер. Корт стоял посередине комнаты в рабочем фартуке, весь засыпанный красной пылью, и как дурак пялился на статуэтку, которую вырезал уже две недели.

Ему понадобилось несколько минут, чтобы в полной мере осознать, что произошло. И как он мог не замечать этого раньше?! Ведь это же очевидно, как день, как то, что он — изгой, проживший в подземном городе под названием Утегат шестнадцать лет.

Обычно все богини, которых вырезал Корт, несли в себе неуловимые черты Леды. Ведь он любил её, восхищался ею и превозносил. Понятно, почему все женские образы он всегда копировал с неё. Но Амальрис... Амальрис была абсолютной копией Юты.

Как, когда, почему так вышло? Корт был растерян и даже немного напуган. Как он мог несколько недель вырезать статуэтку и даже не замечать, что она как две капли воды напоминает Юту? Он что, совсем ослеп?

Корт со злостью отвернулся от стола. Он пришёл сюда, чтобы забыться в работе, чтобы не видеть этого лица. Но вместо этого оказалось, что она всё время была с ним здесь, каким-то образом пробравшись в самое его тайное убежище.

Это было уже слишком. Корт прикинул, что ритуал «милосердия» уже должен был завершиться, а если и нет, он воспользуется другим выходом. Не оборачиваясь, будто спасается от чумы, он выскочил в коридор.

К тому времени, как Юта выбралась на плато, ослепительный вечер сменился чуть менее яркой ночью. Аттрим недавно покинул высшую точку небосвода и теперь быстро опускался, двигаясь к востоку. Юта видела звезду, которую атлурги называют «Младшим Братом» слева от себя, в то время как справа, медленно и неспешно, с полным чувством собственной значимости по небу восходил сияющий Таурис.

Юта рукавом вытерла пот со лба и остановилась отдышаться. Она поднималась сюда не меньше нескольких часов. Дорога прошла в странном оцепенении — жаркое марево воздуха и ослепительное сияние двух солнц отнимали у неё не только силы, но и, казалось, саму волю. Юта снова и снова думала о том, можно ли когда-нибудь к этому привыкнуть. Она знала, что атлурги за разными нуждами выходят в пустыню почти каждый день, но не представляла, как они справляются с этим.

Всё, чего ей хотелось, как только она вышла на поверхность — так это сбегать обратно, в полумрак подземного города. Единственное, что заставляло её двигаться вперёд — была мысль о Корте. О том, что когда-то, будучи таким же изнеженным жителем Лиатраса, как и она, он сумел не только приспособиться к этой жизни; он сумел в одиночку выжить в песках, месяцами блуждая по бескрайней, однообразной и безжизненной пустыне.

Она должна быть такой же сильной. Юте казалось: если она сумеет привыкнуть к жизни в песках, то сможет лучше его понять и, возможно, так станет к нему хоть немного ближе. Размышляя таким образом, Юта заставляла себя сделать шаг, а потом ещё и ещё, затаскивая не желавшее слушаться тело на вершину горы.

После нескольких часов борьбы с солнцем, песком и камнем, а главным образом — с собой, Юта ступила на ровную поверхность плато. Пот градом катился по спине под одеждой, неприятно щекоча кожу. Юта поглубже надвинула на глаза хилт и вышла на середину плато.

Бескрайний пейзаж бросился в глаза, ослепляя своим величием. Необъятность пустыни, раскинувшейся во все стороны, насколько хватало глаз, ошеломляла. У Юты закружилась голова, но она не понимала, была ли причиной тому жара и усталость или же захватывающий вид безграничного и прекрасного мира, открывшегося перед ней.

В горле пересохло. Юта сняла с пояса баклажку с водой, которую захватила из дома. На язык упали последние капли влаги. Ещё поднимаясь сюда, Юта поняла, что взяла слишком мало воды, но это было всё, что нашлось дома. Она знала, что без воды может не одолеть обратную дорогу, но всё равно упрямо продолжала подниматься. Может, причиной было то, что она не умела сдаваться. Но, возможно, какая-то её часть желала испытать жажду человека, оказавшегося выброшенным в пустыню, чтобы хоть отдалённо ощутить то, что в эти минуты мог испытывать Арагон.

Может, так она пыталась себя наказать. Не то чтобы Юта винила себя в том, что случилось с мужчиной — ведь это был несчастный случай. Но всё же, то, как закончилась его жизнь, казалось неправильным. Она не знала, что ещё могла сделать для Арагона. Но Юта верила в то, что всегда есть возможность что-то предпринять. Просто она не увидела её. И теперь, отправившись в пустыню без воды, рискуя своей жизнью, она пыталась искупить своё бездействие и неспособность что-либо изменить.

— Можешь взять мою, — раздался из-за спины тихий голос.

Юта чуть не подпрыгнула, испугавшись до смерти. С колотящимся сердцем она обернулась и увидела Корта, привалившегося спиной к скале. Белоснежный, как свет Тауриса, хилт скрывал лицо мужчины. Его рука протягивала Юте баклажку.

Не то чтобы он был совсем уж незаметен, сидя под скалой в своём ослепительно белом хилте. И как Юта не увидела его? А он? Почему он молча сидел всё это время, ничем себя не выдавая?

— Нет, спасибо, — смутившись, ответила Юта. — Она нужна тебе.

— Я могу обходиться без воды, — спокойно сказал Корт, продолжая протягивать флягу.

Зная о его упрямстве, которое могло бы сравниться только с её собственным, Юта неуверенно подошла. Когда она брала бутылку из его рук, их пальцы на секунду соприкоснулись. Это было словно удар током. Словно от кончиков его пальцев по её руке пробежал электрический разряд. Юта поспешно отёрнула руку, чувствуя себя донельзя глупо, думая о том, ощутил ли Корт то же, что и она. Но хилт по-прежнему скрывал его лицо.

Сделав несколько глотков, Юта отдала баклажку, постаравшись больше не прикасаться к Карту. Вся ситуация была жутко неловкой.

— Прости за вторжение, — вымолвила она, переминаясь с ноги на ногу. — Я лучше уйду.

— Это не обязательно. Ты можешь остаться.

Голос Корта оставался ровным, отдавая прохладными нотками, как в самом начале их знакомства. Юта гадала, было ли предложение остаться простой вежливостью.

— Но ты ведь пришёл сюда, чтобы побыть один.

— Полагаю, ты тоже. Ничего, я не против компании, если ты не против.

Юта помялась, решая, стоит ли ей уйти или остаться. Она действительно не хотела мешать Карту, вторгаясь в его личное пространство. Но мысль о том, чтобы вернуться в свою комнатку, снова маяться на жёсткой постели, глядя в потолок и безуспешно пытаясь уснуть, приводила девушку в ужас.

Да, ей стоило бы уйти, но она осталась.

Через полчаса они с Кортом сидели под скалой. Достаточно близко, но так, чтобы не соприкоснуться даже краями одежды. Они смотрели на затянутую маревом, словно дымкой, пустыню и медленно танцующие по небосводу звёзды.

Таурис ушёл за скалу, под которой они укрылись. Это дало им если не тень, то хотя бы небольшую передышку от ослепительного, режущего глаза света. Аттрим переместился ещё восточнее. По мере того, как Младший Брат опускался, он окрашивался всё более интенсивным розовым цветом с примесью золота — тот оттенок, который так нравился Юте, когда она наблюдала за звездой сквозь навесы над Вечным Городом.

— Умом я понимаю, что ритуал «милосердия» на самом деле милосерден: он избавляет человека от страданий, — говорила девушка. Она не помнила, каким образом разговор зашёл на эту тему, но чувствовала, что с Кортом может говорить об этом свободно. — Но что-то во мне продолжает противиться этому. Может, дело в том, что я всю жизнь прожила в другом мире, в другом обществе, где каждая жизнь считается бесценной, а смерть — худшим из всего, что может произойти с человеком. Поэтому мне чужда мысль о том, что к смерти можно относиться равнодушно или даже желать её.

— Причина такого спокойного отношения народа к смерти — в нашей вере, — отвечал Корт. Когда Таурис скрылся из виду, он чуть приспустил хилт, и теперь, повернув голову, Юта могла видеть его суровый, немного грубый профиль, чётко проступающий на фоне красноватых скал. — Атлурги считают, что за их жизнями всегда приглядывают боги. Не каждое решение или действие предопределено — богам делать больше нечего, как следить за каждым шагом человека. Но основные, важные события, как рождение и смерть, происходят под присмотром богов. И если человек погибает, то это Руг забирает его к себе.

Жизнь атлурга не кончается со смертью. А раз это не конец, а лишь переход в иной мир, то незачем и бояться. В этом причина другого отношения к жизни и смерти. И ещё в том, что наша жизнь каждый день, с самого рождения, сопряжена с опасностью и смертью. Наверное, мы просто привыкли к ней.

— И всё же я не понимаю, почему атлурги так почитают Руга, Бога Смерти?

— Потому что он дал нашему народу столько же, сколько и Бог Жизни. Именно он научил нас выживать в этих песках. Сделал нас сильными, теми, кто мы есть.

Этого никогда не понять Детям Колоссов, родившимся и живущим в своём искусственном «пузыре», за многометровыми стенами. Они отгородились от настоящего мира, который как раз и начинается за воротами Лиатраса.

Жизнь в городе искусственна. Она лжива. Потому и представления людей о жизни искажены. Здесь нашей жизнью правит стихия. Она неумолима и беспощадна. Зато она даёт нам ощущение чего-то настоящего. Ощущение Жизни, которое приходит только от близости к Смерти.

Юта посмотрела на Корта. Его, будто вырезанный из тёмного камня профиль, оставался непроницаем, как будто он обратился в одно из неподвижных и грозных изваяний богов, каким поклоняются атлурги.

— Ну а ты? Ты говоришь о себе, как об одном из атлургов, но рассуждаешь как человек,

проживший жизнь в Вечном Городе.

— Я считаю себя атлургом, одним из народа, — ответил Корт. Он говорил об этом спокойно и без тени сомнений, и Юта подумала, что он, должно быть, не раз задумывался об этих вещах. — Я привык говорить, как атлург и так же, как они, относиться к богам. Хотя для меня это всё равно иначе. Я не впитал веру в богов с молоком матери.

Наоборот, то, что мне прививали во время жизни в Вечном Городе — это что всё объяснимо с помощью науки: законов математики, физики, химии и так далее. Для меня вера не является чем-то естественным и неотделимым от меня. Для меня это скорее вопрос мировоззрения и миропонимания. Хотя с годами я понял, что моё естественнонаучное отношение к миру не противоречит вере.

Я уже не помню, где и когда впервые начал думать о себе, как об одном из народа. Когда перестал относиться к этим пугающим и одновременно восхищающим людям, как к чужакам, и впервые неосознанно назвал себя атлургом. Я просто провёл с ними столько лет, не зная ничего другого и стараясь не вспоминать о прошлой жизни, что ощущение себя частью народа вошло в мою привычку, и в мою кровь.

В своё время Леда очень помогла мне понять атлургов и принять их уклад жизни. Научила любить и почитать богов и в конце концов почувствовать себя частью народа. Не знаю, случилось бы это когда-нибудь, если бы не она.

Корт замолчал. Юта тоже молчала. Она думала о том, что у Корта всегда была Леда. Она учила его вере атлургов, рассказывала об их обычаях и богах, поддерживала. Но Корт никогда не сможет стать для самой Юты тем же, чем Леда была для него. Конечно, он помогает, как может, но ей никогда не будет этого достаточно. Юта понимала это ясно, как день.

Она отвернулась от Корта, не в силах больше переносить синеву его холодных глаз. Она смотрела на пустыню, однообразную, блёкло-жёлтую, словно выбеленная на солнце кость. Жаркий ветер равномерно гнал по её поверхности мелкий шуршащий песок, создавая непрерывно движущиеся барханы. Невысокие, с острыми краями, тянущимися к белёсому небу.

Пустыня представилась Юте замершим во времени океаном, высушенным солнцем и ветром, но всё ещё продолжающим бороться за жизнь. Существующим по своим законам. Время здесь тянется медленно, как липкая патока. А все города, когда-либо возникавшие на этой планете — лишь глупые маленькие мошки, застрявшие в ней. Пустыня даже не замечает их присутствия, медленно затягивая в себя до тех пор, пока полностью не поглотит.

Они просидели всю ночь, почти не говоря, каждый думая о своём. Звёзды кружились по небу, то сближаясь, то отдаляясь, как два магнита. Они подходили к земле, будто желая коснуться её, но тут же, словно детские мячики, отскакивали, снова поднимаясь ввысь.

Юта впервые так долго наблюдала за движением солнц. Было в этом нечто завораживающее, как следить за горящим огнём или бегущей водой. Ей даже на время в самом деле удалось отвлечься от своих мыслей. Юта просто сидела рядом с Кортом, не глядя на него, не прикасаясь к нему, не говоря с ним. Но всё равно сейчас она не ощущала себя одинокой, и это делало её почти счастливой.

Глава 3. Старые враги

Корт довёл Юту до дома и, не торопясь, побрёл к себе. Спать совершенно не хотелось, как будто жар песков и свет звёзд вместо того, чтобы отнять, придали ему сил. Город был погружён в сон. Несколько часов перед рассветом — самое тихое время, когда даже ярые полуночники уже легли спать, но самые ранние пташки ещё не встали.

Это время, когда на Утегат снисходит покой. Распри стихают, а давние обиды теряют значение. Когда город окутан туманом сновидений, и только мягкий золотистый свет никогда не спящих «Милосердных Братьев» беспрепятственно гуляет по умолкшим коридорам.

Корт наслаждался тишиной и покоем спящего Утегата: золотисто-жёлтые коридоры слегка искрились под случайно упавшими лучами солнца. Мельчайшие пылинки висели в воздухе, покачиваясь, как корабли на волнах, никем не потревоженные. Тёплый сухой песок чуть слышно скрипел под сапогами, в то время как коридоры проплывали мимо один за другим, как хорошо знакомый, изученный годы назад лабиринт, где нельзя заблудиться, но за каждым углом взору открывается новая, неожиданная перспектива.

За очередным поворотом Корта встретила высокая фигура. Ругат остановился. Он не ожидал увидеть здесь этого человека, хоть и не удивился, что тот, так же, как и он, гуляет по городу в такое время.

Мужчина стоял, широко расставив ноги в стоптанных сапогах, сложив на мощной груди руки. Он перегораживал Карту дорогу, глядя на него исподлобья своими тёмными глазами. Было очевидно, что он ждал Корта.

Его собранные на макушке волосы были неухожены и неопрятны. Тяжёлый подбородок покрывала щетина, а одежда была грязной, в разводах и тёмных пятнах. Его глаза горели застарелой ненавистью. Той, которая с годами не притупляется, а становится лишь острее, как нож, который точат изо дня в день в ожидании момента, когда он встретится с плотью врага. Нагир.

Корт остановился напротив мужчины. Он молчал, ожидая, что тот скажет или предпримет. Корт был спокоен, почти уверенный в том, что Нагир здесь для того, чтобы поговорить. Он не увидел у него на поясе ни ножа, ни кинжала. И хоть они с Нагиром и принадлежали к противоборствующим лагерям, Корт был убеждён, что атлург не собирается нападать.

— Что-то поздно ты гуляешь, — заговорил Нагир глухим тяжёлым голосом.

— Полагаю, это относится и к тебе.

Корт смотрел Нагиру прямо в глаза, надеясь увидеть в них хоть искру былых дружеских чувств. Но в них лишь горел огонь ненависти, сжигающий всё человеческое. В этих глазах таилось безумие зверя. Казалось, Нагир с трудом заставлял себя говорить человеческой речью вместо звериного рыка. С трудом останавливает себя, чтобы не броситься на Корта, а вести с ним цивилизованный разговор.

— Верно, но я хотя бы гуляю один.

Корт опешил. Гадкий червячок страха заскрёб внутренности.

— О чём ты говоришь? — стараясь держать голос холодным, а выражение лица — бесстрастным, переспросил Корт.

Он знал, что они с Ютой не делали ничего предосудительного. Более того, они

встретились случайно. Но он так и не рассказал Леде о том, что Юта побывала на его плато, и это делало его лжецом. К тому же придавало их с Ютой случайным невинным встречам совсем иной, какой-то грязный характер. Если Нагир пожелает воспользоваться случаем и расскажет всё Леде, это может причинить ей боль.

— О твоих тайных встречах с девушкой-изгоем, — подтверждая его худшие опасения, процедил Нагир.

Корт выпустил воздух сквозь зубы.

— Нет никаких тайных встреч, лишь твоё разыгравшееся воображение. Мы встретились случайно, и я проводил её до дома, вот и всё.

— Посреди ночи? — Нагир поднял бровь в притворном удивлении.

Выражение его лица было неприятным, а то, как он говорил о Юте и их с Кортом прогулке, превращало это во что-то мерзкое и отвратительное.

Корт постарался успокоиться. Давно никому не удавалось так запросто вывести его из себя. Но Нагир слишком хорошо его знал. Он прекрасно представлял, куда надо бить, чтобы причинить Карту боль.

— Ей не спалось, как и мне. Если ты забыл, сегодня проводился ритуал милосердия для гурнаса, с которым и я, и Юта были хорошо знакомы. Может, для тебя это и новость, но смерть кого-то близкого может выбить из колеи.

Не было никакой причины для того, чтобы Корт оправдывался перед этим человеком. Он делал это почти неосознанно, по старой привычке, будто Нагир в самом деле мог понять и разделить его чувства. Иногда Карту не хватало того человека, каким Нагир когда-то был. Не хватало близкого друга, с которым он мог делиться самыми тайными мыслями и переживаниями, зная, что тот поймёт его чувства и не осудит.

Корт понимал, что человек, который стоит сейчас перед ним, лишь выглядит, как Нагир из его воспоминаний, но на самом деле это уже кто-то совсем другой. Но какая-то иррациональная, глупая часть Корта по-прежнему продолжала говорить с ним. Продолжала вести себя так, будто ничего не случилось, и прежний Нагир всё ещё здесь, готовый выслушать и помочь.

— Так или иначе, но ты проводишь с ней слишком много времени.

Карту показалось, что его слова заставили лицо Нагира дрогнуть. Всего на краткий миг он подумал, что пробился к нему, но черты атлурга тут же исказила новая презрительная гримаса.

— Я просто чувствую себя ответственным за неё, вот и всё, — устало произнёс Корт, не ощущая в себе сил на споры. — Ведь я её спас. И, в конце концов, я — единственный, кто может понять, каково ей сейчас, ведь я тоже — изгой.

— Вот как? — выплюнул Нагир с неожиданной силой и злостью, словно метнул отравленный дротик Карту в грудь. — За пятнадцать лет ты ни разу не вспоминал, что ты изгой. Ты считал себя одним из народа. А тут вдруг вспомнил? И с чего бы? Как только в поселении появилась симпатичная белокожая девчонка. Или то, что Леда вышла за тебя замуж, для тебя больше ничего не значит?!

— Это единственное, что имеет для меня значение. Я люблю Леду так же сильно, как шестнадцать лет назад. И если у нас с тобой не осталось ничего общего, и ты больше не веришь моим словам, поверь хотя бы в это. Я знаю, ты можешь понять *эти* мои чувства.

Нагир не отвечал. На его лице отразилась смесь эмоций из плохо скрытого удивления, какой-то детской обиды и проступившей резким контрастом боли, как будто Корт полоснул

по старой, незаживающей ране. Но Корт видел, что в этот раз достучался до мужчины.

— Я ничего не скажу Леде, — наконец процедил Нагир. — Но я делаю это не для тебя, а для неё. Не хочу, чтобы она страдала из-за твоих необдуманных действий. И тебе тоже стоит подумать об этом.

Нагиру с трудом дались эти слова. Он говорил так, будто сам не верил, что совершает что-то подобное. Нагир считал Корта своим смертельным врагом. И всё же сейчас он делал что-то пусть и не для него, но и не против. И это удивляло и злило его самого.

На секунду он заколебался, как будто хотел что-то добавить, но потом резко сорвался с места и, не глядя на Корта, умчался по коридору прочь.

Корт остался в одиночестве, слушая звук собственного дыхания, наблюдая, как потревоженные резким движением пылинки кружатся в воздухе, постепенно успокаиваясь и оседая.

Нагир не всегда был таким. Его изменило до неузнаваемости предательство близкого друга и любимой. Он озлобился, закрылся от мира, спрятал свои чувства под каменным саркофагом.

Но всё же иногда в нём проглядывали черты того человека, каким он когда-то был — открытого, преданного, со спокойными глазами цвета кофейных зёрен. «Его душа так же широка, как и его плечи», — смеясь, говорил про него Корт. Нагир был громким, большим и резким. Он ураганом врвался в любое помещение, как будто собирался брать его штурмом. Нагир много смеялся и перебивал всех без разбора своим раскатистым голосом.

В то время он ещё верил в людей. У него была любимая, и он ничего в жизни не желал больше, чем жениться на ней. Он часто говорил о детях, которые у них будут. Он собирался научить их, как стать настоящими атлургами. А он был настоящим атлургом. Суровым в бою, преданным в любви и надёжным в дружбе. Крепким словно кремень. Тогда Корт думал, что ничто не способно сломить такого человека. Он искренне восхищался Нагиром и любил его.

Ни за что в жизни он не мог бы предположить, что станет тем человеком, который ломает его. Сломает того, ради кого был готов отдать свою жизнь.

И теперь Корт стоял, сжимая в бессильной злобе кулаки, думая о том, что никогда уже не сумеет вернуть того человека. Леда заставила Корта простить себя и оставить всё, как есть. Но годы шли, а Нагир так и оставался лишь блёклой тенью себя прежнего. И как бы Корт ни старался, он не мог не думать о том, что ещё мог сделать, но не сделал, чтобы снова услышать тот раскатистый смех и увидеть мощные, широкие движения человека, не боящегося получить удар в спину от самых близких.

Корт только что вернулся домой с двумя бутылками воды — дневной нормой, положенной им с Ледой на двоих. Часть воды он отдал жене для приготовления роги — травяного отвара, помогающего организму легче переносить жару и уменьшающего жажду. Атлурги пьют горьковатый вяжущий напиток в течение всего дня для поддержания себя в тонусе и уменьшения потребности в воде. Остальную воду Корт разлил по бурдюкам для выхода на поверхность.

Корт чувствовал себя уставшим и раздражённым, ведь он почти не спал прошлую ночь. Леда не заметила его отсутствия, и Корт снова ничего ей не сказал. Не сказал, что провёл ночь на плато вместе с Ютой. Корт со злостью подумал, что это начало входить у него в

привычку, и надо с этим кончать. Сегодня он найдёт время поговорить с Ледой и расскажет ей о том, что Юта побывала на его плато. А также обо всём, о чём они говорили за прошедшие недели.

Выцветший красно-бурый полог отлетел в сторону, пропуская в дом атлурга. Уги редко приходил к Карту без предупреждения. Обычно они встречались на советах, которые проводили дома у Гадрима или ещё нескольких атлургов из близкого круга Корта. Тем более удивительно было видеть Уги в столь ранний час. Поэтому, как только он появился на пороге, Корт заподозрил неладное.

Атлург остановился возле входа. Его глаза лихорадочно поблёскивали. Ладони были сжаты в кулаки, а грудь быстро поднималась и опускалась. Корт понял, что Уги очень спешил сюда по какому-то неотложному делу. Он поднялся другу навстречу в тот же момент, как тот выпалил:

— Корт, кое-что произошло.

Корт приблизился к атлургу, обеспокоенно всматриваясь в его лицо.

— Присядь, — предложил он, указывая на табуретку возле стола, — и расскажи, что случилось.

Леда уже бросила дела, которыми занималась. Она наспех вытирала руки полотенцем, усаживаясь за стол напротив Уги. Леда поймала обеспокоенный взгляд Корта. Затем её внимательные глаза снова обратились к побледневшему атлургу.

— Сегодня утром недалеко от твоего дома... — начал Уги, но резко замолчал, когда полог над входом снова хлопнул, пропуская в дом ещё людей.

Впереди шёл Гвирн. Выражение его лица вместе с тем, как властно он ворвался в дом, сразу не понравилось Карту. За ним вошли ещё двое, и компания, сопровождавшая Гвирна, понравилась Карту ещё меньше. Это были два атлурга из Совета Утегата.

Совет состоял из наиболее уважаемых членов общины атлургов. Без его одобрения не вершилось ни одно важное дело в городе. После смерти Канга именно Совет временно управлял Утегатом.

Появление Гвирна само по себе не сулило Карту ничего хорошего. А присутствие двух членов Совета подсказывало, что дело обстоит совсем скверно.

Гвирн застыл посередине кухни, как одно из изваяний, которые вырезал Корт — со своим идеально точёным лицом, со спиной, прямой как стрела, бьющая врага прямо в сердце. В отличие от прошлого посещения, Гвирн больше не улыбался и не осматривался по сторонам. Его хищные глаза были прикованы к Карту с того самого момента, как он вошёл.

Члены Совета заняли позиции чуть позади, словно эскорт. И хоть город и находился сейчас под их управлением, то, как они встали по сторонам от Гвирна, позволив ему выдвинуться вперёд, не оставляло места для сомнений, чью сторону в гонке за власть они принимают.

— Гвирн! Какой... сюрприз! Чем обязаны? — радостно воскликнул Корт, решив взять инициативу в свои руки.

— Я не уверен, что моё появление здесь — такой уж сюрприз для тебя, — холодно и очень чётко произнёс Гвирн. — Это официальный визит, к которому, как я вижу, ты как раз готовился.

Корт нахмурился:

— Не понимаю, о чём ты.

— Разве? Надо отдать должное твоему помощнику — не успела новость просочиться

наружу, как он уже примчался к тебе. Успели выработать план действий?

Корт сжал руку, лежавшую под столом, в кулак, но его голос звучал по-прежнему приветливо:

— Если честно, я всё ещё не понимаю, о чём речь. Что бы это ни было, Уги ничего не успел мне рассказать. Так что, я надеюсь, ты посвятишь меня в суть переполоха.

Гвирн слегка нахмурился, сдвинув к переносице золотистые брови. Карту показалось, что атлург ожидал от него иной реакции и теперь не был уверен в том, как следует вести себя дальше. Гвирн обернулся к одному из атлургов, пришедших с ним, и мужчина по имени Улгерн заговорил.

У него было морщинистое лицо и волосы цвета старого сена — так на песочных волосах атлургов выглядит седина. Он говорил размеренно, с достоинством, присущим члену Совета и главе обширного и богатого рода. Но его глаза при этом как-то неприятно поблёскивали, чем-то напоминая глаза рептилии.

— Совет хотел бы получить от тебя, Корт, ответ на вопрос, где ты был прошлой ночью, между «Часом Змеи» и «Встречей Братьев»*.

В голове сразу вспыхнула мысль о Юте. Холодок пробежал по позвоночнику Корта. Но он тут же сообразил, что даже будь кому-то известно о том, что они провели прошлую ночь вместе, Совет это никак не могло волновать.

— Я был здесь, дома, — постаравшись успокоиться и взять себя в руки, ответил Корт.

— Может ли твоя жена подтвердить это? — обратился мужчина к Леде.

Как только Гвирн вошёл в дом, она быстро, как рысь, выскочила из-за стола и молниеносно переместилась за спину мужа. Корт не видел её, но всем телом ощущал её присутствие. Это было ни с чем не сравнимое чувство, когда ты можешь быть на сто процентов уверен, что твой тыл прикрыт, в прямом и переносном смысле.

— Я спала в это время, как и все остальные атлурги в Утегате, — с вызовом отвечала Леда.

Корт не видел её лица, но прекрасно представлял гордо и слегка презрительно вздёрнутый подбородок и твёрдый, как бетонная стена, взгляд, о который могла бы расшибиться целая неприятельская армия, вздумайся кому-то пойти против Леды или людей, которых она любит. Эта картинка почти вызвала у Корта улыбку.

— В любом случае мой муж волен приходить и уходить, когда посчитает нужным, — я не слежу за ним, — со сталью в голосе закончила Леда, и в этот момент Корт был по-настоящему ею горд. — А в чём собственно дело?

— Дело в том, — снова заговорил Гвирн голосом, полным яда, — что в это время был убит один из моих ближайших сподвижников — Нерас. И у нас есть свидетель, который видел Корта недалеко от его дома как раз в это время.

Люди в комнате застыли, как будто кто-то нажал на кнопку паузы на пульте.

— Могу я узнать имя свидетеля? — замедленно спросил Корт, хотя уже знал ответ.

— Это Нагир, — злорадно улыбнувшись, ответил Гвирн.

Может, и не все здесь были осведомлены об их с Кортом отношениях и давней вражде, но уж Гвирн точно не пожалел времени на то, чтобы выведать о Кorte всю подноготную. Вероятно, он надеялся использовать что-то против него. Что ж, Корт пока не понимал как, но ему это удалось.

— По его словам, он гулял по городу и наткнулся на тебя в одной улице от дома Нераса. Когда утром стало известно о том, что Нерас убит, Нагир сразу пришёл ко мне.

Гвирн не скрывал победного выражения на лице. Корт буквально видел, как Гвирн представляет себе его, поверженного и раздавленного, корчащегося под его сапогом, умоляющего о том, чтобы Гвирн позволил ему дожить свои жалкие дни где-нибудь на отшибе Утегата, в позоре и неизвестности.

— Что ты скажешь на это?

— Скажу, что возвращался домой с гор. Тогда и наткнулся на Нагира. Мы перекинулись парой слов и отправились каждый в свою сторону.

— Но ты только что сказал, что был в это время дома, в постели, — вставил Улгерн, говоривший до Гвирна.

Корту стало тошно от осознания, что этот человек сделает и скажет что угодно, лишь бы угодить Гвирну, рассчитывая после его победы занять тёпленькое местечко.

— Должно быть, я перепутал, — невозмутимо ответил Корт. — Вы со своими обвинениями ворвались к нам так внезапно. Я думал, что вернулся домой до Часа Змеи, но, должно быть, пробыл в горах дольше, чем думал. Да, теперь я припоминаю: я повстречал Нагира после Часа Змеи, а уж затем отправился домой.

Говоря это, Корт потирал подбородок, а затем с невинным видом уставился на Улгерна. Тот побагровел.

— В любом случае надо быть крайне уверенным в своей правоте, чтобы вот так обвинять человека. У вас есть что-то, кроме слов Нагира и случайного совпадения?

— Я не верю в «случайные совпадения», а потому для меня оснований для обвинения достаточно, — ответил за Улгерна Гвирн. — Или может, у тебя есть кто-то, кто может подтвердить твои слова?

— Нет, — без колебаний ответил Корт.

— Тогда это его слово против твоего. Но кто я такой, чтобы решать о чьей-либо вине? — смиренно спросил Гвирн, даже чуть согнувшись в театральном жесте. И Корт подумал о том, что штырь в его позвоночнике, очевидно, всё же может гнуться. — Твою виновность или невинность определит Совет на завтрашнем Утегатале. Так что советую заготовить аргументы и привести дела в порядок — у Нераса большая семья. Корт. Леда.

Гвирн коротко кивнул, одарив их последним холодным взглядом. После чего резко развернулся и стремительно вышел. В том же порядке, в каком вошли, за ним последовали члены Совета.

У Корта кружилась голова, его мутило. Теперь всё встало на свои места: вчерашняя встреча с Нагиром и даже его обещание никому не рассказывать о том, что он видел Корта с Ютой.

Должно быть, он сам или же они вместе с Гвирном это спланировали. Корт ни минуты не сомневался, что у Гвирна хватило бы чёрствости и хитрости, чтобы приказать убить одного из своих людей с тем, чтобы устранить соперника. Даже если Гвирн и не был причастен к убийству, обвинение Корта было ему на руку. Он ухватился за него, как за возможность быстро и не замарав рук избавиться от противника.

А вот у Нагира были и мотив и возможность. Если подумать, Корт также мог обвинить его в том, что видел недалеко от места убийства. Вот только Нагир являлся сторонником Гвирна, а потому никто не поверит в то, что он убил одного из своих. Это убийство могло быть выгодно только оппонентам Гвирна, главным из которых был Корт. Во всяком случае, так всё выглядело на первый взгляд.

Конечно, Корт мог бы рассказать, что у Нагира был личный мотив насолить ему. Ради

этого Нагир был готов пойти на всё. Вот только Корт ни под каким предлогом не хотел говорить о том, что произошло между ними пятнадцать лет назад. Не только потому, что ему было стыдно, но и потому, что эта крайне непривлекательная история касалась Леды.

Чем больше Корт думал об этом, тем менее случайной казалась ему вчерашняя встреча. Подждал ли Нагир его в том коридоре? Следил за ним, чтобы выбрать наиболее подходящий момент? Даже его обещание держать всё в секрете от Леды обернулось против Корта. Теперь он понимал, почему Нагир так легко согласился скрыть всё от его жены. Дело было вовсе не в её чувствах и не в том, что Корт сумел достучаться до Нагира, — просто ему было выгодно представить всё так, как будто Корт был один.

Корт усмехнулся уголком рта. Вот глупец... как он мог поверить в искренность и добрые намерения Нагира? Неужто он так отчаянно хотел вернуть друга, что видел лишь то, что хотел? Так или иначе, а Нагир действительно знал его лучше всех. Он до сих пор понимал мотивы поступков Корта лучше кого-либо другого и умело использовал это против него. Нагир совершенно верно поставил на то, что теперь-то, при столь непривлекательных обстоятельствах, Корт точно никому не скажет о том, что был той ночью с Ютой.

И дело вовсе не в том, были они в чём-то виновны или нет. Дело в том, как всё выглядело со стороны, и как всё могли представить люди, желающие убрать Корта.

Атлурги крайне негативно относятся к супружеской неверности — браки в Утегате создаются на всю жизнь, а такого понятия, как развод, вообще не существует. Факт того, что Корт провёл ночь с другой женщиной, вместо того, чтобы быть в постели со своей женой, мог вмиг разрушить его репутацию, а вместе с ней и притязания на власть.

И даже если бы Корт не побоялся разрушить собственное имя ради того, чтобы избежать обвинения в убийстве, была ещё Юта. Именно на это и поставил Нагир в своих расчётах. Он знал: как бы Корт ни решил поступить со своей жизнью, он ни за что не станет рушить жизнь Юты. Ведь звание разлучницы и распутницы ничуть не слаще репутации предателя семьи. Мужчина и женщина, совершившие такой поступок, в равной степени виновны в разрушении семьи и чужих жизней.

Корт страшился даже подумать о том, что стало бы с Ютой, если бы она заработала такую репутацию. Вот когда слово «изгой» обрело бы для неё совершенно конкретный смысл. Нет, он ни за что не допустит этого. Неважно, какую цену придётся заплатить. И Нагиру прекрасно об этом известно.

В конечном итоге Нагир добился именно того, чего хотел — подставил Корта, зная, что тот не сможет воспользоваться своим алиби. Так что на завтрашнем Утегатоле будет, как и сказал Гвирн, его слово против слова Нагира. Вот только очевидные мотивы указывают на то, что Нагир говорит правду, а Корт — лжёт.

— Нагир правда видел тебя вчера ночью? — спросила после некоторого молчания Леда.

— Да, я возвращался с плато. После того, что произошло с Арагоном, не могу спать.

— Знаю, — вздохнула Леда. — У вас были непростые отношения, но его мнение было важно для тебя так же, как и твоё — для него. Возможно, между вами было больше общего, чем ты хотел признавать.

Уги ушёл через полчаса после Гвирна, оставив Корта с Ледой вдвоём. Он предложил собрать сподвижников Корта, чтобы вместе придумать решение, но Корт отказался. После всего случившегося в последние дни он просто хотел побыть наедине с Ледой, тем более что они всё равно ничего не могли изменить — всё решится завтра.

Корт сидел на краю кровати и отстранённо рассматривал знаки на своих руках: вот знак

изгоя, знак Утегата, символ ругата. А вот их с Ледой свадебный знак, навсегда соединивший их сердца и жизни. Татуировки, выполненные с применением красной каменной пыли, атели на тёмной коже, как застывшая кровь.

Леда сидела на полу возле Корта, положив одну руку ему на колено. Её кожа была немного светлее и иного оттенка, чем у Корта: более тёплого, с примесью бронзы. На её предплечьях Корт также мог разглядеть вязь символов наури.

Весь вечер Леда вела себя, как обычно. Так, будто завтра им не предстояло пройти через суд по обвинению в убийстве. Так, будто их жизням и счастью ничто не угрожало, и она не могла потерять его навсегда. В этом была вся Леда: непреклонно благоразумная и стойкая. Конечно, ведь она была атлургом.

Но было в её поведении и что-то глубоко личное, что-то от неё самой — то, как она всеми силами пыталась оградить Корта от тревожных мыслей и переживаний. Это казалось ему очень трогательным.

— Думаешь, Нагир мог сделать это? — задумчиво спросила Леда, накручивая на палец золотистую косичку.

— Либо он, либо они вместе с Гвирном. Им обоим не терпится убрать меня. А что для этого может быть лучше, чем подставить меня и опорочить на глазах у всего города? Если меня признают виновным в подлом убийстве, да ещё и после заключения перемирия с Гвирном, моё имя будет разрушено. И даже если его семья не затребует права возмездия...

— То есть твоей смерти, — тихо вставила Леда.

Корт кивнул и продолжил:

— Даже если они не потребуют этого, что маловероятно — Гвирн не зря намекнул, что у Нераса большая семья — никто больше не пойдёт за мной. Тогда Гвирн беспрепятственно станет Кангом. Может, это даже не так и плохо. — Корт устало закрыл лицо руками. — Возможно, это то, чего хотят боги. Во всяком случае, до сих пор Гвирн справлялся со всем куда лучше меня.

— Это неправда. — Леда потянула Корта за руку, заставив его открыть лицо и посмотреть на неё. — Может, Гвирн и справляется с подкавёрными играми лучше тебя, но это не делает его лучшим правителем. Твоя слабость лишь в твоей бескомпромиссной честности и благородстве. Пусть у тебя в роду не было многочисленных Кангов, и ты не воспитывался, как один из них, но за тобой стоит город. И боги.

— Говоришь, как Арагон, — усмехнулся Корт.

— Но так и есть. У богов на тебя свои планы, и никто не сможет этому помешать. Всё разрешится, вот увидишь.

Корту было стыдно признать, но Леде удалось его немного успокоить. Она всегда действовала на него умиротворяюще, будучи его лучшей, более благоразумной и рациональной «половиной». Что бы ни происходило, она оставалась спокойна, стараясь поддержать Корта. Своим тихим вкрадчивым голосом и спокойными мудрыми глазами гасила его негативные эмоции и отгоняла страхи.

Корт потянул Леду за руку, поднимая с пола, и лёг на кровать. Она тихо примостилась рядом, прижавшись к его боку. Пальцы Корта перебирали струящийся водопад тонких шелковистых косичек. От ощущения, что она рядом, в груди разливалось тепло.

— Не могу... — прошептал Корт.

— Что?

— Не могу возненавидеть его. Не могу относиться к нему, как к врагу. Когда я вижу его,

для меня он просто... тот же Нагир, каким был когда-то. Иногда я просыпаюсь утром, и мне чудится, что мне всё приснилось. Я, ты, что Нагир меня ненавидит. Кажется, он вот-вот ураганом ворвётся в дом, как всегда делал, и всё будет, как прежде.

— Перестань. Я знаю, что ты делаешь: снова винишь себя. Но этим ты не поможешь ни себе, ни ему.

— Как ты справляешься с этим? С тем, что мы сделали?

Леда приподнялась на локтях, чтобы заглянуть Карту в глаза. Её волосы рассыпались по его груди, словно созревшие пшеничные колосья.

— А что такого ужасного мы сделали? Полюбили друг друга? Разве это преступление? Ты же знаешь, моё сердце принадлежало тебе с того момента, как я впервые тебя увидела.

— Знаю, но ведь его ты тоже любила.

— Любила, но это была совсем другая любовь. — Леда вздохнула, ложась обратно. Её пальцы чертили на груди Корта замысловатые узоры. — С того момента, как боги привели тебя в Утегат, я знала, что ты — моя судьба. Ты, а не он. И хоть я любила его, но это было так, будто его любила другая я, — не та, которая с тобой. А сейчас мне вообще кажется, что это было в другой жизни, тысячу лет назад. Сейчас для меня это лишь выцветшее воспоминание.

Корт знал, что Леда испытывает к Нагиру те же чувства, что и он. Но она была сильнее и мудрее Корта, а потому, в отличие от него, всегда могла постоять за себя перед Нагиром. Леда даже научилась быть почти безразличной. Отвечала ему холодно или даже резко, так, что со стороны было невозможно заподозрить, что она по-прежнему испытывает к этому человеку тёплые чувства. Возможно, ей было проще принять всё, как есть, потому что Нагир никогда не винил её.

Женщина атлург вольна выбирать себе любого возлюбленного. До того момента, как их скрепит брачный знак, высеченный на руках кровью богов, она может менять решение хоть сотню раз, никто не осудит.

Но для мужчины это иначе. Нет, Корт не сделал ничего, чтобы увести её у Нагира. Он никогда не помышлял о ней, даже не мечтал. Он и представить себе не мог, что такая девушка, как она, может обратить внимание на кого-то, вроде него. Он не ухаживал за ней, не дарил подарков и не делал комплиментов. Он не сделал ничего для того, чтобы она его полюбила. И всё же так случилось.

Это Леда выбрала его. Она решила быть с Кортом. Она первая призналась ему в своих чувствах. И всё же Нагир был *его* другом. Несмотря на то, что их с Ледой чувства были взаимны и подхватили их ураганом, против которого они не могли устоять, всё же со стороны Корта это было предательством.

Сколько раз, уже после всего, он думал о том, что, возможно, ему стоило уйти из Утегата, раз уж он не мог быть Леде просто другом. Хотя это не сделало бы счастливым ни его, ни Леду, ни даже Нагира, который к тому времени уже её потерял. Но всё же, всё же... Тогда он не предал бы доверия и чувств своего ближайшего друга. И пусть они все трое были бы несчастны, но остались бы чисты перед собой и друг другом.

Но тогда он поступил так же, как делал всегда — пошёл самым простым путём. Он не нашёл в себе сил сделать то, что было нужно, и теперь был обречён жить с этим.

Корт крепче прижал к себе Леду. Пытаясь, укутавшись в запах её волос, забыть о своих невзгодах. Хоть ненадолго избавиться от демонов, терзающих душу.

Да, она была его Ледой, и это она так решила. И всё же, разве мог он просить её о том,

чтобы она поделила с ним его судьбу, когда ему самому она представлялась окутанной тьмой? С прорезающимися вспышками ярости и боли, словно безмолвные зарницы в чёрной, как глубочайшая бездна, ночи?

* «Час Змеи» и «Встреча Братьев» — названия времени суток у атлургов, каждое из которых длится по несколько часов и определяется примерно, по расположению звёзд на небе.

Корт не стал ждать, пока Гвирн пришлёт за ним людей. Он отправился на Утегатол сам. Сопровождение выглядело бы унижительно, так, словно ведут преступника. Не говоря о том, какие мучительные воспоминания это воскрешало в памяти. Впрочем, избавиться от этих воспоминаний Корт всё равно не мог — сегодня они преследовали его повсюду.

Он никогда не сможет забыть тот яркий, солнечный день, когда его вели по улицам Лиатраса. Города, где он вырос, окончил школу, поступил в Институт, мечтая стать инженером. Где впервые влюбился в сокурсницу, где повстречал друзей. Города, который он искренне любил и мечтал сделать лучше.

Этот город его детства и его грёз хотел раздавить его, уничтожить, стереть с лица земли. Он шёл по нескончаемому людскому коридору. Солнца изливали на него потоки огненного жара, заставляя плечи сгибаться под их гнётом. Асфальт плавился при каждом шаге. Корт увязал в нём, с трудом заставляя ноги передвигаться. А вокруг были лица — взрослых, стариков и даже детей — искажённые ненавистью, выкрикивающие в его адрес проклятья.

Этот образ Корт не мог стереть из памяти многие годы. И сейчас воспоминание о том дне не изгладилось, не затёрлось и даже не поблёкло под слоем времени. Корт лишь научился загонять его в дальний угол своей памяти и хранить там под семью замками. Но в такие дни, как этот, он ничего не мог поделать — оно просто взламывало все преграды и вырывалось наружу. И тогда он вдруг обнаруживал себя идущим по нескончаемым коридорам из человеческих лиц, наполненных ненавистью и злобой.

Тот путь был длиною в жизнь. А всё, что было после — выживание, скитания по пескам, каждый день и каждый час пытающимся убить тебя, отчаяние и отсутствие надежды и смысла — было всего лишь жизнью после смерти. Зыбкой, окутанной жарким маревом и странными грёзами, где единственное, что заставляло его двигаться вперёд — была мысль о том, что он уже мёртв.

Но сегодня Корт не был один. Рядом с ним шла Леда. Плечом к плечу они двигались по Залу Кутх, сквозь торжественно молчаливую толпу. В своём воинском облачении — обтягивающих кожаных штанах и безрукавке, как будто чересчур обнажённая без какого-либо оружия, Леда была прекрасна. Её спина была идеально прямой, подбородок гордо вздёрнут, словно она была потомственной принцессой, рождённой править тысячами. Её золотые глаза были двумя карающими стрелами, готовыми поразить каждого, кто только косо посмотрит в сторону Корта.

На Утегатоле собрался почти весь город. Новости и так распространяются по Утегату со скоростью песчаной бури, а уж Гвирн позаботился о том, чтобы известие о суде над Кортом за день облетело всех.

В отсутствие правителя никто не смел подниматься на помост Кангов, поэтому Совет во главе с Гвирном расположился прямо под ним. Надпись над помостом, как и во время всех Утегатолов, горела огнём, освещённая через специальные окошки. «Утегат те атрасс». «Город — бессмертен».

Корт помнил эту строку на наури с того самого дня, как попал в Утегат. Он, как и каждый атлург в городе, знал её наизусть до последней чёрточки и завитка, но никогда толком не задумывался над её значением. Подземные города существовали на Нибелии

тысячелетиями. Так давно, что народ потихоньку забыл о том, что когда-то они были построены. И начал верить, что стоявший здесь веками город будет существовать всегда.

Но сегодня Карту открылся и другой смысл этой фразы. Поколения атлургов будут приходить и уходить, а Утегат так и останется незыблем и неизменен. Город бессмертен. В отличие от человека.

Подойдя к помосту ближе, Корт увидел, что люди, собравшиеся под ним, разделены на две группы. Одна, во главе с Уги, стояла по правую сторону от помоста Кангов. Гвирн и его сподвижники сосредоточились слева. Корт отметил, что на стороне Гвирна оказалось намного больше людей — почти вдвое. Видимо, многие сочли исход Утегатола решённым.

Переговариваясь вполголоса, под помостом собрались члены Совета. Несколько из них — те, кто заходил к Карту домой — держались рядом с Гвирном. Остальные стояли обособленно, не выказывая приверженности какой-либо из сторон.

Среди них был и Ауслэг. Атлург чуть старше Корта, с волосами, заплетёнными в косу, и короткой жёсткой бородой. Ауслэг принадлежал к одному из самых сильных родовых кланов в Утегате, что, несмотря на молодость, позволило ему занять место в Совете. Он тоже метил на должность Канга, поддерживаемый многочисленными родственниками и древними родами.

Его короткие руки были скрещены на груди, а глаза хищно поблёскивали в предвкушении возможности убрать одного из сильнейших соперников. Корт не питал иллюзий насчёт Ауслэга. Он понимал: исчезни он с горизонта, и Ауслэг не побрезгует договориться с Гвирном, поделив реальную и номинальную власть в городе. Возможно, это уже произошло. И стервятники только и ждут, когда Корт падёт, чтобы растащить его останки.

Сначала, как за обвиняющей стороной, слово было за Гвирном. Сегодня на нём красовались тёмно-бордовые штаны из дорогой и редкой материи, подпоясанные ремнём с символическим изображением Руга, и отбелённая рубашка, сверкавшая на фоне его бронзовой кожи, как белоснежный цветок. На плечи был накинут длинный, до пят, халат песчано-золотистого цвета, красиво оттенявший глаза Гвирна.

Дорогая и торжественная одежда редких цветов выгодно выделяла Гвирна из серо-бежевой массы атлургов. Он ещё не был Кангом, но уже был одет, как Канг. Послание было совершенно ясно. У Корта это вызывало только раздражение. Но на простой народ такой ход мог произвести впечатление.

— Атлурги! Мы собрались сегодня на освящённом богами Утегатоле для того, чтобы решить о вине или невиновности одного из наших братьев. Вам всем хорошо знаком этот человек: он пришёл в Утегат пятнадцать лет назад, и мы приняли его, как одного из нас. Он стал атлургом и заслужил доверие и уважение народа. Несмотря на то, что он не родился одним из нас, он научился жить по нашим правилам и почитать наших богов.

Сегодня мы пришли сюда для того, чтобы определить, совершил ли он то, в чём его обвиняют.

Корт, выйди вперёд.

Корт не торопясь сделал несколько шагов и повернулся лицом к толпе. Он не смотрел на лица. Не мог себя заставить. Происходящее нравилось ему всё меньше.

Руг бы побрал этого Гвирна. Казалось бы, он не сказал про Корта ни одного плохого слова. Но то, как он упирал на факт, что по рождению Корт не был атлургом, не было случайностью. Это был один из подлых приёмов в его духе. К тому же Гвирн перепутал

цифры: Корт пришёл в Утегат не пятнадцать, а шестнадцать лет назад. Корт был уверен, что Гвирн до дня и часа помнит эту дату, и он совершил эту оплошность специально: чтобы унижить и вывести Корта из себя.

— Ночью прошлого дня, между Часом Змеи и Встречи Братьев, у себя в доме, во сне был подло убит один из жителей Утегата. Нерас был уважаемым членом нашей общины, моим сподвижником и добрым другом, практически правой рукой. А потому его семья доверила мне выступать сегодня перед вами с тем, чтобы честно и непредвзято разобраться в том, что случилось с Нерасом, чьё тело ещё не успело упокоиться в песках.

На следующий день после этого трагического события ко мне пришёл человек, который сообщил о том, что видел Корта в одной улице от дома Нераса как раз в то время, когда тот был убит. Нагир, прошу, выйди сюда.

Толпа атлургов расступилась, пропуская вперёд Нагира. Он выплыл вперёд мощный, как скала, почти на голову возвышаясь над остальными атлургами. Корт отметил, что с их прошлой встречи Нагир так и не переделся. На нём были та же драная кофта и старые штаны с пятнами, по форме и цвету напоминавшими кровь. Нагир никогда не церемонился по поводу своего внешнего вида, так же как не отличался особым почитанием облечённых властью. Но сегодня его облик, особенно по сравнению с блистательным Гвирном, казался просто вопиющим.

— Что ты можешь нам рассказать о том дне и вашей встрече? — обратился Гвирн к Нагиру.

Тот стоял, крепко сцепив кулаки, и исподлобья смотрел куда-то выше голов атлургов, не глядя ни на Гвирна, ни на Корта.

— Той ночью я гулял по городу. Под утро я встретил в одном из коридоров Корта. Я тогда ещё удивился, что кто-то ещё, кроме меня, не спит в такой час. Но я не придал той встрече значения. Мы немного поговорили, и я отправился домой.

На следующий день я узнал, что ночью, как раз в то время, когда я встретил Корта, был убит Нерас. Я вспомнил, что место, где мы встретились, как раз недалеко от дома Нераса. С этим я сразу пришёл к Гвирну и рассказал ему всё.

«Наглая ложь», — думал Корт. Его кулаки непроизвольно сжимались и разжимались. «Он ведь знает, что лжёт перед всем городом и богами. Неужто он ненавидит меня настолько сильно, что не боится даже гнева Руга, когда попадёт к нему во владенья?».

— Расскажи, о чём вы говорили, — попросил Гвирн.

— Ни о чём особенном. Просто перекинулись парой слов и пожелали друг другу спокойной ночи, — уклончиво ответил Нагир.

Конечно же Нагир прекрасно помнил, о чём они говорили той ночью. Нагир практически прямо обвинил Корта в измене, а напоследок посоветовал больше думать о Леде и её чувствах. Корт был рад, что Нагир не передумал, — обвинить Корта в убийстве было всё же выгоднее, чем в измене.

— Ты случаем не спросил его, почему он бродит по городу в такой час?

— Да. Он сказал, что ему не спится после смерти Арагона. В тот день проводился ритуал милосердия, — неохотно ответил Нагир.

Немного правды для разнообразия порадовало Корта.

— Что скажешь в своё оправдание, Корт? То что говорит Нагир, правда?

— Да, это правда. Арагон был мне... другом. Больше того, мы вместе находились в Зале Свитков, когда рухнул свод, но ему повезло меньше, чем мне. Я плохо спал после того

происшествия и той ночью тоже не мог уснуть. Я пошёл в горы, где провёл всю ночь, а вернулся только под утро. В одном из коридоров я встретил Нагира. Мы немного поговорили, и я отправился домой.

Что касается оправданий, — я не считаю нужным оправдываться, потому как не вижу оснований для обвинения. Да, я был недалеко от дома Нераса, так же как и Нагир, как и десятки других атлургов в своих домах. У меня не было с Нерасом вражды, и я никогда не желал ему зла. У меня не было причин убивать его, и я глубоко соболезную его семье в их утрате. Уверен, Руг справедливо рассудит его деяния, и он займёт достойное место в посмертных песках.

Произнося эту речь, Корт бросил быстрый взгляд на Леду. Она стояла рядом с Уги и держала атлурга под руку. Корт видел, как побелели её пальцы, сомкнувшиеся на рукаве его рубашки. Девушка быстро кивнула Карту, одарив бледной улыбкой. Корт отвёл взгляд.

Атлурги, стоящие в первом ряду, всего в нескольких шагах от Корта, заволновались. Корт не хотел этого делать, но всё же взглянул на них. В него упёрся злой, преисполненный ненависти взгляд высокого стройного атлурга. Корт узнал его — это был старший брат Нераса, также входивший в окружение Гвирна.

С одной стороны от разгневанного, жаждавшего правосудия атлурга, стояла пожилая женщина с жидкими волосами, выбившимися из короткой косы, и красными заплаканными глазами. По другую сторону из-за его плеча выглядывала молодая девушка с землистым цветом лица и выцветшими глазами. Жена? Невеста? Сестра? Корт сразу понял, что все они родственники, так же как и ещё несколько атлургов — мужчин и женщин — сгрудившихся вокруг брата Нераса.

Их объединяли едва уловимые черты, присущие роду — широкие скулы и переносица, оттенок кожи. Но больше всего — глаза. И дело было не в цвете или разрезе. Дело было во взгляде, исполненном горя от недавно пережитой потери и ненависти по отношению к тому, кто мог быть причастен к убийству их родича. Нет, не мог быть причастен, — точно причастен. Корт видел в их глазах уже вынесенный приговор. Скорбящая семья не будет разбираться в тонкостях. Они уже нашли виновного.

— Хорошие слова. Но не слова определяют человека, а его деяния. Той ночью у тебя были и мотив, и возможность убить Нераса. Он был моей правой рукой. Я советовался с ним во всех важных делах. Его смерть — сильный удар по мне, который может быть выгоден только моим соперникам. И если представить, что той ночью ты намеревался остаться незамеченным, а Нагира повстречал лишь по случайности, то всё сходится. Как по мне, так обвинение более чем достаточное!

— Это он! Он убил моего брата! — не выдержав, выкрикнул высокий атлург. — Признайте его вину, и я поквитаюсь с ним за смерть Нераса!

Ещё с десяток голосов начали вторить ему, обвиняя Корта и требуя правосудия для семьи убитого. Корт не смотрел на них. Он сосредоточенно рассматривал высокий проход в Зал Кутх. На миг он подумал, что не выдержит. Просто не сможет пройти через это ещё раз.

Ему захотелось убежать, как ребёнку. Просто спрятаться где-нибудь и забыть обо всём. Может, снова уйти скитаться по пустыне вместе с Утагиру. Возможно, его приняли бы в одном из подземных городов. Пусть не в самом ближайшем. Пусть находящемся на самом отшибе разветвлённого подземного мира атлургов. Там его никто бы не знал. Там он мог бы начать всё сначала.

Но Корт продолжал стоять на месте, крепко сжав руки в кулаки и снося словесные

удары один за другим, ведь в нескольких шагах от него стояла Леда. И она смотрела на него.

— Скажи, Корт, есть ли ещё что-то или кто-то, что могло бы подтвердить твою невиновность? Может, твоя жена? — проговорил Гвирн, заметно повысив голос, чтобы перекрикнуть шум толпы.

Всё же он ещё не был Кангом и не произносил речь со священного помоста, а потому атлурги, не слишком церемонясь, перебивали его своими криками. Похоже, им уже надоело слушать рассуждения. Они жаждали крови.

— Моя жена спала. Никто не может подтвердить моих слов, — мрачно ответил Корт, заставляя свой голос прорываться сквозь нарастающий рёв атлургов.

— В таком случае Совет обсудит услышанное, после чего вынесет решение.

«Должно быть, это будет самый короткий совет в истории», — зло подумал Корт. «Ведь вы уже всё решили». Даже если несколько членов Совета и были на его стороне, этого недостаточно, чтобы перевесить голоса сторонников Гвирна и Аусллага, взятые вместе.

Гвирн отвернулся к членам Совета для обсуждения, когда Корт уловил странный диссонанс в шуме толпы. Он ещё не понял, что происходит, но его желудок болезненно сжался в ожидании очередной беды.

— Стойте, постойте! — наконец расслышал он негромкий голос, не способный пробиться через рёв беснующихся атлургов, требующих правосудия, а проще — смерти Корта.

С силой расталкивая высоких атлургов, не обращавших на неё никакого внимания, вперёд выбилась Юта. Она буквально вывалилась из-за плотно прижатых друг к другу тел. Её взгляд упёрся в Корта. Каштановые волосы были растрёпаны, а глаза — испуганы. Просторная кофта съехала на одно плечо. На щеках алел румянец, будто она с боем пробивала себе дорогу через весь Зал Кутх.

«Что... что происходит? Зачем она здесь?!»

Корт онемел, но, быстро придя в себя, замотал головой, давая Юте понять, чтобы уходила. Но девушка уже не смотрела на него. Она сделала шаг вперёд, протянув руку в сторону собравшихся мужчин.

— Постойте! Послушайте! — почти крикнула Юта чуть окрепшим голосом.

Первым обернулся Гвирн. В его глазах застыло искреннее удивление. Он потерял интерес к совещанию. Теперь всё его внимание было сосредоточено на девушке.

— Юта? Что ты здесь делаешь? — его голос звучал мягче, чем раньше, но по-прежнему властно.

— Я... я хочу кое-что сказать. Я свидетель! — Её голос зазвучал громко и уверенно.

Корт видел в её взгляде и движениях ту самую решимость, из-за которой она потеряла всё, что имела, и оказалась в пустыне. И теперь эта решимость привела её сюда, в этот зал.

— Ты свидетель? Что ты имеешь в виду? Свидетель чего? — Гвирн казался растерянным.

Корт видел, как ему хотелось замять внезапное появление девушки, но теперь и другие члены Совета начали с любопытством оборачиваться.

Как ни странно, но пристальное внимание большого количества людей не испугало Юту. Наоборот, она будто стала выше ростом, а её голос обрёл силу и твёрдость. Корт невольно залюбовался этой маленькой девушкой, такой смелой и непоколебимой, никогда не отступавшей от своих принципов.

— Ты спрашивал, есть ли у Корта какой-нибудь свидетель, чтобы подтвердить его

слова, — Юта обращалась только к Гвирну, игнорируя присутствие всех остальных. И Карту показалось, что между этими двоими происходил ещё какой-то, незримый, диалог. — Так вот, я такой свидетель. Вы выслушаете меня?

— Конечно. Если ты и правда свидетель, мы выслушаем тебя. Говори. Ты что-то видела той ночью?

Теперь уже все глаза и лица были устремлены на Юту. Толпа немного поутихла, предвкушая что-то новенькое. Лицо девушки пылало, как кузнечный горн, но она не дрогнула.

— Дело не в том, что я видела, а в том, чего я не видела. А не видела я, чтобы Корт кого-то убивал той ночью. Он не убивал Нераса. Я знаю это так же твёрдо, как и то, что вы — члены городского Совета — собрались по чьему-то навету опорочить невинного человека.

— Громкие слова ты говоришь, изгой! — крикнули от группы брата Нераса. — Но откуда тебе знать? Ты всего лишь месяц провела в Утегате и ещё ничего не понимаешь!

У Корта перехватило дыхание. Он словно погрузился в ледяную воду. Всё тело сковало холодом.

Юта не испугалась гневного окрика. Она пылала, как праведное возмездие. Как дух справедливости, защищающий всех невинно осуждённых. Её плечи были гордо расправлены, а глаза блестели как два осколка слюды. Она всем корпусом развернулась в ту сторону, откуда послышался выкрик, и чётко проговорила:

— Может, я и недавно в Утегате, но я знаю, о чём говорю. Потому что ту ночь я провела в горах с Кортом. Затем мы вместе вернулись в город, и это было уже после часа Встречи Братьев. Что касается промежутка времени от Часа Змеи до Встречи Братьев, то всё это время я была с ним. Мы как раз спускались с гор.

Совет онемел. Гвирн казался самым растерянным из всех. Он открыл рот с таким видом, как будто хотел переспросить, не ослышался ли, но в итоге не проронил ни звука. Атлурги молчали, затаив дыхание. Дело, которое готово было завершиться кровавой расправой, рассыпалось на глазах.

У Корта внезапно обнаружилось алиби. Теперь никто не мог обвинить его в убийстве. Разве что в неверности жене. Но это только придавало словам Юты правдоподобия. Ведь это объясняло и то, почему Корт никому не рассказал, что был той ночью не один.

Корт видел по лицам атлургов, что точно такие же мысли пронеслись в головах всех и каждого из них. Он посмотрел на Леду умоляющим взглядом, одновременно извиняющимся и просящим не верить в то, что могло показаться очевидным. Но её лицо превратилось в маску, по которой ничего нельзя было прочесть.

Совет всё ещё хранил молчание, пытаясь осознать неожиданный поворот событий. Корт заметил, что на красивом высоком лбу Гвирна отчего-то выступили капельки пота. Гвирн молчал, и за него заговорил Ауслэг.

— Но можем ли мы верить её словам? — неожиданно обратился он к народу. — Она такой же изгой, как и Корт. Может, она просто хочет выгородить его!

Ауслэг выглядел раздражённым и злым, и Корт мог его понять. Ему чуть было не удалось избавиться от одного из сильнейших соперников. Но из-за какой-то девчонки, которая даже не являлась атлургом, всё готово было сорваться в последний момент.

— Я не лгу! — крикнула Юта, оскорблённая таким обращением. — У меня нет причин прикрывать его! Он мне не брат, не друг... не муж! С чего бы мне рисковать репутацией

лгуньи ради чужого мне человека!

Щёки Юты пылали. Она старательно избегала взгляда Корта. Он ощутил внезапный неприятный укол от её слов. Так вот значит, что она думает: что он ей никто?! Зачем же тогда явилась сюда?

Конечно, она могла бы поступить иначе, понимай она все последствия своих заявлений. Глупая, она боится, что её сочтут лгуньей, если не поверят! Знала бы она, кем её сочтут, если решат, что она говорит правду!

Как ни крути — а из этой ситуации ей не выйти сухой. Лучше бы она вообще не приходила! Ну почему этой девчонке нужно всё запутать, смешать все карты, да ещё и устроить по этому поводу переполох на весь город?!

— Всем известно, что Корт спас тебя и притащил в Утегат! — не унимался Ауслэг. Ему никак не хотелось проигрывать, и вмешательство Юты его только злило. — А насчёт того, кто он тебе — это ещё предстоит выяснить! Так что если ты пытаешься прикрыть своего...

— То, что она говорит — правда, — высокий сильный голос Гвирна прорезал шум толпы, не дав Ауслэгу закончить.

Тот с ненавистью уставился на Гвирна, но перебивать не стал. Корт заметил, что от растерянности Гвирна не осталось и следа — он снова стал лидером, сильным и умным предводителем атлургов. Вот только Корт никак не мог взять в толк, что он задумал.

— Тем вечером, после церемонии милосердия, я хотел найти Корта, чтобы поговорить, — продолжал Гвирн, и, словно убаюканная его глубоким вкрадчивым голосом, толпа атлургов притихла. — Утегат впервые за долгие годы остался без гурнаса, и я хотел обсудить эту ситуацию с Кортом. Но он отсутствовал на церемонии, и я не знал, где его искать. Тогда мне на помощь пришла Юталиэн.

Гвирн показал на неё атлургам, как будто пытаясь убедить в том, что она именно та девушка, о которой он говорит. Юта выглядела растерянной. Её кулаки были крепко сжаты. Она была готова к бою и так же, как и Корт, не могла поверить в то, что помощь пришла с такой неожиданной стороны. Похоже, она тоже не понимала, что происходит.

— Она сказала, что знает, где находится Корт. Более того, вызвалась привести его. Когда Юталиэн уходила, уже была ночь. Корт сказал нам, что был в горах. Должно быть, у девушки, не приспособленной к жизни в пустыне, ушло много времени, чтобы добраться туда. И ещё больше, чтобы уговорить Корта спуститься, — Гвирн улыбнулся, и по рядам атлургов прошёл приглушённый смешок, мигом разрядивший обстановку.

На секунду Корт позволил себе восхититься этим человеком. Он не знал, почему Гвирн делает это, спасая их с Ютой жизни и репутацию — но то, как он это делал, вызывало искренний восторг. Гвирн на каком-то подсознательном уровне всегда точно знал, что и когда надо сказать, чтобы расположить к себе людей. Без сомнения, он был прирождённым лидером, безупречно умевшим управляться с разъярёнными атлургами — талант, каким могли похвастаться единицы.

— Должно быть, все эти хождения заняли всю ночь. Вот почему они вернулись только утром. Таким образом, то, что говорит девушка — правда. Как и то, что рассказал Корт. Он не причастен к убийству Нераса, и я первый хочу принести ему свои извинения. — Гвирн обернулся к Корту, напряжённо застывшему в стороне. — Прости за этот навет и причинённые неудобства. Но мы должны были сделать всё, чтобы разобраться в том, кто убил Нераса. Я обещаю, что его убийство не останется безнаказанным. Я позабочусь об этом. Прошу Корта простить нас всех за излишнюю подозрительность. Ты действительно тот

человек, которого мы все знаем — честный и благородный в своих помыслах и деяниях.

«Да! Корт невиновен! Это сразу было ясно!», — раздались выкрики, правда, довольно жидкие, с противоположной от семьи Нераса стороны.

— На сегодня Утегатол закончен. Есть ещё многое, в чём нам предстоит разобраться, а потому Совету и мне надо удалиться для работы. Прошу всех расходиться.

К тому времени, как Гвирн договорил, большинство атлургов уже потеряло интерес к происходящему. Ещё не выйдя из зала, они уже начали забывать, по какому поводу собирались. Таким уж был народ — вспыльчивым и скорым на расправу, но также быстро забывающим обо всём. Слишком сложная и опасная была у атлургов жизнь, чтобы обращать излишнее внимание на чужие жизни и судьбы.

По мере того, как толпа редела, возле помоста осталось всего несколько человек. Корт искал взглядом Юту, но она будто растворилась. Гвирн коротко переговорил с членами Совета. Бросая на Корта недружелюбные взгляды, они также покинули зал. Корт улучил момент, чтобы вырваться из крепких объятий соратников и подойти к Гвирну.

— Не знаю, что за игру ты ведёшь на этот раз, но я благодарен тебе за помощь, — сказал Корт, подойдя к мужчине.

Взгляд Гвирна оставался цепким и холодным.

— Не благодари, — спокойно ответил тот. — Я помогал вовсе не тебе, а Юте. Но, так или иначе, на то была воля богов, чтобы всё разрешилось именно так. А раз всё вернулось на круги своя, то я хочу уточнить, что с моей стороны ничего не изменилось. У нас всё ещё перемирие?

Корт подавил внезапное сильное желание закончить эти игры и открыто объявить Гвирну войну. Но это было бы не лучшим решением для Утегата и его жителей, так что он просто кивнул.

Корт и Гвирн разошлись каждый в свою сторону. Уже направляясь на выход, Корт обернулся и увидел Юту. Она стояла рядом с Гвирном. Оба улыбались и выглядели так, словно были довольно близки. С непонятым раздражением Корт наблюдал, как они поговорили. После чего, чуть приобняв за плечи, Гвирн вывел Юту из зала.

Корт долго не мог сперва успокоить, а затем выпроводить разгневанных атлургов из своего дома. Они заполнили небольшую кухоньку, как муравьи, сбегавшиеся на кусок сахара. Корт с трудом мог протиснуться в собственную спальню.

Голос Уги разносился по всему коридору. Он негодовал по поводу ложного обвинения, поднимая соратников на то, чтобы в ответ обвинить Гвирна и Нагира в навете, который чуть не стоил Карту жизни.

Воинственные атлурги уже бряцали оружием, собираясь чуть ли не идти к дому Гвирна с тем, чтобы призвать его к ответу. Карту понадобилось изрядное время, чтобы всех успокоить и убедить в том, что не стоит этого делать. Им ещё представится возможность поквитаться с Гвирном, но не сегодня. В конце концов, всё разрешилось хорошо, и им всем лучше просто забыть об этом досадном недоразумении.

Наконец все разошлись по домам, и Корт без сил опустился на табурет. Он не чувствовал никакого удовлетворения от того, что всё закончилось. Наоборот, ощущение нависшей катастрофы не покидало. Как будто он сидел под высоким скальным навесом,

находившимся на одном месте веками. Не было никаких причин бояться того, что он вдруг обрушится. Но Корт не мог не думать об этом, буквально кожей ощущая угрозу.

Корт не сразу заметил Леду, застывшую в дверном проёме между кухней и спальней. Она выглядела уставшей и вымотанной, как будто целый день блуждала по пустыне. Её спина и плечи были напряжены. Глаза смотрели в пол.

— Почему ты сразу не сказал? — тихо спросила девушка.

— Я не хотел ранить твои чувства, — так же тихо ответил Корт и вдруг понял, что это и было правдой.

В этом крылась истинная причина того, почему он так долго не говорил Леде об их с Ютой встречах и не рассказал о том, где провёл ту ночь.

— Так ты защищал меня? Или всё-таки её? — спросила Леда грустно, но вместе с печалью в её голос закралась нотка вызова. Это больно кольнуло Корта, хоть он и знал, что она имеет право злиться.

— Что ты хочешь от меня услышать? — проговорил Корт устало. — Конечно, я защищал и её тоже. Она ещё не знает наших порядков, не понимает, чем ей могут грозить последствия.

— Ты имеешь в виду последствия того, что женатый мужчина ночью проводит время с незнакомой молодой девушкой вместо того, чтобы быть в постели со своей женой?

Корт посмотрел на Леду. Она не шевелилась, будто приросла к дверному косяку. Леда смотрела на него, обхватив себя руками. Это был защитный жест, и она защищалась от него — своего мужа. Корт ощутил сильное желание подойти к ней и обнять. Прижать к себе и сказать, что он её любит, и у них всё будет хорошо. Но он не двинулся с места.

— Да, именно об этих последствиях я и говорю, — ответил Корт тяжёлым голосом, глядя ей в глаза. — Хочешь знать, было ли между нами что-то? На самом деле, а не для протокола?

Леда не отвечала, продолжая смотреть на него взглядом, от которого сердце рассыпалось на осколки. Корт молчал, пытаясь понять, что творится в её голове. О чём она думает, глядя на него, как на чужого человека? Неужели она и в самом деле могла вообразить, что он ей изменил?

— Ответ: нет. Между нами ничего не было и никогда не будет. А знаешь почему? Потому что я с тобой. И я люблю тебя.

Он произнёс эти слова сухо и твёрдо, почти жёстко, сверля её взглядом. Он хотел быть мягче, но не мог себя заставить. Какой-то голос в его голове нашептывал о том, что всё это неправильно. И в этой искажённой, словно комната кривых зеркал, сцене не только его вина.

С минуту Леда продолжала стоять, глядя на него, а потом подошла и опустилась на колени.

— Я знаю. Прости, что даже допустила мысль о том, что это могло быть не так. Я люблю тебя больше всего в этом мире. И я поверила бы тебе, даже если бы сам Руг явился мне и убеждал в обратном.

Леда заглядывала Карту в глаза и заламывала руки. Её взгляд перестал быть чужим и незнакомым, раскрывшись ему навстречу как лепестки цветка. Она искренне извинялась перед Кортом за то, что только допустила мысль о его неверности. От этого сердце Корта болезненно сжалось, будто загнанное в тиски.

Мягко придерживая за подбородок, он поднял её с пола и нежно поцеловал. Леда

отозвалась на поцелуй всем телом, как тончайшая струна, к которой прикасаются пальцы аккуратного и умелого музыканта. Её моментальный и такой искренний ответ заставил сердце Корта биться чаще, а тело — гореть, словно охваченное огнём.

Он подхватил её на руки и отнёс в спальню, нежно уложив на постель. Леда обвила его шею руками и притянула к себе. Она была такой родной и близкой, такой любимой. Корт всем сердцем желал, чтобы она почувствовала эту любовь. Хотел развеять все её страхи и сомнения.

Сперва он целовал её мягко и осторожно, как нежный цветок. Но Леда не была цветком, она была ураганом. Она притягивала Корта к себе с такой силой, будто хотела слиться с ним в единое целое. Её руки блуждали по его спине под одеждой, заставляя его тело содрогаться от неистового желания.

Корта больше не заботила осторожность. Его руки мяти её тело, а губы ласкали каждую ложбинку на её гладкой, дурманяще ароматной коже. И каждое прикосновение, каждый новый поцелуй вырывали из её полураскрытых губ полувздых-полустон.

— Не отпускай меня, — прошептала Леда, задыхаясь.

— Никогда, — ответил Корт.

И он был намерен сдержать обещание.

Глава 5. Пещера

У атлургов нет зеркал. Это досадный, но вполне объяснимый факт. В качестве зеркал они используют отшлифованные блоки из чёрного камня, который добывают в горах. Они называют его «Оком души» — очень поэтично и в духе народа.

Идеально ровная, отполированная до глянцевого блеска поверхность «ока» отражает предметы, поднесённые достаточно близко. Конечно, не так как зеркало. Скорее, это напоминает слегка размытое отражение в тихой водной глади.

Юта поправила скреплённые на затылке волосы и заправила за ухо сильно отросшую каштановую чёлку. Вьющиеся пряди упрямо не хотели лежать так, как Юта того добивалась, и постоянно падали на глаза. Девушка печально вздохнула и оставила попытки соорудить на голове что-то более-менее приличное.

Женщины атлурги не стригли волосы, да и среди мужчин редко кто это делал. У них и ножниц-то нет. А для того, чтобы волосы не мешали во время работы или охоты, атлурги искусно заплетали их в косы. Юта не переставала удивляться разнообразию и красоте изысканного плетения: некоторые женщины носили на голове настоящие произведения искусства.

Но Юта не была атлургом и не умела плести струящиеся тонкие косички. А потому довольствовалась обычным пучком, который, однако, всё хуже держался на голове.

В «оке», перед которым она крутилась, Юта увидела размытый силуэт только что вошедшего атлурга. Как же тихо они передвигаются, каждый раз возникая словно изниоткуда и доводя её почти до инфаркта!

Появившийся в дверях мужчина заметил, как Юта вздрогнула.

— Прости, я не хотел тебя напугать.

— Никак не могу привыкнуть, что у вас не принято стучать.

Гость улыбнулся, показывая ровные белые зубы. При этом его лицо осветилось, как будто на него упал луч солнца.

— Я бы постучал, — ответил Гвирн, глухо хлопнув ладонью по тому месту, где в Лиатрасском доме был бы дверной косяк, — но песок поглощает звуки.

Юта непроизвольно улыбнулась в ответ. Сегодня Гвирн выглядел особенно хорошо в выбеленной рубашке и тёмно-бордовой, цвета красного вина, безрукавке. В отличие от Юты, его волосы красиво лежали на плечах, а ровные золотистые косички, заплетённые по бокам, изящно решали проблему падающих на глаза волос.

— Ты готова? — спросил мужчина.

— Да, — ответила Юта и, бросив на себя последний взгляд в зеркало, вышла вслед за Гвирном.

— Ну, куда ты поведёшь меня сегодня?

Они не торопясь шли по немногочисленной улице. Изредка встречавшиеся атлурги бросали на них любопытные взгляды. Юта отметила, что многие из них приветствовали Гвирна кивком головы, но далеко не все.

Ей нравилось неспешно прогуливаться по городу вместе с Гвирном, пока он рассказывал ей о жизни и легендах атлургов. Он показывал ей новые и неожиданные места, вроде кожевенного рынка или лавки, где продавались поделки из камня и песка. А вчера привёл в мастерскую, где изготавливали кинжалы-аслуры.

Это занятие считалось у народа священным, а потому обычно вход в мастерские был закрыт. Но, конечно, не для Гвирна. Он познакомил Юту с одним из мастеров. Тот показал ей все этапы плавки тергеда, из которого отливали аслуры. А затем они побывали у мастеров, придававших кинжалам бритвенно острую заточку. В конце Гвирн даже купил для Юты один из ножей, хоть она и отпиралась.

Уже вторую неделю Гвирн устраивал Юте сногшибательные экскурсии по Утегату, который каждый раз открывался для неё с новой стороны. Но главное, в эти часы Юта могла представить себя обычной туристкой, празднично гуляющей по городу. Слушая размеренный голос Гвирна, приятно убаюканная его ненавязчивым присутствием, она забывала о том, что была изгоем, загнанным в ловушку из солнца, жара и песка. Что находилась во многих километрах от дома, в то время как ему грозила смертельная опасность.

— Куда ты поведёшь меня сегодня?

— Есть одно место, — загадочно проговорил Гвирн.

Юта удивилась:

— Разве за эту неделю ты показал мне ещё не весь город?

— Ещё нет. Помнишь, я говорил тебе, что у меня есть доступ в такие места, куда обычным атлургам вход воспрещён? Так вот, сегодня мы отправимся в такое место.

— Отлично! Помнится, ты обещал мне приключение с небольшим нарушением закона.

— Ну, ничего грандиозного обещать не могу... — протянул Гвирн, а затем, подумав, закончил: — Но, конечно, если хочешь, мы можем вломиться на кухню, где в самой большой в Утегате солнечной печи готовят пирог для празднования дня Утаису... или, например, украсть козу.

— Мне нравится ход твоих мыслей, но скажи на милость, что мы будем делать с козой?

— Съедем?

— Боюсь, чтобы вдвоём съесть козу, нам придётся неделю не отходить от печи, а я не слишком люблю готовить.

Они завернули на широкую улицу, где Юта раньше не бывала. Какое-то время Гвирн молчал, но это молчание не было неловким: с ним Юта никогда не ощущала неудобства или дискомфорта.

— Знаешь, я хотел тебе сказать... — неуверенно начал Гвирн, — какое-то время, пока всё не уляжется, вам с Кортотом лучше не видеться.

— Почему?

Юта удивилась, что разговор зашёл о Кортоте. Всю неделю ей казалось, что они избегают этой темы, так же как и политики.

— Понимаешь, из-за твоего признания, что вы с Кортотом провели ту ночь вместе, некоторое время люди будут шептаться. А это не очень хорошо ни для тебя, ни для него.

— Но ведь мы просто разговаривали. К тому же ты придумал ту историю, будто сам послал меня за ним.

— Да, это так. И всё же у нас тут не так много поводов для сплетен. А атлургам дай только возможность почесать языками...

Юта молчала, пока они шагали по длинной улице. Они шли уже очень долго, и Юта удивилась, неужели Утегат на самом деле так велик? Она давно потеряла счёт поворотам и не имела ни малейшего представления, в какой части города они находятся. Но это было неважно, ведь Гвирн знал, где они и куда идут.

— Давно хотела спросить: почему ты это сделал? — решившись, прервала молчание

девушка.

Этот вопрос занимал её уже долгое время, но раньше Юта старалась его не касаться, избегая говорить с Гвирном о Корте. Но раз уж он сам затронул эту тему...

Некоторое время Гвирн не отвечал, разглядывая свои сапоги. А потом вздохнул:

— Думаю, не имеет смысла скрывать и дальше. Разве не очевидно? Потому что ты мне небезразлична. Я бы сделал что угодно, чтобы защитить тебя. Даже покрыл настоящего убийцу.

Неожиданно Юту бросило в жар. Она почувствовала, что краснеет от пяток до кончиков волос. К счастью, Гвирн не смотрел на неё.

— Корт не убийца. То, что я рассказала — правда. Он был со мной, когда произошло убийство. Ты же веришь моим словам?

Гвирн обернулся к ней, лучезарно улыбаясь. Он сиял, ни капли не смущаясь от того, что только что сказал.

— Конечно, верю.

Его тон был таким искренним, а поведение — естественным, будто они говорили о самых заурядных вещах. Юта быстро успокоилась. И даже не заметила, как Гвирн сменил тему на поддержание условий для выращивания ропса.

На миг Юте показалось, что он пытается отвлечь её от того, что происходило вокруг. После какого-то момента они свернули в узкий прямой коридор, который всё тянулся и тянулся. По мере того, как они продвигались вперёд, воздух становился всё более прохладным, что наталкивало на мысль о том, что они очень медленно спускаются вниз.

Вскоре узкий лабиринт сделал ещё два поворота и оборвался у массивной двери. Это была именно дверь — а не тряпичный полог, какие закрывают проходы в дома атлургов. Каменная, немного шероховатая, не слишком тщательно обработанная, зато подогнанная к проёму до миллиметра.

Юта только успела подумать о том, как же они сумеют открыть эту неподъёмную с виду дверь, как Гвирн подошёл к стене рядом. Его рука быстро нашарила едва приметный рычаг, на который он без усилий надавил. Внутри двери и стен послышался звук не то переливающейся воды, не то сыплющегося песка. Массивная дверь медленно начала двигаться, пока полностью не отъехала в сторону.

— Ух ты! — воскликнула Юта.

Она шагнула за дверь и оторопела. То, что она увидела, было не описать словами.

Перед ней открылась не просто комната или зал — настоящая каменная пещера, тёмная и сырая, с уходящим куда-то ввысь сводом. Освещение было самое скудное, достаточное лишь для того, чтобы рассмотреть огромный котлован посередине. Размером он был с половину футбольного стадиона. И до самых краёв был наполнен водой.

Юта застыла на месте, наблюдая за тёмной водной гладью, настолько спокойной, что казалось — там вовсе не вода, а провал в бескрайнюю пугающую бездну. Юта моргнула, чтобы стряхнуть наваждение, и медленно пошла к подземному озеру.

Она слышала, как тяжёлая дверь за спиной встала на место, и ещё шаги Гвирна, неотступно следующего за ней. В остальном в пещере царила абсолютная тишина. Такая глухая, что Юта отчётливо слышала собственное дыхание. Воздух здесь был сырой и холодный, пропитанный водными парами.

— Это одно из самых заповедных мест в Утегате. Помимо Канга всего несколькими людям открыт сюда доступ, — тихо прошептал Гвирн вполголоса, словно боялся нарушить

ватную тишину, царившую вокруг.

— Ясно, — всё ещё ошарашенно ответила Юта. — Где мы? Уже не в Утегате, верно?

Юта скорее догадалась, чем услышала или почувствовала, как Гвирн кивнул.

— Ты права, мы вышли за пределы города около получаса назад. Сейчас мы находимся под Красными Горами.

— Но откуда здесь вся эта... — начала Юта, шагнув ещё ближе к озеру, и потеряла равновесие.

Она начала падать назад, нелепо взмахнув руками. Но удариться о холодный каменный пол ей не пришлось, потому что её тут же подхватили сильные руки.

— Ты в порядке? — спросил Гвирн, не спеша отпустить Юту.

Он поймал её сзади, и теперь держал двумя руками за подмышки и талию. Юта полулежала на нём, прижатая к его груди изящными, но неожиданно крепкими руками.

Второй раз за этот день Юта почувствовала на щеках густой румянец. Сразу вспомнилось, что чуть ранее сказал ей Гвирн. Юте стало неловко. Она поспешила высвободиться из его объятий.

Юта посмотрела себе под ноги, пытаясь понять, из-за чего упала, и заметила на полу какую-то слизь.

— Скользкая... дрянь, — пролепетала Юта, смущённо оправляя на себе одежду. Она ещё чувствовала руки Гвирна на своём теле. — Что это вообще?

Юта присела на корточки, чтобы рассмотреть. Весь пол был покрыт чем-то склизким. Должно быть, из-за сырости пол и стены пещеры поросли какой-то плесенью. Юта вспомнила, как на уроках биологии в школе им рассказывали, что плесень, растущая в тёмных влажных местах, стала основой первых антибиотиков, созданных на Нибелии. Когда-то давно её даже специально выращивали в искусственных условиях. Конечно, это было задолго до создания химических аналогов.

— Ты хотела спросить, откуда здесь вода? — продолжил Гвирн, без труда возобновляя разговор на том месте, где он прервался.

Юта кивнула и поднялась с корточек.

Гвирн подошёл к самому краю подземного озера. При ближайшем рассмотрении было видно, что котлован был искусственным, выдолбленным в цельном камне людьми, которые жили здесь столетия назад. Вода у ног Гвирна была чёрным, идеально гладким зеркалом, в котором отражался тёмный силуэт атлурга.

— Мы наполняем озеро. Это резерв города. Обычно мы обходимся той водой, что добываем ежедневно. В хорошие годы мы даже пополняем запас. Последний такой год был пять лет назад. В плохие же, когда воды в городе не хватает, мы берём её отсюда.

— А сейчас какой год? — осторожно спросила Юта, подозревая, что это может оказаться тайной, о которой известно лишь тем нескольким, кому открыт сюда доступ.

— Сейчас... мы переживаем небывалый кризис. Видишь, сколько воды не доходит до края? Вот столько мы успели взять с начала года.

Юта присмотрелась: казалось, вода не доходит до края совсем чуть-чуть. Но если сопоставить это количество с площадью всего озера, становилось ясно, что не хватает десятков тысяч литров.

— Кажется, дело серьезно...

Юта встала рядом с Гвирном, пытаясь прикинуть, на сколько такого количества воды может хватить поселению. Но она не была сильна в математике, к тому же плохо

представляла, сколько воды в день может потреблять город.

Гвирн покосился на неё.

— Не бери в голову. Дела не так уж плохи. В любом случае я со всем разберусь.

Некоторое время оба молчали. Потом Юта спросила:

— Ты подумал над моими словами?

— Да.

— И что скажешь?

— Думаю, я знаю, как это сделать.

— Значит, ты не собираешься меня отговаривать?

— Мы взрослые люди, Юта. Это твоё решение. Если ты считаешь, что оно верное, то я не стану с тобой спорить.

— Но... ты поможешь?

— Да. Я долго думал, что можно сделать и, кажется, придумал. Подземные города строят на определённом расстоянии друг от друга. Не слишком близко — мы преданы только своему клану, иначе говоря, городу, в котором живём, и легко вступаем в конфликты с другими. Но и не слишком далеко — если соседнему поселению понадобится помощь.

На этот случай мы держим орлов. У этих птиц не только прекрасное зрение, но и развитое обоняние. Мы обучаем их находить места, людей и предметы с помощью различных органов чувств. Мы используем птиц, если надо передать послание в другой город или даже конкретному человеку. Если бы у тебя в Лиатрасе был кто-то, кто смог бы открыть ворота, то мы могли бы послать ему сообщение.

Юта задумалась. Мысль о первом, кто пришёл на ум, принесла резкую боль, которую она с усилием подавила, заставив себя думать дальше. Сол был бесполезен, как и Ленни. И тут ей на ум пришла...

— Кажется, я знаю, кто может помочь! Это мой первый редактор, Кирли Коул. Она меня всему научила, опекала как старшая сестра. Какое-то время мы вместе работали. И хоть я давно ушла из того издания, мы до сих пор поддерживаем хорошие отношения. Это Кирли выбила мне приглашение на конференцию мэра. К тому же, как ведущий редактор, она занимает видное положение в городе. Думаю, у неё нашлись бы нужные связи, чтобы открыть нам ворота. Если кто-то и может помочь, то это она.

— Хорошо, — Гвирн кивнул.

Он был задумчив и сосредоточен. В полумраке пещеры глубокие тени таинственной маской накрывали его лицо.

— Но мне понадобится какая-нибудь вещь, принадлежавшая твоей подруге, чтобы орёл смог её найти. У тебя что-нибудь есть?

Сперва Юта подумала про любимый диктофон, но тут же отбросила эту мысль — он остался на подземной парковке, где убили мэра. Девушка посмотрела на себя — от повязки на волосах до башмаков она была одета в одежду атлургов. Осталось ли у неё хоть что-то от Лиатраса? От дома? От Бабли? От её жизни?

Юта готова была запаниковать. Если она ничего не найдёт, неужели надежда попасть в Лиатрас рухнет, как свод в Зале Свитков, погребя её под собой? Обрекая прожить жизнь здесь, в этом чуждом и всё ещё слегка пугающем месте?

Вернувшись домой, Юта бросилась к плетёной корзине, в которой хранила старые вещи. Те самые, что были на ней, когда она пыталась улететь с планеты. Юта перевернула корзину и вытряхнула содержимое на пол. Большая часть одежды после крушения шаттла была

непригодна для ношения. Юта хранила её на тряпки. Она рылась в этом хламе, отбрасывая вещь за вещь, и, как и ожидалось, ничего не находила.

Но Юта не была готова сдаться. Это обошлось бы ей слишком дорого. И девушка снова, раз за разом осматривала и ощупывала лохмотья, бывшие когда-то её одеждой. Ей пришло в голову проверить карманы джинс. Сперва Юта непонимающе уставилась на клочок бумаги, который выудила из заднего кармана.

Понимание пришло позже. Юта держала в руках сложенный вчетверо листок, на котором Кирли когда-то записала дату и место пресс-конференции мэра. Записала своей рукой на листе, вырванном из своего блокнота.

Юта сложила пальцы в кулак, собираясь постучать, но вовремя опомнилась и со вздохом откинула полог в сторону. В доме, куда она вошла, было тихо и пусто. Кухня была прибрана, сверкая чистотой. Вился лёгкий запах печёного мяса и острых специй.

— Есть кто-нибудь дома? — негромко спросила девушка.

Никто не откликнулся, и Юта с видимым облегчением повернулась, чтобы уйти.

— Здравствуй, Юта, — раздался за спиной голос.

Несколько дней Юта промучилась, не зная, стоит ли говорить Корту о том, что нашла способ попасть в Лиатрас. Но в конце концов решила, что он всё равно узнает — Утегат небольшой город. Так пусть уж лучше от неё, чем от кого-то другого. И Юта отправилась на поиски Корты. Она обошла Зал Кутх, поля, тренировочный зал в надежде, что ей не придётся идти к Корту домой. Но мужчины нигде не было, а значит, ей не оставалось ничего иного.

— Здравствуй, Юта.

Голос заставил её замереть на полушаге.

Из боковой комнаты вышла Леда.

Всякий раз, как видела девушку, Юта не переставала поражаться её немного дикой красоте. Леда была словно цветок, привольно выросший среди песков — прекрасный и свободный, но в то же время носящий на себе неуловимые следы ежедневной борьбы за жизнь.

Юта заметила, что сегодня Леда была необыкновенно тихой. В её больших глазах мелькало беспокойство. Юта собралась с духом.

— Я ищу Корты. Ты не знаешь, где он?

— Его здесь нет, — немного холодно ответила Леда.

Юта невольно вспомнила слова Гвирна о том, что люди будут сплетничать по поводу них с Кортом. Но ведь Леда должна знать правду...

— Прости, я не хотела помешать. Я поищу его... там, ну, где-нибудь в городе.

Потупив взгляд в пол, чувствуя себя так, словно и правда была в чём-то виновата, Юта взялась за край полога.

— Подожди, — произнесла Леда замедленно, после некоторого колебания. — Присядь на минуту.

Юта чувствовала себя неловко. Она не знала, как смотреть Леде в глаза. Но и уйти после приглашения тоже не могла. Юта примостилась на самом краю табуретки, как провинившаяся школьница. Леда присела за стол напротив. Она не смотрела на Юту и не казалась злой — только печальной.

— Ты не найдёшь Корта в Утегате, — сказала Леда, рассматривая свои, красивой формы, но все в мозолях руки.

— Он ушёл в горы? — осторожно спросила Юта.

Она могла бы поискать его там. Всё равно сил и дальше оттягивать разговор не было.

— Он... ушёл в пустыню.

— Когда он вернётся?

— Может, через неделю. Может, через месяц. А может, никогда. Я не знаю.

На минуту Юта оторопела. Сердце запрыгало невпопад.

— Что значит: ты не знаешь?

Леда пожала плечами.

— Ровно то, что я сказала. — Она вздохнула и с явным усилием заставила себя продолжить. — Время от времени Корт уходит в пустыню вместе с Утагиру, никому ничего не сказав. И пропадает там днями, иногда неделями. Никто не знает, где он, что делает, и когда вернется.

Юта потрясённо молчала. Почему-то это совершенно не вязалось с образом Корта, который у неё сложился: он казался слишком ответственным и уравновешенным, чтобы вытворить что-то подобное. И всё же факт оставался фактом.

Леда водила смуглым пальцем по холодящему кожу каменному столу. Её всегда такой живой взгляд бессмысленно скользил по столешнице, а голос звучал глухо и отстранённо.

— Я уже говорила тебе: Корт не такой, как все мы. Он долгое время выживал один в пустыне, общаясь лишь с богами. Совсем как Первые Изгои, впервые покинувшие Город-за-Стеной. Его отметил сам Руг, так что Корт не обычный человек. Есть какая-то его часть, которую я не понимаю, и это меня пугает.

Леда всё ещё не смотрела на Юту. И та гадала, было ли причиной то, что она была противна Леде, или же та сейчас вообще не замечала ничего вокруг. Почему Леда рассказывала всё это Юте? А может, ей было всё равно, с кем говорить? Леда выглядела настолько потерянной, что это казалось вероятным.

— И как часто он это делает?

— Раз, иногда два в год.

— Ты не пыталась с ним поговорить? — осторожно спросила Юта.

— Нет, — Леда покачала головой. — Эта его часть находится во власти Руга. И так останется всегда. Я знаю, что в Корте есть что-то, что никогда не будет принадлежать мне.

Эти слова перевернули что-то в Юте. Она будто увидела Леду впервые. Юта всегда считала девушку-атлурга сильной и мудрой. Не той бытовой мудростью, которую часто приписывают женщинам — хорошим хозяйкам и жёнам. А той, которая даётся человеку с рождения, а с годами лишь полируется и обретает зрелость. Той, которая позволяет прозревать смысл происходящего и видеть сокрытые от других пути.

Но сейчас Юта впервые поняла, что эта мудрость заключается не только и не столько в том, чтобы просчитывать свои действия и всегда поступать правильно. Она состоит в том, чтобы уметь ждать и терпеть. Распознавать то, что находится в твоей власти и то, что нет. И находить в себе силы, чтобы смириться и отпустить.

Юта почувствовала себя глупой и наивной рядом с этой женщиной.

— Прости, — вымолвила она.

— За что? — удивилась Леда, но даже это удивление было каким-то приглушённым.

Во время всего разговора Юте казалось, будто здесь находилась только часть разума

девушки. А другая часть блуждала где-то ещё.

— За причинённые вам с Кортом неудобства. Точнее, тебе, — неуклюже поправилась Юта.

Леда медленно кивнула, но не торопилась принимать извинения. И Юта подумала, что их с Кортом действия, должно быть, действительно задели её. Во всяком случае, им стоило брать в расчёт, что Леда была атлургом и видела вещи иначе, нежели они.

— В том, что произошло, нет твоей вины. Я помню, каким потерянным был Корт, когда только попал в подземный город. Он здесь единственный, кто может понять твои чувства. К тому же, ты спасла его жизнь. Мы оба должны тебе.

Леда посмотрела Юте в глаза. На её губах промелькнула тень улыбки. Юта видела, что Леда хотела улыбнуться. У неё просто не получилось.

— Прости ещё раз за беспокойство, — повторила Юта, поднимаясь.

Этими словами она хотела извиниться не только за сегодняшнее вторжение и за ту ночь, которую провела с Кортом, и о которой стало известно всему Утегату.

Она пыталась извиниться за что-то большее. Может, за то, что так внезапно ворвалась в их жизнь. Или за то, что, сама того не замечая, стала частью жизни Корта, вырвав эту часть у Леды. За то, что значила для Корта так много, что он скорее готов был рискнуть своей жизнью, чем её.

А может, за то, что всколыхнула в нём что-то, дремавшее годами. И теперь, когда эта его часть снова вышла на поверхность, для него уже не было пути назад.

Юта ушла, так и не узнав, поняла ли Леда, за что она извинялась.

Тряпичный полог хлопнул, и чересчур громкие для песчаного города шаги Юты стихли вдалеке. Леда продолжала сидеть. Она не злилась на Юту, нет. Но, может быть, только потому, что у неё не осталось на это сил.

Ей вспомнилось, как впервые увидела Корта, когда он только пришёл в Утегат. Слух о том, что в поселении появился изгой, за несколько часов разлетелась по городу. Половина атлургов стеклась посмотреть на «ругата».

Леда хорошо помнила, как протискивалась через спины столпившихся людей, чтобы тоже совершить агнури — ритуал преклонения. Атлурги подходили к Карту на расстояние вытянутой руки, но никто не прикасался, будто на его коже до сих пор горело прикосновение бога. Они опускались на колени и, прочертив в воздухе круг рукой, делали движение, как будто отбрасывали что-то от своего лица, раскрывая ладонь от себя. Суеверный жест, означающий почтение и подчинение воле Руга.

Но когда Леда вышла из-за спин и увидела лицо Корта, то замерла на месте, не в силах сделать то, что требовалось.

Его волосы были чёрными, как антрацит, который народ иногда находил в горах. Лицо было тёмным, как стены пещеры, с неровными белыми пятнами там, где его кожа обгорала на солнце, облезая вновь и вновь. Он был грязным, в лохмотьях. Спутавшиеся волосы пыльной паутиной падали на лицо. Но то, что поразило Леду до глубины души, — были его глаза. Нечеловеческого цвета — чистейшей синева, как вода из глубокого горного источника. Настолько же редкого, насколько и ценного.

Изгой сидел в углу Зала Кутх, прислонившись худыми лопатками к стене. Пальцы его правой руки были погружены в густую шерсть назагривке саграла. Одно появление этого считавшегося вымершим зверя уже произвело в Утегате настоящий фурор. А тот факт, что он

пришёл вместе с человеком и позволял тому спокойно трогать себя — атлурги тут же сочли за сакральный знак. Саграл сидел перед человеком, чуть ощерив острые зубы, отгораживая его ото всех. И было в позе человека что-то неуловимо напоминающее позу зверя.

Изгой смотрел на окруживших его людей затравленно, но в то же время с вызовом, готовый к драке. В его удивительных глазах сплелись испуг, злость и надежда. А ещё твёрдая, как гранит, уверенность в том, что он выживет и сейчас, что бы ни случилось. Это были глаза, которые могли бы принадлежать сыну Куду и Руга, если бы два абсолютно противоположных божества могли произвести на свет ребёнка.

Именно тогда Леда поняла, что не позволит ничему случиться с этим человеком. Будет защищать и оберегать его. Встанет за него перед Кангом и всем народом и даже, если потребуется, перед самими богами.

Леда вздохнула и принялась в двадцатый раз за последние три дня натирать горшки песком, несмотря на то, что они и так блестели зеркальным блеском.

Леда знала, что ей остаётся только ждать и надеяться. И это было нормально. С Коротом всегда было так. Она всегда ждала его, даже когда он был рядом; и всегда продолжала надеяться, даже когда он говорил ей «да».

У неё всегда было ощущение, будто он ускользает от неё. Но за все годы, проведённые вместе, только сейчас она чувствовала, что может по-настоящему его потерять.

Глава 6. Видение

Корт сидел между двумя песчаными барханами, сложив ноги крест-накрест. Его голову и плечи покрывал белоснежный хилт. Рядом валялась фляга с водой. Он только что проснулся, проспав три или четыре часа, несмотря на то, что был только вечер. В пустыне его биоритм значительно отличался от того, что был в Утегате.

В пустыне можно спать, только укрывшись от лучей Тауриса, иначе он изжарит тебя заживо. Поэтому Корт дожидался, когда Старший Брат начинал опускаться к горизонту на северо-востоке. Тогда он откапывал небольшое углубление с подветренной стороны высокого бархана и засыпал в нём на несколько часов. Так его не беспокоили ни ветер, ни Таурис, поскольку бархан давал от него временную тень.

Был ещё Аттрим, но он не слишком волновал Корта. Уснуть под ним было не страшно — жарко и можно обгореть, но не смертельно, тем более, что Корта надёжно укрывал хилт. К сожалению, эти редкие часы, когда можно было найти временное укрытие от вездесущего Старшего Брата, наступали всего два раза в сутки — утром и вечером.

Это время Корт и выбирал, чтобы отдохнуть и набраться сил. Главная хитрость выживания в пустыне — вовсе не в том, чтобы найти еду или воду, как думает большинство. Гораздо важнее не потерять сознание от солнечного удара. Потому что если потеряешь, то, скорее всего, уже не очнёшься.

Корт зевнул и чуть поправил круглую выпуклую линзу, лежавшую перед ним. За его спиной карабкался в зенит Аттрим, а над правым плечом, ещё не очень высоко над горизонтом, висел разбухший Таурис. Корт ни о чём не думал и ничего не делал. Он ждал.

Перед ним, устроенная на двух ножах, воткнутых в песок, лежала линза из тергеда — материала, из которого атлурги делали кинжалы-аслуры, наконечники стрел и линзы для солнечных печей.

В Лиатрасе этот редкий материал ценился дороже золота. Его с большим трудом находили и очищали от примесей песка, чтобы затем продавать Федерации. Но атлурги совсем не церемонились с тергедом. Они плавил его в солнечных печах и мастерили из него буквально всё.

Луч Тауриса, пойманный линзой, был направлен на горку песка под ней. Корт не пытался плавить песок — в кучке была зарыта средних размеров горная ящерица, которую Корт поймал вчера.

Когда он впервые оказался в пустыне, то ел ящериц, жуков и даже змей — любую живность, какую мог найти и поймать — сырыми. Это было отвратительно, хотя со временем он привык и даже перестал обращать внимание на специфический вкус сырого мяса.

Но после того как познакомился с устройством солнечных печей в Утегате, в этом больше не было нужды. Корт быстро сообразил, какое ещё применение можно найти линзам, которые атлурги используют в освещении и солнечных печах. Он попросил мастеров, работающих с тергедом, изготовить для него линзу небольшого размера, которую было бы удобно носить с собой.

Ящерицы и змеи, запечённые в песке, получались почти такими же вкусными, как и приготовленные в солнечной печи — главное правильно выдержать время. Единственное, чего не хватало пище, которую Корт готовил в пустыне, так это специй, в обилии

выращиваемых атлургами. Но Корт привык обходиться самым малым.

Его спину неожиданно обдало порывом ветра, когда, привлечённый запахом мяса, из-за бархана выскочил Утагиру.

Саграл кружил по импровизированной стоянке, поглядывая на Корта одним глазом. Другим он неотрывно следил за аппетитно пахнущей горкой песка, как будто отвернись он на секунду, и ящерица выскочит и убежит.

Хвост Утагиру веником трудолюбивой хозяйки подметал песок, фонтанами поднимая его в воздух. Корт усмехнулся:

— Что, охота выдалась не слишком удачной? Ладно, я тут кое-что припас для тебя. Лови!

Он снял с пояса болтавшуюся на верёвке вторую ящерицу и бросил Утагиру. Безвольно раскинув в сторону все четыре лапы, тушка полетела вверх. Утагиру изготовился и, чуть подпрыгнув, на лету поймал добычу. Хрустнули тонкие косточки, и саграл проглотил ящерицу в два приёма. После чего высунул длинный язык и преданно уставился на Корта, не забывая следить за горкой песка.

— Нет, брат, эта ящерица не для тебя. Что? Не смотри на меня так! Мне тоже надо что-то есть! Если хочешь добавки, иди лови сам. Давай, дармоед!

Корт бросил в Утагиру горсть песка, которая, впрочем, до него не долетела.

— Вот вредитель! Иди ищи сам! А если хочешь чего покрупнее, возвращайся в горы. Может, добудешь нам чего на двоих.

Утагиру издал весёлый рык, мотнув головой. Для него всё это было игрой. Сагралы живут долго. Иногда их жизнь может быть даже длиннее человеческой. А значит, по человеческим меркам, Утагиру был ещё подростком — наивным и бесшабашным.

Утагиру смешно подпрыгнул, будто горный козёл, и унёсся куда-то за бархан. Корт улыбнулся. Саграл не появлялся вчера весь день. Должно быть, носился по пустыне, истосковавшись по таким прогулкам с Кортом. И на радостях забыл о том, что теперь, когда они не в Утегате, Корт ничего не сможет ему предложить, если охота выдаться неудачной.

Молодой саграл умчался, вздымая за собой столбы песка. Неважно, всё равно никто не увидит — Корт ушёл уже за несколько таров от дома.

Дома, где его ждала Леда. И Уги, и Дар, и Гадрим. И ещё несколько сотен человек, которые рассчитывали на него. Ждали, что он будет мудрым и сильным, ответственным и решительным.

Но он не был. Корт и раньше нередко сомневался в том, пригоден ли он на роль Канга. Но в последние недели сомнения посещали его слишком часто — очень уж много он совершал ошибок. Слишком многих людей заставлял разочароваться в нём. Слишком многим причинял боль.

Но был ли у него выбор, кроме как стиснуть зубы, собрать волю в кулак и продолжать бороться? Наверное, Корт пришёл сюда, чтобы это выяснить.

Он подумал о своём вчерашнем видении, пытаясь найти разгадку. Но ответ, обычно простой и ясный, не приходил.

Корт ушёл из Утегата пять дней назад, не сказав ни слова никому, даже Леде. Его мучили угрызения совести, но он знал, что Леда простит, как прощала всегда.

Пятый день он бродил по пескам — без цели, без смысла, без направления. Он ни о чём не думал. Просто выживал, как когда-то.

Он сбежал. Корт делал это, когда на него наваливалось столько, что он больше не мог

выдержать. Он уходил не для того чтобы подумать, но чтобы очистить голову от мыслей. Эта жизнь — на грани смерти, с ежеминутной борьбой за выживание — была очень ясной и простой.

Она очищала его. словно солнце, выжигала всё лишнее и несущественное. Корт просто бродил, охотился, спал, сражался с песками. И это как будто обновляло его. Когда он возвращался, то видел всё в ином свете. словно у него открывались глаза. Он знал, что верно, а что — нет. Знал, что ему делать. Как будто Руг и правда направлял его.

Но на этот раз, впервые, это не помогало. Корт никак не мог очистить разум, не мог полностью отдаться простому бездумному существованию. Он не мог перестать думать о ней и о том, что она говорила и делала.

Не всё, что народ говорил о ругатах — полная ерунда. кое-что из их суеверий было правдой. В пустыне у Корта бывали видения, посылаемые Ругом. А может, просто галлюцинации, вызванные обезвоживанием и солнечным ударом. Но эти «видения» всегда помогали ему чётко увидеть происходящее и решить, что делать.

Всегда, но не сейчас. То, что Корт увидел вчера в жарком мареве расплавленного воздуха, не было похоже на его обычные видения — простые и понятные. Твёрдо дающие ориентир, как ему поступить в той или иной ситуации.

Последнее видение не давало ответов — оно только задавало ещё больше вопросов.

Корт видел Лиатрас. Так отчётливо и ярко, как будто оказался на его улицах. Так пугающе реалистично, что он даже усомнился, а не провёл ли в пустыне больше времени, чем рассчитывал. Не получил ли такой сильный солнечный удар, что его разум отключился, и он каким-то образом, сам не зная как, добрёл до Вечного Города.

Корт почти готов был поверить в это, если бы не тот факт, что этот Лиатрас был необитаем и заметён песком.

Жаркий ветер равномерно гнал по опустевшим улицам мелкий жёлтый песок вперемежку с обрывками старых газет и мусором. Город выглядел так, как будто его только что покинули жители. Песок только начал просачиваться через Стену. Пустыня только начала планомерный, но неумолимый захват. Пока всё выглядело, как обычно. Должно быть, именно таким и предстаёт Вечный Город, из которого только-только ушли люди. Город-призрак. Город-воспоминание.

Стеклянные небоскрёбы так же величаво упирали свои шпили в белёсое небо. Вдоль широких улиц стояли припаркованные автомобили — чистые и блестящие, словно только что с мойки, едва начавшие покрываться тонким слоем жёлтого песка. Вывески магазинов и кафе сверкали хромом и неоном, приглашая распахнуть приветливые двери. Газетный киоск на углу манил глянец разноцветных обложек.

Корт подошёл к нему и взял с прилавка первую попавшуюся газету. Это оказался выпуск «Еженедельника». Карту вдруг вспомнилось, как Юта рассказывала, что начинала печататься именно в этом издании. Он посмотрел на дату: 17 октября 9125 года. День его изгнания из Лиатраса.

Корт вышел на одну из магистральных улиц. Тут царил то же запустение: вокруг не было ни одного человека, только припаркованные вдоль дороги автомобили, да ещё вдалеке на остановке с открытыми дверьми стоял работающий на солнечной энергии трамвай.

Корт обходил улицу за улицей, проспект за проспектом, но везде его встречали только запустение и тишина. Не считая песка, вившегося по улицам, город выглядел совершенно

обычно. Вот только нигде не было ни одного человека, и от этого становилось сильно не по себе. Как будто Корт попал в безумный сон. Или в будущее, которого никогда не будет.

«Зачем я здесь?», — безуспешно вопрошал Корт, заглядывая в тёмные окна домов, где на подоконниках росли цветы; в широкие окна кафе с опрятными столиками, накрытыми чистыми белыми скатертями.

Какое-то движение на краю зрения привлекло его внимание. Корт повернул голову и увидел детскую площадку. С яркими пластмассовыми горками и турниками, аккуратными скамеечками и разноцветными лошадками на пружинах.

На одной из качелей раскачивалась маленькая девочка лет пяти. На ней было белое платьице и маленькие белые босоножки. На голове были заплетены две тощие косички, какие в детстве Корта называли «крысиными хвостиками». Девочка наклонялась то назад, то вперёд, раскачиваясь всё сильнее, а потом посмотрела на Корта.

Он сбросил оцепенение и бросился к девочке. Но когда он уже был рядом, она вдруг ловко соскочила с качелей и побежала прочь. Девочка завернула за ближайший дом, и Корт рванул за ней изо всех сил, боясь потерять из виду.

Когда он завернул за угол, то увидел, что девочка стоит в отдалении и показывает рукой в сторону. Корт посмотрел в том направлении, но ничего не увидел. А когда снова повернулся к девочке, она уже исчезла.

Корт не стал её искать, внезапно потеряв к ней всякий интерес. Он направился туда, куда девочка ему указала. Через полчаса Корт оказался в одном из закрытых районов города, наподобие Водной Долины. В таких местах производилось или разрабатывалось что-то секретное, о чём обычные люди не знали или к чему не имели доступа. Он и сам работал в таком учреждении — закрытом правительственном Проектировочном Институте. Только их Институт находился в обычном городском квартале.

Здесь же был целый микрорайон со своей инфраструктурой. Только сейчас ворота в бетонном заборе в несколько метров высотой, с колючей проволокой по верху, были распахнуты настежь. Так что Корт без проблем вошёл внутрь. Он прошёл несколько будок охраны, чьи матовые непрозрачные стёкла отбрасывали на асфальт синеватые блики, и увидел впереди ещё одни ворота — гораздо мощнее и больше предыдущих. Корт подошёл к ним. Ворота были закрыты.

Невдалеке валялась прямоугольная вывеска, которая раньше красовалась на воротах. Корт подошёл, чтобы прочесть, что на ней написано, хоть и так уже знал. В конце концов, когда-то он сам проектировал новый Вечный Город. Корт перевернул запылившуюся железную табличку и прочёл: «Водохранилище».

Корт бросил табличку на землю и подошёл к воротам. Створки подались неохотно, со скрипом, будто их давно никто не открывал. Корт с усилием оттащил одну и протиснулся в щель.

Он прекрасно знал, как выглядит водохранилище. Это бетонное поле размером в несколько футбольных стадионов, почти всю площадь которого занимает выступающая над землёй на полтора метра железная крышка. Прямоугольная «шапка» из прочнейших стальных листов закрывает искусственное подземное озеро. В неё встроены герметично закрытые люки, через которые при необходимости идёт забор воды.

Но сейчас перед Кортом не было гигантского железного люка. Бетонное поле резко обрывалось, и прямо за ним колыхалось бесконечное море воды. Её было так много, как песка в пустыне. Корт в жизни не мог вообразить ничего подобного. Самое большое

количество воды, какое ему доводилось видеть — было Водное Хранилище под Красными Горами. Но это... это не шло ни в какое сравнение.

Корт подошёл к ровному бетонному краю, прямо за которым открывалась сверкающая бездна. Ветер гнал по поверхности воды пенистые волны. Они подкатывали к бетонному краю, но вместо того, чтобы с брызгами разбиваться о него, отсупали, растворяясь. Как будто это была граница миров, и волны не могли её нарушить.

Корт, как замороженный, следил за движением воды. Оно напоминало ему движение песков, только во много раз быстрее. Вода в этом — море? океане? — была тёмной, почти чёрной. Корт чувствовал, будто стоит перед раскрытой бездной. Тяжёлые, свинцовые воды катили размеренно, не торопясь. Да и куда торопиться такому исполину? Как и пустыня, он будет жить вечно. Ну, или, по крайней мере, так долго, что человеку с его крошечной жизнью это кажется вечностью.

Корт не видел ничего, что происходит в глубине. Свет солнц не проникал туда. Но его это не пугало. Корт оттолкнулся ногами от края и прыгнул в воду.

Он не умел плавать, поэтому начал быстро погружаться в воду. Но дышать это ему не мешало. Страх тоже не было. Корт опустился на дно, усыпанное песком. Он посмотрел по сторонам. Перед ним лежала пустыня. Но не та, которую он знал — знакомая и привычная, как старый друг. Это была другая, чужая пустыня, в которой он никогда не бывал.

Вдалеке, на верхушке бархана, Корт увидел буро-красную ящерицу. Он кинулся за ней. Ящерка перебежала дальше и остановилась на вершине ближайшей дюны. Она повернула голову и посмотрела на Корта. Ящерка не двигалась, как будто ждала его. Корт побежал за ней и быстро догнал. Боясь, что ящерка опять ускользнёт, он прыгнул и схватил её. Но когда Корт разжал пальцы, в ладони лежал только её хвост. Внезапно он превратился в песок и ссыпался сквозь пальцы.

А потом воздух подёрнулся рябью, и Корт обнаружил вокруг себя пустыню — безжизненную и равнодушную, как обычно.

Видение было лишено какого-либо смысла. Более того, оно было нелепо и гротескно. Корт не мог взять в толк, почему увидел нечто подобное. Впору было подумать, что Руг забирает свой дар, и Корт начинает просто сходить с ума от жары.

Корт нехорошо улыбнулся, тыкая в кучку песка ножом. Он мог бы принять такую мысль, если бы это не было слишком просто. Чересчур просто, а в его жизни ничто не было таким.

Атлурги считали, что Руг отметил Корта особой силой. Но сам он думал, что бог просто сыграл с ним злую шутку. Может, он и дал ему какую-то «силу» или «дар», но зато обрёл на извечные сомнения и необходимость стать кем-то, кем Корт себя не ощущал.

Почему именно он из всех атлургов стал ругатом? Почему не сгинул в пустыне, как сотни, а может, и тысячи до него? Зачем Руг наградил его такой силой и такой ответственностью? Чего он ждёт от Корта? Кем он должен стать?

Хотя, возможно, бессмертный и всемогущий Руг просто выбрал себе очередную игрушку, чтобы было не так скучно коротать вечность.

Корт стоял у дальней стены Зала Кутх, сложив на груди руки, и мрачно наблюдал за тем, что творилось у Помоста Кангов.

Шёл Утегатол. Корта тоже звали принять участие. После того, как с него сняли все подозрения, народ вновь начал относиться к ругату с прежним почтением. Это была одновременно и положительная и отрицательная черта атлургов: они очень быстро забывали. Так что Корт легко мог бы сейчас стоять рядом с Советом. Более того, он должен был там стоять. От него этого ждали.

Но он не мог. Не желал участвовать в фарсе, творившемся перед ним. А иначе как фарсом, это было не назвать. Корт не мог взять в толк: неужто Утегатол действительно собрался для того, чтобы решить, отпускать ли Юту в Лиатрас?

Это было не просто безумием. Это было чистой воды самоубийством, о чём Корт повторял уже не раз. Вот только никто не хотел его слушать. Было очевидно, что за всем стоит Гвирн. Корт не мог понять одного: зачем ему это?

Корт хмурился. Похоже, вид у него был действительно злой и мрачный, потому что даже Леда держалась от него на расстоянии. Она знала: когда Корт в таком состоянии, лучше оставить его одного.

А причин для злости и раздражения в эти дни у него было предостаточно.

Корт вернулся два дня назад. Он провёл в пустыне восемь дней. Всё без толку. Мало того, что вернувшись он не чувствовал привычного очищения и лёгкости разума, так ещё и ошеломляющая новость застала его на подходе к городу. Юта при поддержке Гвирна вынесла на Утегатол вопрос о том, чтобы отправиться в Вечный Город.

Сперва Корт не поверил своим ушам, ведь это звучало каким-то бредом. Но Леда объяснила ему, что Юта с Гвирном нашли способ открыть ворота в город. Юта с Гвирном... Одно это уже выводило Корта из себя, не говоря обо всём остальном. Он отказывался верить в то, что этот цирк мог происходить взаправду.

Но чем дольше Корт стоял здесь, спрятавшись в тени, тем более реальным становилось представление, которое разыгрывалось перед ним.

Гвирн только что рассказал народу о том, как Юта собирается попасть в Лиатрас. Надо признать, что Корту это в голову не пришло — использовать орлов для того, чтобы связаться с кем-то в городе. Мысль действительно была блестящей. Настолько же, насколько безумной. Неужели они верят в то, что это может сработать?!

Голос Гвирна размеренно лился по залу, очаровывая, заколдовывая, привлекая на свою сторону. Атлурги приветливо отзывались на каждое его слово. Они были веселы и беспечны. Конечно, — такое шоу бесплатно! Ведь никому из них не было до Юты ни малейшего дела. Как пришла изниоткуда, так и уйдёт. Только она ступит за порог Утегата, и народ тут же забудет о ней, как будто её никогда и не было.

Народ забудет, но что делать ему?

Корт смотрел на происходящее, словно во сне. Он только вернулся из песков, и город, атлурги, утегатолы, борьба за власть — всё ещё казались ему не более чем очередным видением в зыбком мареве пустыни. Лёгкой вуалью морока, выброшенной на его разум рукой бога. Иллюзией разыгравшегося воображения, дымкой в жарком воздухе песков, которую вот-вот разрушит дуновением ветра.

Но видение Юты, стоящей подле Гвирна так уверенно, словно они двое были правителями города, не рассеивалось в туман. Несмотря на то, что фарс приобретал всё более нелепые очертания.

Гвирн обратился к мужчине, одетому в длинный халат светло-песочного цвета, с бордовыми полосами по вороту, отворотам рукавов и подолу. Он убеждал человека, которого

называл «гурнасом» в том, что безумие, которое они именовали «паломничеством к истокам», было угодно богам.

Человек в одежде гурнаса кивал и соглашался.

Глупо было думать, что Гвирн не воспользуется отсутствием Корта. И он воспользовался: дёргая за ниточки связи в Совете, поставил гурнасом своего человека. Хороший ход — умный и продуманный. Хотя гурнас редко участвует в жизни народа, за исключением проведения ритуалов, всё же при желании его можно использовать. Например, для того, чтобы убедить народ: то, что нужно тебе, — угодно богам.

А после того, как народ поверит в то, что ты стоишь за богоугодное дело, не составит труда заставить его пойти на всё, что пожелаешь.

Как умелый маркетолог, сперва Гвирн добился устойчивого положительного отклика от атлургов, которых, конечно, всё это развлекало. И только затем обратился с просьбой к Совету, который тоже, наверняка, был уже куплен.

«Зачем тебе это надо? Что ты делаешь?», — вопрошал Корт в пустоту и не находил ответа, как будто все ответы разом покинули эту планету. «Чего ты добиваешься? Хочешь выбить меня из колеи, убрав её? Это единственное приемлемое объяснение, ведь никакой политической роли она не играет. Но стоит ли это таких хлопот?».

Совет собрался в круг для обсуждения. Гвирн шептал что-то Юте на ухо. Она так и не видела Корта. Он не был уверен, знает ли она, что он вернулся. И судя по тому, как она улыбалась словам Гвирна, ей не было до этого никакого дела.

Корт ощутил мягкое прикосновение к плечу. Подняв взгляд, он увидел Леду. Она сразу убрала руку, только смотрела на него как-то странно: сочувствующе и удивлённо одновременно. Корт посмотрел на свои руки — они были сжаты в кулаки с такой силой, что побелели, а под красными татуировками проступили синие вены.

Он был абсолютно бессилён, наблюдая, как Утегатол принимает решение о том, чтобы позволить Юте уйти.

Члены Совета по одному покинули круг. Вперёд вышел Ауслаг, чтобы говорить от имени всех. За возросшим гулом голосов Корт не слышал его слов, но видел кивок головы.

— ...остаётся решить, кто проведёт Юталиэн через пустыню и ступит с ней в Город-за-Стеной, — донёсся голос члена Совета.

Атлурги притихли, посматривая на тех, кто стоял рядом. Конечно, никто из них не собирался этого делать и не хотел, чтобы его кандидатуру предложили.

Корт немного расслабился, решив, что на этом фарс и закончится. Одно дело кричать о богах и благих намерениях, другое — совершить что-то настолько безрассудное. Да в Утегате не найдётся ни одного атлурга, кто согласится просто пробыть в пустыне больше нескольких часов. А тут — совершить недельный переход!

Гвирн вскинул голову и шагнул вперёд.

— Я сам поведу Юталиэн!

На Корта словно обрушился водопад ледяной воды. Не может быть! Да он блефует!

Сцепив зубы, Корт всмотрелся в своего противника.

Подбородок Гвирна был гордо вздёрнут, говоря о решимости. Руки были сжаты в кулаки, спина застыла в идеально прямом положении. Он стоял, не двигаясь, не шевеля ни единым мускулом, словно отлитое из бронзы изваяние. И это наталкивало на мысль о том, что внутри этой статуи бушует настоящий ураган эмоций.

Глаза Гвирна сверкали как два знамени, призывающие армии на бой. Желваки на скулах

двигались, как будто там перемалывались камни. А по правому виску стекала едва заметная капелька пота.

Он был серьёзен, как никогда.

Корт онемел. Стены зала пошатывались.

Гвирн готов бросить Утегат, борьбу за власть, всё — ради чего? Ради призрачной надежды Юты помочь городу и людям, чужим для него? Что здесь происходит? Для чего он это делает? Если Гвирн уйдёт, на кого останется город? На Корта? Да, он хотел победить, но не такой ценой. Не ценой смерти оппонента. Не ценой её смерти.

Распихивая атлургов в стороны, Корт протолкался вперёд. Секунду длилась немая сцена, когда Гвирн и Юта увидели его. Гвирн смотрел на Корта немного растерянно, как будто совершенно не ожидал его здесь увидеть и вообще не брал в расчёт. Юта — с немым вопросом в глазах и ещё чем-то, похожим на... надежду?

Корт отвернулся от них и встал лицом к Совету.

— Прошу Совет позволить мне отвести девушку.

Члены Совета тоже не ожидали вмешательства третьего лица, ведь роли в этом спектакле были давно распределены. Они зашептались между собой, с любопытством поглядывая на Корта. Ему пришлось повысить голос.

— У меня больше шансов провести Юталиэн через пустыню и остаться в живых. Я — единственный, кто сделал это за последние восемьдесят лет. К тому же есть ещё один немаловажный фактор. Жители Лиатраса выглядят не так, как атлурги. Гвирн будет слишком выделяться. Это помешает им остаться незамеченными. Не говоря о том, что может привлечь внимание к атлургам и даже навлечь беду на поселение.

Члены Совета внимательно выслушали его. Всё, что Корт говорил, было абсолютно резонно. Его преимущества перед Гвирном были ясны и ребёнку, так что Совету не пришлось собирать новое обсуждение. Они лишь коротко обменялись парой фраз, после чего заговорил Ауслэг. Он быстро взглянул на Гвирна, но не с тем, чтобы попросить его дозволения. Корт понял, что даже если у них и была договорённость, Ауслэг решил переиграть всё по-своему.

— Хорошо, Корт. Совет принимает твою кандидатуру. Вы с Юталиэн можете уйти, как только будете готовы.

Корт выдохнул с облегчением. Ауслэг, как глава Совета, принимал решение, исходя вовсе не из интересов Юты или её «паломничества». Просто, по всей видимости, Ауслэг счёл, что ему будет более выгодно избавиться от Корта, нежели от Гвирна. Возможно, считал, что с Гвирном будет проще справиться. А может, наоборот, надеялся договориться. Корта это уже не волновало.

В то время как Юта ошарашенно открыла рот, чтобы что-то сказать, Корт отвернулся и зашагал обратно сквозь толпу, поспешно расступавшуюся перед ним. Дело было не в том, что он злился или ему было противно смотреть на Юту — вовсе нет. Единственным, на кого он злился, был он сам. Только он был тем, на кого Корт не мог смотреть. Не мог смотреть на своё отражение в её серо-зелёных глазах.

Леда так и стояла у стены, где Корт её оставил. Она молчала. В её глазах не было ни упрека, ни даже удивления.

Корт посмотрел на неё умоляющим взглядом, беря её тёплые руки в свои.

— Я не мог отпустить её с Гвирном. Они погибли бы в песках. Но я смогу её провести. Ты знаешь это.

Леда слегка улыбнулась, не глазами, лишь губами, но и от этого у Корта свалился камень с души.

— Да, я знаю, — сказала девушка. — И я не боюсь того, что ты не справишься. Я просто не хочу, чтобы ты врал себе о своих мотивах.

Корт инстинктивно опустил глаза. Он делал так всегда, когда не желал, чтобы Леда прочла, о чём он думает. Неужели она о чём-то догадалась?

— Ты прожил в Утегате много лет. Он стал твоим домом, — продолжила Леда, — но я вижу, что есть что-то, что всё ещё держит тебя привязанным к Городу-за-Стеной. У тебя есть незаконченное дело или ещё что-то, что не даёт тебе двигаться дальше. Я думаю, ты хочешь вернуться туда не только ради неё, но и ради себя.

— Ты права, — выдохнул Корт. — Ты, как всегда, права.

Нельзя сказать, что Гвирн был разочарован. Он готов был сделать то, что требовалось, как и всегда. Но смог бы он на самом деле пройти через пески и ступить на неизведанные земли? Пожалуй, нет.

Гвирна охватывали противоречивые чувства. С одной стороны, он не хотел отпускать Юту с Кортом. Пусть бы это был кто угодно другой, только не он. Несмотря на презрительное отношение к изгою отца, Гвирн понимал, кто на самом деле является его главным соперником. А значит, Юта ни за что не должна достаться ему. В этом смысле их совместный с Кортом поход был худшим, что только можно было придумать.

Но с другой стороны, Гвирн был достаточно рассудителен, чтобы понимать, что Корт был тем человеком, кто наверняка мог доставить Юту в Город-за-Стеной и вернуть обратно. Отбросив неприязнь к нему, Гвирн понимал, что каждое слово, сказанное Кортом Совету, было правдой. Он — единственный, кто сумел выжить в песках за последние восемьдесят лет. А значит, нет никого, с кем Юта была бы в большей безопасности.

К тому же Корт был женат. Что для атлурга, тем более для того, который хотел стать Кангом, не могло быть пустым звуком. И всё же Гвирн волновался. Он уже не был уверен в том, что согласиться с затеей Юты было таким уж хорошим планом. Хотя тогда это казалось вполне разумным — поддержать её в том, что было для неё важно. Тем более что это расходилось с тем, как вёл себя Корт. А значит, выгодно выделяло Гвирна в её глазах.

Просто Гвирн не думал, что дело зайдёт так далеко. Он думал: Юта поиграется с этой мыслью и бросит. А теперь уже не мог ничего изменить. Вот почему он снова шагал по коридорам Утегата, ведущим в один из самых тихих и укромных его уголков.

Зал Свитков ещё не был до конца восстановлен — слишком масштабными оказались разрушения. Здесь и по сей день валялись огромные глыбы обрушившегося свода. Их пилили на части и вывозили, но работы было ещё много. Камни валялись под ногами попеременно с обломками стеллажей и порванными свитками, которые ещё не успели достать.

Работавшие тут атлурги каждым шагом поднимали мелкую удушливую пыль, заволакивавшую всё бледно-жёлтым туманом. Это воскресило в Гвирне воспоминания о том дне. И те чувства, что он испытал, когда ворвался в Зал Свитков. Впервые в жизни Гвирн увидел столь ужасающие разрушения. Он сильно растерялся. Увиденное потрясло его сильнее, чем он рассчитывал. Но он вспомнил слова отца: «Если ты не можешь управлять даже своими эмоциями, как ты собираешься править всем народом?», и взял себя в руки.

Теперь всё выглядело намного лучше, хотя ещё напоминало о печальном событии. Свод уже был восстановлен. Территория разрушенной части зала отгорожена от остальной, не пострадавшей.

Навстречу Гвирну вышел Регут — новый гурнас, назначенный на должность при его содействии.

— Гвирн, — слегка поклонился гурнас, хоть в этом не было нужды. Пока они были равны. — Я могу чем-то помочь?

Слишком явное раболепие Регута раздражало, и Гвирн отмахнулся:

— Нет, ступай заниматься своими делами. Я здесь по личному вопросу.

— Как пожелаешь, — ответил гурнас и снова отправился в зону разрушения — он помогал извлекать свитки, которые ещё были под завалами.

Гвирн уверенно зашагал в одну из самых отдалённых частей Зала Свитков. Ту, где проводил так много времени, когда был ещё подростком. Он шёл в секцию пророчеств, а конкретнее — в пророчества Амальрис — Богини Ночи и Тьмы.

Он должен был перечитать пророчество о ней — о Юте. Не для того, чтобы вспомнить — он помнил его наизусть. И не для того, чтобы убедиться — он знал, что всё сказанное там — правда. Нет, он лишь хотел снова подержать свиток в руках. Почувствовать под пальцами хрупкую шуршащую бумагу, ощутить запах старого пергамента и пыли, засохших чернил и тайны.

Прикоснуться к божественному, чтобы почерпнуть сил и вновь поверить в то, что боги на его стороне.

Гвирн запустил руку в стопку пергаментов, в которой оставил свиток. Но пошарив, не обнаружил манускрипта. Гвирн нахмурился: он был уверен, что спрятал свиток именно здесь. Он стал искать рядом, в соседних стопках и даже на других полках, но свитка Амальрис нигде не было.

Гвирн ощутил, как струйка холодного, словно кожа змеи, пота, поползла между лопаток. Как?! Этого просто не может быть!

Он снова кинулся к первой полке, выхватывая древние пергаменты один за другим. Гвирн бегло их просматривал, чтобы убедиться, что ничего не пропустил, и кидал прямо на пол. Он раскрывал свиток за свитком, эту стопку и соседнюю. Он топтал хрупкие пергаменты, жалобно хрустевшие под ногами. Он ничего не понимал. Удушливая волна паники накрыла его с головой.

Гвирн просмотрел все свитки Амальрис и даже богов, соседствовавших с ней на старых полках. Он обошёл стеллаж кругом, заглянул за него и на соседние. Он перевернул всё, что здесь было, перепроверил каждый сантиметр и каждый манускрипт, до тех пор, пока не удостоверился: свитка здесь нет.

Гвирн сполз на пол, хватаясь за голову. Комкая такие хрупкие и такие ценные пергаменты, как будто они были не более чем мусором. Как это могло произойти?! Как он мог такое допустить?!

Самый ценный свиток во всём городе, свиток, который, возможно, определит, кто станет одним из самых великих правителей Утегата, проведёт народ через смутное время — пропал. И Гвирн понятия не имел, кто забрал его.

Глава 7. Шкатулка

Под плотно сомкнутыми веками расплывались ярко-красные круги. Юта погружалась в воду — горячую, тяжёлую, обволакивающую тело, словно внутриутробные воды — младенца. Вода тоже была красной. Волны подхватывали и раскачивали её, как мать раскачивает на руках дитя. Она не боролась — не было ни сил, ни желания. Она полностью отдалась мягким прикосновениям волн, то погружаясь в них глубже, то всплывая на поверхность.

Юта хотела пить. Но когда попробовала воду на вкус, она оказалась солёной. Юта закашлялась, выплёвывая солёные комки из лёгких.

— Потерпи, почти пришли.

Голос звучал приглушённо, издалека. Но он был ей знаком. Он был чем-то твёрдым и надёжным в мире зыбких красных волн. Она потянулась к этому голосу. Она хотела слышать его снова.

Юта приоткрыла слезящиеся глаза. Мир вокруг был настолько ослепителен, что она едва могла смотреть. Голова раскалывалась. По ней размеренно били два молота: раз, два, раз, два.

Юта захрипела, силясь что-то сказать, но вместо слов из лёгких снова вырвался мокрый кашель. Она с усилием поднесла к губам руку и увидела кровь.

Мир по-прежнему раскачивался. Но это не были красные волны — она раскачивалась в такт шагам Корта, который нёс её на руках. Уже который день.

Юта повернула голову, чтобы посмотреть, как приближается Стена. Она закрывала полнеба — огромная, неприступная. Она казалась Юте вратами Рая, закрытого для них навсегда. Стена висела перед ними, так же как и вчера, и позавчера, но не становилась ближе.

— Корт, — прошептала Юта, поворачивая голову к мужчине.

Она видела его заросший чёрной щетиной подбородок, тёмную маску лица с плотно сомкнутыми, полопавшимися до крови губами, и ярко-синие глаза, устремлённые вперёд.

— Тише, не говори. Скоро придём, — сказал Корт.

Его голос звучал, как иссохший от солнца и времени лист бумаги — такой же шершавый и хрупкий.

Юта повиновалась и закрыла глаза, тут же подхваченная тёплыми красными волнами. А когда снова разомкнула веки, то обнаружила, что мир больше не плывёт и не раскачивается. Мир остановился, и вместе с этим пропала Стена, последние несколько дней указывавшая им направление.

Юта ничего не понимала. Она забеспокоилась, ёрзая на месте. Она полулежала на песке. Лопатки упирались во что-то твёрдое и прохладное. Юта подняла голову и увидела нависшую над ней громаду. Она сидела под Стеной, чувствуя, как гладкий камень ласкает горячую взмокшую кожу. Юта провела по камню рукой и посмотрела по сторонам.

Стена высилась над ней гранитной скалой, настолько высокая, что со своего места Юта не видела верха. Направо и налево тянулась та же серая каменная лента, уводя взгляд вдаль. Она терялась в бесконечной пустыне, подёрнутая лёгкой рябью от соприкосновения горячего воздуха и холодного камня.

Юта покрутила головой, стараясь понять, куда делся Корт. Вдалеке, приближаясь,

маячила чёрная точка. Через десять минут точка превратилась в мужчину.

— Очнулась? Хорошо, — констатировал Корт, но в голосе не было слышно радости.

Он снял с пояса кожаную флягу и достал из поясной сумки лоскут ткани. Вынув пробку, Корт осторожно смочил ткань водой, запрокидывая флягу кверху дном — это были последние капли. Корт поднес тряпицу к губам Юты и аккуратно обтёр. Девушка улыбнулась. Она была благодарна Карту за всё, что он сделал.

В пустыне их жизни полностью зависели от него, и он не подвёл. Но здесь, на границе пустыни и города заканчивались его возможности. Здесь Корт был бессилён. Теперь им оставалось только ждать. Если ворота не откроются, очень скоро они погибнут. Корт и Юта оба это знали.

Юта и так не смогла бы выжить без него. Глупо было думать, что она могла совершить этот переход с кем-то другим. Что у кого-то ещё хватило бы сил, выдержки, умений и знаний, чтобы пройти через пустыню. Если бы не Корт, она уже несколько раз была бы мертва. И не только от жажды, солнечного удара, бессилия и страха.

На второй же день, когда они ещё перебирались через горы, Юта неосторожно потревожила змеиную нору на склоне. Из едва заметной ямки выполз жёлто-серый жнец — одна из самых ядовитых змей в пустыне. Жнец застыл в полушаге от девушки, угрожающе шипя, готовый броситься на неё, чтобы впиться смертельно ядовитыми зубами.

Пока Юта замерла на месте, ничего не соображая от страха, Корт среагировал. Он прыгнул, сбив её с ног, и они покатались по склону, больно ударяясь о камни и потянув за собой небольшой оползень. Когда Юта опомнилась, то была вся засыпана песком. Тело болело и саднило от синяков, зато она оказалась так далеко от жнеца, как было возможно.

Когда она неуклюже благодарила Корта за спасение, он только посмеялся, назвав это «боевым крещением». И вскоре Юта осознала: то маленькое происшествие и правда было лишь крещением младенца, который ещё ничего не видел и не знает.

Пески не раз и не два покушались на их жизни за одиннадцать дней перехода. И если бы не знания Корта, одна из этих попыток точно увенчалась бы успехом.

Пожалуй, ближе всего к гибели Юта была, когда на шестой день её укусил скорпион. Юта знала, что его яд смертелен, и решила, что ей пришёл конец. У неё быстро начался жар. Голова кружилась, перед глазами всё плыло. Она теряла сознание. И тогда Корт сделал что-то странное.

Он вытащил нож и порезал свою руку, рассекая пополам одну из татуировок наури. Яд быстро распространялся по организму Юты. Мир виделся ей, как в тумане. Может, поэтому она не сопротивлялась, когда Корт поднёс нож к её руке. Он сделал быстрый длинный надрез. Кровь потекла из него тонкими ручейками, капая на песок.

Предплечье Корта тоже было в крови. Он обхватил руку Юты своей, соединяя порезы. Юта наблюдала, как их кровь смешивается, течёт по рукам, обильно проливаясь на землю. Жадный песок тут же пил её без остатка, а ветер стирал следы. Потом Юта уплыла в небытие.

Она очнулась в импровизированном ложе под барханом. Корт сидел к ней спиной. На нём не было хилта — он был растянут над головой Юты, как навес, скрывавший от лучей стоявшего высоко в небе Тауриса. Юта не знала, чему удивляться больше — тому, что была жива или тому, что Корт проделывал с крупной песчаной ящерицей. Ругат скоблил кожу рептилии ножом, а затем аккуратно вытирал лезвие о край плоской миски, собирая слизь.

— Что ты делаешь? — спросила Юта, глядя на мужчину, спокойно сидящего под

прямыми лучами Тауриса, будто под обычной лампой.

— Лекарство, — коротко пояснил Корт. — Ты не умерла от яда, но твоё тело ещё отравлено. Это поможет.

— Кстати об этом. Почему... я не умерла? — как-то неуверенно спросила Юта и посмотрела на свою руку. Она была замотана тряпкой в том месте, где Корт сделал надрез. Значит, не приснилось.

— Это моя кровь. Она стала для тебя противоядием, — объяснил Корт и облизал палец, которым только что снял остатки слизи с ножа.

Юта сглотнула.

— Как это?

— Когда-то давно меня тоже укусил скорпион. Ещё когда мы блуждали по пустыне с Утагиру. Я несколько дней провалялся в горячке. Не изжарился под солнцем только потому, что Утагиру не отходил от меня ни на шаг. Лежал на мне, закрывая своей шерстью, и зализывал укус. Не знаю, почему, но мой организм как-то поборол яд. А значит, в моей крови есть к нему антитела.

Корт залил слизь, собранную с кожи ящерицы, водой. Тщательно размешал и, подойдя к Юте, опустил перед ней на корточки.

— Пей. Это поможет.

Юта посмотрела на ящерицу, валяющуюся рядом.

— Не переживай, остальное тоже не пропадёт. Мясо я завялю, а из крови сделаю похлёбку. До завтрашнего дня нам придётся остаться здесь.

Корт поднёс к её губам «лекарство», а Юта гадала, то ли он шутит над ней, пытаюсь приподнять настроение, то ли говорит всерьёз.

Теперь Юта смотрела на профиль Корта, сидящего рядом с ней под Стеной, и думала о том, не были ли все эти усилия напрасны.

Вдруг Корт резко вскочил, словно подброшенный в воздух пружиной. Он схватил ничего не понимающую Юту и закинул на плечо, словно куль с картошкой. Она видела перед собой только спину Корта и песок, шуршащий под его ногами. А потом песок сменился асфальтом.

— Боже! Что с ней?! — голос был до боли знакомым, обеспокоенным и насмешливым одновременно.

На всём свете он мог принадлежать только одному человеку — Кирли Коул.

«Со мной всё в порядке», — хотела ответить Юта, ворочаясь у Корта на плече.

— У неё солнечный удар, она сильно обгорела и обезвожена, — ответил Корт, снимая Юту с плеча и снова беря на руки, чтобы не привлекать лишнего внимания.

— Давай, иди за мной. Я отведу вас в безопасное место, — без лишних расспросов властно скомандовала Кирли.

Юта хотела сказать, что сама может идти, но в руках Корта было так уютно и надёжно. Так что она не стала ничего говорить, мягко погружаясь в дрему. Когда она уже проваливалась в забытие, на её растрескавшихся губах проступила улыбка. Дошли.

Дверь с шуршащим звуком открылась внутрь, таща что-то по полу. Юта посмотрела вниз и увидела неразобранную почту. Руки машинально собрали с пола конверты. Сперва шли квитанции на оплату счетов, затем предупреждения об отключении воды и

электроэнергии, письмо от муниципалитета о том, что она должна подтвердить договор аренды, в противном случае город заберёт квартиру.

Среди конвертов и рекламных объявлений нашлась записка от Ленни. Взгляд зацепил слова, написанные крупным шрифтом со множеством вопросительных и восклицательных знаков: «Куда ты пропала?! С тобой всё в порядке???!».

Юта положила конверты на сушилку, за неимением другого места стоящую в коридоре, как будто собиралась просмотреть их позже. Прежде чем шагнуть в гостиную, она неуверенно обернулась.

Корт прикрыл за собой дверь. Его лицо и фигура были напряжены. Он внимательно прислушивался к звукам. Правая рука была заведена за спину, где, как знала Юта, под одеждой прятался чехол с ножом — одним из тех, что предназначались для метания.

Постояв минуту в тёмном коридоре, мужчина кивнул, и Юта вошла в гостиную. Всё было в точности таким же, как когда она была здесь в последний раз.

В квартире царил беспорядок. Кажется, каждая вещь была не на месте. На полу было негде ступить из-за битого стекла от настольной лампы и стакана, смахнутого со столика. Журналы и подшивки газет со статьями Юты валялись вперемежку с мятой одеждой и горшками с засохшими цветами.

У Юты сжалось сердце при виде того, что сотворили с её квартирой. Как будто целью людей, побывавших здесь, было не найти кого-то, а устроить в квартире как можно больший разгром.

Но сквозь нагромождение сваленных в центре гостиной выпотрошенных ящиков, диванных подушек, покрывшихся пылью книг по астрономии, и осколков битого стекла она всё ещё видела то единственное место в мире, где всегда тепло и уютно, где тебя ждут люди, которые любят, где можно спрятаться от невзгод и бед, которые непременно обойдут это место стороной — она видела дом.

Юта перевела взгляд на свой рабочий стол. Здесь было проведено столько бессонных ночей и выпито столько чашек кофе, что хватило бы утопить целую флотилию. Столешница была пуста — все бумаги Юты были свалены на пол, а монитор компьютера варварски разбит, зияя чёрным провалом, как будто из него только что вылутился «чужой».

Юта сделала осторожный шагок в гостиную, как будто пересекая невидимую черту. Ступив внутрь, она перестала быть сторонним наблюдателем, словно подсматривающим за чужой жизнью сквозь замочную скважину. Она снова стала частью мира, в котором жила так долго и который теперь был безвозвратно разрушен.

Юта знала: когда она пересечёт эту черту, для неё уже не будет пути назад.

Не глядя под ноги, запинаясь о разбросанные на полу вещи, Юта прошла в центр гостиной. Она растерянно осматривалась по сторонам, как будто забыла что-то очень важное, но никак не могла вспомнить, что.

Ей показалось, что боковым зрением она увидела силуэт. Силуэт мужчины, сидевшего на табуретке возле письменного стола, согнувшись вопросительным знаком. Монитор его компьютера был включен, мигая таблицами и формулами. На столе лежали чертежи и вырванные из блокнота листы с математическими расчётами. А подо всем — огромная карта звёздного неба, свисавшая одним краем со стола.

Мужчина рылся в стопке бумаг и невесть откуда взявшихся здесь чеках на обед из университетской столовой, пока не нашёл огрызок карандаша, сточенного настолько, что едва можно было удержать в пальцах. Он поправил сползшие на край носа очки и записал

очередную формулу на обратной стороне чека.

Юта улыбнулась при виде него. Она потянулась к силуэту, но он выскользнул из её рук, растворившись в неподвижном воздухе, как тень растворяется под прямыми лучами солнца.

Корт стоял позади Юты в коридоре. Он не хотел мешать девушке предаваться воспоминаниям. Он слишком хорошо понимал, что иногда человеку нужно остаться с ними наедине.

Юта неуверенно застыла посередине комнаты, как будто не знала, что делать дальше. Её тонкий силуэт обтекали потоки солнечного света, лившегося через неплотно прикрытую бежевую штору. Солнечный зайчик, отскочив от зеркала, запутался в каштановых волосах, завязанных в небрежный «хвост».

Юта казалась призраком, возвратившимся в дом, в котором когда-то жил. Но вместо привычного домашнего уюта встретившим лишь запустение и одиночество. Время безвозвратно утекло сквозь невесомые прозрачные пальцы, его уже не вернуть. И теперь призраку остаётся лишь бродить среди развалин былой жизни, тихо плача под звуки воды, капающей из недокрученного крана.

Юта протянула руку, словно хотела дотянуться до чего-то, видимого только ей, но остановилась, не закончив движения. Её маленькая узкая рука опустилась вниз, медленно сжимаясь в кулак.

— Я должна была быть на его месте.

Она говорила сама с собой, будто забыла, что Корт тоже находится здесь. Сперва тихо и как-то пугающе отстранённо. Но постепенно её голос окреп, прорываясь истеричными нотками, пока Юта не начала кричать:

— Это всё моя вина! Я должна была быть на его месте! Почему всё это случилось именно со мной?! В чём я виновата?!

Корт боялся, что этот момент может настать. Стекланный колпак, под которым она держала свои чувства, дал трещину, а затем разлетелся вдребезги. Но у каждого свой способ пережить потерю близкого человека.

Корт нашёл утешение в совершении одного и того же ритуала. Целый год он жил, не позволяя себе думать о том, что произошло шестнадцать лет назад. Пряча свои истинные эмоции, старательно отводя взгляд от себя самого. Но в один единственный день в году — день смерти Энрига — он позволял себе помнить, позволял скорбеть. Он говорил с другом так, словно тот был жив и мог его слышать. Наверное, со стороны это выглядело так, будто Корт сошёл с ума.

Так что не ему судить Юту. Если ей нужно плакать и кричать, крушить всё вокруг — пусть. Он не собирался её останавливать. Он лишь хотел дать ей понять, что она не обязана проходить через этот кошмар одна.

Корт подошёл к Юте, чтобы напомнить, что он рядом. Но когда он коснулся её руки, она посмотрела на него так, будто не узнавала. Она с силой оттолкнула Корта, покачнувшись при этом, как будто её не держали ноги. А в следующую секунду осела на пол, как механическая кукла на шарнирах, у которой внезапно кончился завод.

Упав, Юта уже не пыталась подняться. Она поранила руку об один из осколков, валявшихся на полу. Но она не замечала этого. Неловко сидя на полу, она обхватила себя руками, как будто пыталась удержать. На кофте остались кровавые следы.

— Юта, у тебя кровь, — негромко окликнул девушку Корт. Он стоял в шаге от неё.

Она не ответила.

— Ты поранилась.

Он подошёл и опустился на колени рядом с ней. Юта снова не отреагировала. Она смотрела перед собой, тихонько раскачиваясь из стороны в сторону и бормоча что-то, как умалишённая.

Корт не мог смотреть на неё без боли. Юта, которую он знал, всегда была стойкой и непоколебимой. В точности знала, чего хотела, и шла к своей цели, несмотря ни на какие преграды. Имея на своей стороне лишь идеализм и упрямство, которого хватило бы на десятерых, эта совсем ещё юная девушка сумела совершить невозможное.

Корт был единственным изгоем почти за целое столетие, сумевшим добраться из Лиатраса до подземного города атлургов. Но Юта первой за всю историю обоих народов сумела проделать обратный путь. И теперь при виде неё, такой потерянной и жалкой, его сердце разбивалось на части.

Может, поэтому ему самому никогда не приходила в голову мысль вернуться. Потому что он понимал: если однажды город тебя отверг, то возвращаться тебе уже некуда.

Корт обнял Юту за плечи, в то время как она продолжала раскачиваться. Он прижимал её к груди так сильно, как только мог, пока она дрожала. Он гладил её по растрепавшимся волосам и шептал, что всё будет хорошо, пока она плакала и цеплялась за него. Его рубашка пропиталась её слезами и кровью из пораненной ладони.

Постепенно Юта успокоилась, обмякнув в его руках. Некоторое время она не шевелилась. Корт только чувствовал на своей коже её тяжёлое горячее дыхание через промокшую от слёз ткань рубашки. Потом Юта медленно отстранилась.

Корт неохотно отпустил её, не уверенный в том, что приступ не повторится. Но Юта уже взяла себя в руки. Не глядя на Корта, она вытерла слёзы и только тогда заметила, что поранилась. Переведя взгляд на одежду Корта, Юта смущённо пробормотала:

— Прости, я испортила твою рубашку. Я посмотрю, во что тебе переодеться.

Осторожно, ещё не совсем уверенно, Юта поднялась на ноги и скрылась в боковой комнате. Наверное, ей было неловко. Но когда она вернулась в гостиную, Корт увидел, что она уже вполне овладела собой.

Непонятно, когда и как, но Юта успела привести себя в порядок. Порез на ладони был заклеен пластырем, волосы собраны в пучок на затылке, а испачканная кровью кофта заменена на новую. Девушка протягивала Карту рубашку — не новую, на несколько размеров больше, но вполне приличную, небесно-голубого цвета.

Юта робко улыбнулась, виновато и как-то неуверенно глядя на Корта:

— Извини, ничего более подходящего не нашлось. Эту рубашку Бабли одевал на школьный выпускной. С тех пор он поправился ещё на пару размеров.

— Не надо извиняться. Давай просто сделаем то, зачем пришли, — ответил Корт чересчур резко, что стало неожиданностью для него самого.

Он схватил рубашку из рук Юты и скрылся в ванной, хлопнув дверью сильнее, чем рассчитывал.

Он боялся, что Юта обидится на него, но когда вышел в гостиную, девушки там не оказалось.

Юта окликнула его откуда-то сбоку. Корт толкнул дверь и вошёл в небольшую светлую комнатку. Здесь царил такой же беспорядок, как и в остальном доме, но Корт безошибочно узнал комнату Юты.

Он с любопытством огляделся. Воображение тут же помогло восстановить картину по

разбросанным на полу и кровати, разбитым и поломанным вещам.

Это была комната занятого человека, редко появляющегося дома и оттого не слишком заботящегося о быте. Человека, увлечённого своим делом, о чём красноречиво говорил высокий открытый стеллаж с папками и подшивками газет — единственное место в комнате, где всегда соблюдался идеальный порядок. Таких людей мало заботят удобство и комфорт. Они едва замечают, что их окружает, потому что у них есть нечто гораздо более важное — любимое дело, которому они посвящают свою жизнь.

Корт легко мог представить, как Юта забегает домой после двух дней, проведённых в редакции над очередной горящей статьёй, только для того, чтобы быстро принять душ и переодеться. Она разбрасывает вещи из платяного шкафа в поисках чего-то, ещё не требующего стирки и тут же, забыв сложить их обратно, бежит на кухню включить кофеварку. Вернувшись в комнату, она подходит к высокому, до потолка, стеллажу и быстро просматривает книги и папки в поисках необходимых материалов.

С кухни доносится звук выключения кофемашины, и она снова несётся туда, наспех засунув в сумку найденные бумаги. Обжигая губы горячим крепким кофе, она подходит к столу и широким неразборчивым почерком оставляет записку своему другу, который значил для неё так много. Взглянув на себя в небольшое зеркало в коридоре, она небрежно поправляет короткую чёлку, хватая с сушилки ключи и выбегает из квартиры, громко хлопнув дверью.

Корт скользил взглядом через раскрытые двери, словно и правда следил за чьими-то передвижениями.

— Ты что-то увидел? — прозвучал совсем рядом обеспокоенный голос.

«Да, призрак девушки, которая здесь жила».

— Нет, — ответил Корт, поворачиваясь к Юте, глядя на неё так, будто узнал о ней что-то новое. Какую-то мелкую, незаметную обычным взглядом деталь, которая, однако, помогла ему лучше понять её.

— Вот. Это мамина шкатулка, о которой я вспомнила в Утегате. Одна из немногих вещей, оставшихся у меня от родителей.

На коленях у Юты стояла деревянная шкатулка. Простая, без изысков и резьбы, покрытая тёмным лаком, она тем не менее оставляла ощущение старины и дороговизны. Как будто тот, кто вырезал её, сознательно отказался от витиеватых узоров и украшений драгоценными камнями в пользу добротности и надёжности.

Юта держала шкатулку неуверенно и немного опасливо, как будто у неё в руках пригрелась спящая ядовитая змея, и она боялась сделать неосторожное движение, чтобы не разбудить её. Девушка пока не открыла шкатулку. Она просто сидела и смотрела на неё с печалью и странным испугом в глазах.

— Позволь мне.

Корт присел рядом на кровать и взял шкатулку у Юты из рук. Она молча наблюдала за его действиями, как будто у неё самой не доставало сил сделать то, что требовалось.

Корт повернул металлический замочек и откинул крышку. Первым, что бросилось ему в глаза, было углубление на дне шкатулки, обитой истёршимся от времени бархатом. Углубление пустовало, но его форма в точности повторяла форму свитка, словно шкатулка была специально изготовлена для хранения манускриптов. Корт переглянулся с Ютой, а потом заметил то, что сперва ускользнуло от его взгляда.

На внутренней стороне крышки из тёмного дерева была вырезана надпись. Корт прочёл

её два раза и бережно провёл пальцами по причудливым витиеватым символам.

Юта ничего не спрашивала, словно и так уже всё поняла. Она не ошиблась: надпись на шкатулке, принадлежавшей её матери, была сделана на наури.

— Здесь сказано, — проговорил Корт внезапно охрипшим голосом, — «Ат ла раним — санум реглат, ат ла атлурн — санум ассари». Что переводится, как: «Удел мужчин — проливать кровь, удел женщин — проливать слёзы».

Корт потрясённо умолк. Юта первой нарушила зыбкую тишину, в которую погрузилась квартира, как будто слова, прозвучавшие на древнем, мёртвом языке, были заклинанием, заставлявшим произнёсшего его человека хранить обет вечного молчания, дабы сберечь тайну загадочных строк.

— Что это значит? — тихонько спросила Юта, как будто звуки наури ещё звучали над ними.

— Я не уверен, но по-моему я видел эту фразу где-то в манускриптах Амальрис.

— Как думаешь, то, что здесь хранилось, могло быть пропавшими свитками?

Корт нахмурился. Это именно то, что сразу пришло ему в голову, но он не торопился озвучивать эту диковатую мысль. Однако, надо признать, что в этом что-то было — какая-то сокрытая, непонятная ему, ускользавшая от сознания логика.

— Это возможно, — поколебавшись, ответил мужчина. — При условии, что твоя мать была каким-то непостижимым образом связана с народом, само существование которого считается здесь не более чем сказкой. Я никогда не встречал упоминаний о том, что два народа вообще когда-либо пересекались, не считая изгоев из Вечного Города, которых по пальцам можно пересчитать.

— Но ведь если кому-то удавалось пересечь пустыню в одну сторону, значит, кто-то ещё, кроме нас, мог пересечь её и в обратную, — с внезапным лихорадочным жаром воскликнула Юта.

Как будто зацепилась за мысль, в которую очень хотела поверить.

— Теоретически это возможно, — с сомнением ответил Корт, — но давай не забегать вперёд. Пока что связь между всем этим весьма призрачна. У тебя есть кулон, оставшийся от матери. Он является знаком забытой богини народа. А дома мать хранила шкатулку с надписью на языке наури, в которой могли храниться какие-то свитки. При этом из библиотеки Утегата тоже пропали свитки, относящиеся к той же богине.

Но пока что единственная связь между всеми этими событиями — это Богиня Тьмы — Амальрис, которой атлурги поклонялись столетия назад, и твоя мать.

Корт покосился на Юту. Её взгляд застыл на шкатулке, как будто она пыталась осмыслить сказанное. Это казалось слишком невероятным, как и всё остальное, произошедшее с ней за последние месяцы. События развивались слишком стремительно, не давая ей возможности остановиться и подумать, осмыслить или смириться.

Наверное, Юта до сих пор не могла поверить, что это происходило с ней на самом деле. Она говорила и действовала смело и решительно, так, как требовала от неё ситуация. Но, возможно, в глубине души она так и не приняла эту новую реальность, считала её просто сном.

Корт знал, каково это. Ему и сейчас, по прошествии шестнадцати лет, порой казалось, что он читает книгу и настолько вжился в роль персонажа, что начал путать себя с ним, — реальность с вымыслом.

И со временем это ощущение не проходило, как бы он того ни желал. Просто грань

между вымыслом и реальностью начала стираться, миры начали проникать друг в друга, медленно, но неумолимо, как столкнувшиеся галактики. И теперь, когда всё смешалось, он уже не мог сказать, где же настоящий Корт, а где — всего лишь вымышленный персонаж, плод чьего-то воображения.

Они оставили шкатулку в квартире, в комодe, где Юта всегда её хранила. Корт ждал девушку в гостиной, пока она собирала вещи. Они и так провели здесь слишком много времени, и им было пора возвращаться в пустовавшую квартиру на окраине, которую им предложила в качестве убежища Кирли.

Корт сидел на низком, продавленном от времени кресле, когда заметил мигающий зелёный огонек на мониторе одного из компьютеров. Интересно, почему один компьютер зверски раскурочен, а второй даже не тронут?

Корт поднялся из кресла и подошёл к столу. Из чистого любопытства он нажал на кнопку включения. Монитор тут же откликнулся, услужливо замигав бегущими по чёрному экрану символами. Карту понадобилось время, чтобы вспомнить былые навыки и понять, что он видит.

— А чем занимался твой друг? — крикнул Корт, глядя на бегущие по монитору строки программного кода.

— А... Бабли, он учился в аспирантуре и преподавал высшую математику в колледже. А ещё увлекался астрономией. Недавно он даже сделал крупное открытие и отправил заявку на членство в ЛАС.

— Вот как, — тихо, так, что было слышно только ему, ответил Корт.

В этом было что-то тревожащее, но Корт никак не мог понять, что. Что-то билось за самым краем сознания, не давало покоя, словно ночной мотылёк, привлечённый светом, бьющийся в стекло, но неспособный попасть внутрь.

— А почему ты спрашиваешь? — крикнула Юта, мелькнув в проёме комнаты.

Не услышав ответа, она высунула голову в гостиную.

— Его компьютер... Видишь эти строки? — Корт указал рукой на монитор. — Это означает, что кто-то искал и копировал данные.

Мысли тяжело ворочались в голове, как сонные сытые боровы, не желая просыпаться, отвыкшие от подобной работы. Корт пытался расшевелить их, ударяя палкой логики по жирным лоснящимся бокам, но мысли лишь недовольно храпели, стараясь забиться подальше в тёмные углы.

— Может, Бабли сам это и сделал? — спросила Юта.

Она вышла из комнаты с пузатой сумкой, перекинутой через плечо.

— Сомневаюсь. Искали в том числе и удалённые данные, а также помещённые на виртуальных дисках и в виртуальных хранилищах. Зачем бы твоему другу делать это?

Юта скинула сумку на пол и подошла к столу.

— Действительно странно, ведь Бабли не собирался со мной лететь. Так зачем ему копировать данные с компьютера? Постой-ка...

Юта опустилась на корточки и стала перебирать бумаги, валяющиеся на полу. Через несколько минут она поднялась.

— Это показалось мне странным и в прошлый раз, но с учётом всего происходившего, я не придавала этому значения. — Юта тяжело вздохнула, словно на её хрупкие плечи опустилась ещё одна ноша, добавившись к и без того тяжёлому бременю, которое она несла. — Чертежи и расчёты Бабли исчезли. В тот раз я подумала, что он взял их с собой.

Но, как я уже говорила, он не собирался лететь со мной. К тому же в тот день, в Космопорте, при нём не было даже сумки. Так куда же делись его бумаги?

— Всё это странно, — откликнулся Корт. Ему казалось, что ещё чуть-чуть и тот ночной мотылёк сумеет-таки пробить стекло и ворваться внутрь комнаты его разума. Но для этого ему требовалась помощь. — Кажется, нам надо ещё кое-куда наведаться.

Глава 8. Блуждающая планета

Им понадобилось два дня, некоторые связи Юты и неожиданно открывшиеся у Корта навыки вора-карманника, чтобы сделать себе бейджи сотрудников Лиатрасского Астрономического Сообщества. Поздно вечером, после закрытия, они стояли на проходной, протягивая бейджи сидящему усталому ночному дежурному.

— Лаборатории и телескоп закрыты, — монотонно повторял он во второй раз.

— Мы не будем пользоваться лабораторией. Нам нужны только архивы и доступ к компьютерам, — терпеливо втолковывала Юта, но мужчина был непреклонен.

Он казался Юте неприступной стеной замка, которую они с Кортом безуспешно пытаются штурмовать.

— Ночью учреждение закрыто. Вам придётся вернуться завтра утром, — ровным, без выражения голосом говорил мужчина, не глядя на Юту.

Его мутные серые глаза скользили по чему-то за стойкой. Возможно, это был пасьянс на компьютере.

— Это бесполезно. Этот господин не понимает, какими важными исследованиями мы занимаемся, а также не имеет ни малейшего представления о субординации, — вдруг заговорил Корт, хватая Юту под руку и потихоньку уводя в сторону выхода. Юта ничего не понимала. Ведь им необходимо попасть внутрь. Но Корт буквально тащил её, и вырваться казалось так же невозможно, как остановить движение звёзд по небу. — Завтра утром я позвоню Анатолю и сам объясню причину, почему мы не выполнили расчёты в срок. Уверен, этот пень вылетит с работы в ту же минуту, хотя и нам покажется несладко.

Корт обращался к Юте, но его громкий голос разносился по всему гулкому приёмному вестибюлю.

— Пойдите, — неожиданно остановил их охранник. — Вы говорите о господине Анатоле Штайне?

— Именно о нём.

Корт развернулся. Его глаза сверкали, как остро наточенные лезвия. Охранник изменился в лице. Он суетливо вскочил со своего места.

— Нет необходимости беспокоить господина Штайна, — быстро говорил он, помогая себе бурной жестикуляцией. — Надо было сразу сказать, что вы здесь по его поручению. Прощу, вы можете проходить и использовать все необходимые ресурсы... кроме лаборатории и телескопа, — чуть помявшись, закончил дежурный.

— Большое спасибо, — злобно бросил ему Корт, проходя мимо.

Юта на всякий случай тоже состроила надменную гримасу, и перед ними с Кортом открылась дверь во внутренние помещения ЛАС.

— Кто такой Анатолий Штайн? — шепнула Юта Карту, когда они двигались по длинному широкому коридору, освещённому неяркими дежурными лампами.

— Заместитель директора. Я увидел документ с его печатью на стойке охранника, — ответил Корт и толкнул одну из дверей. — Нам сюда.

Металлическая табличка на двери гласила «Генри Падески. Начальник отдела астрономических исследований».

Они оказались в просторном кабинете. Он был красиво и со вкусом обставлен, с хорошим дорогим ремонтом, словно офис управляющего крупной компанией. Вдоль стен

тянулись полки, набитые распухшими папками. Чересчур мягкий ковёр и низкий кожаный диван в дальнем углу предлагали расслабиться и отдохнуть в перерыве между важными совещаниями и проставлением своей подписи на документах.

На стене справа не было видно просветов от грамот и дипломов в золочёных рамах. А посередине, словно алтарь, возвышался массивный стол, на котором не было ничего, кроме компьютера. По обе стороны от стола располагались два кресла. Чёрное кожаное кресло для посетителей выглядело удобным и дорогим, и Юта сразу представила, как приятно, должно быть, холодит спину гладкая кожа. Но оно казалось всего лишь жёсткой колченогой табуреткой по сравнению с поистине царским тронem, наполовину скрытым от посетителей широким столом.

Корт окинул кабинет быстрым цепким взглядом и, решительно приблизившись к столу, без всякого почтения плюхнулся в директорское кресло.

— Ты говорила, Бабли отправил в ЛАС заявку на астрономическое открытие? — сказал Корт, включая компьютер. — В таком случае, она должна быть здесь.

Его тёмные узловатые пальцы забегали над клавиатурой с неожиданной резвостью, и Юта вдруг поняла, что впервые видит перед собой не Корта-атлурга, а Корта-лиатрасца.

Он смотрелся странно в роскошном современном кабинете: с тёмной, продублённой на солнце, высушенной ветром и обезвоживанием кожей, с перехваченными на затылке жёсткими чёрными волосами. Необыкновенно мускулистый, что сразу бросалось в глаза по сравнению с рыхлыми, изнеженными, привыкшими к комфорту жителями Лиатраса. Ступающий по асфальтовым мостовым абсолютно бесшумно, словно крадущийся зверь. Настороженно осматривающийся по сторонам, будто в любую секунду ждёт нападения.

Да, он не принадлежал этому месту: будто дикарь из каменной эры, вдруг оказавшийся на улицах современного города. И всё же он был лиатрасцем. Сейчас Юта видела это совершенно отчётливо. Как будто Корт вдруг забыл о жизни атлурга, которую вёл последние шестнадцать лет, и стал прежним собой.

Хотя когда речь шла о Корте, Юта ничего не могла сказать наверняка. Это касалось почти всего, но сейчас, в Лиатрасе, проявлялось особенно явственно. Корт не показывал эмоций и не говорил о том, что чувствует, а Юта не спрашивала. Так они и вели странную тайную жизнь. Изгой и беглянка, скрывающиеся ото всех, выходящие на улицу лишь в ночные часы, когда улицы безлюдны, а тротуары, залитые солнечным светом, блестят, словно натёртый паркет.

Юта поудобнее устроилась в мягком кресле напротив Корта, наблюдая за его работой. На его лбу появлялись и исчезали морщины. Он бормотал себе под нос. Пару раз даже ругнулся. Но наконец его пальцы перестали неистово стучать по клавиатуре, и Корт откинулся на спинку кресла. Он посмотрел на Юту одним из своих наиболее холодных отстранённых взглядов, и девушка поняла, что он нашёл то, что искал.

— Я отыскал заявку Бабли, вместе с ещё несколькими десятками документов, — будто прочитав её мысли, заговорил Корт. Он покачивался в кресле взад-вперёд, сложив перед собой пальцы. Синеватый отсвет от включенного монитора подсвечивал его лицо. — То, что твой друг рассказывал тебе — правда. И в ЛАС об этом известно.

— Что ты имеешь в виду?

Корт перестал раскачиваться, подавшись вперёд. Отражённый от монитора свет прыгнул ему в глаза, сделав их какими-то мёртвыми, будто стеклянными.

— К Нибелии приближается блуждающая планета. Она подойдёт очень близко и,

уравновешенная гравитацией планеты и солнц, выйдет на постоянную орбиту.

Но главное — она будет настолько близко к нам, что закроет оба солнца. — Корт вздохнул. — Грядёт затмение, Юта, которое продлится годы, а может и десятилетия. Но и это ещё не самое худшее. Приближение столь массивного небесного тела вызовет геомагнитные возмущения, а те в свою очередь приведут к тому, что по всей планете поднимется гигантская песчаная буря.

Корт замолчал, поглядывая на Юту, а она не могла найти слов в ответ. То, что сказал Корт, было настолько огромно и невероятно, что она могла бы не поверить ему. Если бы не тот факт, что за последний месяц Юта узнала далеко не одну невероятную и ужасную вещь, оказавшуюся правдой.

— «Настанет день, и небо будет ронять на землю огненные слёзы, — как-то нараспев начал говорить Корт, и от его голоса у Юты по спине побежали холодные мурашки, — Время повернёт вспять, отсчитывая дни до смерти всего живого. Придут неурожаи, звери и птицы перестанут плодиться, а народ поднимется враждой друг на друга, брат на брата и муж на жену. Могучий Руг восстанет с края песков и поглотит Небесных Братьев. Придёт Великая Буря, которая продлится сорок дней и сорок ночей, и не останется на земле ничего живого».

Это пророчество Амальрис. Я читал его тебе в Утегате. Оно показалось мне занятным, и я его запомнил.

— «И не останется на земле ничего живого», — эхом повторила Юта. — Неужели это может быть правдой?

Корт пожал плечами.

— Ты слышала, что рассчитали в ЛАС. Так что похоже.

По коридору застучали шаги. Сперва вдалеке, но они быстро приближались и вскоре замерли прямо за дверью. Пока Юта поворачивалась на звук, соображая, что делать, Корт уже очутился рядом с дверным проёмом. Он встал так, чтобы увидеть вошедшего раньше, чем тот увидит Корта. В руке мужчины блеснул нож, и сердце Юты вдруг запнулось, забыв как биться.

Ручка двери повернулась. В комнату вошёл молодой мужчина. Он сосредоточенно смотрел перед собой, занятый какими-то мыслями. Под мышкой мужчина держал толстую серую папку. Казалось, он заскочил в офис, чтобы захватить какие-то документы или что-то посмотреть.

Он не сразу заметил в комнате людей. Когда его взгляд встретился с испуганным взглядом Юты, Корт быстро отделился от стены. В два шага он оказался у мужчины за спиной. Правой рукой Корт сжал ему горло удушающим захватом.

Юта тихо перевела дыхание, увидев, что Корт держит нож в руке, но пока не пустил его в ход. Длинное лезвие из тергеда тускло мерцало в полутьме.

— Кто такой? — прорычал Корт на ухо перепуганному служащему.

— Я... я — ассистент господина Падески, — заикаясь, проговорил мужчина.

Он не видел Корта, стоявшего у него за спиной. Поэтому перепуганный взгляд мужчины впивался в Юту, вызывая чувство вины.

— Отлично. Значит, можешь быть полезен, — констатировал Корт.

— К-кто вы и что вам нужно?

— Здесь мы задаём вопросы. — Голос Корта был абсолютно ровным и спокойным, даже вежливым, отчего содержимое желудка Юты вставало колом. — Мы тут совершенно

случайно прочитали кое-что интересное — о планете, приближающейся к Нибелии. О затмении солнц и невиданной песчаной буре. И у меня всего один вопрос: какого чёрта жителям города ничего об этом не известно?

Ассистент господина Падески мялся. Очевидно, он не хотел говорить. Корт чуть сильнее сжал руку, обхватившую его горло железными клещами. После чего мужчина затараторил, глотая слова и хрипя:

— Связи с общественностью не находятся в нашем ведении. Вопросами распространения информации занимается организация, спонсирующая ЛАС. Они называются «Фонд Содействие».

— Но ведь ЛАС — государственное учреждение. Почему вас кто-то спонсирует?

Корт чуть ослабил хватку, хмурясь.

— Я не знаю, но та организация, которая спонсирует ЛАС, тоже находится в правительственном ведении.

— Что это значит?

— У нас всё законно, — чуть обиженно ответил служащий, как будто Корт с Ютой были из налоговой службы.

Корт закатил глаза.

— Рад за вас. Кто это? Что это за люди, которые выписывают чеки и решают, какую информацию можно раскрывать, а какую — нет?

Мужчина снова растерялся, и Юта поняла, что он рассказал всё, что знал.

— Я не знаю, правда. Финансирование осуществляется на высшем, государственном уровне. Этим занимается бухгалтерия, а сотрудники вроде меня ничего об этом не знают. Мы получаем деньги на наши исследования, а что ещё нужно знать?

— И то верно. Больше тебе ничего знать не нужно. Юта, поищи-ка в ящиках скотч.

Бедный служащий аж побелел, поняв, что отпускать его не собираются. Он попытался возражать, но Корт шепнул что-то ему на ухо, и сменив оттенок кожи на зелёный, мужчина захлопнул рот.

Юта отыскала скотч. Замотав его, как мумию, Корт запихнул служащего в довольно приличный по размерам платяной шкаф. Юте не нравилась мысль засовывать в шкаф ни в чём не повинного человека, но она не решилась при нём спорить с Кортом, чтобы ещё больше не осложнять и без того непростую ситуацию.

— Ну вот, все попытки остаться незамеченными коту под хвост. Утром, когда этого парня найдут, он расскажет о нас. И я не сомневаюсь, что эта информация найдёт, кого нужно. Так что теперь наши жизни в опасности. В особенности — твоя, — закончив с ассистентом, заговорил Корт.

Он смотрел на Юту. Она хотела что-то возразить и открыла было рот, но промолчала, сообразив: и правда, это ведь её, а не Корта разыскивают убийцы мэра. И это её лицо видел сегодня служащий.

— Нам пора уходить из города, — закончил Корт веско.

— Но мы не можем! Мы ещё ничего не выяснили ни о моём кулоне, ни о матери. Не решили, что делать с информацией о планете, о буре, о том, что нового Вечного Города нет!

Корт не стал спорить, как будто именно такой реакции и ожидал. Он устало опустил в кресло.

— И что ты предлагаешь? У нас есть время только до утра.

Юта села в кресло напротив, но на этот раз они поменялись местами — она оказалась

за компьютером.

— Не знаю. Но должно же что-то быть, какие-то ниточки, которые помогут найти ответы.

Она рассеянно водила мышкой по коврику, бессмысленно глядя в монитор. Неожиданная мысль озарила ясно, как вспышка молнии.

— Корт, можешь повторить, как звучат слова, вырезанные на шкатулке моей матери?

— «Ат ла раним — санум реглат, ат ла атлурн — санум ассари». «Удел мужчин — проливать кровь, удел женщин — проливать слёзы», — машинально произнёс Корт. — Зачем тебе?

— Пока не знаю. Просто догадка.

Юта вбила слова в строку поисковика и нажала «Энтер».

Она не слишком рассчитывала на результат, но случайный бросок вдруг попал в цель, когда в самом низу страницы Юта с изумлением обнаружила вязь символов наури.

— Корт, — позвала она растерянно, — кажется, я что-то нашла.

Корт поднялся из кресла и встал у Юты за плечом, глядя на экран. Они с Ютой переглянулись.

— Это стоит проверить, — сказал Корт, — но сперва нам надо увидеться с Кирли.

Корт и Юта сидели в закрытой с трёх сторон кабинке полуподвального кафе-бара. Неяркий свет низко висевших желтоватых ламп бросал блики на полированные ширмы, разгораживавшие небольшое помещение. В такое время тут было почти пусто. Сидевшие за столиками посетители не обращали внимания на остальных, — сюда приходили люди, ценившие тишину и уединение.

Это спокойное, всегда немногочисленное место предложила Кирли. Она встречалась здесь со своими осведомителями, не желавшими публичной огласки.

Корт сидел на одном диване с Ютой, глядя в узкое окошко под потолком. В него было видно лишь серый асфальт и ноги редких прохожих. Юта меланхолично крутила в пальцах большую кружку чёрного кофе. Время от времени она подносила её ко рту, чтобы вдохнуть крепкий, горьковатый аромат, и печально вздыхала.

Искоса наблюдая за Ютой, Корт отметил, что её лицо больше не было фарфорово-бледным. Несмотря на то, что при выходе в пустыню она всегда носила хилт, всё же её кожа слегка загорела. Особенно это было заметно сейчас, в темноте кафе. Казалось, что её лицо и руки покрыты шоколадно-бронзовой пылью.

Заметив, что Корт её рассматривает, Юта подняла лицо от чашки. Она бросила на него вопросительный взгляд из-под пушистых чёрных ресниц. Корт поспешно опустил глаза в стол.

— А, вот вы где! Простите, что опоздала!

Это была Кирли. Быстрым уверенным шагом она приблизилась к их кабинке. Корт поднялся ей навстречу.

— Спасибо, что согласилась встретиться с нами. Сейчас это — смелое решение.

— Не благодарите. Пока я для вас ничего не сделала, но вы действительно меня заинтриговали.

Кирли Коул, бывший редактор Юты, а также та, кто сумел открыть для них врата

Вечного Города, была высокой энергичной женщиной под сорок. Стильно и дорого одетая, в туфлях на высоком каблуке, с короткой, небрежно уложенной стрижкой, она с первого взгляда производила впечатление самодостаточной успешной женщины. К тому же настолько свободомыслящей, независимой и проницательной, чтобы поверить в историю, которую Корт и Юта собирались ей поведать.

А ещё у Кирли было влияние в городе. Она уже пять лет являлась главным редактором «Первой Полосы» — наиболее солидного и непредвзятого новостного издания Лиатраса. Так что у неё, как ни у кого другого, была возможность донести до людей ту правду, которую Корт с Ютой раскопали.

Юта и Кирли тепло обнялись, как старые подруги.

— Ты выглядишь гораздо лучше, чем когда болталась у Корта на плече, — чуть усмехаясь, заявила Кирли, по обыкновению говорившая, что думает. — А ещё ты изменилась, хотя никак не могу понять, в чём именно. Если честно, у меня до сих пор в голове не укладывается, что в пустыне живут люди, и ты побывала среди них.

Юта вздохнула.

— Порой я и сама не могу в это поверить. С тех пор, как началась вся эта история, всё вокруг кажется мне не таким, как раньше. Взять, например, город. Раньше он был для меня всем. И хоть он всегда казался мне чересчур шумным, немного высокомерным и часто назойливым, но это был мой город. Я знала его, как знают близкого человека. Мне казалось, что, несмотря на все недостатки, он честен и открыт для всех лиатрасцев.

Но теперь всё это в лучшем случае кажется красивым сном, а в худшем — грязной ложью, которой он пичкает наивных жителей.

Корт отметил, что Юта говорила с Кирли очень открыто. Очевидно, она полностью ей доверяла и не привыкла ничего от неё скрывать.

— Ты расскажешь мне, как пришла к таким выводам? — Кирли достала из сумочки небольшой цифровой диктофон, а затем выложила на стол блокнот и ручку.

— Для этого мы здесь. Мы расскажем тебе всё, что узнали. Я уверена, что никто, кроме тебя не сумеет лучше преподнести эту информацию. А она должна дойти до людей, поверь мне.

Юта как могла сжато и даже сухо изложила Кирли факты, опустив некоторые подробности, касавшиеся кулона её матери и богини Амальрис. Корт лишь изредка дополнял что-то в её рассказе, но в целом Юта справилась гораздо лучше, чем мог бы справиться он сам. При этом она с ловкостью и сноровкой гребца, ведущего лодку через пороги бурной реки, обходила все щекотливые и опасные места. «Вот что значит настоящая журналистика», — неожиданно понял Корт. Очевидно, это было у Юты в крови.

На протяжении всего рассказа на лбу Кирли, как тучи на предгрозовом небе, собирались складки. Её лицо становилось всё серьёзнее. После того, как Юта закончила говорить, женщина тяжело откинулась на спинку дивана. Она немного нервно крутила в пальцах шариковую ручку.

— Неужели всё это правда? И если так, почему ты сразу не обратилась ко мне? Я могла бы помочь. Вместо этого ты подвергла себя такой опасности. Без обид, Корт, но вам не стоило возвращаться в город. Вы могли бы просто послать мне сообщение, в котором изложили бы все детали.

Корт открыл рот, чтобы что-то сказать, хотя, по большому счёту, был согласен с Кирли, но Юта перебила его:

— Не думаю, что ты поверила бы во всё это, если бы не увидела собственными глазами. К тому же, мы должны были удостовериться, что эта информация попадёт в нужные руки. Всё это слишком рискованно и опасно, чтобы пустить на самотёк.

Кирли продолжала хмуриться, постукивая ручкой по столу.

— Ладно, — наконец произнесла она. — Если всё это действительно так, а у меня нет оснований вам не верить, то люди должны узнать правду. Я позабочусь об этом. В скорейшем времени я подготовлю серию статей. И уж не сомневайтесь, этот материал попадёт на первую полосу.

Сквозь синеватый купол навеса, раскинувшийся во все стороны насколько хватало глаз, чуть ниже точки зенита, бледным пятном проступал желтоватый Аттрим. Белоснежный Туарис, висевший над горизонтом на юго-западе, казался искрой какой-то иной, неземной жизни, бесконечно прекрасной и столь же чуждой. Его яркий неживой свет смягчался фильтрами навеса, так что Юта могла спокойно наблюдать за обоими светилами — непривычное чувство, забытое за время жизни в Утегате.

Юта перевела взгляд вниз, на бесконечный унылый лес из серых каменных плит одинаковой формы и размера. Они располагались на одном расстоянии друг от друга, разделяемые прямыми линиями дорожек. От этого Юта тоже успела отвыкнуть — от прямых линий и симметрии строений, а также от мысли о том, что своих родных и близких можно хоронить.

Юта скользила взглядом по надписям на надгробиях, — единственном, чем различались захоронения. Некоторые были совсем свежими, со всех сторон засыпанные искусственными цветами. Другие плиты были старыми, с изъеденным временем камнем и стёршимися надписями. Блёклые, пожелтевшие фотографии провожали двух живых, забредших во владения мёртвых, с немым укором во взглядах. И Юта поспешно отводила глаза, как будто тоже была виновата в том, что потомки перестали ухаживать за могилами предков.

Внезапно Юта поймала себя на том, что думает о смерти и мёртвых, как атлург.

Корт бесшумно шагал позади, странно угрюмый и неразговорчивый с тех пор, как они покинули здание ЛАС. Юта обернулась и поймала на себе тяжёлый взгляд его потемневших глаз. Корт поравнялся с ней.

— Есть кое-что, о чём я должен тебе сказать, — без предисловий начал мужчина. — Думаю, то, что случилось с твоим другом, не связано с тобой.

— Что? — Юта не поверила своим ушам.

Она повернулась к Карту. Он говорил монотонно, как заевшая пластинка.

— Я думаю, у вас дома неспроста всё было перевёрнуто вверх дном. Люди, которые к вам вломались, искали что-то, а не кого-то. Компьютер Бабли был взломан, его расчёты пропали, в то время как твой компьютер просто разбили. С учётом того, что мы узнали, вполне вероятно, что тот визит был связан вовсе не с тобой, а с исследованиями твоего друга.

Сама посуди: Бабли отправил заявку в ЛАС, и в тот же день к вам домой вломались и унесли все его документы и расчёты. Несколько недель вы скрывались и появились только на космодроме. Там вы были вместе, но тебя не тронули, только его.

Корт взглянул на Юту.

— Я думаю, ты не виновата в гибели друга. Бабли убили из-за его исследований. Из-за того, что он узнал, а не из-за тебя.

Юта продолжала размеренно шагать, механически поглядывая на номера надгробий. Она подумала, что, наверное, должна ощутить облегчение от того, что вина за смерть друга больше не лежала на её сердце, разъедаемая кислотой. Но она ничего не почувствовала. Только усталость от осознания, что они столкнулись с очередным бессмысленным злом и несправедливостью. Как обычному человеку справиться со всем этим? Как не опустить рук, не сдаться?

Внезапно ей стало всё равно. Неважно, из-за чего или кого погиб Бабли. Просто его больше не было рядом с ней, и она ничего не хотела больше, чем иметь простую возможность попрощаться. Но даже этой элементарной вещи Юта была лишена. Корт настрого запретил приближаться к могиле Бабли. После того как они засветились в ЛАС, за ней могло быть установлено наблюдение.

Юта отвернулась от Корта, пытаясь скрыть слёзы, застывшие в глазах, как осколки льда, — больно ранящие, но не способные пролиться.

— Юта, — Корт осторожно тронул её за плечо, — мы пришли.

Мужчина подошёл к одному из надгробий и присел возле него на корточки. Оно не выглядело таким уж старым — серый камень ещё не успел растрескаться от времени, буквы на эпитафии были хорошо видны. Но в то же время могила была заросшей и неухоженной, как будто её не навещали с тех пор, как было сделано захоронение.

Юта подошла ближе и увидела нечто странное: на гладком камне надгробия не было не только фотографии, но даже имени и даты рождения и смерти. Только длинная надпись, расположившаяся в две строки одна над другой. Та самая эпитафия, которая и привела их с Кортом сюда.

Надпись вилась, словно загадочный восточный орнамент, словно дикий узор из причудливо переплетённых лоз, словно танцующее пламя — эпитафия на наури.

Корт провёл ладонью по надписи, счищая пыль и землю, забившую вырезанные в камне строки. Когда налёт грязи и времени спал, они увидели ещё один символ — не слово, именно знак. В точности такой, какой висел у Юты на шее.

— Что здесь написано? — пытаюсь унять дрожь в голосе, спросила Юта.

— «Ренам нелассурд, рум нагласар меднус Перем Углак, нарагар нал Дакурум Навир». «Прощайте, сёстры. Мы встретимся вновь на берегу Дикой Реки, под тенью Белой Кости», — прочёл в ответ Корт. Он повернулся к Юте. — Понятия не имею, что это значит. Не вижу в этом никакого смысла. У народа нет поверий о реках, ведь никто из них в своей жизни не видел рек, — только о песках.

— Но ведь это должно что-то значить. Это обращение к неким сёстрам. Звучит настолько странно, что кажется: оно оказалось тут не случайно. Как будто человек, написавший это, хотел нам что-то сказать.

— Ну, если кто-то и может понять, в чём тут смысл, то это ты, — отозвался Корт. А когда Юта вопросительно посмотрела на него, кивнул на её кулон. — Возможно, эта надпись предназначалась твоей матери.

Юта присела на край соседней могилки. Холодный камень тут же остудил разгорячённое тело и мысли.

— Прочитай ещё раз, как это звучит на наури, — попросила она.

— «Ренам нелассурд, рум нагласар меднус Перем Углак, нарагар нал Дакурум

Навир», — повторил Корт.

— Странно, но мне слышатся слова «Медный Переулок».

Корт пошевелил губами, как будто пробовал звучание привычных для него слов наури, отбросив их смысл.

— Пожалуй, ты права. Думаешь, эта надпись — какой-то шифр, загадка?

Юта вздохнула.

— Последнее время у меня ощущение, что вся моя жизнь — это какая-то загадка. Шарада, которую я силюсь разгадать, но никак не могу подобрать ключ.

Корт ничего на это не ответил.

— Если это и правда шифр, и речь идёт вовсе не о Дикой Реке, а о Медном Переулке, тогда, может, нам следует наведаться туда?

— Наверное, ты прав. Но что нам искать?

— Может, мы снова встретим символы наури. Или ещё какую-то подсказку, если это и правда загадка. Кто знает. В любом случае, это наш лучший шанс.

Глава 9. Старая жрица

Через час они уже обошли Медный Переулок вдоль и поперёк. Это оказалась маленькая, тихая улочка на задворках шикарных городских кварталов. Попасть на неё можно было, только свернув из другого, такого же узкого и короткого переулка, прячущегося за огромным торговым комплексом.

Сам Медный Переулок состоял всего из десятка невысоких — в два-три этажа — домов. Юта и не знала, что такие ещё остались. Они сиротливо жались друг к другу, ютясь в тени небоскрёбов и широких городских улиц, полных суеты, блеска и непостоянства.

Здесь же время будто застыло, словно не заметив, обошло это место стороной. На узкой улочке — только двум машинам разъехаться — Юта и Корт не встретили ни одного человека. Жизнь будто замерла здесь, попрятавшись за старыми обшарпанными фасадами неказистых домов.

Корт с Ютой обошли Медный Переулок, заканчивающийся тупиком, несколько раз, но так и не нашли ничего похожего на символы наури. Вообще ничего странного или подозрительного, кроме того факта, что такое место могло существовать в Лиатрасе.

Измученная бессонной ночью и дорогой, а также мыслями о нескончаемых секретах и о том, как она с ними связана, Юта присела на ступени одного из домов.

— Мы снова в тупике, — сказала она, положив голову на руки, рассматривая обшарпанную дверь дома напротив, со старым, позеленевшим от времени медным колокольчиком.

— Рано сдаваться.

Корт сел на ступеньку рядом. Он тоже выглядел измученным и вдобавок весь был как на иголках. Помимо того, о чём беспокоилась Юта, на плечи Корта давил и другой груз — начиная от заботы об их безопасности и заканчивая тем, о чём он не говорил, но что постоянно терзало его. Юта видела это в его глазах.

Это была смесь печальной ностальгии, какую испытывала и она, с тяжёлыми воспоминаниями об изгнании. Корта мучила внезапно открывшаяся, как старая рана, вина за гибель друга, ненависть к тем, кто сделал это с ним и с самим Кортом, и даже страх, который он скрывал от Юты наиболее тщательно. Но девушка всё равно не могла не замечать его, вдруг мелькавший в синих глазах при взгляде на лица прохожих или улицы, мимо которых они проезжали.

— Может, мы ищем не в том направлении, — продолжал говорить Корт. — Может, здесь скрыта ещё какая-то игра слов. Мы нашли улицу, теперь, очевидно, надо найти дом и квартиру.

Корт смотрел на мирно простирившуюся перед ним улочку, так непохожую на полные суеты и шума проспекты Лиатраса. Но в его глазах не было умиротворения, какое появляется у человека при взгляде на безмятежный пейзаж. Наоборот, казалось, он ненавидел эти дома в их тихом мирном существовании. Раньше Юта не замечала за Кортом ничего подобного, и это неожиданно напугало её.

Юта достала из кармана купленный на днях телефон и забила название улицы. Она не знала, что ищет, но делать что-то было лучше, чем думать обо всех этих тягостных вещах. Именно так она смогла пережить гибель родителей — погрузившись в тогда ещё детские расследования, которые, однако, вскоре привели её в совсем не детский мир.

Просматривая подряд всю информацию, связанную с Медным Переулком, она наткнулась на реестр жильцов, когда-либо проживавших здесь. Юта автоматически читала имена и фамилии. Напротив каждого стояли годы проживания на улице. Взгляд Юты зацепился за год смерти матери. Она посмотрела на имя — Налада Кирам. Снова на год, и снова на имя.

— Как звучит фраза? — с сильно бьющимся сердцем спросила Юта.

Корт вновь прочитал её.

— «Нарагар нал Дакурум Навир», — повторяла Юта. — «Нал Дакурум», «НалДакурум». Налада Кирам. — Она повернулась к Карту. — Я знаю, кого мы ищем.

Корт нажал на кнопку звонка рядом с обветшалой дверью первого этажа. На двери болтался старый, позеленевший от времени колокольчик с вырванным язычком.

За дверью долго не происходило никакого движения, но как только Корт нажал на звонок второй раз, с той стороны раздались шаркающие шаги.

— Кто там? — донёлся дребезжащий старушечий голос.

Корт переглянулся с Ютой, уступая ей право говорить.

— Мм, госпожа Налада Кирам? Мы пришли, чтобы, — Юта помялась, решая, как представиться. — Мы... Прощайте, сёстры. Мы встретимся вновь на берегу Дикой Реки, под тенью Белой Кости, — выпалила она и замолчала.

Минуту за дверью было совершенно тихо. Юта уже решила, что они пришли не по адресу или же своим приветствием отпугнули единственного человека, который мог знать ответы на их вопросы. Но дверь неожиданно заскрипела и открылась.

За ней стояла маленькая сморщенная старушка, напомнившая Юте серую мышь. На её тощих плечах болталась выдавшая виды, изъеденная молью серая шаль, скрывавшая большую часть её тщедушной, словно истлевшей от времени фигуры. Её тонкое, острое, с мелкими чертами лицо обрамляли на удивление густые седые волосы, повязанные в жёсткий пучок на затылке. Серые маленькие глазки смотрели остро и цепко. Старушка скользнула взглядом по Юте и Карту и, ничего не говоря, распахнула дверь во всю ширь.

Повернувшись к вошедшим спиной, Налада зашаркала по тёмному коридору. Её тонкий голосок продребезжал:

— Входите. Я поставлю чайник. Нам надо о многом поговорить.

Юта посмотрела на Корта и шагнула за порог.

Как только Корт закрыл дверь, квартира погрузилась в полумрак. Должно быть, живя здесь, можно было очень быстро забыть, что на свете вообще существует солнце. На ощупь Юта с Карту выбрались на маленькую тесную кухоньку, где Налада уже разливала по древним фарфоровым чашкам бледно-жёлтый чай.

— Итак, вы были на моей могиле, — заговорила старушка, когда Юта втиснулась за стол.

Карту не хватило места, и он пристроился возле подоконника на хлюпкой табуретке.

— Да. Ну, то есть, мы не знали, что это ваша могила, — немного растерялась Юта. — Мы нашли вас по эпитафии на надгробии. Но как это может быть вашей могилой, если вы живы?

Юта сильно нервничала не только от ощущения близости к разгадке тайн, связанных с матерью, но и под строгим пронизательным взглядом Налады.

— Мне пришлось подстроить свою смерть, чтобы они не нашли меня, — ответила старушка. — Они убивали всех жриц, одну за другой. У меня не было выбора. Я должна была

сделать всё, чтобы выжить. Но я оставила подсказку, чтобы другие могли меня найти. Хотя я думала, других не осталось...

— Пойдите, я ничего не понимаю. — Юта замотала головой. — Каких жриц?

— Как каких? Жриц Богини Тьмы, конечно. Твоя мать была одной из них, потому её и убили. Вот же у тебя её кулон. Как только увидела его, я сразу поняла, что передо мной дочь Риги.

Старуха протянула дрожащую костлявую руку и указала на кулон. Оказывается, Юта машинально достала его из-под футболки и теребила в пальцах.

— Я ничего не знаю об этом. Не понимаю, о чём вы говорите. Какие ещё жрицы? Откуда вы знаете об этом символе и Богине Тьмы? И как вообще моя мать могла быть какой-то жрицей? Она была совершенно обычной женщиной. Работала начальницей отдела закупок в мебельном гипермаркете. И её не убивали. Они с отцом погибли в автомобильной аварии!

Налада покачала седой головой. Она смотрела на Юту с жалостью. Этот взгляд очень не понравился девушке. Пальцы задрожали, и она с громким стуком поставила чашку на блюдце, чтобы не расплескать чай.

— Твоя мать не успела рассказать тебе, кем ты являешься, — тягучим смягчившимся голосом заговорила старуха, как будто сама только что поняла это. — Она должна была посвятить тебя в наши тайны по достижении шестнадцатилетия.

Налада смотрела на Юту, качая головой. Юта повернулась к Карту, ища поддержки, но его лицо застыло тёмной маской. Он держал маленькую фарфоровую чашечку, как будто собирался выпить из неё, но не донёс до рта. А теперь и вовсе забыл, что она была у него в руках. Юта почувствовала, что её замутило. В голове всё путалось.

— О чём вы говорите? Какие тайны? — потребовала она у Налады.

— Тайны Богини Тьмы, в которые посвящены её жрицы. И раз других не осталось, но нашлась дочь Риги, то ты — последняя из нас.

— Этого не может быть. Это какой-то бред!

Юта вскочила из-за стола, задев блюдце. Чашка перевернулась, и чай плеснул на скатерть, расплывшись грязно-бурым пятном. Она была готова убежать из этого дома, не дослушав до конца историю полоумной старухи. Да как она вообще может знать, кем была её мама!

Неожиданно Корт поднялся со своего места и подошёл к Юте, усаживая её обратно.

— Подожди, выслушай. Я не думаю, что эта женщина говорит бред.

— Как? Ты поверил в это?!

— Тише, успокойся. Просто выслушай меня.

Корт присел на корточки рядом с Ютой. Его ладонь сжимала её плечо. Юта почувствовала, что пожелай она освободиться, это оказалось бы не так просто. Корт держал её мягко, но крепко, и заглядывал в глаза.

И тут Юта поняла, что сорвалась в истерику. А Корт пытался её успокоить, пока она не начала бить посуду или не бросилась на старуху. Ей стало стыдно за свою реакцию. Она опустила глаза.

— Я слушаю.

— Помнишь, когда я только узнал твоё имя, то сказал, что оно весьма необычное?

— Помню, и что?

— А то, что оно не просто необычное. На древнем языке «юта» означает «судьба», а

«Юталиэн» — «судьбоносная» или «несущая на себе знак судьбы».

Это древнее имя, сейчас оно не используется. Народ уже не помнит, что оно означает. Но я читал много текстов и встречал его. Так называли девочек, рождавшихся под знаком Богини. Считалось, что им уготована особая участь.

Юта опешила.

— Не понимаю. Ты хочешь сказать, что моё имя значит что-то на наури?

— Я хочу сказать, что твоё имя принадлежит нашему народу. — Корт посмотрел ей в глаза и закончил: — Возможно, как и ты, если твоя мать и правда была жрицей Амальрис.

Юта не знала, что ответить. Она растерянно переводила взгляд с Корта на старуху. Налада терпеливо ждала.

— Хорошо, я выслушаю вас, — наконец сказала Юта. — Кем же, по-вашему, была моя мама? Кто и зачем убил её и откуда у неё этот знак?

Убедившись, что Юта не собирается устраивать новых сцен, Корт выпустил её руку. Налада начала говорить. И чем дальше продвигался её рассказ, тем становился невероятнее.

История народа, рассказанная Наладой,
последней жрицей.

Я думаю, вам известна легенда атлургов, согласно которой они — потомки Первых Изгоев. Буквально тех, кто первыми когда-то был изгнан из Вечного Города. Они не погибли в песках, потому что боги пустыни сжалились над ними. Народ верит, что сам Бог Жизни, милосердный Куду, научил их добывать воду, а суровый Руг — охотиться и выживать в песках.

Боги указали народу место для постройки первого города — Города Богов, из которого атлурги распространились по пустыне. Со временем дорога к нему была утеряна и забыта. Нынешним поколениям Город Богов, — истинное, сакральное название которого было Канор — представляется легендарным местом, где жили полумифические Первые Изгои или Дети Канора.

На самом деле всё было совсем не так.

Первые Изгои не были изгнаны из Лиатраса, чтобы позже построить Город Богов. Они были изгнаны из Города Богов, чтобы построить Лиатрас. Наряду со всеми подземными городами атлургов.

Когда-то мы были единым народом. Наши предки вместе жили в Каноре, Первом Городе — а он действительно был самым первым и единственным. Но по причинам, не дошедшим до нас, среди них произошёл раскол, а миропорядок дал трещину. Междуособная кровавая вражда не утихала несколько десятков лет.

Тогда старейшины приняли нелёгкое решение. За то, что народ осквернил Город Богов кровью своих братьев, он был изгнан. Люди разделились на два лагеря: одни ушли и построили Вечный Город, получивший название Лиатрас. Другие расселились по пустыне в подземных городах.

Кстати, именно тогда атлурги, проживавшие в «гатах» — пустынных городах — и начали называть себя «народом» — факт, о котором ныне никто не помнит. Это является сокращением от «истинного народа». Они называли себя так в противопоставление «ложному народу» с их ложными техногенными идолами.

Две части когда-то единого народа всё больше отдалялись друг от друга. Одна часть

пошла по пути технического развития, другая — по пути духовного. Те, кто выбрал духовный путь, создали религию, чтобы сохранить знания предков.

Тут надо сказать о том, что предсказанное Великое Затмение, о котором говорится в апокалиптических свитках Амальрис, а также, косвенно, некоторых других богов, не является первым. Эти затмения цикличны. Они происходят на планете через определённые промежутки времени, когда блуждающая планета совершает очередной круг и подходит к Нибелии.

Детям Канора было об этом известно. Сейчас никто не скажет, сколько таких затмений они пережили, потому что никто не знает, когда и как они появились на планете. Но то, что они знали о затмениях и о том, как их пережить — чистая правда.

Именно в этом и заключается сакральное знание Амальрис, которое мы, жрицы, храним, передавая из поколения в поколение. Оно стало главной причиной того, что атлурги создали культ Амальрис. Именно он должен был через столетия спасти их потомков от следующего затмения. Это знание было тайным, потому что не должно было попасть в руки тех, кто пожелал бы использовать его в корыстных целях. Только истинный народ должен спастись.

Но столетия шли, и со временем народ забыл, почему поклонялся Богине Тьмы. Её культ отмер, а оставшихся жриц начали преследовать из-за знаний, которые они хранили. Наиболее ушлые из народа хотели получить к ним доступ. Они требовали от жриц открыть тайны их богини. Это было тёмное и кровавое время в истории атлургов. Выжившие жрицы приняли решение уйти в Вечный Город, чтобы спасти свои тайны.

Но и тут они не были в безопасности. Очень скоро выяснилось, что потомки атлургов, построивших Вечный Город, были не так забывчивы, как их братья, жившие в подземных городах. У них не было религии, поддержки могущественных богов и тайных знаний. Зато у них были технологии, которые помогли им устроить свои жизни в достатке и комфорте. Они не погибали от жажды, жара солнц, болезней, голода и недугов. И смогли сохранить преемственность.

Именно эти люди находятся в верхушке организации, которая охотится на жриц Амальрис. Не знаю, как они о нас узнали, но в этом нет ничего удивительного. Они тысячелетиями управляют Вечным Городом. А все эти мэры, правительства, полиция — всего лишь марионетки в их руках.

Так что сбежав от одной беды, мы попали в новую западню. Жрицы прятались многие столетия. Всё это время их искали и нередко находили. Поколения жриц прерывались, и вот не осталось никого, кроме меня, древней старухи, не способной более нести тяжкое бремя тайного знания, и тебя, девочки, ничего не знающей о своём предназначении и о том, как его выполнить.

Налада замолчала, тяжело дыша. Она выглядела измождённой. Глаза были закрыты.

Юта потрясённо смотрела на старую жрицу. Та выглядела вполне адекватной и совершенно связанно изложила все невероятные события, разворачивавшиеся на планете с того момента, как на ней появились люди. И всё же Юта не могла уложить рассказ Налады в голову, как будто он был слишком большим и не помещался там. Она посмотрела на Корта.

Кажется, он тоже был поражён. Корт молча сидел на полу, прислонившись спиной к истёртым пожелтевшим обоям. Он смотрел в одну точку и напряжённо о чём-то думал. Должно быть, тоже пытался упорядочить новые факты, разместив их в соответствующие

ячейки своей памяти рядом с тем, что уже было ему известно.

— Так вы хотите сказать, что моих маму и отца убили? — выдавила Юта.

Налада вздрогнула и подняла отяжелевшие веки, как будто задремала, а Юта её разбудила.

— Целью была твоя мать, Рига, а отец случайно попал под удар. Но эти люди — им всё равно, сколько невинных людей пострадает. Если кто-то становится у них на пути, они убирают препятствие. Тебя не убили только потому, что ты была слишком мала. И они вполне резонно решили, что ты ничего не знаешь. Но теперь мы все в опасности.

Седая голова Налады начала клониться на грудь. Старая жрица засопела ровнее.

Корт резко поднялся с пола. Между бровями пролегла глубокая морщина. Он взял старуху за руку и слегка встряхнул.

— Налада, вы должны ещё кое-что нам сказать. Что это за знание, которое хранят жрицы? Как людям спастись, когда придёт затмение?

— О, я не могу ответить на этот вопрос. Простите, мне хотелось бы вам помочь, но это не в моих силах. — Старуха смотрела на Корта немного удивлённо, как будто не понимала, как он оказался у неё дома. — Дело в том, что когда организации удалось найти жриц, и они начали погибать одна за другой, жрицы решили ради безопасности разделить знание между собой. У каждой было по свитку с частью пророчества. Мне тоже перешла от матери лишь одна часть. Подождите здесь.

Помешкав, Налада поднялась из-за стола и прошаркала из кухни. Юта и Корт напряжённо вслушивались в звуки, доносившиеся из комнаты, затем из коридора. Наконец старая жрица вернулась.

— Вот, — дрожащей рукой она протянула Карту свиток. — Это всё, что у меня есть. Всё, что я знаю.

Корт осторожно развернул бумагу и начал быстро пробежать по ней глазами.

— Но это то же самое пророчество, что мы читали в Утегате! «Настанет день, и небо будет ронять на землю огненные слёзы. Время повернёт вспять, отсчитывая дни до смерти всего живого. Придут неурожай, звери и птицы перестанут плодиться, а народ поднимется враждой друг на друга, брат на брата и муж на жену. Могучий Руг восстанет с края песков и поглотит Небесных Братьев. Придёт Великая Буря, которая продлится сорок дней и сорок ночей, и не останется на земле ничего живого», — процитировал Корт на память.

— Дочитайте до конца, молодой человек, — устало проговорила Налада.

Похоже, затянувшийся визит её изрядно утомил. Корт раздражённо уткнулся в свиток. Его глаза бегали по строкам, и вдруг он застыл.

— Что? Что такое?! — воскликнула Юта, не выдержав.

— «Придёт Великая Буря, которая продлится сорок дней и сорок ночей, и не останется на земле ничего живого. Только истинный народ сможет спастись, когда...», — вместо ответа прочёл Корт. — Когда что? — крикнул он. — Где продолжение?

— У меня его нет, — ответила Налада. И посмотрела на Юту. — Оно было у твоей матери.

Несмотря на сюрреалистичность рассказа старухи, теперь всё вставало на свои места. Части головоломки стремительно складывались в единое целое. И хоть Юта по-прежнему не

видела полной картины, это было уже «что-то, с чем можно работать», — как сказала бы Кирли.

Неожиданная, трагическая гибель родителей. Кулон, подаренный матерью незадолго до смерти, словно она ощущала её тлетворное дыхание у себя за спиной. Свитки Амальрис, пропавшие в Утегате бог знает сколько веков назад, выкраденные из подземного города бежавшими от своих же собратьев жрицами. Пустая шкатулка с надписью на наури и даже убийство Бабли, случайно узнавшего то, что никто знать не должен.

Всё это были части единого целого, одной истории. И хоть эта история казалась плодом чьего-то разыгравшегося воображения, но зато у автора определённо присутствовал стиль. Юта чувствовала этот небрежный росчерк, наискось пересекавший её жизнь, во внезапной и нелепой гибели родителей, мамином кулоне, который спасал её жизнь с такой же частотой, с какой подвергал опасности. В смерти друга, одновременно и связанной, и не связанной с ней, и даже в знакомстве с Кортотом, только благодаря которому Юта смогла узнать всё, что знала сейчас.

И самым главным была — тайна жизни и смерти её матери, которая была жрицей Богини Тьмы. Которая была атлургом.

— Простите старуху, разговоры утомили меня, — подала голос Налада, про которую Юта, погружённая в тяжкие мысли, почти забыла. — Я уже не та, что была раньше — смелая и решительная, как твоя мать. Она была хорошей подругой, настоящей избранницей богини. Наверное, именно такие, как она, были среди тех, кому Старейшины Канора доверили сакральные знания. Нынче от меня никакого проку. Молодой человек, вы не проводите меня до моей комнаты? Мне надо прилечь.

Корт молча помог жрице подняться. Она опёрлась на его руку, практически повиснув на ней серой бесформенной тряпкой. Переступая по скрипучему полу мелкими шажками, под стать старушке, Корт увел её в комнату, расположенную с другой стороны дальше по коридору. Дверь за ними закрылась. В квартире стало совсем тихо — только, разрезая глухую тишину, тикали старые настенные часы со сломанной кукушкой.

Ватное молчание будто уснувшего дома взорвалось страшным грохотом, пронёсшимся эхом по длинному коридору от входной двери. Юта вскочила со стула с гулко бьющимся сердцем. Страх и ощущение нагрянувшей беды были такими сильными, что буквально приковали её к месту.

Тяжёлый топот нескольких пар ног, отозвавшийся по всей квартире дребезжанием стёкол в дряхлых сервантах, резко оборвался, не достигнув кухни. Новый удар, похожий на небольшой взрыв, сотряс квартирку от пола до потолка. Тут же прозвучало несколько выстрелов. За ними последовал чей-то истошный крик, а затем высокое дребезжание разбившегося стекла. Юте потребовалось мгновение, чтобы сообразить: звуки раздаются из комнаты, где были Корт и Налада.

Не думая об опасности, она рванула в коридор. Он больше не представлял собой тёмный тоннель: варварски вскрытый с двух сторон — входной двери и спальни — его заливал свет с улицы. Во внезапно ворвавшемся дневном свете кружилась потревоженная пыль. Нелепыми, дряхлыми, уснувшими существами представляли ветхие тряпки, висевшие на крючках вдоль стен и стопки слежавшихся книг.

Держась за стену, Юта двинулась к зиявшему пустотой проёму спальни. Оттуда доносились незнакомые голоса. Ни Корта, ни жрицы слышно не было. Когда Юте оставалось не больше двух шагов до комнаты, в раскученном проёме входной двери появилась

высокая фигура. Юта не могла рассмотреть человека из-за света, лившегося с улицы. На мгновение он замер, а затем бросился к ней:

— А ну стой!

Юта промешкалась всего секунду. А затем, вместо того, чтобы убежать, прыгнула ему навстречу.

— Это она! — взревел мужчина. — Держите девчонку!

Двое мужчин, находившихся в маленькой спальне, разом повернули головы на крик. Тот, что стоял ближе к двери, кинулся Юте наперерез. Он навалился на неё, сгребая в охапку, и поволок по коридору прочь от спальни. Но до того, как её схватили, Юта всё же сумела заглянуть в комнату.

Всего на один миг, но ей было этого достаточно. Старая журналистская привычка сослужила хорошую службу: при одном единственном взгляде картина запечатлелась у Юты в голове с пугающей чёткостью, во всех мельчайших деталях.

Налада была мертва. Её маленькое, костлявое, словно иссохшее ещё при жизни тело скрючилось на постели. Видимо, Корт успел уложить жрицу в кровать, где её и настигла смерть. Красное пятно расплзлось из-под неподвижного тела. Край серой шали свисал с кровати, напитавшись кровью.

Но это было не единственное тело в комнате. В проходе между кроватью и древним трельяжем распласталось тело мужчины в серой униформе. Рядом с его рукой валялся выпавший из пальцев пистолет. Из груди торчала рукоять ножа. Одного из тех, что были предназначены для метания.

Окно в дальней стене было разбито, зияя острым провалом стёкол, как разинутая в оскале пасть. Старый истёртый ковер под окном искрился от осколков, бросавших на стены радужные блики. Одна штора была сдернута и бесформенной кучей валялась на полу вперемежку со стеклом. Корта в комнате не было.

Вся эта сцена отпечаталась у Юты перед глазами, словно моментальная фотография, сделанная на «Полароид». Чьи-то грубые руки тащили её по коридору, но она всё ещё видела перед собой набухающее от крови серое одеяло и странно умиротворённое лицо Налады, незряче уставившееся в потолок.

— Где свиток? — кричал кто-то Юте в ухо, больно вцепившись в руку и тряся её, как стебелёк. — Говори, где свиток с полным текстом пророчества?

Одно Юта знала совершенно точно. Одна мысль, за которую она хваталась, как за последнюю соломинку, давала ей надежду: Корта не было в комнате. Может быть, его выбросили из окна, но тогда на осколках была бы кровь. Так что, скорее всего, он выпрыгнул сам. А это значило, что он ещё жив.

— Отвечай, где свитки! — мужчина орал ей прямо в лицо, брызжа слюной и обдавая несвежим дыханием.

Юта молчала.

— Заканчиваем здесь. Проверь кухню. Ты, бери девчонку и уходим, — скомандовал другой голос. — Отвезём в Центр, пусть сами с ней разбираются.

Когда Юту выволокли из дома, под руки таща к длинному чёрному автомобилю с тонированными стеклами, она вспомнила про свиток, оставшийся на столе. Свиток, который Налада так тщательно хранила всю жизнь. И за который всё же погибла.

У Юты не было ни единого шанса вырваться, добежать до кухни и уничтожить его. Скорее всего, его уже прибрали к рукам те, от кого жрицы Амальрис скрывали его веками.

Люди, которые убили её мать.

Юта лишь успела бросить быстрый взгляд на квартиру Налады с пустой глазницей разбитого окна и болтающейся на одной петле дверью, прежде чем её грубо затолкали в машину. С двух сторон её стиснули массивными телами два бугая. Один всё ещё больно впивался в руку железными крючьями пальцев. Второй выглядывал в окно, держа наготове пистолет.

— Поехали, — скомандовал он.

Машина рванула с места, взвизгнув покрывками. Юта попыталась пошевелиться, хотя бы стряхнуть руку, сжавшую плечо. Всё было тщетно — её жалкие попытки освободиться были не продуктивнее трепыханий рыбы, пойманной на крючок и уже вытащенной на берег. Но человек надеется, пока жив. И жив, лишь пока надеется.

Юта извернулась, как ящерица, и укусила ненавистную руку. Наверное, это было не так больно, как неожиданно. Мужчина вскрикнул и выпустил её плечо. Но лишь затем, чтобы тут же схватить за волосы, рывком запрокидывая голову назад.

— Маленькая стерва, — прорычал он ей в ухо. — Будешь дёргаться, — придушу.

Вдруг, ещё не успев набрать скорость, машина резко затормозила. Пытаясь избежать столкновения с чем-то на дороге, водитель машинально крутанул руль, и автомобиль несколько метров пронесло юзом. Пассажиров резко тряхнуло, бросив на спинки передних сидений. Рука выпустила волосы Юты. Вывалившись в проём между передними сиденьями, она увидела, из-за чего водителю пришлось жать по тормозам.

Из-за капота выпрыгнул Корт. Он был похож на стремительную тень, тут же метнувшуюся к ближайшему зданию.

Матерясь на чём свет стоит, мужчина с пистолетом, сидевший слева от Юты, заорал:

— Дави его, идиот! Не дай уйти!

Он опустил стекло со своей стороны и наполовину высунулся из салона. Несколько выстрелов прогрохотало прямо у Юты над головой. Она перестала что-либо слышать левым ухом, кроме высокого звона, мучительно рвавшего барабанную перепонку.

Водитель наконец среагировал, вдавив педаль газа так сильно, что троих пассажиров отбросило назад и вжало в сиденье. Воцарился хаос. Слева раздавались выстрелы, которые полуголошная Юта слышала, как сквозь толстую стену. Верзила справа пытался выдрать из-за пояса пистолет и одновременно открыть окно со своей стороны. Машина виляла из стороны в сторону, очевидно, преследуя Корта, которого Юта не видела.

В суматохе погони про Юту забыли, и это дало ей шанс совершить отчаянный рывок. Она прыгнула вперёд между передними сиденьями и вцепилась в руль. Прежде чем её рвануло назад с такой силой, что она на миг потеряла ориентацию в пространстве, Юте всё же удалось резко крутануть руль вправо.

Машина снова вильнула. Пассажиры полетели влево. Водитель попытался выровнять автомобиль, но не успел. Машина врезалась в кирпичную стену дома. Удар прошёл по касательной, но, тем не менее, из-за высокой скорости, вышел сокрушительным.

Водитель влетел в руль грудью и головой, тут же потеряв сознание. Наполовину высунувшегося из окна верзилу выбросило наружу. Юта только увидела его странно изломанное тело, катящееся по асфальту как сдутый мячик. Её саму ударом бросило вперёд через сиденья. На долгое мгновение она словно зависла в полёте, в полной невесомости, а потом влетела головой в приборную доску.

Перед глазами плыло. В мозгу словно разорвалась граната. Юта была дезориентирована,

но ещё могла шевелиться. Она попыталась принять вертикальное положение, насколько была способна различить верх и низ.

В ногу вцепились железные клещи — так ей показалось. Они с неистовой силой ярости и злобы рванули её обратно. Юта с отчаянием вцепилась в переднее сиденье, но её перехватили за талию, сжимая с такой силой, что воздух разом вышел из легких. Она машинально разжала пальцы, и её втащили назад.

Сквозь мутную пелену перед глазами она увидела красное, искажённое ненавистью лицо верзилы, который держал её всю дорогу. Юта попыталась оттолкнуть его ногой, отползая в противоположную сторону заднего сиденья, но он поймал её за ногу и потянул на себя. Юта закричала, не слыша собственного голоса, и начала молотить руками по тёплому и потному, метя мужчине в лицо. Он зарычал, подтащив её к себе, словно хищник — добычу. Его горячие руки сомкнулись на её горле. Он сжимал до тех пор, пока Юта уже не могла вздохнуть.

Силы быстро покидали её. Юта била руками всё слабее. Перед глазами поплыли тёмные круги, лёгкие горели. Уже теряя сознание, она увидела, как дверь за спиной её мучителя распахнулась с такой силой, словно по ней ударили тараном. Протянувшиеся снаружи руки схватили мужчину за горло и выволокли из машины.

Он выпустил Юту, но не смог ничего противопоставить силе, выдравшей его из автомобиля, как ураган вырывает из земли тощее деревце. Схватка быстро закончилась. Всё ещё хватавшая ртом воздух Юта увидела в дверном проёме тёмное лицо Корта с красной полосой царапины, протянувшейся со лба на щеку.

Она не помнила, как он вытащил её из машины. Всё заволакивал красно-бурый туман, такой густой, что время от времени Юта переставала что-либо видеть.

Корт подхватил её на руки и понёс мимо раскуроченной морды автомобиля. В нескольких метрах на асфальте шевелился человек. Он слабо постанывал, пытаясь ползти. Корт не обратил на него внимания. Он нёс в руках самое драгоценное, что было в этом мире. Сокровище, которое ему удалось спасти, а больше его ничто не волновало.

«Рут те аттал юта», — услышала девушка слова, которые шептал Корт.

Хотя, возможно, ей просто померещилось.

«Рут те аттал юта». Горячее дыхание обжигало ухо, аккурантые пальцы гладили по растрёпанным волосам. Говорил ли Корт эти слова на самом деле, или ей это только приснилось, понять Юта не могла.

Она очнулась в квартире, которую в качестве убежища нашла для них Кирли, но совершенно не помнила, как сюда попала. Она лежала на кровати в темноте. Шторы просторной спальни были наглухо задёрнуты. В квартире было тихо.

— Корт! — позвала Юта, приподнимаясь на локтях.

Резкое движение вызвало немедленный взрыв боли в голове. Юту замутило так сильно, что она думала — вырвет. Девушка закрыла глаза и осторожно, стараясь не шевелить головой, опустила обратно на подушку. Сквозь закрытые веки она увидела расплывчатое пятно света и услышала шорох шагов.

— Юта, я здесь, — окликнул голос Корта совсем близко, и Юта медленно открыла глаза.

— Корт... — прошептала она и улыбнулась.

— Ты помнишь, что произошло?

Мужчина сидел на кровати рядом с ней и смотрел на неё со странным выражением в тёмно-синих глазах. Это была смесь печали, и вины, и скорби, и ещё, совершенно неожиданно, сострадания.

И тут Юта вспомнила. Всё, до последней мелочи: до цвета серого покрывала на кровати Налады, до радужных отсветов от разбитого стекла на стенах, до потных рук, сомкнувшихся на горле.

Юта коснулась головы — она была перемотана бинтами. Она поднесла руку к глазам и увидела красное. Корт наклонился ближе, рассматривая повязку.

— Опять кровь пошла. Надо перебинтовать. — Он начал подниматься.

— Постой. — Юта поймала Корта за руку. — Когда я была без сознания, ты говорил что-то. Я слышала, как ты произносил моё имя. Что ты говорил?

Корт странно посмотрел на неё, поколебался, но всё же ответил:

— Я сказал, что ты должна держаться. Что всё будет хорошо.

Юта на мгновенье прикрыла глаза, а когда снова открыла, в них стояли слёзы.

Она ненавидела плакать при посторонних. Она должна всегда оставаться сильной или хотя бы казаться такой. Но сейчас ей почему-то было всё равно. Что-то, больно царапавшее острыми краями, рвалось у неё из груди. Она хотела выпустить это что-то — эту боль — чтобы избавиться от неё.

— Корт, мне страшно, — зашептала Юта, хватаясь за его руку. — Я столько уже потеряла, но мне никогда не было так страшно, как сегодня, когда я думала, что меня увезут от тебя, и я больше никогда тебя не увижу.

Мужчина застыл, не двигаясь, будто даже не дыша. Она видела его застывшее каменной маской лицо. Оно расплывалось из-за слёз, которые текли у неё по щекам.

— Не плачь, — тихо произнёс Корт.

Но она не могла остановиться. Крупные горячие капли катились по щекам помимо её воли. Рука Корта дёрнулась. Бесконечно медленно, будто преодолевая невидимую силу сопротивления, он поднёс руку к её лицу. Он гладил Юту по щекам, стирая жгучие слёзы, но они лишь сильнее катились у неё из глаз.

Юта прижала руку Корта к своей щеке. Его ладонь была горячей. Её прикосновение почти обжигало кожу, как будто она подставила щёку под прямые лучи Тауриса. Юта подумала, что, возможно, в пустыне с ним и правда что-то произошло. Что-то кардинально отличавшееся от того, что все думали. Что-то загадочное и невообразимое, как будто он впитал в себя жар пустыни.

— Не плачь. Я не дам тебя в обиду, — повторил Корт, словно не знал, что ещё сказать.

Очевидно, он был не мастак утешать плачущих девушек. Наверное, он решил, что она плачет от страха. Но это было не так.

— Корт, — Юта потянула его к себе, — обними меня.

Корт молча наклонился к ней. Его глаза стали двумя тёмными водоворотами, которые затягивали Юту, и она тонула, задыхаясь, не способная сопротивляться. Она почувствовала, как его волосы упали ей на лицо, когда он прижался щекой к её щеке.

Жёсткая двухдневная щетина колола и щекотала лицо. Юта повернулась к нему, улыбаясь. Она хотела что-то сказать, но в этот момент Корт тоже повернулся к ней. Неожиданно их губы встретились. Юта не знала, как это случилось, но это казалось таким

же естественным, как дышать, как смотреть на него, как быть рядом с ним.

Поцелуй обжѐг её, словно раскалённое дыхание пустыни. Юта поняла, что у неё нет сил оторваться от Корта. Его губы были горячими и растрескавшимися, а поцелуй — жарким и настойчивым. Юта не думала, что он может быть таким. Кокон спокойствия, всегда окружавший его, лопнул, обнажив другого Корта — неистового и отчаянно безрассудного, страстного и беззащитно-ранимого, стремительно теряющего контроль.

Горячая тёмная волна накрыла их с головой. Корт целовал её с силой, почти причиняя боль, так, как будто это был последний миг их жизни. Он поймал её судорожный вздох, раздвигая её губы своими, не давая вздохнуть.

Юта цеплялась за рубашку Корта, не понимая, где она и что происходит. Но её это больше не волновало. Всё, чего она хотела — это чувствовать эти губы, горячие и немного жѐсткие, покрывающие её влажными поцелуями. Она тянулась к Карту всем своим существом, всем телом и всем сердцем.

Поцелуй разгорался, как лесной пожар, становясь отчаянным, почти болезненным. А потом Корт со стоном резко оторвался от неё. Словно какая-то сила рывком отбросила его в другой конец постели.

Он не смотрел на Юту. Волосы чёрной завесой скрывали лицо. Мышцы были напряжены, перевиваясь под рубашкой тугими жгутами. Его грудь быстро поднималась и опадала, как после быстрого надрывного бега.

— Я, — начал говорить Корт, но его голос сорвался. Он прочистил горло. — Я принесу воды. Тебе надо отдыхать.

Корт как-то неуверенно поднялся с кровати, как будто у него кружилась голова. Он по-прежнему не смотрел на Юту. На секунду Корт остановился в дверях, словно хотел обернуться и что-то сказать. Но затем передумал и, рывком оторвавшись от дверного косяка, вышел из комнаты.

Юта откинулась на подушки, закрыв глаза. Мыслей не было, но в груди постепенно начинала разливаться холодная пустота.

Глава 10. Стена

Корт вышел на кухню. Босыми ступнями он ощущал холод кафельного пола. Корт налил стакан воды, чтобы отнести Юте. Но вдруг понял, что не сможет вернуться в комнату. Правая рука, державшая стакан, еле заметно подрагивала.

Он не понимал, что только что случилось, почему это случилось, и как он мог такое допустить. Карту не хватало воздуха. Квартира вдруг стала слишком тесной. Весь этот город был слишком тесным, заключённый в каменные стены. Корт надел ботинки и вышел из квартиры.

Он прошёл по длинному коридору мимо двух других квартир и толкнул дверь запасного выхода, которая вела на «чёрную» лестницу и балкон. Балкон располагался с тыльной стороны дома и смотрел на глухой тихий двор.

Квартира была на пятом этаже, поэтому Корт легко мог разглядеть внизу семьи, гуляющие с детьми, и компанию подростков, расположившихся на скамейке с бутылками пива в руках. Но когда поднял голову вверх, Корт не увидел неба или привычного ослепительного сияния Милосердных Братьев. Всё, что он видел, был нибеновый навес, выгнувший горбатую спину между двумя соседними домами.

Иллюзия открытого пространства, иллюзия свободы испарилась, как капли воды на песке. Корта снова сжимали стены, а над головой нависал потолок. Он был словно зверь, пойманный в клетку. Вдруг Корт со всей отчётливостью понял, что скучает по бескрайней пустыне и Утегату. Ну зачем ему понадобилось снова возвращаться в этот проклятый богами город?! Всё выходило из-под контроля. Корт с силой, почти до боли, сжал железные перила балкона. И тут его внимание привлекло движение внизу.

Большой чёрный джип резко затормозил напротив «чёрного» входа. За первым автомобилем тут же вывернул второй и встал за ним. Сердце Корта застучало быстрее. Он задержался ещё на секунду, чтобы посмотреть, как из обеих машин стали слаженно выскакивать люди в серой униформе с автоматами в руках.

Время послушно замедлилось, как во время тренировок с ножами, и Корт побежал.

Он ураганом ворвался в комнату, где отдыхала Юта. Девушка испуганно открыла глаза. Только увидев в дверях взмыленного, напряжённого Корта, ещё не успев понять, что происходит, Юта уже откинула одеяло и села в постели.

— Что? — почти выкрикнула она, опередив Корта.

— Нас нашли. Уходим, — бросил он, благодаря богов за то, что Юта была бойцом, а не кисейной барышней.

Времени взять вещи не было. К счастью, Юта была одета. Ей надо было только натянуть ботинки, что она сделала необыкновенно быстро, и Корт уже вёл её за руку к двери.

Но стоило им выйти в коридор, как Корт понял, что опоздал. Он уже слышал на лестнице тяжёлый топот множества пар ног. Лифт тоже был не вариантом — Корт был уверен, что там их с Ютой уже ждут. Здание было оцеплено. Оставался только один путь — назад, в квартиру.

Корт смачно выругался и затащил Юту обратно. Он закрыл дверь на все замки, понимая, что надолго это преследователей не задержит. Юта стояла, сжимая руки в кулаки, и смотрела на Корта со страхом в глазах.

— Это конец? — истончившимся голосом спросила она.

Корт твёрдо посмотрел ей в глаза, как будто и не было последнего получаса. Не было неловкости и сожаления, не было стыда и дрожи в руках. Он крепко взял её за плечо, готовый при необходимости встяхнуть. Сейчас ему как никогда нужен был боец, каким Юта всегда была.

— Никогда не говори так, — сказал Корт твёрдо. — Мне нужна твоя помощь. Ты готова сразиться с этими людьми и отомстить за то, что они сделали с тобой и твоим другом?

Девушка оторопела, но тут же её глаза засветились решимостью. Она кивнула.

— Иди в ванную и намочи два средних размеров полотенца. Затем иди в спальню и жди меня там.

Юта смотрела непонимающе, но спрашивать не стала. Она снова кивнула, и Корт выпустил её руку.

Убедившись, что девушка поняла, что должна делать, Корт поспешил на кухню. В этот момент у самой двери раздался топот ног и крики. Времени почти не осталось.

Не отвлекаясь на посторонние мысли, Корт открыл на газовой плите все вентили. Поразмыслив ещё немного, достал из-под раковины разводной ключ. Примерился и со всей силы ударил им по газовой трубе. Корт метил в старое место сварки и вложил в удар всю силу. Раздался громкий звон, и стыки трубы разошлись. Газ начал плотной струёй вырываться из отверстия, быстро наполняя кухню ядовитым запахом.

Корт счёл проделанную работу удовлетворительной. Всё, что ему оставалось сделать, — это сунуть в тостер свёрнутую вчетверо вчерашнюю газету и включить его.

После этого Корт метнулся в спальню мимо двери, жалобно скрипевшей под ударами. Юта стояла посередине комнаты, растерянно и испуганно глядя на Корта. И всё же в руке она сжимала два мокрых полотенца.

— Ложись на пол за кроватью, — скомандовал мужчина.

Он быстро запер дверь, но она была слишком хлипкой и не выдержала бы и пары мощных ударов. Корт огляделся и подошёл к массивному платяному шкафу. Он упёрся в него плечом и со всех сил надавил. Шкаф не поддавался. Юта испуганно вскрикнула, когда от входной двери донёсся оглушительный грохот.

Корт посмотрел на девушку и вспомнил, как они лежали под завалами в Зале Свитков. Тогда у неё тоже был этот взгляд — она смотрела на Корта так, будто он был единственной преградой между ней и ужасающей чёрной бездной, разверзшейся под ногами. И сейчас, как и тогда, Корт не мог её подвести.

Он покрепче упёрся ногами в пол и, собрав все силы, начал давить. Жилы на шее и руках вздулись, как толстые змеи. Корта бросило в жар. Капли пота стекали по вискам. И вдруг шкаф поддался. Огромный и тяжёлый, сперва он лишь слегка сдвинулся, но потом вдруг повалился на бок, словно его швырнула неведомая сила.

Упав, шкаф перегородил дверь. Тяжело дыша, Корт снова осмотрелся. Больше он ничего сделать не мог. Поэтому мужчина устроился за кроватью и стал ждать.

Из-за двери слышались громкие выкрики. Бойцы организации обследовали комнату за комнатой в поисках своих жертв. Сердце гулко билось в груди. Корт слышал рядом шумное дыхание Юты и чувствовал тепло её кожи. Но он не осмеливался повернуть к ней голову, неотрывно следя за дверью.

Ручка дёрнулась несколько раз, когда снаружи попытались открыть.

— Пригнись, — скомандовал Корт.

Юта прильнула к полу. В следующую минуту снова раздался душераздирающий грохот,

когда преследователи начали ломать дверь в комнату. Удар, другой — шкаф немного задержал убийц. Корт попытался успокоить сердцебиение. Пульс стал ровнее. В голове прояснилось.

При третьем ударе дверь не выдержала, слетев с петель. Шкаф повалился, и в дверном проёме появился человек в серой форме.

Корт не стал ждать. С его пальцев сорвалась молния, и человек начал заваливаться назад, разинув рот. Но за ним Корт видел ещё троих, и у них в руках были автоматы. Этой силе Корт был не в состоянии противостоять, имея в арсенале лишь метательные ножи. Он быстро лёг, обхватив дрожащую на полу Юту.

— Чёрт! Они здесь! — слышал Корт крики.

А потом раздался взрыв такой силы, что Корта оглушило. Пол квартиры содрогнулся. На них с Ютой посыпались щепки и осколки разбитого стекла. Моментально всё заволокло дымом и гарью. Где-то в квартире страшно кричал человек.

Когда перед глазами перестали плыть чёрные круги, Корт быстро и деловито ощупал себя, ища возможные ранения. Его ногу слегка задело осколком стекла, так что на джинсах расплывалось красное пятно, но это была мелочь. Главное, что Юта, спрятанная под его телом, как под щитом, не пострадала. Корт высунулся из укрытия, но разглядеть что-либо за клубами дыма было невозможно. Он слышал треск разгорающегося где-то в квартире пламени. Кричавший человек умолк.

Юта села рядом. Она часто моргала слезящимися глазами и отчаянно кашляла от дыма, но в остальном была в порядке. Корт взял у неё из рук мокрое полотенце и приложил ко рту и носу, показывая Юте сделать то же самое.

Дышать стало немного легче. Корт поднялся, продолжая как можно ниже пригибаться к полу. Он взял Юту за руку и потянул за собой. Стараясь по возможности держать глаза закрытыми, он начал выводить девушку из завалов.

Чёрный удушливый дым заволакивал квартиру, ядовитыми клубами поднимаясь к потолку. Двери во все комнаты были сорваны с петель — их выбило взрывом. Мебель была раскурочена и бесформенными грудями обломков загорала коридор. Все окна в доме оказались разбиты, и в квартиру врвался жаркий ветер, помогая разгореться бушевавшему на кухне пламени.

В ванне, с ног до головы засыпанный штукатуркой и осколками разбитого зеркала, зашевелился человек.

Лэнс закашлялся, выплёвывая пыль и хлопья гари. Кое-как выбравшись из-под обломков мебели и кафельной плитки, он ступил на пол. Под ногами хрустели осколки стекла. Из кухни в коридор высывались языки пламени.

Лэнс тряхнул головой. В ушах звенело. По-видимому, все его бойцы были мертвы или без сознания. Его ждала бы та же участь, не реши он заглянуть в кухню, в то время как парни прочёсывали коридор и комнаты. Лэнс сразу учуял запах газа, а затем увидел тостер с торчавшей из него газетой.

Он тут же всё понял, но времени предупредить своих бойцов не было. На его глазах бумага в тостере вспыхнула, и всё, что Лэнс успел сделать, — это забежать в соседнее помещение и прыгнуть в ванну. Едва он успел укрыться, как прогремел взрыв. И теперь,

оглушённый, Лэнс пытался привести мысли в порядок, тяжело оперевшись на выщербленный край ванны.

В глубине квартиры послышался звон и хруст, как будто кто-то пробирался через завалы. Но в таком сильном дыму ничего нельзя было разглядеть. Глаза невыносимо щипало, а лёгкие заполняла удушливая гарь. Прикрыв нос и рот сгибом локтя, Лэнс на нетвёрдых ногах вышел в коридор. Справа от себя, в конце длинного прохода, он видел зияющий провал входной двери. Эту дверь его бойцы вышибли сами.

И сейчас к ней устремились две фигуры. Одна — необычайно высокая и мощная. Другая — гораздо ниже и тоньше. Они двигались медленно и осторожно. В клубах дыма Лэнсу показалось, что они связаны между собой толстой цепью.

Чуть придя в себя, Лэнс сообразил, что это движутся к выходу мужчина и женщина. И он ведёт её за руку. Корт — когда-то осмелившийся встать на пути организации и считавшийся мёртвым на протяжении шестнадцати лет. И Юталиэн — свидетельница смерти Гованса, доставившая им немало хлопот. Её шеф непременно велел доставить живой.

Те, кого Лэнсу было поручено привести к боссу. Те, кто устроил этот взрыв, разметав его личный отряд, как щепки на ветру.

Ему было поручено доставить их живыми, но в свете всего произошедшего, Лэнс едва ли помнил об этом. Одна мысль, одно желание билось в мозг — уничтожить, растерзать, раздавить тех, кто нанёс ему такое оскорбление.

Лэнс понимал, что не успеваает перехватить их. Он вытащил из кобуры пистолет и, привалившись к дверному косяку, начал стрелять. Он плохо видел, куда целится — глаза покраснели и нестерпимо слезились. Он только заметил, как две фигуры метнулись в сторону, затерявшись в клубах дыма, и со злостью палил в том направлении.

Лэнс опомнился, лишь когда затвор глухо щёлкнул. Он выругался. Всё ещё не пришедший в себя после взрыва, он перестал считать выпущенные пули. И, толком не видя противника, опустошил бессмысленной стрельбой всю обойму. Запасной у Лэнса не нашлось, а искать в дыму обронённое оружие его бойцов не было времени. Так что он отбросил ставший бесполезным пистолет и, прикрыв нос и рот рукавом рубашки, стал выбираться из квартиры.

Лэнс всё ещё надеялся найти в коридоре одно или два тела. Но удача подвела его — коридор был пуст. Эти двое ушли.

Лэнс выбрался из квартиры. Дышать стало немного легче. Впрочем, пожар за его спиной разгорался. Дым стелился по полу плотной пеленой, выползая из квартиры ядовитой чёрной змеей.

Лэнс нашарил в кармане телефон. Он собирался набрать номер шефа, внутренне содрогаясь при мысли о том, что ему придётся выслушать в свой адрес. Операция закончилась полным провалом.

И вдруг, словно провидение снизошло на него. Зажав телефон в руке, Лэнс приник к грязному полу коридора.

Сомнений быть не могло. То, что он видел перед собой — были красные капли крови.

— Быстрее, — подгонял Корт перепуганную Юту. — Надо выйти на оживлённый проспект. Там у нас будет шанс сбросить хвост, если нас станут преследовать.

Корт немного прихрамывал из-за раны от осколка стекла, и его плечо кровоточило, задетое пулей. Но он не дал Юте ни осмотреть, ни перевязать себя. Корт торопился уйти подальше от дома, опасаясь преследования.

Он подхватил Юту под локоть и буквально поволок за собой, устремившись вперёд огромными быстрыми шагами. Корт инстинктивно слегка пригибался к земле, чтобы сделать свои шаги бесшумными и одновременно добиться большей устойчивости. В любой момент он был готов отпрыгнуть в сторону, потянув за собой Юту, если в них начнут стрелять.

Время от времени Корт оглядывался назад, а также по сторонам, но преследования не видел. И это было плохо, потому что он был уверен в том, что оно есть. Корт сомневался, что им действительно удалось уйти, и с минуты на минуту ожидал появления новых сил организации.

Он чувствовал себя дичью, которую гнали в расставленную засаду. Корт сам был охотником. Ему были знакомы и азарт погони, и мышление загонщика. Он знал ощущение адреналина, разгоняемого кровью по мышцам, и чистое ликование победы в момент, когда ты понимаешь, что в этой схватке с природой ты выиграл.

Но сегодня Корт сам оказался добычей, впервые ощутив липкий страх от ощущения погони за спиной и холодного металла капканов, расставленных впереди. Он не был в городе много лет, растеряв навыки жителя Лиатраса. Зато приобрёл сноровку и опыт охотника и воина. Карту оставалось только надеяться, что этого окажется достаточно против многочисленных и изощрённых в методах и оснащении сил организации.

Когда они оказались на оживлённой улице, Корт выпустил руку Юты, чтобы не привлекать лишнего внимания. Хотя на них и так косились все прохожие. После взрыва они были взлохмаченными и грязными. Лица были черны от копоти. Одежда Корта местами порвана, а кое-где и в крови.

Они двигались, встроившись в разношёрстный людской поток, пока Корт сканировал окружающее пространство. Его взгляд зацепился за подъезжающий к остановке автобус.

— Туда, — скомандовал Корт и быстро повлёк Юту к сбивающейся в плотный сгусток людской массе.

Время было вечернее, и всевозможные служащие как раз разъезжались с работы по домам. Корт с Ютой втиснулись в самую гущу и, подхваченные людским потоком, очутились внутри забитого пассажирами автобуса.

Когда двери захлопнулись, и автобус начал двигаться, Корт заметил на остановке мужчину. Он провожал взглядом отъезжающий автобус и, прижимая одну руку к уху, что-то негромко говорил в микрофон.

— Что нам теперь делать? — выдохнула Юта Карту на ухо.

Они оказались прижаты друг к другу плотной людской массой, усталой и потной, дремлющей на ходу, меланхолично покачиваясь в такт движущейся машине. Корт придерживал Юту за спину, чтобы её не раздавили, и лихорадочно пытался придумать ответ на этот вопрос, провожая взглядом проносящиеся за окном длинные прямые улицы и сверкающие небоскрёбы.

— Они перехватят нас на следующей остановке, — сказал Корт скорее сам себе, чем отвечая на вопрос Юты, — поэтому мы должны выбраться отсюда раньше, чем автобус доедет до неё.

Корт посмотрел на Юту, сгрёб в охапку и начал протискиваться к выходу.

Раздражённые внезапным настойчивым движением пассажиры толкались и ругались в полголоса. С боем достигнув задней двери, Корт дотянулся до кнопки экстренной остановки и начал давить на неё до тех пор, пока автобус не стал сбавлять ход. До остановки оставались какие-то два квартала.

— Откройте двери! Тут человеку плохо! — зычно крикнул Корт куда-то в начало автобуса, надеясь переполошить как можно большее число людей.

Он не ожидал, но Юта моментально повисла у него на руках, обмякнув, словно упала в обморок. Обморок получился весьма достоверным: Корт чувствовал тяжесть её тела, а с лица девушки мигом сошли все краски. При этом его выражение стало таким страдальческим, что казалось, она почти при смерти. Это заметили пассажиры, стоявшие рядом.

— Здесь девушке плохо! Откройте двери! — начали требовать уже несколько голосов.

Подключились активисты, какие есть в каждой толпе, готовые принять участие в любой заварушке. Поднимающие большой переполох, чем то событие, которым он был вызван. Сейчас Корту было это на руку. Шум голосов волной прокатился по автобусу. В конце концов, пытаясь избежать всеобщего бунта, водитель нехотя остановил машину в каких-то нескольких стах метрах от остановки.

Корт вытащил из толпы Юту, тут же чудесным образом пришедшую в себя. Она довольно улыбнулась и шепнула: «Драм кружок», в то время как они быстро удалялись от проезжей части.

Они ещё несколько раз пересаживались с автобуса на автобус, стремясь уйти как можно дальше от дома и запутать следы. Ощущение враждебного взгляда, сверлящего спину, слегка отпустило. На время им удалось оторваться. Но надолго ли, если за ними по всему городу идёт охота?

— Надо продолжать двигаться, — сказал Корт в то время, как они удалялись от магистральной дороги, стараясь не попадать в объективы уличных видеокamer. — Это повысит наши шансы какое-то время оставаться вне досягаемости организации. Но с их ресурсами это лишь вопрос времени, когда они снова нас найдут. Надо уходить из города. Это наш единственный шанс. Мы сделали, что должны были. Ты узнала о своём кулоне и о матери. Мы передали всё, что знали, Кирли. Нам пора убираться. Правда я ещё не успел подготовить для нас отход. Надо быстро придумать, как выбраться из города.

— Я знаю, как, — тут же заявила Юта. — Нам надо попасть в Южную Промзону.

Южная Промзона была местом скопления заводов и складских помещений, тянувшихся длинными ровными рядами вдоль узких безлюдных улиц. Здесь не было жилых домов, магазинов или офисных зданий. После окончания рабочего дня вся огромная территория вымирала, становясь похожа на призрак оставленного людьми города.

Корт и Юта крались вдоль высоких заборов и неприветливых кирпичных стен, без конца озираясь. Последний автобус уже ушёл. Им пришлось идти пешком несколько километров, холодея от ощущения, что погоня вот-вот настигнет.

Юта несколько раз бывала в этом районе. В том числе и совсем недавно, когда ходила на Стену, чтобы проверить уровень песка. Но ещё никогда его низкие угрюмые здания и узкие, тёмные переулки не казались ей такими мрачными и зловещими. В каждом грязном, забитом мусором углу копошились уродливые тени. Обшарпанные заводские постройки провожали мутными глазками грязных окон, и за каждым глухим поворотом подстерегали безымянные страхи.

Корт часто менял направление движения, надеясь сбить преследователей со следа. Юта

уже заблудилась бы, если бы не серая громада Стены, высившаяся впереди, куда бы они ни шли. Стена нависала над ними, словно безмолвный судья, решавший их судьбу. И Юта вдруг поняла, почему атлурги называют высотные строения Лиатраса «Колоссами», считая их богами народа, живущего за Стеной. Суровыми и жестокими богами, не выпускающими свой народ за ограждение, держащими их в своей полной власти.

Юте казалось, что сейчас, именно в этот момент, эти боги были готовы вынести им приговор. Решить, выпустить ли их из города и позволить спастись или же дать преследователям встретить их на одной из пустынных заброшенных улиц с тем, чтобы они навсегда остались в этих стенах.

Но в этот момент бесконечно тянувшиеся ряды серых заборов оборвались, и Корт с Ютой вышли на открытое, абсолютно голое пространство перед Стеной. Она тянулась с востока на запад, насколько хватало глаз. Увидеть её верх отсюда можно было, только задрав голову. Казалось, что массивный, тяжёлый низ Стены, вросший в асфальт бетонными корнями, истончался кверху, впиваясь в небо бритвенно острым краем.

Из-за того, что Корт сильно петлял, они вышли не там, где Юта рассчитывала. Строительный кран, по которому она уже несколько раз взбиралась наверх, виднелся в стороне. Огромный и тяжёлый, похожий на остов древнего исполинского зверя, истлевший столетия назад, он протягивал к слепому небу железные пальцы, будто грозя, а может, желая дотянуться до чего-то, видимого только ему.

Корт подтолкнул Юту, и они побежали к крану, спасительной лестницей в небо маячившему впереди.

Поднявшись наверх, Юта практически рухнула на холодный бетон. Она абсолютно выбилась из сил. Пот градом катился по лицу и спине под одеждой. Но зато они наконец-то добрались до края города. Наконец-то они были в безопасности.

Лэнс стоял в тени длинного ангара. Его глаза были устремлены на узкую лестницу, тянущуюся вдоль мощного остова высотного крана. Где-то под самым верхом он видел две точки человеческих тел. Скоро они достигнут верха, и он навсегда их потеряет.

Лэнс отследил Корта с Ютой до этого самого места, но дальше действовать не мог. Он был связан приказом шефа — следовать за ними, не выпуская из виду, и ждать подкрепления. Но подкрепления всё не было, а стоит ему промедлить ещё немного — и добыча уйдёт.

Лэнс наблюдал за тем, как две фигурки приближаются к верху. Казалось, они хотят добраться до самого неба и вскарабкаться на него. Лэнс в бессилии сжимал и разжимал кулаки. Он никогда не смел перечить шефу или хотя бы сомневаться в его приказах. Но сейчас ему было очевидно, что на этот раз они упустят цель. Стоит промешкать ещё минуту — и они уйдут.

И Лэнс решил впервые в жизни послушаться приказа. Он уговаривал себя в том, что действует в лучших интересах шефа. Но в глубине души, под доводами разума, скрывалось желание отомстить. Отомстить за гибель и увечья своих людей; за выговор от босса; за сорванную операцию. Но больше всего — за уязвлённое самолюбие. За смертельное оскорбление, нанесённое ему этим скотом.

Лэнс стиснул зубы и ринулся к маячившей впереди лестнице.

Корт поднялся вслед за Ютой. Он впервые оказался наверху Стены. Отсюда она больше не казалась узкой серой полоской. Это была лента бетона в несколько метров шириной. И её противоположный край обрывался в звенящую пустотой раскалённую бездну.

Корт посмотрел на Юту. От быстрого и утомительного подъёма она совершенно выбилась из сил. Девушка лежала прямо на холодном бетоне, раскинув руки и тяжело дыша. Корт решил, что может дать ей немного времени на отдых. Он раскрыл сумку и стал перебирать содержимое — то немногое, что им с Ютой удалось купить по дороге на Стену.

Корт придирчиво осмотрел пару накидок, которые были призваны защитить их от солнца, и несколько складных ножей. Ещё они купили солнцезащитный крем. Он пользовался в Лиатрасе популярностью, несмотря на то что город, словно куполом, был накрыт небеновыми навесами. Всё остальное место занимали бутылки с водой. Корт начал пересчитывать их, когда со стороны, где лежала Юта, раздался сдавленный вскрик.

Корт моментально обернулся, но было слишком поздно. Юта неподвижно и прямо сидела на холодном бетоне, смотря на Корта. За её спиной стоял человек в промокшей от пота белой рубашке. Его дорогие чёрные брюки были порваны. На них были такие же следы гари и грязи, как и на одежде Корта с Ютой.

Обе руки мужчины застыли на горле Юты. Карту стоило лишь взглянуть на этот захват, как внутри всё похолодело, — он был призван моментально сломать человеку шею при малейшем движении.

Корт медленно выпустил сумку и показал мужчине руки.

— Спокойно. Мы не представляем опасности. Прошу, не трогай девушку, Лэнс.

Мужчина нервно облизнул пересохшие губы и улыбнулся какой-то неестественной улыбкой. Его лицо было перекошено от напряжения и злобы, а в глазах сквозило неприкрытое безумие.

— Очень умно. Ты знаешь меня. Ну, конечно, знаешь. Она рассказала тебе. — Лэнс быстро и натужно рассмеялся, при этом чуть сдвинув руки. Это движение видимо причинило Юте боль. Её лицо на миг исказилось, и она схватилась за руку мужчины, пережимавшую ей горло.

— Но это не имеет значения. Теперь вы в моих руках и будете делать то, что я скажу. — Мерзкий смех оборвался так же резко, как начался.

Мужчина говорил быстро и громко, но Корт мог видеть по его бегающим глазам, что он был не настолько уверен в своём положении, как хотел показать.

— Хорошо, мы в твоих руках. А теперь, пожалуйста, отпусти Юту, — сквозь зубы, пытаясь побороть застилающую глаза пелену злости, проговорил Корт. — Если ты мужчина, а не испуганный ягнёнок, то не станешь прикрываться безоружной девушкой. Давай решим всё между собой.

Корт видел, что попал в точку. Этот тип явно был выскомерен и честолюбив. Он не стал бы подниматься сюда в одиночку и без оружия, если бы не считал поражение личным делом. Карту только надо надавить на нужные струны, и Юта будет в безопасности. Он видел, как его противник просчитывал варианты, и решил помочь ему:

— Вот, смотри, теперь я безоружен. — Корт вытащил из-за пояса последний оставшийся метательный нож и бросил рядом на бетон. Лезвие из тергеда ярко блеснуло на солнце. — Сразись со мной, как мужчина, и мы решим это дело. Иного выхода у тебя нет, ведь ты один, а нас двое. И ты никак не сможешь спуститься со Стены, держа её в

заложниках. Ситуация патовая. Ну что скажешь?

Корт буквально видел, как в мозгу мужчины быстро проворачивались шестерёнки. Он прикидывал свои шансы. Предложение Корта было отнюдь не единственным выходом, и он это знал. Но надеялся, что жажда мести, пылавшая в глазах этого человека, возьмёт верх над доводами разума. Корт знал, какой всепоглощающей может быть эта жажда. Ведь он учился жить с ней на протяжении шестнадцати лет.

Наконец решившись, Лэнс рывком отбросил Юту в сторону. Она схватилась за горло и закашлялась. Корта обуяло желание немедленно наброситься на этого Лэнса и задушить. Но он боялся сделать резкое движение, чтобы тот не передумал.

— Хорошо, мы сразимся, — сказал Лэнс и поднялся в полный рост.

Он был ниже Корта почти на голову, но Корт моментально оценил широкие плечи и вздувающиеся под рубашкой мышцы рук. Этот Лэнс был, что называется «поперёк себя шире», но при этом двигался легко и быстро. К тому же не был ранен, в отличие от Корта, который прихрамывал на правую ногу и старался не нагружать левое плечо, задетое пулей.

Некоторое время противники кружили друг против друга, присматриваясь и примериваясь. Наконец Лэнс напал. Он был стремительным и целил Карту в лицо. Корт закрылся левой рукой, её тут же дёрнуло от боли. Последовала череда атак, каждая из которых была направлена на левую сторону тела Корта. Лэнс знал, что Корт не сможет долго держать защиту раненой рукой.

Корт тоже это знал. Он не стал ждать, пока рука откажет, и пошёл в наступление. Он был крупнее и мощнее Лэнса и надеялся пробить его защиту сокрушительными ударами. Но Лэнс был на удивление быстр, уворачиваясь и принимая удары вскольз. Корт не намеревался отступить. Он знал, что нельзя позволить Лэнсу снова перейти в наступление.

Корт обрушивал на противника удар за ударом, и ему начало казаться, что Лэнс дрогнул под его напором. Корт вложил в следующий удар всю силу, как вдруг Лэнс выскользнул у него из-под рук и подсёк его под раненую ногу. Корт рухнул на бетон, успев лишь смягчить падение.

Лэнс навалился сверху, прижав Корта к земле. Корт не успел вывернуться, как Лэнс вонзил жёсткие, словно гвозди, пальцы ему в рану. Вспышка боли была такой ослепительной, что Корт чуть не взвыл. На секунду перед глазами потемнело, и он двумя руками вцепился в Лэнса, пытаясь отодрать его от себя.

Вдруг Лэнс закричал и выгнулся дугой. Он выпустил Корта и обернулся. У него за спиной была Юта. Увидев положение Корта, она отчаянно прыгнула на убийцу и вонзила ему в плечо подобранный нож.

В неумелых руках он не нанёс большого вреда. Лэнс отмахнулся от девушки одной рукой, другой продолжая держать Корта. Ему хватило силы, чтобы отбросить Юту в сторону. Девушка отлетела на бетон и, ударившись головой, потеряла сознание.

Увидев это, Корт взревел и бросился на Лэнса. Ему удалось вывернуться и оказаться над противником. Но тот не растерялся и снова вонзил пальцы Карту в плечо, погрузив их в рану, разрывая её изнутри.

Левая рука онемела от боли и потери крови. Она обвисла бесполезной плетью. И тогда Лэнс снова подмял Корта под себя. Его руки железными клещами обхватили горло Корта и начали сжиматься. Одной рукой Корт из последних сил сдерживал противника.

Лёжа на спине, Корт видел пылающий Таурис прямо у себя над головой. Звезда была так близко, что казалось, до неё можно достать рукой. Обычно свет Тауриса был слишком

ярок даже для глаз Корта. Он не мог долго смотреть на него в упор, особенно когда звезда находилась в высшей точке небосклона.

Но сейчас Корт спокойно созерцал Старшего Брата во всём его смертоносном великолепии. Это было странно, но у Корта не было ни малейшего желания думать об этом. Силы покидали слишком быстро. Возможно, от нехватки кислорода у него начались галлюцинации, но Карту казалось, что он видит, как Таурис разбухает прямо на глазах. Как в недрах громадной звезды рождаются огненные ураганы, величиной со всю Нибелию. А с его поверхности срываются гигантские протуберанцы расплавленного огня.

Слабеющей рукой, которой пытался отодрать пальцы Лэнса от горла, Корт дотянулся до его шеи и сомкнул на ней пальцы. Он уже чересчур ослабел от потери крови и борьбы. Этот захват не мог причинить сколько-нибудь существенного вреда убийце. И всё же, через каких-нибудь пару секунд глаза Лэнса начали бегать из стороны в сторону. Его лицо покраснело, на висках вздулись синие вены. Он бешено вращал глазами, то и дело останавливая испуганный взгляд на Крте. А затем издал сдавленный вскрик — неожиданности и боли — и резко отпрянул от Корта, хватаясь за горло.

Карту понадобилась пара секунд, чтобы немного прийти в себя. Он никак не мог сообразить, что произошло. Но убийца мэра продолжал хвататься за горло, и Корт наконец понял.

Присмотревшись, он увидел на горле Лэнса след от пяти пальцев. Пять бордово-красных отпечатков. Пять ожогов.

Корт успел лишь слегка изумиться этому. Он уже достаточно пришёл в себя, чтобы снова сражаться. Корт из последних сил взвился в воздух и прыгнул на врага. Удар ногой в солнечное сплетение получился на удивление мощным. Лэнсу пришлось сделать два шага назад, чтобы устоять на ногах.

Лучше бы он этого не делал.

Когда мужчина понял, что это стало его роковой ошибкой, было уже слишком поздно. Он оказался на краю Стены, смотревшем в город, и сила притяжения уже тянула его вниз. Лэнс ещё сопротивлялся, отчаянно размахивая руками. Но в последнюю секунду перед тем, как окончательно потерять равновесие, посмотрел на Корта полностью осмысленным взглядом. В нём ясно читалось понимание того, что это был конец.

Совершенно беззвучно Лэнс полетел со Стены вниз.

Корт не стал наблюдать за падением. Он отвернулся и поспешил к Юте. Она только очнулась и слабо ругалась, держась за голову.

— Что произошло? — спросила девушка. — Я, кажется, на минуту потеряла сознание.

— Всё кончено, — ответил Корт, помогая ей подняться. — Убийца мэра Гованса мёртв.

Убедившись, что Юта может стоять на ногах, Корт подошёл к краю.

Далеко внизу, на земле распростерлась чёрно-белая фигура с красным ореолом, расползающимся вокруг. Но это было ещё не всё. По шатким ступеням крана наверх поднимались люди. Их было много: Корт насчитал восьмерых. Они что-то кричали, но ветер срывал и уносил слова.

— Что там? — спросила Юта.

— Ещё люди организации. Нам пора уходить.

Корт подошёл к краю Стены, ведущему в пустыню. Когда он жил в Лиатрасе, то ни разу не был на Стене, совершенно не интересуясь тем, что за ней. В то время он был убеждён, что жизнь есть только по эту сторону ограждения, а по ту — лишь смерть.

Стена была лишь немного ниже уровня его плато. Пустыня отсюда представляла такой же далёкой и необъятной. Песок искрился под лучами солнц, собираясь в равномерные морщины, которые гнал к городу ветер. Небо накрывало пустыню белёсым куполом. Земля на горизонте скруглялась, словно края гигантского блюда.

И далеко-далеко на западе поднимались из песков едва заметные отсюда Красные Горы. Прибежище атлургов, за которым чёрными кротовыми норами открывались многочисленные входы в Утегат.

Корт посмотрел вниз. Длинный песчаный язык полого вскарабкался по Стене почти до самого верха. Ветер срывал с его гребня мелкую пыль и закидывал на Стену, словно ребёнок, строивший замок из песка.

За спиной слышались крики поднимающихся людей и, обернувшись, Корт увидел голову первого из них.

Он посмотрел на Юту. Она кивнула. Они взялись за руки и одновременно шагнули с края.

Больше книг на сайте - Knigoed.net